

*Самсонов
Наталья*

САГЕРТСКАЯ ВОЕННАЯ

АКАДЕМИЯ

Annotation

Ради жениха я отказалась от места в Высшей Академии Целительства. Но это не страшно, ведь в Сагертской Военной Академии, куда хотел поступить мой Стевен, профессора ничуть не хуже. Да, будет сложнее, но трудностей я не боюсь!

Вот только у Стевена оказались совсем другие планы... Еще утром я была счастливой невестой, а теперь я знаю, каково предательство на вкус.

***

Стоя в кабинете ректора, Дрегарт не мог отвести взгляда от невысокой и худенькой девчонки. В пронзительно голубых глазах притаилась загадка, а пухлые губы... Рассматривая девчонку, Дрегарт едва не пропустил слова главы академии. Что?! Взять в турнирную команду вот это тощее нечто?!

-
- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)

- [Эпилог](#)

Глава 1

Квэнти — благородная незамужняя девушка

Квэнни — благородная замужняя женщина

Алвоиг — благородный мужчина или юноша

— Ажурно, — выдала моя лучшая подруга, когда едва успела выставить щит, прежде чем нас окатит водой из лужи.

— Что? — переспросила я, не поняв, к чему это слово.

— Отец с матушкой, вернувшись с вод, пришли в негодование от того, как их дочь говорит. А так как матушка у меня проклятийница с большим стажем, она подошла к решению проблемы весьма ажурно, — мрачно выдохнула Нольвен Лавант, старшая дочь Идрис Лавант, самой известной проклятийницы Севера.

Поперхнувшись смешком, я с интересом спросила:

— И теперь у тебя все ажурно?

— Не только, — насупилась подруга. — Матушка изволила внедрить в мой лексикон донельзя странные слова. Меня люди перестали понимать! Хватит греготать!

— Что делать?! Греготать?! — я аж всхлипнула со смеху.

Нольвен мрачно посмотрела на меня и вместо ответа показала неприличный жест, после чего ойкнула и схватилась за руку: между пальцами у нее проскочили яркие искры.

— В общем, я теперь поневоле порядочная девица. Нет, ну чем я виновата?! Они оставили меня с дядюшкой, который всю свою жизнь по казармам! Чему он меня научил, тому научил.

— Как мог, так и воспитал, — подавив смешок, поддакнула я. — Идем скорей, а то опоздаешь на собственный триумф.

— Я уже говорила, насколько я тебе благодарна? И насколько я... агр, насколько я потрясена твоим поступком?

Фыркнув, я только отмахнулась.

Сегодня именно меня должны были вызвать на сцену и назвать лучшей выпускницей Сагертской Академии Исцеления. Я шла к этому статусу долгих пять лет и... И решила отказаться. А ведь мне было приготовлено место в Высшей Академии Целительства. Бесплатное обучение, консультации высших целителей Сагерта и постоянная

практика в столичном доме исцеления под руководством истинных мастеров своего дела. Но в этом случае мы со Стевенем, моим женихом, оказались бы в разных учебных заведениях. Ведь он — третий выпускник Сагертской Академии Исцеления. Между нами вклинилась квэнти Тревёр. И как бы я ни подтягивала Стевена, он не смог обойти ее на экзаменах. А потому я решила отказаться от места в Высшей Академии Целительства и пойти вместе со Стевенем в Сагертскую Военную Академию. Будет сложнее, но зато мы будем вместе.

Зато благодаря тому, что мы оба, я и Стевен, уходим в военную академию, Нольвен получит возможность поступить в Высшую Академию Целительства. Без экзаменов. И, что самое главное, ей не придется платить. К сожалению, у семьи Лавант денежные трудности и они попросту не потянут ту зверскую плату, которую взимают там со студентов.

Посмеиваясь, мы влились в студенческий поток и вместе со всеми втекли в главный зал Академии.

— Не забудьте сдать жетоны, — напомнил нам заморенный дежурный и поспешил к следующей группе студентов.

— Ага, сдать, — фыркнула Нольвен. — Все знают, что выпускники оставляют жетоны себе на память!

— Традиция, — я пожала плечами и огляделась. — Давай поближе к сцене, чтобы тебе не пришлось толкаться, когда объявят.

Стевена нигде не было видно. Но, с другой стороны, найти друга в такой толпе попросту невозможно. Ничего, найдемся после церемонии представления лучших выпускников.

— Поверить не могу, что моя мечта сбудется, — прошептала Нольвен и нервно потерла ладони. — Неужели мое отрицательное везение ничего не испортит?

В серо-зеленых глазах подруги поселилось беспокойство, а коже побледнела настолько, что проступили все-все веснушки. На фоне огненно-рыжих волос это смотрелось удивительно красиво.

Наконец широкие двери были закрыты, а на сцену поднялся хор первокурсников. Ох, никогда не забуду этот позор. Целый год мы готовились к выступлению и в итоге... нет, не хочу вспоминать.

Первокурсники, почти второкурсники, исполнили гимн Сагертской Академии Исцеления и ушли со сцены. Никто не упал.

Впрочем, за все годы такая неудачница была только одна — я.

«Не вспоминай», — приказала я себе.

На сцену поднялся ректор. В его руках был пергаментный свиток. Переждав бурные овации, он развернул свиток и с некоторым удивлением прочитал:

— На сцену приглашается лучший выпускник Сагертской Академии Исцеления — алвориг Стевен Тенеан!

Я, ожидавшая приглашения для Валики Тревёр, поперхнулась воздухом. Что?! Стевен?! Но как же так?

— Это какая-то ошибка, — неуверенно произнесла я.

Но нет, на сцену поднялся мой жених, в новеньком, с иголки, наряде. С широкой улыбкой он поклонился ректору, принял от него памятный значок и даже посмел проговорить что-то о том, как сильно он старался, чтобы заполучить это место.

Студенты в ответ на это жиденько поаплодировали: истинная таблица успеваемости была вывешена еще позавчера, и Стевен там был на третьем месте.

— Ажуре-еть, — емко выдохнула Нольвен и тут же скастовала на меня заклятье истинного спокойствия. — Жду ответную любезность.

Я, немного заторможенно, повернулась к своей лучшей подруге и наложила на нее такое же заклятье.

— Пойдем отсюда, — попросила Нольвен, когда на сцену пригласили квэнти Тревёр.

Хмуро зыркнув на дежурного, который попытался не дать нам открыть двери, мы выскочили наружу. Вокруг нас тут же закружились иллюзорные бабочки — часть традиционного прощания с выпускниками. Теперь эти клятые насекомые будут сопровождать нас до заката! Даже странно вспоминать, как мы подбирали цвета для этих бабочек, чтобы они идеально гармонировали с нашими нарядами...

— Знаешь, какое-то плохое заклинание. Некачественное, — буркнула я. — Оно должно дарить спокойствие, а я планирую, как прикончить Стевена и не попасть в лапы Стражей Закона!

Нольвен отмахнулась от бабочки и хмыкнула:

— Хладнокровно и поэтапно планируешь?

— Да.

— Превосходное действенное заклятье, — подытожила Нольвен. — Я ведь не бьюсь в рыданиях. Что очень хорошо, ведь это

было бы крайне неудобно.

— Неудобно? — Я поймала бабочку и раздавила иллюзию между пальцев.

— Неудобно одновременно сочувствовать лучшей подруге и оплакивать свою собственную судьбу. Обязательно что-нибудь да упустишь. Не дави их, больше станет.

Я пронаблюдала, как из одной уничтоженной иллюзии появилось сразу три, и вздохнула:

— Прямо как с прыщами.

— Ты дипломированный целитель младшей ступени, — напомнила Нольвен. — Тебе стыдно даже думать о прыщах. Сколько серебрушек мы заработали, избавляя от этой пакости менее одаренных сокурсниц? А сокурсников?

Кивнув, я усмехнулась:

— Парни выгодней. Они приплачивают сверху, чтобы никто не узнал об их обращении к сокурсницам-недоучкам.

Мы шли по оживленным улицам, перебрасывались короткими фразами и совершенно не представляли, что делать дальше. Увы, но Нольвен не сможет поступить в Сагертскую Военную Академию. Нет, не так. Она не сможет поступить на бесплатное место — не тот профиль. У нее уклон в зелья, а там... Военной академии не нужны чистые зельевары. Как оказалось, Высшей Академии Исцеления тоже чистые зельевары не нужны. А про академию Стихий я и вовсе умолчу: никто не знает, что там происходит и куда потом идут выпускники этого самого закрытого учебного заведения.

— Куда пойдём? — тихо спросила Нольвен.

А я только плечами пожала. Сегодня весь наш курс должен был праздновать в ресторации. Собственно, почему был? Они и будут веселиться до полуночи, а после бабочки взлетят в небо и раскрасят его фейерверком. Но мы...

— Давай для начала ко мне, — решила в итоге я. — Разорим кухню, налопаемся вкусностей и будем думать. И обновлять друг на друге заклятья, потому что...

— Плакать хочется? — участливо спросила Нольвен. — Мне тоже.

— Мне больше хочется бить посуду, — честно признала я.

И тогда подруга негромко шепнула:

— А мне хочется вспомнить то, чему меня учила мама. Когда они с папой еще жили дома.

О, наука урожденного мастера проклятий...

— Меня сдерживает только то, что тебе за Стевена еще замуж выходить, — с чувством добавила Нольвен. — Иначе ходить ему с лишаем и гнойниками.

— Обнови на мне заклятье, — выдавила я.

От этой простой истины, высказанной подругой, мне резко поплохело. Мы со Стевенем обручены еще до первого курса. Так решили наши родители, и у нас было пять лет, чтобы привыкнуть друг к другу. Привыкнуть до любви, как я думала. Ведь Стевен вел себя как настоящий мужчина — он красиво ухаживал, заботился и не обращал внимания на других девиц. И не подпускал ко мне никого из сокурсников. Даже наша с Нольвен подпольная врачевальня тщательно скрывалась от Стевена. Конечно, первые несколько лет у нас были сложности, но потом все как-то сложилось. И теперь — развалилось.

— Ты чего? — Подруга аккуратно тронула меня за плечо.

— Мне плохо, — мрачно ответила я.

Свернув у пекарни, мы вошли на территорию нашего особняка. Ухоженный сад уже не радовал своими яркими красками. Как и развешенные всюду праздничные ленты и шары — матушка расстаралась.

— Мэль? — Мама сидела с книгой на террасе. — А где Стевен? Почему вы не празднуете?

— Ресторация заказана на вечер, — напомнила я. — А Стевен... Не знаю, хватит ли ему совести прийти сюда.

С этими словами я вошла в дом и сразу же направилась на кухню.

— Танира, ничего не спрашивай, все плохо, мы должны поесть, — трагично произнесла я, и тут же передо мной материализовалась тарелка с бутербродами, кувшин с морсом и два стакана.

— А что случилось? — не удержалась наша кухарка.

— Садись с нами, — предложила Нольвен и отлевитировала все в сторону, на маленький столик.

Танира тут же налила себе чай и устроилась рядом с нами.

— Ты же помнишь, что я собиралась вместе со Стевенем в Военную Академию?

— Помню, деточка, как не помнить. Ох и тяжело тебе там придется, порядки-то совсем иные, — вздохнула кухарка. — Казарма — она казарма и есть, хоть Академией ее назови, хоть школой.

— Да только Стевен передумал, а мне не сказал, — выпалила я. — Сегодня его назвали лучшим выпускником!

Я сделала вид, что не разобрала, что именно сказала Танира. А Нольвен показала ей большой палец и добавила:

— Полностью солидарна, но, увы, я нынче лишена возможности откровенно говорить о наблевшем.

— Чего? — оторопела Танира.

— Мама меня прокляла, чтобы привести мою вербальную коммуникацию в надлежащий вид.

— А?

— Нольвен больше не может ругаться, — пояснила я. — Совсем.

Танира тяжело вздохнула и пододвинула нам блюдо с бутербродами. После чего встала и вытащила из холодильного шкафа огромный торт.

— Ешьте, бедные мои. Что ж вы дальше делать-то будете? Это ж какой лживый тебе муж достался, деточка моя. Ой, негодящий.

Причитая, Танира принялась составлять на стол приготовленные для ужина вкусности. А мы с Нольвен, переглянувшись, принялись за торт. Ну его к Хаосу, жениха моего недоделанного! Торт не вечен, а Стевен никуда не денется.

— И все же, — задумчиво произнесла Нольвен. — Что ты будешь делать?

— Не знаю.

— А если к бабушке пойти? Старшая квэнни Конлет довольно, м-м-м, интересная личность.

— Родители проклянут, — хмуро отозвалась я. — Сколько раз ты меня прикрывала, когда я к бабуле бегала? То-то же.

Кухонная дверь с грохотом распахнулась, и мы, обомлевшие, увидели Стевена во всем его пафосном величии. Вокруг алворига Тенеана кружились яркие бабочки, которые нет-нет да и присаживались на значок лучшего выпускника. Значок, который был отлит из чистого золота и инкрустирован изумрудами. Значок, который должен был принадлежать мне! Или Нольвен. Но никак не этому подлецу!

— И не стыдно? — спросила подруга и кивнула на значок. — Хоть бы снял, прежде чем войти.

— Мне нечего стыдиться, — презрительно бросил он. — Лавант, ты, кажется, уже поела. Так что же тебя здесь держит? Десерт ждешь? Так я вижу, ты и до него добралась.

Я ахнула. Такого мерзкого укола я от него не ждала. Ведь Стевен знает, что все деньги семьи уходят на лечение Идрис Лавант! От злости у меня потемнело перед глазами и я почувствовала, что все мое дважды наведенное спокойствие стремительно улетучивается.

— Не смей оскорблять мою подругу, — процедила я и встала из-за стола.

— После свадьбы таких подруг у тебя не будет. Квэнти Лавант, извольте оставить меня и мою будущую жену для частного разговора.

— Нольвен, — позвала я. — Подождешь меня в моей комнате?

Сверкнув недобрым взглядом, она скупно кивнула и, показав Стевену неприличный жест, вылетела из кухни. Казалось бы, моя лисонька просто в ярости, но я-то видела, что она едва сдерживает слезы. Для Нольвен бедность, обрушившаяся на семью, стала страшным ударом. Раньше она была одной из самых завидных невест, а после того, как квэнни Лавант словила страшное проклятье... От их семьи отвернулись очень многие. Почти все. Особенно когда стало ясно, что в армию не вернется ни Идрис, ни ее муж, который решил оставаться рядом с женой столько, сколько ей уготовили боги. И Стевен, зная все это, осмеливается попрекать Нольвен! Попрекать мою лисоньку, которая находится, на минуточку, в моем доме!

— Я говорю с тобой, Маэлин, — недовольно окликнул меня алвориг Тенеан.

Медленно подняв на него взгляд, я чуть приподняла бровь, копируя сердитую бабушку, и спокойно произнесла:

— Я не слушала. Ты сказал что-то важное? Объяснял, отчего предал меня?

Стевен поперхнулся набранным воздухом и обескураженно замолчал. А я, скользнув по нему взглядом, как будто увидела своего жениха впервые. Темные волосы модно острижены, костюм с иголочки, до блеска начищенные туфли. Холеный и лоснящийся выпускник-целитель, не способный скастовать простейший щит. Как я

вообще могла поверить, что этот франт действительно собирается пойти в Военную Академию?! Даже я больший боец, чем он!

Прищурившись, Стевен сделал шаг вперед, но сказать ничего не успел: в кухню вошла моя мама. Светловолосая и светлоглазая, с широкой улыбкой, она тут же прощебетала:

— Не ссорьтесь. И давайте перейдем в гостиную, здесь слишком... Здесь мне не по себе. Ох, Нольвен уже ушла? Мэль, ты бы завернула подруге с собой тортик. Дядюшка ее, помнится, уважает сладкое.

— Нольвен никуда не ушла и ждет меня в моей комнате, — отрезала я. — И, мама, ты же знаешь, что она никогда не берет у нас ничего!

Моя лучшая подруга была болезненно гордой. Даже просто заставить ее поесть у нас было настоящим подвигом. До тех пор, пока я не догадалась спросить: «То есть мне в будущем не стоит рассчитывать на твою помощь и поддержку?» С тех пор она спокойно обедала и ужинала у нас. А ее дядя начал учить меня драться. Ну-у, я старалась, конечно. Прикладывала все возможные усилия, но он до сих пор остается мною недоволен. А ведь уже два года я трижды в неделю тренируюсь под его чутким руководством.

Матушка, церемонно приняв руку Стевена, увлекла его к чайной гостиной. Это, если честно, моя самая нелюбимая комната во всем доме. Все, абсолютно все плохие новости мне сообщали именно там. Мы с Нольвен даже называли чайную гостиную предвестником несчастья.

— Присаживайтесь, — с улыбкой прощебетала мама. — Я заварю чай, а там и алвориг Конлет подойдет. Твой папа, Мэль, не ждал вас так рано, он сейчас в своем кабинете. Заканчивает важные дела.

Последнюю фразу мама особенно выделила. Как будто моя вина в том, что мы вернулись домой раньше!

Заняв одно из шести кресел, расставленных вокруг круглого столика, я чинно сложила руки на коленях и устала в стену. Буду делать вид, что никогда не видела, чем именно обиты стены чайной гостиной.

Стевен, впрочем, тоже не спешил заводить разговор. Он сел рядом со мной, закинул ногу на ногу и, отмахиваясь от иллюзорных бабочек, принялся что-то пометать в призванном блокноте. Он был спокоен и

уверен в себе, как будто ничего особенного не произошло. И у меня в голове начала оформляться очень мерзенькая, очень гнусенькая мысль, которую я постаралась отогнать подальше.

Закончив заваривать чай, мама накрыла на стол, и в этот момент в комнату вошел отец. Высокий, широкоплечий и, как всегда, стремительный. Он пожал Стевену руку, кивнул жене и хмуро посмотрел на меня. А я-то в чем виновата?

— Для тебя, Мэль, с мятой и мелиссой. Ты слишком напряжена. — Мама пододвинула мне чашку.

— Ты угрожала проклясть дежурного, если он немедленно не откроет двери, — весело проронил отец. — Из-за этого едва не было сорвано заклетье, создающее иллюзии вокруг каждого выпускника. Заместитель ректора по учебной работе очень тобой недоволен.

— Ты упускаешь из виду, отец, причину, по которой мне пришлось покинуть зал досрочно.

Я права.

Хаос вас всех побери, я — права! Но отец хмурится, и мне вновь хочется вжать голову в плечи, извиниться и пообещать больше так не делать. Но... Не сегодня.

Повернувшись к Стевену, я выдохнула:

— Как ты мог? Как ты мог предать меня?

— Это не предательство, милая, — покровительственно произнес мой жених. — Это разумный поступок. Кто-то из нас двоих должен был принять правильное решение.

К моему ужасу, мама согласно кивнула, а Стевен продолжил вещать:

— Ты заиклилась на учебе, Маэлин. Планировала практиковать, работать. Ты даже позволяла себе думать о том, чтобы построить карьеру в столичном доме исцеления. Кто-то должен был тебя остановить. Ты — моя будущая жена, мать моих детей. Ни о каком дополнительном образовании не может идти и речи. Дата нашей свадьбы назначена на середину зимы, а сейчас конец августа. За оставшиеся месяцы тебе нужно спланировать рассадку гостей, продумать меню и выбрать фасон для свадебного платья. Я уже выбрал особняк и нанял людей, которые приведут его в идеальный вид. Уже этой зимой ты займешься домом. И ты собиралась все это совмещать с

учебой? Хорошо еще, что наши прекрасные матери сняли с тебя часть обязанностей и подготовили список приглашенных.

Он говорил, говорил — что-то там про приглашения, которые должны быть написаны от руки, а я... А я молчала. Тяжелый взгляд отца не давал мне вымолвить ни слова. Собравшись с силами, я кое-как выдавила:

— Так вы все знали? Вы все знали...

— Маэлин, — весомо уронил отец, — будь любезна держать свои эмоции под контролем.

Под контролем?! Рушится моя жизнь, а мои родители, моя семья, в сговоре с врагом! Ну, не с врагом, но как минимум — с предателем!

Последняя мысль стала для меня как ведро студеной воды на голову. Получается, мама и папа — тоже предатели? Получается, что та мерзкая мыслишка — правильная. Я гнала ее от себя! Не хотела думать, что родители могли так поступить. А они смогли.

— Маэлин, — позвал меня Стевен. — Я... Маэлин?

Я медленно поднялась. Если еще немного здесь просижу, то закачу безобразную истерику и матушкин фарфор будет непоправимо испорчен. Как сейчас непоправимо испорчена я и моя вера в семью.

— Сядь немедленно, — осадил меня отец.

— Что ж, — выдохнула я. — Что ж, бесконечно рада, Стевен, что тебе удалось проскочить на место лучшего выпускника. Вот только окружающие будут знать правду. И тебя это злит, не так ли? Ведь ты даже не второй, а третий.

Натянув на лицо улыбку, мой жених тоже поднялся из-за стола:

— Этот значок, Маэлин, позволит мне содержать тебя и наших детей...

— Этот значок ничего не стоит, если в голове нет знаний, — отрезала я. — Но в любом случае он твой по праву: я-то официально отказалась от всего, кроме диплома. Учись, Стевен, учись и помни, что Высшая Академия Исцеления каждые два месяца экзаменует своих учащихся и недостойные вылетают с позором. А у меня, знаешь ли, планы не изменились. Я пойду в Сагертскую Военную Академию.

Матушка ахнула и подхватила на ноги:

— Никакой Военной Академии!

Отец, не отводя от меня недовольного взгляда, продолжал спокойно пить чай.

— Если ты рискнешь, — прищурился Стивен, — то можешь считать нашу помолвку аннулированной. Мне не нужна изрядно попользованная жена. Высший целитель Терсей доказал, что частые интимные контакты женщины с одаренными мужчинами не влекут за собой накопления магического потенциала. А про Военную Академию давно известно...

Это было последней каплей. Я даже не успела подумать, как хлоп! И у меня горит рука, а на его щеке расцветают крупные гнойные фурункулы.

— Попробуй снять, о лучший выпускник, — усмехнулась я. — Даже если я не пойду в Академию, твоей женой не стану.

— Маэлин, иди в свою комнату. Успокоишься — извинишься, — как всегда, весомо и равнодушно уронил отец. — Твою вспышку я спишу на истеричный женский нрав. Но если ты выйдешь из этого дома... Я запрещаю тебе возвращаться.

— Я поняла, — кивнула я. — Можете начинать делать нового ребенка.

Выходя из чайной гостиной, я не отказала себе в мелочном удовольствии и как следует хлопнула дверью. Воспитанные квэнты себя так не ведут? О да, поэтому моим бесценным родителям будет вдвое противней от моего поступка!

Конечно, потом мне станет стыдно, ведь половина от бушующих во мне эмоций — откат от заклятья исцеления. Чувства нельзя убрать насовсем, их можно отложить. Что и делает это заклятье. Оно предназначено для целителей, которым предстоит архиважная операция или ритуал. Вообще-то, мы с Нольвен не должны его знать. Но когда ее матушка была проклята... Я должна была помочь лучшей подруге. И ничего другого придумать не смогла.

— Мэль? На тебе лица нет. — Нольвен, сидевшая на моей постели с книжкой, подхватила на ноги и, хмыкнув, добавила: — Крови поверженного врага я тоже не вижу.

— Стивен обзавелся фурункулами, а отец сказал, что если я выйду из дома, то обратно уже не войду. Они все знали, лисонька. Они все знали, и дата свадьбы уже назначена. И особняк Стивен выбрал. И даже список гостей составлен. И только я, как последняя дура...

Договорить у меня не вышло: из глаз брызнули слезы, и я поспешила спрятать лицо в ладонях. Матушка всегда говорила, что я

чрезмерно уродливо плачу.

Нольвен тут же обняла меня, крепко-крепко стиснула и, не особо мудрствуя, наложила еще одно заклятье истинного спокойствия.

— Откаты мы будем терпеть завтра. А сейчас нужно собирать вещи.

— Куда? — с горечью спросила я. — Хлопнуть дверью легко, так же легко проклясть жениха. Но факт есть факт: я всего лишь целитель младшей ступени, и идти мне некуда. На работу меня, может, и примут, но...

— Идти тебе есть куда, — осадила меня Нольвен. — Да, у нас нечего есть и не на что покупать одежду. Но дом остался. Будешь жить у нас, поступишь в военку — с твоим дипломом тебе платить не придется. И потом, ты забываешь про свою бабушку!

Заклятье истинного спокойствия окончательно уредило мои мечущиеся мысли, и я коротко выдохнула:

— Помоги мне собрать вещи.

— Хочешь уйти? — В дверях моей комнаты появилась сердитая донельзя матушка. — Иди налегке!

— Одно радует, — в тон ей отозвалась я, — платье, которое на мне, куплено за мои честно заработанные деньги. Как и тетради.

Под немигающим взглядом квэнни Конлет я собрала все свои записи и превратила их в массивный браслет, который надела на руку. Моя трансформа продержится пару часов, а там видно будет.

— Ах да, — я всплеснула руками, — чуть не забыла. Вот.

Я сняла сережки, которые родители подарили мне на совершеннолетие, и положила их на свой туалетный столик.

— Кажется, больше ничего лишнего я не выношу.

— Мэль, ты не права. Когда захочешь вернуться... Думаю, я смогу убедить твоего отца...

И мне вдруг стало ее жаль. Это острое чувство охватило меня полностью, и я, качнувшись с носка на пятку, порывисто обняла ее:

— Я не хочу жить твоей жизнью. Прощай.

Глава 2

Пройти сквозь весь дом, затем по дорожке до ворот и дальше, на улицу. Все это время я крепко держалась за надежную руку моей лисоньки. И ведь эмоций почти нет, все наглухо заморожено, но тяжело. Каждый шаг, как в плохом сне, дается с огромным трудом. Как будто пробираюсь сквозь вязкую прозрачную массу.

«Смогу ли я?» — бьется в голове паническая мысль.

— Смогу, — коротко выдохнула я и отпустила руку Нольвен. — Смогу.

— Конечно, сможешь, — охотно согласилась подруга. — Ты, главное, сама с собой поменьше разговаривай, а то в столичном доме исцеления ты будешь жить, а не работать.

Рассмеявшись, я покачала головой: некоторые вещи стабильны. Утешения от Нольвен всегда отличались от общепринятых. Наверное, поэтому мы и подружились.

— Ну что, ко мне? Или сначала к старшей квэнни Конлет? — наигранно беззаботно спросила лисонька.

— К бабушке, — неуверенно произнесла я. — Наверное.

— Ну, это правильно, — покивала Нольвен. — У вас теперь много общего. Но я, кстати, все равно не могу понять, как при живом дедушке твоя бабушка оказалась отлучена от рода. Ты так и не рассказала толком.

В последней фразе я расслышала некоторую толику осуждения пополам с обидой. Но...

— Знаешь, сегодня, если повезет, ты узнаешь эту историю из первоисточника, — хмыкнула я. — Потому что мне и самой мало что известно. Приходилось подслушивать, подглядывать и учиться незаметно вскрывать чужие письма. На чем меня поймали. И уже через неделю порадовали: помолвке быть. Иногда я думаю, что это какие-то взаимосвязанные вещи.

Переговариваясь, мы стремительно неслись по оживленным улицам Кальстора. Люди улыбались, замечая иллюзорных бабочек, а один лоточник даже подарил нам по прянику:

— Ура целителям, — рассмеялся он.

Да, иллюзорные бабочки на выпускниках были исключительно нашей традицией. И, что уж скромничать, каждый выпускник мечтал о том дне, когда пройдет по Кальстору, окруженный искристыми иллюзиями.

— Знаешь, а все не так и плохо, — сквозь пряник выдала Нольвен. — Я устроюсь на работу в дом исцеления. А там видно будет. Может, скоплю на платное образование.

— В военку не хочешь? Она дешевле.

— В военку надо сейчас поступать, — вздохнула Нольвен. — Для учащихся, пропустивших несколько лет, там слишком серьезные экзамены. У них ректор с особо садистскими наклонностями. Был же выпуск в газете, где он пояснил, что: «Если кто-то считает, что может пропустить несколько лет и потом прийти как ни в чем не бывало, он должен доказать, что он — лучше всех».

— Ничего себе. — У меня аж мороз по коже пробежал. — Я это как-то упустила.

А ведь изначально Стевен предлагал и такой вариант — взять год на обустройство дома. Пожениться, обжиться, а потом продолжить учебу. Но я сразу отказалась. Ну что за глупости — терять год?

— Ты хмуришься. — Нольвен ткнула меня локтем.

— Стевен предлагал год отдохнуть от учебы, — криво улыбнулась я.

— Ну, Мэль, согласишься, — подруга доела пряник и заклятьем очистила пальцы, — мы уже поняли, что он к-к-королевский парнокопытный. Отец-Хаос, я же с ума сойду!

Поперхнувшись смешком, я согласно кивнула:

— Да, мы уже поняли, что он парнокопытный. Вот только мне стало запоздало страшно.

— А вот и домик твоей бабушки, — радостно произнесла лисонька. — Интересно, сегодня будут блинчики?

Старшая квэнни Конлет жила недалеко от нас. Уютный особнячок, окруженный немного запущенным садом: растениями квэнни занималась сама и только по настроению. Впрочем, особой прислуги у бабушки не было. Две молодые женщины приходили раз в неделю убраться, и Танира прибегала — сготовить. Но последнее — в строжайшей тайне.

«Знаю я твою бабушку, если не сготовлю, то она будет жить на одном кофе и сухофруктах», — ворчала Танира и, собрав сумку, сбегала через черный выход.

Толкнув скрипнувшую калитку, я ступила на мощеную дорожку, ведущую к широкому крыльцу-террасе.

— А я все жду и жду, — хмыкнула квэнни Конлет, сидящая на перилах. — Чего без сумки-то?

Не дожидаясь моего ответа, бабушка спрыгнула с перил и поманила нас за собой:

— Стол накрыт, девоньки.

— Вот сколько раз вижу твою бабушку, столько же раз и... — Нольвен запнулась и после паузы продолжила: — Восхищаюсь. Фигура как у юной девушки, характер как у порождения Хаоса и голос — то мелодичный, как у феи, а то зычный, как у моего дяди.

Я только руками развела: бабушка была очень особенной. И каким ветром ее занесло в жены к дедушке, даже представить сложно. Может, по большой любви?

В любом случае последние шесть лет бабушка предпочитала свободу, узкие черные брюки, вишневый табак и общество своего «близкого друга» алворига Нортренора.

Переглянувшись, мы с Нольвен последовали за бабушкой.

— Мне кажется или квэнни Конлет гордая обладательница самой модной в этом сезоне стрижки? — шепотом спросила моя лисонька. — Длинная челка и чуть более короткие пряди на затылке?

— Только это, кажется, мужская стрижка, — неуверенно произнесла я.

— Уверяю вас, девоньки, это самая что ни на есть всеобщая стрижка, — зафыркала идущая впереди бабуля. — Это среди целителей рассадник домашних цветов, остальные на мир иначе смотрят. Проходите. Гостиная, она же столовая, она же чайная комната, у меня всего одна.

«Она же нервничает», — поняла я вдруг. Ведь ни для меня, ни для Нольвен планировка бабушкиного особняка тайной не была.

Тем не менее мы спокойно вошли в гостиную, насквозь пропитанную ароматом вишневого табака, после чего заняли привычные места — влезли вдвоем в одно огромное кресло. Бабушка устроилась напротив нас, поперек такого же массивного кресла. После

чего щелчком пальцев материализовала изящную черно-серебряную трубку и принялась набивать ее табаком.

— Ба? — позвала я.

— Я в ярости, — нарочито спокойным тоном произнесла квэнни Конлет. — И вообще, давно хотела попросить: зови меня по имени. Меровиг сокращается до Меры. Тебя, лисонька, это тоже касается.

— Х-хорошо, — чуть запнувшись, кивнула я. — А почему ты в ярости?

— А считаешь, у меня нет причин? — ядовито хмыкнула ба... Мера и ловко раскурила трубку. — Притворившись престарелой студенткой, я проникаю в святая святых фабрики целителей и любуюсь на триумф твоего убогого жениха.

Пыхнув трубкой, Мера сверкнула небесно-синими глазами и раздраженно выдохнула:

— Объясните. Раз уж ты здесь, да еще и твои записи весьма криво превращены в браслет, я права и ты покинула отчий дом.

— Мне некуда пойти, — кивнула я.

— Не беси бабушку, — проникновенно произнесла Мера. — В этом доме есть спальня и для тебя, и для твоей лисоньки. И я, кажется, уже попросила: объясните старушке, что это был за, мгом, выверт с Тенеаном — лучшим выпускником?

Понурившись, я, сгорая от стыда, принялась объяснять:

— Он был третьим в списке выпускников. А значит, не попадал на бесплатное обучение и...

— Прости, милая, — Мера выдохнула особенно крупный клуб дыма, — а с каких пор Тенеанам понадобилось пристраивать сынка на бесплатное обучение, а?

Сидящая рядом со мной Нольвен со свистом втянула в себя воздух, но промолчала — не хотела позориться перед Мерой.

— Кажется, я идиотка, — тихо вздохнула я. — В общем, Стевен предложил отказаться от мест в Высшей Академии Целительства и идти в военку.

И вновь бабушка не дала мне договорить — она захохотала так, что раскашлялась и дематериализовала свою вычурную трубку.

— Этот-то? В военку? В мое время таких, как он... — тут она резко осеклась, кашлянула и махнула рукой: — Давай дальше.

— Я сходила к ректору и написала заявление, что прошу не учитывать мои учебные достижения при выборе лучшего ученика. Стивен тоже ходил. Он ведь получался вторым, если нет меня.

— Но на сцену его вызвали первым, — нахмурилась Мера.

А я только рукой махнула:

— Это правило такое. Если есть лучший ученик и лучшая ученица, то первым на сцену вызывают парня.

— Почему? — с интересом спросила Мера.

Я открыла рот... И закрыла. И правда, почему?

— Потому что это традиция? — неуверенно произнесла Нольвен и прикусила губу. — Я помню что-то о том, что раньше соревновались только юноши. Нет? Да! Точно-точно, раньше экзаменовали только парней, а девушки просто приходили и уходили, их никто не записывал и...

Под скептическим взглядом Меры моя лисонька стушевалась и замолкла.

— Понятней мне не стало, — подытожила бабушка. — У нас в военке как-то проще и честнее, что ли. В магическом искусстве соревнуются все со всеми, не глядя на пол и возраст. Бывало и такое, что старшекурсника в дуэли укладывал первачок. Особенно если он из какого-нибудь особенного рода, вроде Ривеленов. Вот уж кто рождается с огненным шаром в руке. И как только не обжигает?

Взмахом руки очистив воздух от аромата вишни, Меровиг кивнула на стол:

— Снимите мою иллюзию и можете поесть.

Да, точно. Бабушка и ее принципиальность. Хочешь есть — изучай магию. Хочешь пить — изучай магию. Ничего не хочешь? Изучай магию, всегда пригодится! Помню, как мне влетело за одно простенькое, но очень удобное и полезное заклинанье. Кто мог знать, что его используют мелкие карманники? Правда, невзирая на долгую и прочувствованную беседу с отцом, я все равно продолжила использовать туманный взор. Потому что бесшумный полог слишком энергоемкий и тяжелый для меня. Да и нет у меня таких тайн, чтобы ради одного разговора такое мощное заклятье кастовать! Туманный взор самое оно. Особенно в сочетании с мышинным шагом. Никто не видит и не слышит, о чем там шепчутся две подружки.

— А может, мы так, с закрытыми глазами? — хитро улыбнулась Нольвен.

— Можете, девоньки, можете, — ласково улыбнулась бабушка. И честно добавила: — Но за последствия не ручаюсь.

Я только фыркнула и, отмахнувшись от иллюзорной бабочки, всмотрелась в «пустой» стол. Иллюзия? Хм, но запаха тоже нет и предметы не отбрасывают тень. Можно подумать про зеркало Раосса, одно из самых надежных заклинаний школы Иллюзий, но... Бабушка каждый раз доказывает, что есть менее известные и более простые заклятья, которыми можно добиться ровно того же эффекта.

— Полагаю, ключ Раосса не сработает? — уныло спросила Нольвен.

— Я вам что — магистр-иллюзор? — фыркнула Мера и, удобнее устроившись в кресле, сложила руки на животе. — Я жду представления.

Мучились мы минут пятнадцать. И все это под ехидные смешки квэнни Конлет. Не помогли ни диагностические чары, ни поисковое заклятье. Даже манящее проклятье, брошенное Нольвен, и то не помогло.

— Ну что, сдаетесь? — азартно спросила Мера.

— Сдаемся, — вздохнула Нольвен.

— И есть хочется, — добавила я.

Меровиг щелкнула пальцами, и над столом появилась какая-то кружевная кисея. Фата?

— Облако невесты, — торжественно объявила бабушка.

Я уважительно посмотрела на Меру. Значит, она выходила за дедушку по старинному обычаю, шагая сквозь костер. Что же могло пойти не так? Отчего она теперь живет отдельно?

— На самом деле подойдет любая ткань, у меня просто не было столь же тонкого шелка, — принялась объяснять бабушка. — Берем тонкую ткань и используем сочетание копирующих чар с туманным взором. Копирующие чары используем на чистой поверхности! Поняли?

— Не совсем, — нахмурилась я. — Вначале ты скопировала внешний вид столешницы, затем заклятье перенесло этот образ на ткань, потом сервировала стол, потом накинула на него облако невесты и уже по нему прошла туманным взором. Так?

— Именно, — кивнула Мера. — Эти два заклинания поглощают друг друга и дают вот такой вот забавный эффект. Но! Длительность этого эффекта всего сорок минут. Зато и сотворить это все можно за считанные секунды. Все, хватит болтать, пора есть.

По вкусу и виду предложенных блюд я сразу поняла, что Танира успела еще утром забежать к бабушке. И что наша кухарка совсем не рассчитывала на гостей — еды было не так уж и много. А готовить бабушка не то чтобы совсем не любила... Скорее, недолюбливала.

«Мне много не надо, а голодному я дам продукты. Сам сготовит и меня, в благодарность, накормит».

Так мы с Нольвен научились варить несколько простых супов и делать рагу с мясом.

— Если у вас есть Облако Невесты, — Нольвен отложила вилку и прямо посмотрела на бабушку, — значит, вы вышли замуж по старым традициям. Вас благословил сам Отец-Хаос.

— Доедайте, — велела Мероуиг. — И расскажу. История на самом деле пребанальнейшая. Вы-то себе небось навывдумывали всего и всякого, а там... Подлость, предательство и неожиданность — вот три слова, наиболее полно описывающих нашу с Кенриком супружескую жизнь. Первые два слова принадлежат ему, а третье — мне.

Мы с Нольвен быстро подчистили тарелки, собрали все со стола и левитировали посуду в кухню. Там же был заварен кофе, из холодильного шкафа вылетели крошечные шоколадные пирожные, и со всем этим добром мы вернулись к бабушке. Которая вновь набила свою трубку.

Подманив к себе кружку, Мера ловко ухватила ее за фарфоровое ушко и сделала небольшой глоток.

— Всякая любовная история требует пафосного предисловия, — глубокомысленно произнесла бабушка. — Тут я не подготовилась, да. Что ж, свадьба моя была давно, и замуж я выходила по большой-пребольшой любви. Жаль только, что любила только я. Кенрик милостиво принимал мои чувства, и матушка моя, которая все это видела, изошла на крик и проклятья, но переломить мое решение не смогла. Куда ей, зельевару-теоретику, против упрямства лучшей выпускницы военки. Отец, посмотрев на все это безобразие, купил мне особняк. Собственно, мы сейчас в нем и находимся. И сразу после свадьбы отец увез мою перенервничавшую мать на воды. Через пару

лет все как-то уложилось. Я забыла про все свои карьерные устремления, ведь через девять месяцев после свадьбы у меня родился твой отец. Родились бы еще дети, да только я решила подождать. И тайно сходила к подруге-целительнице. Тогда я еще была способна принимать решения самостоятельно.

Мы с Нольвен потрясенно переглянулись. Бабушка явно намекала на то, что ее подруга ради нее пошла на преступление! Ведь накладывать временную печать бездетности разрешили только год назад.

— Любовь быстро прошла, — Мера криво улыбнулась, — тяжело любить в одну сторону. Но я, из упрямства и гордыни, продолжала переламывать свой характер. Так, как унижалась я, не унижался перед мужем никто.

Тут бабушка подумала и справедливо добавила:

— А может, и все, да только вряд ли остальные воспринимали это как унижение. В любом случае решения в нашей семье принимал только Кенрик. И твой отец, Мэль, вырос его полной копией. Я устала тогда, девоньки. Очень устала и погасла. Стала практически идеальной женой — скучной, вялой и покорной. Отец-Хаос, мне требовалось разрешение мужа даже ради того, чтобы выйти в театр с подругой. И однажды моя упрямая, не растерявшая огня подруга вытащила меня в город без позволения мужа. Мы славно провели день и уже возвращались домой, когда я увидела Кенрика. Он ужинал с какой-то юной красоткой-выпускницей, вокруг которой вились эти ваши иллюзорные бабочки. Если бы не моя Лили, то я бы просто вернулась домой. Но Лили уперлась рогом и решила проследить за ними.

Бабушка глубоко затянулась и выпустила клуб дыма, который по ее воле принял форму сердца и завис над столом.

— Он изменял мне. — Сердце надулось и едва слышно лопнуло. — Тут-то меня взяла такая ярость! Да, боевые навыки мною были утеряны, ну так и противник был так себе. В той гостинице я разнесла все. Абсолютно все. И провела ночь в казематах городской стражи. Та ночь напомнила мне, кто я есть. Меровиг Конлет урожденная Аделмер. Боевой маг, а не изнеженный домашний цветочек. Из казематов меня выпустили благодаря отцу. Но с одним условием: на мои руки на пять долгих лет надели ограничители магии. Отсюда и моя любовь к слабым заклятьям. А через неделю Кенрик,

думая, что я стала безопасна, привел в дом ту самую девицу. И уведомил меня, что теперь мы живем вместе. Он, я и его возлюбленная.

— Она выжила? — с ужасом спросила Нольвен.

— А она-то что? — Бабушка пожала плечами. — Девица отделалась переломом челюсти, как, впрочем, и Кенрик. И вновь я ночевала в казематах городской стражи. После чего я съехала сюда, в этот дом. Вот они и есть — подлость, предательство и неожиданность. Кенрик не ожидал, что после стольких лет покорности и безмолвия во мне еще теплится хоть какая-то сила воли. Что интересно, года через два он прибыл с цветами и в приказном тоне велел мне собирать свои вещи и возвращаться.

Мера хрипло рассмеялась и продолжила:

— А я стояла перед ним и остро жалела свою матушку, которая в голос рыдала и умоляла меня одуматься. Отец-Хаос, моя скромная, тихая матушка пыталась проклясть меня, лишь бы расстроить нашу свадьбу.

— Но развод он тебе так и не дал, — констатировала я.

— Так и не дал. Раз в год Кенрик присылает мне письмо и корзину цветов. Он отчего-то убежден, что рано или поздно я к нему вернусь. Наивный. И если бы вы знали, девоньки, какую сцену ревности он мне закатил, когда алвориг Нортренор вывел меня в театр. — Тут бабушка мечтательно прикрыла глаза. — Только тогда я почувствовала себя хоть немного отомщенной.

Открыв глаза, бабушка серьезно посмотрела на меня.

— Я думала о том, чтобы вернуться к Кенрику. Ради того, чтобы не дать им сломать тебя. Но... Я не смогла. И решила действовать иначе. Какого ребенка не заинтересует таинственная бабушка, которая печет блины, учит пакостным заклятьям и к которой нужно пробираться тайком от взрослых? Пример моей матушки показал: нельзя переломить чужое упрямство своим. Зато пример моего отца открыл иное: ребенку можно и нужно подстелить соломку.

— Твоя «соломка» спасла меня, — тихо сказала я. — Только почему ты не хочешь, чтобы я называла тебя бабушкой? Ты слишком молода для этого?

Мера криво улыбнулась:

— Я не чувствую, что имею на это право. Мне кажется... Да нет, я уверена: можно было сделать больше.

— И начни вы делать больше, — хмыкнула Нольвен, — как Мэль обзавелась бы маячком. И больше никогда не переступила порог вашего дома.

Бабушка пыхнула трубкой и пожала плечами:

— Может, я смогла бы достучаться до квэнни Конлет. Она, конечно, не выпускница военки, но стихийницей была неплохой. Как сейчас модно говорить — подающая надежды выпускница.

— Вообще-то, это мама велела мне не брать вещей, — с горечью произнесла я. — Так что достучаться ты бы ни до чего не смогла.

Нольвен поспешно кинула на меня заклятье истинного спокойствия и шепнула, что ей пока не требуется.

— Абдец, — развела руками Мера. — Что вы собираетесь делать, девочки?

— Я, наверное, пойду в военку, — умиротворенно отозвалась я.

— А я найду работу.

— Нет, об этом мы будем думать завтра вечером, — фыркнула Мера. — Я говорю о сегодняшнем вечере. У вас, кажется, праздник в ресторации. Идете? Или струсите?

Когда бабушка ставила вопрос так, ответ мог быть только один, и мы с лисонькой выдохнули одновременно:

— Идем.

— Правильное решение, бабушка одобряет, — покивала Мера. — У меня скопилось некоторое количество лишних драгоценностей. Да и платья у вас так себе, надо сменить.

— Что заработали, то и потратили, — возмутилась я.

— И это бабушка тоже одобряет, — согласилась квэнни Конлет. — Но! Вы не просто идете в ресторацию праздновать выпуск. Вы идете в ресторацию праздновать выпуск после смачного скандала.

— Это был семейный скандал, — возразила я. — Кто о нем узнает?

— О, девонька моя, поверь, — хрипло рассмеялась Мера, — именно такие скандалы становятся общеизвестны за считанные часы. Твой отец сейчас бесится в своем кабинете, ведь в его удобном мире случилась возмутительная поломка. Твоя мать рыдает в гостиной своей соседки, к которой наверняка уже пришли любопытные гости. Твой

бывший жених уже вернулся домой и поделился новостями с отцом и матерью. Которые, в свою очередь, поделятся этим с кем-то еще. Ты понимаешь, к чему я веду?

— Понимаю, — кивнула я.

— И, Мэль, если уж портить настроение, то сразу и полностью. — Мера серьезно посмотрела на меня. — Ты ведь понимаешь, что если ваши со Стивеном родители не расторгнут договор, то ты останешься невестой?

— Как?! — выдохнула я.

— Ты подпись ставила? — прищурилась бабушка.

— Ставила.

— Ну вот и все. — Мера развела руками. — Не бойся, никто не помешает тебе сказать «нет» у алтаря. Бабушка проследит за этим.

— Стивен сказал, если я поступлю в военку — могу считать себя свободной, — уверенно произнесла я.

— Он от тебя не откажется. — Бабушка покачала головой. — Сильные одаренные дети рождаются от сильных одаренных родителей. Стивен твой не дотягивал до лучшего выпускника, но был ли он совсем бездарью?

Скрепя сердце мне пришлось признать, что совсем балбесом он не был. Я бы скорее сказала, что ему не подходит целительство.

— Во-от, — удовлетворенно произнесла Мера. — Бывает, что гении от магии рождаются в семье простых людей. Или у двух слабых магов. Но это редкая удача. Зато брак двух сильных магов гарантированно дает не менее сильное потомство. Особенно если девушка не просто сидела дома, а активно занималась магией и развивала свой колдовской очаг. Это, кстати, уже не просто подмеченная обывателями закономерность, а доказанный целителями факт. Ладно, поговорили и хватит.

Мера ловко выскользнула из кресла и поманила нас за собой.

— Вы — будущие студентки военки...

— У меня нет... — Нольвен осмелилась перебить квэнни Конлет и тут же за это поплатилась.

— Не перебивай бабушку, — строго произнесла Мера и усмехнулась, глядя, как Нольвен в ужасе щупает гладкую кожу, оставшуюся на месте губ. — Я — урожденная Аделмер. А кто у нас ректор военки?

— Риордан Аделмер, — тут же ответила я. — Ой.

— Вот вам и «ой», — усмехнулась Мера. — Поблажек в учебе не будет, но взять — возьмет. Ты, лисонька, на работу не торопись. Если сейчас перестанешь развивать свой очаг, то так и останешься недомагом. Очаг можно раскачивать, только изучая новые заклятья. А на работе тебя ждет рутинка. Идрис Лавант, к сожалению, уже ничем не поможет. А значит, нужды в деньгах вот-прямо-сейчас у тебя нет.

В глазах Нольвен сверкнули слезы, но в некоторых вопросах бабушка была безжалостна.

— Да, — припечатала Мера. — Мои слова жестоки, но правдивы. Никакое золото мира не исцелит твою мать. Ты хочешь снять с семьи бремя по своему содержанию? Так пожалуйста, военка от и до обеспечивает своих студентов. Казенная одежда, кормежка три раза в день. И даже канцелярия казенная. Качество, правда, кхм, тоже казенное. Но что поделать, зато у всех все одинаковое.

Нольвен коротко кивнула и жестом попросила прощения. Да-да, жестом. Увы, нам давно пришлось придумать подобные условные знаки: бабушка была скоро на мелкие проклятья.

— Я все поняла, Мера, — тихо сказала моя лисонька и потрогала губы. — Спасибо.

— Не нужно благодарности. Просто покажите там все, на что вы способны.

— Там — это в военке? — уточнила я.

— Да, но и в ресторации тоже, — бабушка усмехнулась. — Если что, я точно знаю, кому надо заплатить, чтобы выкупить человека из казематов городской стражи.

Сказав это, Мера поманила нас за собой, в святая святых дома — комнату, где хранятся все ее наряды!

Там нас ждал сюрприз. Да еще какой! Нольвен задушенно ахнула, а я не удержала ошеломленно-возмущенного вскрика:

— Мера!

— Что? — удивленно воззрилась на меня бабушка. — Сшито по вашим меркам.

Моя лисонька, взяв себя в руки, попыталась объяснить:

— Это так...

— Красиво? — с интересом спросила Мера.

— Нет, это...

— Элегантно? — чуть суше осведомилась квэнни Конлет.

— Нет, — помотала головой Нольвен. — Это — скандально!

— То есть идеально, — кивнула сама себе бабушка и с гордостью добавила: — Я старалась. Если честно, то я надеялась, что эти наряды вам не пригодятся, но... Всегда стоит иметь запасной вариант!

А с другой стороны, после всех сказанных слов странно было бы ожидать другого фасона. И я, оставив Нольвен позади, подошла ближе к двум манекенам, стоящим впереди всех вешалок.

Свой костюм я опознала сразу — синее с золотом. Узкие брюки насыщенно-небесного цвета, золотая рубашка с пышным бантом у горла и узкий удлинённый жакет, облегаящий фигуру. Радовало одно: хоть у жакета и был неровный нижний край, он доходил до середины бедра. А значит, хоть какие-то приличия сохранялись.

У Нольвен был точно такой же костюм, только цвета — насыщенная зелень и серебро.

— А вообще, — сказала Нольвен, когда мы переоделись, — это великолепно!

— И ткань надёжно зачарована, — покивала довольная Мера. — Не мнется, не пачкается, не рвется! Ну, порвать-то ее можно, и запачкать тоже, но это надо сильно постараться. Давайте-ка, девоньки, начаруйте себе по табуретке, и мои гребни заплетут вам косы. Сама-то я ни разу не плетунья.

Тут я с содроганием припомнила единственную её попытку сотворить на моей голове подобие косы. Сколько волос тогда пало в неравной битве! Страшно вспомнить. И сколько еще бойцов погибло, когда матушка разбирала на локоны то, что наплела Мера... Зато мне не пришлось врать — мама сразу вздохнула: «Сама плела?»

Вспомнив это, я немного загрустила. Мама ведь любила меня, наверное. Хоть немножко?

— Не вешай нос, все образуется. — Бабушка подпихнула меня в бок, и я плюхнулась на трансформированный лисонькой табурет.

В тот же момент из шкатулки выпорхнули сразу два гребня и ворох лент. За пару минут мы с Нольвен обзавелись идеальными прическами. Больше всего Мера уважала «походную женскую косу» — множество тугих косиц, сливающихся в одну. Как говорила бабушка, когда-то давно такая коса плелась дома и расплеталась только по возвращении из похода. А от грязи и насекомых спасала магия.

Сейчас, с развитием платов и порталов, необходимость в таких прическах отпала. Но многие студентки военки предпочитают именно косы. Их, в конце концов, удобно прятать под капюшон, чтобы во время дуэли не мешались.

— Пятьдесят на пятьдесят, — сказала бабушка, как будто в ответ на мои мысли. — Половина военки ходит с короткой стрижкой, половина — с такой косой. Если хотите, запишу вас к своему парикмахеру. Острижем все.

Мы с Нольвен испуганно переглянулись и тут же принялись уверять бабушку, что коса — это лучшая прическа на свете.

— Хотя потом и будет болеть голова, — добавила я, — очень уж тугое плетение.

— Надеюсь, — хмыкнула бабушка, — что головы у вас будут болеть от молодого вина, а не от прически.

Время до назначенного часа пролетело незаметно. Ближе к вечеру бабочки налились цветом и принялись едва заметно светиться. А бабушка, вытащив свою аптечку, начала пичкать нас зельями. Как она пояснила, молодое вино — это прекрасно, но приличные девочки пьют не пьянея, а потому надо помочь организму справиться с предстоящими трудностями.

— Хотя, если вас принесут, — задумчиво добавила Мера, — я ругаться не буду. Но обязательно поглумлюсь наутро.

— Возникает желание пить морс, — шепнула Нольвен. — Чувство юмора у Меры — исключительное.

— Я вся — исключительная, — безапелляционно заявила бабушка и хлопнула в ладоши. — Ну красавицы же! Только не забудьте сменить домашние туфли на подходящую обувь.

Подходящей обувью оказались дуэльные ботинки — плотная подошва и высокое шнурованное голенище.

— Они, — Нольвен неуверенно кашлянула, — они немного по цвету не подходят.

— Я не экономлю, — фыркнула Мера, — надевайте. Магия цвет сама подгонит. Так, косметика вам, юным и красивым, не нужна. Но! Чудесное заклятье сделает ваши брови и ресницы темнее. Остальное излишки. Ох, чуть не забыла.

И к бабушке подлетела увесистая шкатулка.

— Серьги, — возвестила Мера. — Тебе, Нольвен, изумруды в лунном серебре, а для тебя, Мэль, черные бриллианты в золоте. И довольно: переизбыток украшений никого не красит.

— Это слишком, — выдохнули мы с Нольвен в унисон. — Нам тогда еще пара боевых магов потребуется — защищать твои серьги.

— Боевых магов сами подцепите, — подмигнула Мера. — А серьги эти я ни разу не надевала. Это все Кенрик дары засылает, в бесплодных надеждах вернуть меня в семейное лоно.

Взяв серьги из рук бабушки, я тяжело вздохнула. Они были великолепны: от ажурной окантовки камня вниз спускался крохотный листочек, украшенный... Украшенный какими-то крохотными камушками. Чтобы сберечь свои нервы, я не стала спрашивать, какие еще камни использовались для создания этой красоты.

«Буду думать, что это хрусталь. Или стекло», — мрачно подумала и примерила серьги. Они не должны были подойти к сине-золотому наряду, но... Секундная вспышка магии, и дуэльные ботинки меняют цвет — синий, золотой и черный.

— Ажуре-еть, — выдохнула Нольвен, когда вдела выданные ей серьги.

— Именно, — Мера воздела палец, — если порадуете бабушку и хорошо окончите — будут вашими. Вместе с остальным барахлом.

— Барахлом? — переспросила я.

— К твоим, лисонька, сережкам еще есть браслет и кулон. А к твоим, Мэль, два кольца и кулон. Так что бейте лапками, девоньки.

Мы переглянулись и решили, что «лапки» жалеть не стоит. Не столько ради украшений, сколько для себя, но... Такая красота пойдет бонусом.

Перед выходом из дома мы с лисонькой посмотрелись в огромное зеркало, созданное Мерой. Там отражались две выпускницы военки, вокруг которых по какой-то неизвестной причине летали иллюзорные бабочки целителей.

— Обновим заклятье, — синхронно выдохнули мы.

— И вперед, — азартно кивнула Мера. — Жду. Защита дома уже настроена на вас. Если до утра не явитесь, приду за вами в казематы.

— Явимся, — уверенно произнесла я. — В казематах нам делать нечего. Там темно, сыро и холодно.

Бабушка с интересом на меня посмотрела:

— Это верно. Вопрос в том, когда ты успела это узнать.

— Запомнила по твоим рассказам.

— Ну, знаешь, лучше всего познавать жизнь на личном опыте, — подмигнула мне Мера и задумчиво добавила: — Хотя, возможно, это не тот случай.

Попрощавшись с бабушкой и получив на дорожку несколько незаконных советов из разряда «Как быстро и весело поджечь кабак», мы вышли на улицу.

— На нас смотрят, — тяжело вздохнула Нольвен и расправила плечи. — Пусть смотрят.

И на нас действительно таращились. Это смущало. Страшно представить, что бы мы чувствовали, если бы не заклятье!

«И страшно представить откат». Я поежилась.

— Давай через парк? — предложила Нольвен. — И путь сократим, и на цветы посмотрим. Говорят, что парку подарили какое-то редкое растение — ложный лилейник. Оно выглядит как лилейник, но не лилейник.

— Если оно редкое, то капризное, — логично предположила я. — А значит, не переживет нашу зиму. И вот не жалко им? Уже конец лета, впереди осень и трескучие морозы.

— Может, стихийники чего-нибудь придумают? — пожала плечами лисонька.

— Стихийники, — проворчала я. — Делают не пойми что, исчезают не пойми куда, но все на них надеются.

До парка было рукой подать. Пройдя под кованой аркой, увитой плетистой розой, мы прошли по аллеям и, внимательно читая указатели, нашли ложный лилейник.

— Может, это чья-то шутка? — спросила я. — Оно выглядит как лилейник. Ни единого различия.

— Но написано: «Близко не подходить». — Нольвен кивнула на табличку. — Может, оно чем-нибудь стреляет?

— Пыльцой только если. — Я провела ладонью по жакету и хитро улыбнулась.

— Ты куда?! — ахнула лисонька.

А я, обернувшись к ней, напомнила:

— Наши наряды надежно зачарованы. Не пачкаются, не мнутся и не... Ай!

Из-под узких длинных листочков лилейника выстрелил тонкий зеленый жгут, и растение в мгновение ока подтянулось к моей ноге!

— Сказано же — близко не подходить, — едва дыша от смеха, выдавила Нольвен. — Зови на помощь!

Я подергала ногой, но лилейник держался крепко, а хохочущая подруга меня спасти не спешила. Отец-Хаос, ну до чего же идиотская ситуация!

— Хэй, росточек. — Я присела на корточки перед обхватившим мою ногу цветком. — Давай ты меня отпустишь? А я тебе завтра принесу удобрений. Самых лучших!

Цветок как будто прислушался ко мне и странно заизвивался. Вот только вместо того, чтобы внять моим словам и отползти, он, наоборот, все крепче опутывал мою ногу тоненькими жгутиками. А я боялась даже пошевелиться, потому что видела, что часть этих жгутиков у него оборвана. Пусть он поставил меня в неловкое положение, но он же живой.

— Ну росточек, ну хороший мой. — Я погладила его по узким листочкам. — Отпусти. У меня дела сегодня, я не могу тут с тобой оставаться. Хочешь, я тебе сейчас палку сломаю огромную, обовьешься вокруг нее. И она никуда-никуда не уйдет.

Цветок задрожал и приник к моей ноге вплотную.

— Не знал, что этот выпуск военки настолько плох, — насмешливо произнес кто-то, вставший у меня за спиной. — Ты противника так же уговаривать будешь? Или сразу сдашься на милость врага?

— Сдайся нам, — тут же хохотнули два одинаковых мужских голоса.

Резко выпрямившись, я развернулась к насмешнику. Вокруг меня взметнулись иллюзорные бабочки, и я тут же услышала:

— А, целительница. Мое почтение, квэнти.

Насмешник круто развернулся и пошел вперед. А следом за ним два его спутника. Или друга?

— Какие симпатичные, хоть и одинаковые, — с придыханием выдала Нольвен. — А этот говорливый — странный. Волосы, как по мне, слишком светлые, почти седые. Странно это как-то.

— Он меня осмеял, а я даже лица не рассмотрела, — проворчала я. — Явный боевик.

— Так да, — кивнула лисонька. — Они ж в парадной форме. Ой, он ползет!

Пока я отвлеклась, лилейник полностью оплел мои ботинки и уверенно подобрался к бедру.

— Ну написано же — близко не подходить, — раздался чей-то горестный вопль.

Повернувшись на звук, мы увидели высоченного сутулого парня, который подходил к нам и на ходу надевал грубые перчатки.

— Уже в пятый раз его отрываю, — поделился он. — Никто ведь не читает.

Цветок затрясся так, что его дрожь передалась и мне.

— Скорей бы уж завял, — бурчал парень. — Его из дома Латвилей сюда отдали. Он там не прижился, вот парку и всучили. Оформили как подарок. А я мучься.

Он ухватил цветок за узкие листочки, и я тут же отмерла:

— Погодите! Ему же больно.

— А он по-хорошему не понимает, — пожал плечами парень. — Хотите — уходите с ним, оформлю его как безвинно погибшего от случайного огненного шара.

— Откуда он такой взялся? — осторожно спросила Нольвен.

— Маги пытались привить ему разум, да не вышло. — Парень махнул рукой. — Девушка Латвилей его забрала сюда из Империи. Да только девушка замуж вышла, а муж сказал: никаких экспериментов в доме. В итоге он тут, поганец. Все портит, абсолютно все.

Цветок в ожидании боли закрыл все свои соцветия. И сердце моей лисоньки не выдержало:

— Оформляй как безвинно погибшего. Мэль, пожалуйста, давай его заберём?

Меня немного пугали слова, что цветок все портит, но... У него осталось меньше половины целых жгутиков, да и вообще — не знаю, что там с разумом, но боль он явно чувствует. Иначе бы так не трясся. Не искал бы защиты от чужой жестокости.

Накрыв ладонью схлопнувшиеся соцветия, я кивнула:

— Будем считать, что его сожгли.

Затем, когда парень, радостно потирая руки, умчался куда-то за бумагами, я погладила цветок и проворчала:

— Ты уж ползи мне на плечо, а то на ноге как-то неудобно.

И ложный лилейник, шустро шевеля жгутиками, забрался мне на плечо и радостно расцвел.

— Только, Мэль, его ж тут многие видели, — опасливо произнесла Нольвен. — Может... Ого?!

— Что — ого? — напряглась я.

— Он сменил форму соцветий, — восхищенно произнесла моя лисонька. — Как назовем? Лилия?

Хоть мне и было плохо видно, но даже я заметила, как сердито он распушился.

— Лилей? — предположила моя неугомонная подруга. — Лилей, он согласен. А сокращенно — Лиль. Здорово! Идем праздновать!

— Как бы нам всем втроем в казематах не оказаться, — проворчала я.

И, когда к нам вернулся работник парка, решительно подписала бумагу, где указала себя как свидетеля случайного цветоубийства.

— Обратно не примем, — сощурился парень. — Принесете — и я его сразу лопатой перерублю! Чтоб, значица, наверняка.

— Смотри, как бы тебя не перерубили, — возмутилась Нольвен и погладила Лилея по листочку. — Вряд ли этот красивый малыш пакостил специально. Ему, может, тепла не хватало. Или витаминов. У нас земля-то ни разу не плодородная!

— Да я тут с удобрениями с утра и до позднего вечера ношусь! — не выдержал парень. — Эх вы, колдуньи, а доверчивые, как дети.

С этими словами он развернулся и ушел.

— Ох, опоздаем же в ресторацию, — выпалила Нольвен, и мы ускорили шаг.

И пока мы шли, моя лисонька пересказывала Лилею все-все наши беды и горести. Как она пояснила, маги-научники доказали, что цветы любят, когда с ними говорят.

— А у нас какой цветок, — восхищалась она, — всем цветам цветок! Да, Лилей?

Лилей шелестел узкими листочками и крепко держался за мое плечо.

— Мне только одно интересно: ему горшок нужен? Этим надо будет озаботиться до поступления в военку.

— В крайнем случае тиснем вазон из парка, — пожала плечами Нольвен. — Что? Потом вернем, как на выходные отпустят.

— Тогда не «тиснем», а возьмем на время, — поправила я ее и добавила: — А вообще, если все будут так делать, то у нас город станет страшный и некрасивый. Лучше у Меры ту фарфоровую супницу возьмем.

Нольвен с ужасом посмотрела на меня и страшным шепотом ответила:

— Я не готова умирать, тем более такой смертью. Она же застебет нас насмерть. Как за те голубые блюдца, помнишь? Когда мы их левитировали в стену!

Так, посмеиваясь и поглаживая Лилея, мы пришли к ресторации. Внутрь мы вошли исключительно вовремя: наши однокурсники уже расселись по местам и нам с лисонькой было уделено максимальное внимание! Звонкий колокольчик на двери заставил всех повернуться в нашу сторону.

— Девочки, вы прекрасно выг... Маэлин? Нольвен? — наш записной сердцеед Ролан на мгновение оторопел, а после рассыпался ворохом комплиментов.

Мой бывший жених, сидевший во главе длинного прямоугольного стола, только досадливо поморщился, но ничего не сказал. Вот только когда мы в сопровождении болтуна Ролана подошли к столу... О, надо было видеть эти глаза, полные гнева! Мой костюм его явно впечатлил.

— Маэлин, тебя бы как-то посадить поближе к Стевену, — призадумался Ролан. — Ты у нас первая в списке, да и вообще, вы же уже сколько лет помолвлены.

— Не стоит беспокоиться, Ролан. — Я положила руку ему на плечо. — Вон два свободных места, как раз для нас с Нольвен. А помолвка расторгнута.

— Не стоит бросаться столь громкими словами, Маэлин. — Стевен встал со своего места и властно произнес: — Ты сядешь рядом со мной, на углу. Никому не придется двигаться.

Все двадцать человек замерли, превратившись в одно большое ухо.

— Ну оттащи меня, — хмыкнула я и плюхнулась на свободное место.

Рядом со мной грациозно опустилась моя лисонька, и взгляды собравшихся скрестились на Стевене.

— Мы поговорим об этом позже. Как и о твоём отвратительном внешнем виде.

— Да? — сделано простодушно удивилась Нольвен. — А тем парням понравилось. Помнишь ту троицу выпускников военки? Мы их в парке встретили.

И моя лисонька принялась делиться восторгами по поводу того, какие эти парни были «Ух» и «Ах». И высокие, и широкоплечие, и такие «по-военному суровые». Лисонькина соседка, жадно блестя глазами, впитывала слова Нольвен как губка и даже глаза закатывала.

— Надо признать, что они немного грубоваты, — вскользь заметила я. — Но это скорее от прямоты характера, а не от внутренней подлости и желания оскорбить. Или предать.

В сторону Стевена я не смотрела, но искренне надеялась, что мои слова до него долетят. Хочу ли я за него замуж? Да ни за что. Хочу ли я как-нибудь отомстить поганцу? О да. Но я не бабушка, во мне нет столько внутреннего безумия, чтобы сломать негодюю нос и спалить его дом. Не тот, который принадлежит его родителям, а тот, который он «уже присмотрел».

«А было бы неплохо станцевать на пепелище», — мелькнула в голове предательская мыслишка.

Рассеянно погладив Лилея, я наконец осмотрелась. Зал наша староста, она же квэнти Тревёр, выбрала замечательный. Хотя для двадцати человек здесь слишком просторно. Так-то нас почти тридцать, но... Но не всем позволено было прийти. Три замечательные целительницы сейчас сидят дома и, горестно вздыхая, ждут своих мужей с праздника. Мы с Нольвен были в шоке, когда узнали, что наши сокурсники запретили своим женам-сокурсницам приходить на общий праздник.

Стевен тогда сказал: «Я бы никогда так не поступил. Это ведь наш общий триумф».

От воспоминаний стало горько, и я пропустила момент, когда на столе материализовались еда и вино. Зато не пропустила то, что Лилей запустил в мой бокал свой тонкий полупрозрачный корешок и стремительно втянул в себя все содержимое ононого бокала. И в тот же момент выяснилось, что на столе и посуде заклятье самопополнения: бокал вновь наполнился, а корешок-то был еще там!

Пытаясь воевать с цветком-алкоголиком, я краем уха услышала, как моя лисонька живописует наши сегодняшние приключения. Миала — я наконец-то вспомнила имя однокурсницы, с которой никогда толком не общалась, — только вздыхала и вздыхала.

— А кто не такой? — спросила она в итоге. — Это стихийницы или боевички могут себя в семье правильно поставить. А мы что? Слабые целительницы.

Кое-как вытащив верткий корешок из бокала, я чуть перегнулась через Нольвен и серьезно спросила Миалу:

— А что, ты не можешь устроить слишком наглomu жениху несварение? Очищение кишечника, Миа, очень благотворно влияет на характер мужчины. Другое дело — ненадолго.

— Что-то ты своим же советом и не пользовалась, — прищурилась Миала.

— Чегой-то? — фыркнула Нольвен. — Они со Стевенom воевали два курса подряд. Это уже к третьему он притворился нормальным человеком, а в конце пятого гнилая сущность выползла наружу. Ой, Мэль, смотри! Какая прелесть!

А прелестью оказался Лилей, который запустил корешок в бокал моей лисоньки.

— Чего ты жадничаешь? — хихикнула Нольвен. — Ему явно вкусно.

— Он принял на грудь уже как минимум три бокала. — Я укоризненно посмотрела на веселящуюся подругу. — А если отравится? Мы несем за него ответственность!

Лилей как будто понял меня, погладил меня по щеке узким листочком и метким броском жгутика подтащил ко мне блюдо с пирожными.

— Ты ж наша прелесть, — умилилась Нольвен. — Растение добытчик!

Я только головой покачала, но пирожное с подноса взяла.

— Кстати, — Нольвен, ничуть не брезгуя, пригубила свое вино и прищурилась, — матушкина наука не пошла тебе впрок?

— В смысле? — нахмурилась я.

— Стевен. — Лисонька кивнула на моего бывшего жениха. — Где фурункулы? Неужели он смог разгадать нашу модификацию?

Повернувшись к Тенеану, я чуть прищурилась и, ухмыльнувшись, покачала головой:

— Неа, присмотрись.

Нольвен перегнулась через меня и пристально всмотрелась в Стевена.

— Ха, иллюзия. Да какая ущербная, — воскликнула она.

Увы, возглас Нольвен совпал с желанием нашей старосты произнести тост. Иными словами, именно в тот момент возникла пауза и слова лисоньки расслышали абсолютно все. После чего Стевен вновь привлёк к себе внимание наших сокурсников. Метнув на меня гневный взгляд, он криво усмехнулся и произнес:

— Давайте послушаем квэнти Валику Тревёр, лучшую выпускницу нашего курса! И, чисто между нами, первую красавицу нашей группы.

— Хороший удар, — оценила Нольвен. — В цель. Обновить на тебе заклятье?

Но я покачала головой:

— Знаешь, вино неплохо справляется. И Лилей на него больше не посягает... Стоп, а где цветок?!

Лилея нигде не было видно. Ох, чувствую, это плохо кончится.

— Ой-ой, — тихо-тихо выдохнула Нольвен. — Кажется, сейчас что-то будет.

Я проследила за ее взглядом и сдавленно ругнулась: у руки Стевена завис узкий зеленый листочек.

Дрегарт Катуаллон

— Ты чего так от целительниц рванул? — спросил меня Фил, на что я только досадливо отмахнулся:

— Не твое дело.

— Э, нет, так дело не пойдет, — нахмурился он. — Ты исчез после пятого курса, где-то шатался три года, а сейчас вернулся и претендуешь на место капитана турнирной команды. И при этом бегаешь от целителей, как от огня. Между прочим, те девчонки были очень даже ничего. Особенно светленькая, в синем. Мы бы их спасли от приставучего растения, а они...

Я резко повернулся к нему и жестко спросил:

— Ты думаешь о чем-то, кроме девок и выпивки? И я не *претендую* на место капитана турнирной команды, я им *являюсь*. А вот ты рискуешь не попасть в группу. Исключительно из-за собственного разгильдяйства. И ты, и твой близнец Фраган — первые в боевке, но ты при этом последний по всем остальным предметам.

Филиберт окинул меня задумчивым взглядом и хмыкнул:

— Так бы и сказал, что присмотрел синеглазку себе. Целители, кстати, гуляют в ресторации на соседней улице.

— Мне больше интересно, — флегматично заметил Фраган, — с чего это две девицы целительницы вырядились как наши сокурсницы? Уж не в военку ли они собираются?

В словах обычно молчаливого Фрагана был резон, но... Целительницы в нашей академии? У нас, конечно, есть отделение для военных лекарей, но выпускницы Сагертской Академии Исцеления эту программу не потянут. Слишком разный подход.

— Тебе не кажется, что ты слишком часто посещаешь мемориал? — раздался мелодичный голос моей главной головной боли.

— У меня хотя бы есть причина, — ответил я резче, чем хотел.

Но когда это смущало Ильяну?

— Илька, — радостно ощерился Фил, — не ожидал тебя тут встретить.

Мне оставалось только сжать зубы и отвернуться.

— Становится хуже? — в отличие от Филадельфии, его близнец Фраган был моим другом. И он был в курсе моей маленькой особенности, из-за которой пришлось «пропасть» на три года. Пропасть и пропустить битву у Серых Скал.

«Если бы я был рядом, они бы выжили», — мелькнула в голове привычная мысль. И взгляд против воли выцепил родные имена на высокой мраморной стеле.

Фил продолжал трепаться, а мне в висок раскаленным гвоздем ввинчивалась его ложь. И так каждый гребаный раз, когда какому-нибудь придурку приходит в голову солгать.

— У меня не было особой цели, — мило улыбнулась Ильяна.

И от этих слов гвоздь лжи в моем виске будто взорвался, разбивая сознание на осколки.

— Хэй, знал, что найду вас здесь!

— Никогда еще мемориал не был столь популярен, — процедила Ильяна. — Здравствуй, несчастье рода Ривелен. Все еще лелеешь надежду стать частью турнирной команды и снискать благосклонность своего отца? Не выйдет, так что не стоит преследовать нашего славного Дрегарта, он этого не любит.

— Не стоит решать за капитана, что он любит, а что нет, — запальчиво отозвался Волькан, а после ссутулился еще сильнее, — Гарт, тебя капитан стражи искал. Там кабак полыхает до небес, а ты вроде как спец по тушению огня.

— А где дежурные маги? — неприятно удивился я.

— Что за кабак? — тут же влез Фил. — Целители отжигают?

Филиберт заржал, вот только Ривелен серьезно ответил:

— Они самые. И дежурным потушить огонь не удалось: какая-то необычная модификация. Стража не хочет привлекать магистров, вот, попросили тебя найти. Ты же вроде работал с ними полгода?

— Мы имеем шанс спасти синеглазку и ее подружку, — причмокнул Фил и первым отошел от мемориала.

— Что там вообще произошло? — Я прихватил Ривелена за локоть, и мы пропустили близнецов и Ильяну вперед.

— Не знаю. — Парнишка пожал плечами. — Стражники увели двух девчонок и парня с обезображенным лицом. Там та-акие гнойные фурункулы — издали видать.

— Ясно, что ничего не ясно, — кивнул я.

— А, девчонки на наших похожи, — припомнил Волькан, когда мы уже подходили к пожарищу. — В брюках. И на фоне истерящих целительниц смотрелись довольно здравомысляще.

Все-таки та синеглазка... Тьфу, прилепилось же. Надеюсь, это просто совпадение и девицы не собираются в военку. Ну бред же, что им там делать-то?

Глава 3

Плат — летная платформа, разработанная артефакторами специально для Сагерта. Платы делятся на грузовые — более медленные; индивидуальные — скоростные и предназначенные только для одного пилота — и на семейные. Семейный плат треугольный, с высоким бортом, и находится этот плат в середине линейки — не такой медленный, как грузовой, но и не такой быстрый, как индивидуальный.

С потолка капала вода. Медленно-медленно, по капельке в полминутки. Пол был склизким и грязным, стены ничуть не лучше. Зато нам с лисонькой выделили грубо сколоченную лавку. Стевену, закрытому напротив нас, и того не досталось. Правда, вместе с лавкой мы получили и несколько заноз, ну да ладно. Все не на полу сидеть. Жаль только, что здесь экономят на освещении — потолок едва-едва светится, все вокруг однородно-серое и непонятное.

— Давай перетащим лавку в тот угол, — тронула я Нольвен за локоть.

Подруга сочувственно вздохнула и как маленькой объяснила:

— Там грязь.

— И капли воды, — с намеком произнесла я.

Увы, в камере было темно, и я не могла скроить какое-нибудь особенно выразительное лицо. Однако подруга меня поняла и тут же схватилась за другой конец лавки.

Раздражающая капля тут же прекратилась — это Лилей подставил поникшие листочки под редкие порции живительной влаги.

— Я только понять не могу, как все это вышло, — вздохнула моя лисонька и со смешком добавила: — Зато мы теперь точно знаем: со времен Меры тут ничего не поменялось!

Я только кивнула и попыталась припомнить, как вышел этот великолепный дебош. Но лисонька не планировала восстанавливать картину произошедшего в тишине и покое, она стремилась все это обсудить:

— Сначала ты пыталась сманить Лилея от Стевена.

Тут я поперхнулась смешком и мысленно понадеялась, что этого никто не заметил. Всем известно, как подманить собаку на кусочек ветчины, но чтобы то же самое проделывалось с бокалом вина и одним слишком свободолюбивым растением...

— Потом мы с тобой вместе придумали уважительную причину, чтобы подойти к Тенеану, — продолжала вспоминать Нольвен. — В конце концов, Тревёр заслужила все те добрые слова, что ты ей сказала.

— Но мне кажется, — я нахмурилась, — что мы ее напугали.

— Ну да, — хихикнула Нольвен, — она ведь подарила тебе свой значок лучшей ученицы. И неплохо так подколола Стевена. Как же она сказала? Эх, не помню. Я в этот момент пыталась выпутать корешок Лилея из волос Стевена и при этом не привлечь его внимания.

— Ты вырвала ему клочок волос, — фыркнула я. — Это теперь называется «не привлекать внимания»?

— Во-первых, я извинилась, — тут же отреагировала моя лисонька. — А во-вторых, лучше грива этого поганца, чем корешки нашего цветочка.

А я прикрыла глаза, вспоминая наш короткий разговор с Валикой: «— Ты была самым достойным соперником, Вал, — подытожила я и криво улыбнулась, — жаль, что теперь у меня не будет такого впечатляющего стимула рваться вперед.

Тревёр прищурилась, скосила взгляд на Стевена, который делал вид, что ничего не видит и не слышит, и отколола от своего платья значок лучшей ученицы:

— Пусть он будет у тебя. Вернешь, когда окончишь военку. Для меня было важно победить тебя. Или пройти вперед вместе с тобой. Сейчас этот значок потерял половину своей привлекательности. Такую же половину потерял и вкус победы.

— Ты сдурела?! — заорал Стевен, и мы с Тревёр ошеломленно уставились на него.

— Ой, извини, — мило улыбнулась Нольвен и протянула ему что-то. — Вот, возьми. Я случайно».

— Отец-Хаос, ты еще и выданный клочок волос ему вернула, — я поперхнулась смешком. — А я-то вначале подумала, что он так разорался из-за поступка Вал.

— Она уже Вал? — с прохладцей спросила моя лисонька.

— Валика, — поправилась я. — А ты вредная.

— У меня всего одна подруга. — Судя по шороху, Нольвен пожала плечами. — Проверенная временем, совместным незаконным бизнесом и совместными же пакостями. Готова передать часть тебя достойному мужчине, а вот всякие зазнайки-целительницы обойдутся.

Камера озарилась слабым красноватым светом — это наш цветочек немного обвыкся и начал излучать энергию.

— Вопрос в том, откуда взялся огонь. — Я ссадила с плеча Лилея и ахнула: — Лавка обугливается!

Нольвен тут же подхватила наш цветочек и спихнула на каменный пол. Наши взгляды скрестились на явно смущенном растении.

— Чувствую, что это он приложил свой листочек к дебошу, — протянула я.

А Нольвен, погладив Лилея, добавила:

— Прости, но на лавку тебе нельзя. Нам тут следы огня не нужны. Мы будем стоять намертво: ничего не видели, ничего не слышали.

— Мне кажется, это реакция на спирт, — задумчиво произнесла я. — Вино было отвратного качества. Первые пару бокалов еще можно было пить, а потом...

— А потом подавали компот со спиртом, — кивнула Нольвен. — Я тоже заметила. Думаешь, пожар — это случайность?

Нахмурившись, я постаралась восстановить цепочку событий. Вот только голова была тяжелой, а мысли неповоротливыми и медленными.

— Смотри, мы забрали Лилея и вернулись на свои места. До салюта оставалось с полчаса, да? Бабочки уже начали сливаться друг с другом так, чтобы на каждого выпускника приходилась только одна иллюзия.

— Эти иллюзии нехило тянули силу, — кивнула Нольвен.

— Обязательное условие качественного салюта. И потом, минут за двадцать до салюта, Лилея вновь понесло на приключения. Кстати, про компот — это не преувеличение. Он запустил корешок в мой бокал и вытянул весь спирт, оставив только вишневую сладкую жижу. — Я погрозила цветку пальцем. — Лилей, у людей алкоголизм почти не лечится, а у тебя и подавно не пройдет!

Лилей поник, его соцветия в очередной раз сменили цвет и истончились, неестественно вывернувшись.

— Не обижай ребенка, он больше так не будет, — тут же заступилась за него лисонька. — А когда он успел сбежать? Мы вроде следили за ним.

— Ты как раз объясняла Миале, как качественно и с гарантией проклясть человека поющими фурункулами, — усмехнулась я. — А Лилей рванул на другой конец стола, вспрыгнул на него и со смачным шлепком отвесил Стевену пощечину целым пучком листочков. Как раз в то же место, куда и я ему засветила. После чего наш цветочек скрылся под столом. Все это было настолько быстро, что вряд ли кто-то что-то заметил. Я это увидела только потому, что сама примеривалась сдернуть с Тенеана иллюзию.

— О, так вот кто снял иллюзию, — захихикала Нольвен. — Я-то уже на результат любовалась. Ребята сгрудились вокруг Тенеана и принялись врачевать фурункулы. Это я очень хорошо помню.

— А вот Тревёр отказалась, — с удовольствием произнесла я. — Причем диагностировала верно: модифицированное проклятие четвертого круга. Но лечить не стала.

— И вот в этой суматохе, где каждый хотел попытаться удачи в исцелении твоего проклятья, загорелся пол. А потом вообще что-то дикое началось. — Нольвен нахмурилась, что в неярком свете Лилея выглядело жутковато. — Ни за что не поверю, что наши сокурсники и сокурсницы могли так испугаться. Мы все же целители. Спокойные и уравновешенные люди. Уже к третьему курсу никто не падал в обморок в анатомическом театре, а тут огня испугались! Да еще и такого слабого.

— Тот огонь, — я посмотрела на довольного Лилея, — и был работой нашего цветочка. Только зачем, Лиль?

Чувствуя, что его никто не осуждает, он распушился и выдвинул вперед несколько покалеченных листочков.

— Ого, — Нольвен слезла с лавки и присела на корточки перед цветком, — на тебя в суматохе наступили?

И Лилей согласно склонил соцветия.

— А что потом было? — Я нахмурилась. — Дым был странный, у меня голова тяжелая, как будто я не два бокала вина выпила, а раз в десять больше.

— Может, у парней было что-нибудь травнически-незаконное? — пожала плечами Нольвен. — Я больше не понимаю, почему из всех

прихватили только нас.

— Потому что Стевен в драку полез, — фыркнула я. — Забыла, что ли? Когда всех вытащили во двор, он полез к нам.

— Я помню, — оскорбилась подруга, — но он полез, а не мы.

Немного помолчав, я задумчиво сказала:

— Вокруг нас уже не было бабочек. Так что нас, скорее всего, посчитали выпускницами военки, которые и заварили всю эту кашу. Готова поставить на это все свои конспекты. Но это неважно. До утра осталась всего пара часов, а нам нужно придумать, куда прятать Лилея.

Цветок заинтересованно встрепенулся.

— Прятать?

— Мы его украли, — напомнила я. — Да, с полного согласия работника парка, но — украли. И сейчас мы, на минуточку, в казематах.

Лилей тут же принялся менять свой внешний облик, но ему не хватало сил. Или питания? В общем, он постепенно возвращался к прежнему облику. Только цветы были тощенькими и все так же неестественно вывернутыми.

— Ты больше не поджигаешь? — спросила я цветок, и тот неловко пошевелился. — Тогда забирайся мне на голову и попробуй притвориться частью прически.

И уже через пару минут я остро пожалела, что все это затеяла. Тонкие корешки, оплетающие отдельные волосинки, порождали непередаваемо мерзкие ощущения. Я вытаращила глаза и крепко вцепилась в лавку, потому что больше всего мне хотелось запустить пальцы в волосы и со вкусом почесаться. Так почесаться, чтобы разодрать кожу головы в кровь.

— А теперь я знаю, что чувствуют блохастые псы, — сдавленно просипела я.

— Зато Лилей спрятался почти полностью, наружу только цветочки торчат, — утешила меня Нольвен.

— У меня нет столько волос, — усомнилась я. — Он же крупный.

— Жить хочет, — пожалала плечами Нольвен. — Давай поиграем?

— Ты взяла карты? — заинтересовалась я.

— Не, поназываем медицинские проклятья, — пояснила моя лисонька. — Кто меньше знает, тот забирается на лавку с ногами и

кукарекает.

— Ну давай, — прищурилась я.

Битва вышла славной. Мы азартно перекрикивали друг друга, вспоминая самые старые и изощренные проклятья, но, увы, я проиграла. Это даже не было обидно — проиграть в такой игре одной из рода Лавант совсем не стыдно.

Одна беда: именно в тот момент, когда я (весьма музыкально) кукарекала, дверь в нашу камеру открылась и внутрь вошла Мера. В сопровождении того толстячка, который нас сюда определил.

— Преемственность поколений, — хмыкнул он и кивнул на стену. — Вон там ваша бабушка, квэнти Конлет, нацарапала неприличное слово. А сверху заполировала его каким-то хитрым проклятьем — ни закрасить, ни соскоблить.

— Мэль, детка, рассвет еще не наступил, — усмехнулась бабушка, — рано ты глотку драть начала. Давайте, девоньки, на выход.

— А что хоть случилось? — спросила Нольвен. — Мы как-то даже понять ничего не успели.

— Там еще работают специалисты, — толстячок заговорщицки улыбнулся, — скажу по секрету: кто-то из ваших сокурсников притащил одну, м-м-м, сушеную травку, которая сгорела и оставила после себя, м-м, не слишком хороший дым. Но, будто этого было мало, ваша сокурсница, Миала Росхем, упала прямо в огонь и ее бабочка, уже полностью готовая к созданию фейерверка, этот самый фейерверк и устроила.

— А все остальные иллюзии были настроены по принципу цепной реакции, — кивнула я. — Ну а нас-то за что?

— Не признали вас мои стражники, — засуетился толстячок. — Алвориг Тенеан кричал, что все из-за вас, вот вас и прихватили. Подумали, что боевики в преддверии Турнира воду мутят.

— Хорошо, — согласилась я. — Тогда Стевена за что?

— Ну а где же это видано, чтоб мужчина с кулаками на женщину лез? — удивился толстячок. — Да еще без объявления дуэли? Вот и его упаковали. Остальных отвезли в столичный дом исцеления.

Мы с Нольвен переглянулись и, готова поспорить, подумали об одном и том же: «Этот выпускной запомнят надолго».

Вслух же я сказала совсем другое:

— Спасибо вашим стражникам, что увезли нас сюда, а не в дом исцеления. Нам там потом работать, а такие вещи забываются очень долго.

— Или не забываются никогда, — с хорошим чувством момента произнесла Мера и добила нас: — Ну, за мной, курочки. Ко-ко-ко.

— Ку-ка-ре-ку, — поправила ее я.

Стивен, подошедший к решетке своей камеры, проводил нас растерянным взглядом. И, когда мы уже подошли к лестнице, он крикнул:

— Я не знаю, почему пытался тебя ударить!

— Я знаю, — фыркнула Нольвен, — потому что ты, мх-х-х, низко интеллектуальный индивидуум с ограниченной социальной ответственностью.

— Это, прости, какое слово было? — с уважением спросила у лисоньки.

— Нормальное, — буркнула сердитая подруга. — Подходящее для этого... Аргх! Подходящее для этого ничтожного представителя мужской части Сагерта.

Наклонившись к Нольвен, я шепотом произнесла два слова, и она, хмыкнув, буркнула:

— Второе. Хотя первое тоже он, но как-то оно недостаточно экспрессивно. Не передает всю гамму чувств, так сказать.

Перешептываясь, мы выбрались наружу, жадно вдохнули свежий ночной воздух и погрузились в плат. Я уже успела облегченно выдохнуть — Лилей остался незамеченным, — как этот толстяк указал на меня рукой:

— У вашей внучки изысканный вкус, одно непонятно: как вы придали цветку столь необычный оттенок?

Бабушка скептически посмотрела на меня, пыхнула трубочкой и спокойно сказала:

— Вам для дела или так?

— Для дела. — Толстячок промокнул лоб платочком. — Жена у меня до чего любит такие вещи!

— Девочки пришлют вам письмо, где все подробно и обстоятельно опишут, — уверенно произнесла Мера и запрыгнула в плат. — А сейчас, уж простите, не до того: я старая, у меня режим.

Плат поднялся вверх, а мы с Нольвен приготовились к головной уборе.

— Что, жмуритесь от ужаса? — хмыкнула Меровиг. — Бойтесь-бойтесь, бабушка сердита.

— А можно узнать, на что конкретно ты злишься? — осторожно спросила я.

— У вас было столько свободного времени, — прищурилась бабушка, — неужели не угадали?

Мы предпочли промолчать. Глядишь, какие-то наши выкрутасы мимо пройдут.

— Я была спокойна, — Мера смотрела вперед и уверенно правила платом, — ну сожгли кабак, туда ему и дорога. Вечно вино спиртом разбавляют. Вот только парнишка, присланный алворигом Солсом, радостно выболтал мне, что огонь был особенный. И что даже Гарт не смог его погасить с первого раза. Сразу оговорюсь, что это за «Гарт», я понятия не имею. И тогда я решила разобраться в произошедшем.

У меня в прическе началось активное шевеление. Казалось, что Лилей пытается полностью слиться с моей прической.

— Значит, вы не сердитесь? — опасливо уточнила Нольвен.

— Я разочарована. — Мера перевела на нас взгляд. — Я выпустила из дома двух взрослых девиц, дипломированных целителей. А оказалось, что вы просто гырбы безмозглые! И даже сейчас вы не понимаете, что происходит, да? Вот скажи мне, Мэль, что за существо притаилось в твоих волосах?

— Это Лилей, — улыбнулась я, — мы...

— Украли его из парка, — вместо меня продолжила бабушка. — Это я уже знаю. Как там? Погиб из-за случайного огненного шара.

— Он хороший, — робко произнесла Нольвен. — Тот парнишка хотел убить несчастного.

— А что вы о нем знаете? — тяжело вздохнула Мера. — Вы знаете, как за ним ухаживать? Вы знаете, опасен ли он? И если опасен, то что делать, если нападет? Вы хоть что-то знаете о ложных лилейниках?!

— Мы планировали заглянуть в библиотеку, — тихо призналась я.

Больше мне хотелось сказать, что у нас не было выбора: все-таки Лилей сам решил к нам присоединиться. Но за фразу: «У меня не было

выбора» — бабушка сразу бьет по губам. И до того хлестко бьет! Мне хватило ровно двух раз.

— У нас был выбор, — уверенно произнесла Нольвен. — Искалечить живое и чувствующее растение или забрать его с собой. У него половина жгутиков изорвана: он пытался найти того, кто заберет из парка, но получал в ответ только жестокость. Он ведь не может говорить, как ему просить о помощи? Этот паренек, служащий, шел к нам и одновременно надевал толстые рукавицы. Он не собирался распутывать жгутики Лилея, нет. Он планировал легко и быстро оторвать их и бросить несчастного обратно на землю.

Меровиг прищурилась и, опустив плат во дворе своего особняка, сказала:

— Эти жгутики отрастают заново, и довольно быстро.

— Но ему больно, — возразила я. — Может, недолго. Но это не повод рвать его на части.

— Не повод, — согласилась бабушка, — но и ты не можешь отрицать, что вы поступили совершенно безответственно. В нашем мире так много опасностей, и вы просто берете и забираете с собой разумное растение. Он ведь может быть ядовит, Мэль. А еще он может удушить тебя или запустить корни в твое тело. Как сейчас он оплетает твои волосы, так же он может оплести твои легкие.

Я опустила глаза и вздохнула. Да, наверное, мы и правда повели себя безответственно, но я не жалею. Лилей своеобразное существо, но он не злой.

— По твоему упрямому виду мне ясно, что стыдливого покаяния можно не ждать, — покачала головой бабушка. — Балбески вы. Вся моя седина — ваша вина.

— Но у тебя нет седых волос, — возмутилась я.

Меровиг на мгновение запнулась и тут же кивнула:

— Да, снаружи нет. Но ты даже не представляешь, какая седая у меня душа! Все, быстро в дом и спать. Вам с утра еще алворигу Солсу письмо писать.

— Но мы не знаем, как перекрасить цветок, — Нольвен сцедила зевок в кулак и развела руками, — совсем не знаем.

— А разве это моя проблема? — удивилась бабушка. — Что мешало спрятать цветок под блузку? Снять жакет и завернуть его в него?

Мы с Нольвен переглянулись и тяжело вздохнули:

— Не подумали.

— То-то же. Значит, утром и новое заклинание придумаете, — бабушка широко улыбнулась, — доброй ночи.

— Доброй ночи, — уныло отозвались мы. — Только где мы спим-то?

Бабушка как-то рассеянно оглядела свой темный особняк и кивнула на мансарду:

— Там. Я постелила вам на полу, на матрасах. Не вижу смысла делать ремонт: занятия в военке вот-вот начнутся. А вы еще даже собеседование не прошли. Сколько дел, сколько дел.

Покачивая головой, Мера прошла на кухню. Мы сунулись было за ней, но были отправлены спать.

— Не в вашем возрасте по ночам кофе пить. — Меровиг махнула на нас полотенцем. — Оставьте бабушку в покое, бабушке надо запить стресс.

Поднявшись на второй этаж, мы с Нольвен вошли в приготовленную для нас комнату. И в унисон выдохнули:

— Да на нее весь Кальстор шпионит!

Между двух плотных и высоких матрасов стоял горшок с черной жирной землей. И кувшин с чистой водой. Все это великолепие подсвечивалось гроздью осветительных шаров нежно-розового оттенка.

— Лилей? — позвала я, и цветок тут же принялся выпутывать корешки из моей прически.

— У тебя такое лицо, будто ты готовишься убивать, — хихикнула лисонька.

— Есть такое, — согласилась я и, едва Лилей шмякнулся на пол, запустила пальцы в волосы и яростно почесалась.

— Смотри-ка, ему нравится, — Нольвен кивнула на нашего друга-алкоголика, — впервые вижу, чтобы цветок частью корней сидел в горшке, а часть запустил в кувшин с водой.

Я только посмеялась, подобрала с одеяла ночную рубашку и ушла за ширму, стоящую в углу. Переодевшись, я вытащила из сундука старую мягкую щетку и села разбирать волосы. Хорошо, что у бабушки достаточно наших с Нольвен вещей. Сколько раз нам

доводилось ночевать в мансарде? Раз пять, наверное. Но это всегда было интересно и захватывающе.

— Что будем делать с заклятьем? — Моя лисонька тоже переделалась и плюхнулась на свой матрас.

— Сначала выспимся. Мы в казематах провели часов пять-шесть, — я зевнула, — и ничего не делали. Но устала я так, будто к выпускным экзаменам готовилась, а в перерывах целину копала. Как тогда, на практике с травниками.

Нольвен передернулась:

— Я после той практики неделю кровавые мозоли сводила. Доброй ночи.

Я собрала волосы в простую косу и, забравшись под одеяло, отозвалась:

— Добрых снов. Погасни.

По кодовому слову шары перестали светиться и прилипли к потолку. Закрыв глаза, я полностью расслабилась и практически мгновенно уснула. Еще успела подумать, что надо наколдовать будильник, но, увы, сделать этого не успела.

Глава 4

Все утро мы с Нольвен провели в бабушкиной библиотеке. Сама Мера в это время пила кофе, дымила трубкой и ехидно комментировала наши жалкие попытки рассчитать заклятье для смены окраса у цветущих растений.

— Может, мы напишем алворигу Солсу, что это редкое фамильное заклятье? — мрачно спросила я и помассировала шею. — Уже десятая ромашка лепестки отбросила!

— А что вы будете делать, когда вновь попадете в казематы? — с нескрываемым интересом спросила Меровиг.

— Мы туда не попадем! — возмутилась Нольвен.

— Да вы вроде и в этот раз не собирались, — бабушка флегматично пожала плечами, — но ведь попали.

— Так-то да, — вздохнули мы с лисонькой в унисон.

— Попробуйте перестать считать и начните думать, — посоветовала Мера и встала, — мы с алворигом Нортренором идем на прогулку, к морю. У вас два часа на все.

— А что потом? — настороженно спросила я.

— А потом у вас собеседование с ректором Сагертской Военной Академии. Я не предупреждала?

— Нет, — обиженно произнесла я.

— Ну, значит, предупредила. — Мера пожала плечами и встала. — Давайте, девочки, думайте, прежде чем за таблицы хвататься.

Дверь библиотеки захлопнулась, и в этот же момент Лилей высунулся из своего горшка. Удивительно, но цветок мог полностью зарыться в землю. Хотя, возможно, ему это удавалось из-за священного трепета перед бабушкой? Мера этим утром долго и вдумчиво беседовала с Лилеем и, как мне кажется, обрисовала ему его яркое, но недолгое будущее, если он применит к нам свой яд.

— Почему мне кажется, что ей известно заклятье, которое нам нужно? — мрачно спросила Нольвен и положила голову на скрещенные руки.

— Кажется? Да я в этом уверена! Бабушка и ее экстремальное обучение. — Вздохнув, я встала из-за стола и повела плечами. —

Может, по чаю?

— Ага, по чаю, — буркнула моя лисонька и подтащила к себе ворох таблиц с классификацией всех общеизвестных заклятий. — Скажи еще — с печеньем.

— Можно и с печеньем, — я пожалала плечами, — почему нет?

Нольвен укоризненно посмотрела на меня и наставительно произнесла:

— Потому что под чаек с вкусняшкой время летит втрое быстрее. Оглянуться не успеешь, а уже пора на ковер к ректору Аделмеру. Чай — это магия, пожирающая время.

— Но ведь оттого, что мы бессмысленно пялимся в таблицы, ничего не меняется. Лилей, у тебя есть идеи?

Цветок забавно напыжился, а после изобразил тяжкий вздох. Ясно, идей нет ни у кого. Хотя...

— Знаешь, — я села обратно за стол, — стоит набросать письмо алворигу Солсу.

— С надеждой на ухудшение его зрительного нерва? — с интересом спросила Нольвен.

— Нет, — я улыбнулась, — с чистосердечным признанием.

Моя лисонька вновь отложила таблицы и подперла подбородок кулаком:

— М-м-м, что-то вроде: мы, такие-то такие-то, в такой-то день совершили хищение...

— Не-а, — я улыбнулась. — Мы, такие-то такие-то, честно признаемся в том, что не знаем заклятья, способного надежно перекрасить цветущие растения. Напишем, что сделали все вручную, при помощи пищевой краски, а после зафиксировали все косметическим щитом.

Несколько секунд Нольвен молчала, после чего выдохнула:

— И я готова поспорить, что Мера именно это и имела в виду. Пиши, Мэль. У тебя почерк лучше.

Набросав послание, мы с лисонькой запечатали его и положили в почтовый ящик. После обеда оно отправится к адресату.

— Теперь чай. — Нольвен потерла ладони друг об друга.

— Погоди, — я вскинула руку, — дяде напиши.

— Пф, я все сделала, пока кто-то плескался в ванне, — фыркнула лисонька. — Так что — чай.

И воистину, моя бесценная подруга была права: мы не успели толком насладиться вкусом нежнейшего зефира, как домой вернулась Мера.

— Видела письмо в ящике, — с ходу произнесла бабушка. — Ну что, включили разум или выключили инстинкт самосохранения?

— Чего? — оторопела Нольвен.

— Я говорю, додумались до решения проблемы или отказались разглашать семейные тайны?

— Мы написали, что красили цветок вручную, — улыбнулась я. — Чай будешь?

— Какой чай, — отмахнулась бабушка. — Плат уже ждет: пора на собеседование.

— А почему в такую рань? — спросила я и жестом отправила чашки в раковину, а зефир в коробку и на полку.

— Чтобы вы успели заполнить все документы и получить форму. И заселиться. Поторопитесь — будете жить в одной комнате.

— Поторопимся! — хором произнесли мы с лисонькой и рванули вверх — собираться.

Впрочем, одежда — все те же брючные костюмы — была приготовлена еще с утра. Так что нам оставалось только быстро-быстро переодеться и вперед, на ковер к Риордану Аделмеру.

— Не знаешь, что нас ждет? — опасливо спросила Нольвен. — Просто, знаешь, твоя бабушка потрясающая. Но они с ректором родственники... Что, если они похожи?

— У Аделмеров сильная кровь, — рассеянно отозвалась я. — Они все на одно лицо.

— Лицо... Что лицо, если я про характер, — проворчала Нольвен.

На мгновение я впечатлилась, но тут же вспомнила, что ректор — это административная должность. А значит, чтобы меньше контактировать с дальним родственником, нужно просто не нарушать правил. Ну или не попадаться.

— Все, я готова. — Нольвен повернулась ко мне. — А ты?

— И я. Надо выпросить у бабушки ее чудо-гребни. Ну что, ты готова стать одной из лучших студенток военки?

Нольвен скептически на меня посмотрела:

— Я готова плестись в хвосте. Где мы, а где боевка, если говорить о профильном обучении.

— Это да, — согласилась я. — Но мы-то станем частью высшей ступени. Там, кажется, профильное становится дополнительным. Вначале боевых магов учат, собственно, боевой магии, а потом дообучают остальным дисциплинам.

— Профильное остается профильным, — закатила глаза Нольвен. — Просто зачеты сдавать не надо — там уже идет индивидуальное оттачивание навыков и большая часть студентов имеет собственных тренеров.

Я пожалала плечами и вышла из комнаты. Конечно, я не рассчитываю стать лучшей. Да у меня и нет такой цели. Мне нужно получить место в группе полевых целителей. И пройти распределение на практику в доме исцеления. В хоть каком-нибудь доме исцеления... На столичный я не рассчитываю: там все места записаны за студентами Высшей Академии Целительства.

* * *

Всю дорогу Мера загадочно улыбалась. Это, если честно, немного напрягало. Не то чтобы у бабушки не бывало хорошего настроения, нет. Просто обычно оно чем-то обусловлено.

— Чую подвох, — шепнула я Нольвен.

Моя лисонька нервно покосилась на лучащуюся довольством Меру и нервно ответила:

— Сплюнь. И по дереву постучи.

— Подлетаем, — промурлыкала Мера и предвкушающе потерла ладони. — Как вы помните, девоньки, платы по территории Академий не летают. Сейчас получите гостевые пропуска и вперед, на собеседование.

Последнее слово бабушка произнесла с такой глубокой интонацией, что мне подурнело.

«Это просто еще одна Академия, — строго выговорила я себе. — Ничего такого, с чем бы я не сталкивалась раньше. В конце концов, у нас тоже был дуэлинг».

Мы выгрузились из плата, получили у дежурного одноразовые пропуска на учебную территорию и на развилке уверенно свернули на черную дорожку. Кто-то умный однажды решил выделить направления

к разным Академиям разными цветами. Целителям достался белый, стихийникам красный, а боевым магам — черный. Из-за этого в народе даже появилась поговорка «Пойти по черной дорожке». Хотя лично я считаю, что больше всего с цветом не повезло нам, целителям. Хорошо еще, что мы с Нольвен ни разу не попались на нарушении правил. Но другие ребята рассказывали, как мучительно отмывать и очищать белоснежные камни.

— Сагертская Военная Академия, — заговорила вдруг бабушка, — делится на две ступени. Низшую — с первого по пятый курс, и высшую — шестой и седьмой курсы. После низшей ступени боевой маг получает медную бляху и может идти на все четыре стороны. И только пройдя высшую ступень обучения студент получает диплом. Собственно, я это говорю к тому, чтобы вы не удивлялись отсутствию второго здания. И второго названия. Сагертская Военная Академия невелика, просто часть учеников уходит после пятого курса.

— А кто уходит? — заинтересовалась я.

— Те, кто не могут обучаться дальше. Есть те, кого просто не берут, есть те, кто не тянет, — бабушка пожала плечами, — все-таки Военная Академия — это не только разухабистый дуэлинг. Вот, к слову, в турнире Академий имеют право принимать участие только студенты шестого и седьмого курсов. А у вас, у целителей, могут принять участие все, кто прошел отборочные.

— А у стихийников? — спросила Нольвен.

— Да кто ж их знает? Они все с головой не в ладах, — фыркнула Мера. — Может, жребий тянут, может ждут божественного знамения.

Черная дорожка привела нас к такому же черному и массивному зданию.

— Административно-учебный корпус, — с гордостью произнесла бабушка.

— Квадратный, — задумчиво произнесла Нольвен.

— Прямо скажем, воображение не поражает, — согласилась я.

— Здесь не в чести иллюзии, — хмыкнула Мера и кивнула на распахнутые двери, — добро пожаловать, девоньки.

Мы вошли в просторный холл и тут же наткнулись на странное сооружение — прямо от дверей шло ограждение, не дававшее нам свернуть ни в одну из сторон, а впереди нас ожидала... Раскрашенная черно-белым палка? Как на заставе где-нибудь на окраине Сагерта.

— Жетоны, — мрачно произнес высокий парень в серой робе.

Мы с Нольвен, внезапно оробев, протянули выданные пропуска.

— Проходите, третий этаж, налево, дверь с подпалинами. Номера нет, — так же мрачно произнес он, изучив наши жетоны.

— Кто это? — шепотом спросила я.

— Штрафник. — Мера рассеянно почесала кончик носа. — И когда подпалины появились? Вчера ж не было.

Хорошо, что бабушка ориентировалась в этих уныло-одинаковых коридорах. Потому что я уже начала сомневаться, что найду дорогу обратно.

— И правда подпалины. — Бабушка присела на корточки, колупнула сажу и растерла ее между пальцев. — А! Обсуждали бюджет, и Лефлет слегка психанула. Ну да, алхимикам постоянно урезают содержание.

С этими словами Мера постучала в дверь и одновременно открыла ее, не дожидаясь ответа.

— Ректор Аделмер, — она улыбнулась, — а вот и мои птенчики.

Шагнув следом за бабушкой, я чуть не запнулась о загнутый край ковра. Нольвен вовремя успела меня подхватить и не дать упасть.

Кабинет ректора Аделмера тоже не поражал воображение — все строго, функционально и без каких-либо украшений. Многочисленные полки, едва ли не прогибающиеся под весом бумаг и всевозможных шкатулок, массивный стол, до половины заваленный папками, и три простых стула. Очевидно, для нас.

— Присаживайтесь. — Ректор кивнул на стулья. — Изучив ваши документы, я счел возможным пойти навстречу вашему желанию обучаться у нас. Из вас могут получиться достойные дипломированные специалисты. Но есть несколько нюансов.

Он сделал паузу, выхватил из воздуха массивную красно-коричневую трубку и принялся набивать ее табаком. Через пару минут по кабинету поплыл насыщенный шоколадно-грушевый аромат.

— Моя слабость, — тонко усмехнулся ректор и сверкнул синими, как у нас с Мерой, глазами. — Вы должны будете дать клятву о неразглашении наших методов обучения. Ее дают все студенты, начиная с первого курса.

Мы с Нольвен ошеломленно переглянулись, и я решилась задать вопрос:

— Но для чего это?

— Боевая магия не игрушки. — Ректор Аделмер присел на свободный край своего стола. — Не хватало еще, чтобы наши ученики принялись брать своих учеников. После основного обучения — пожалуйста, это даже приветствуется. Но вместо — ни за что. На Севере достаточно проблем, чтобы еще и переполнить наши земли боевиками-недоучками.

Пыхнув трубкой, он задумчиво добавил:

— У нас особые правила обучения. И особое отношение к студентам.

Глядя на ректора, я видела в нем черты Меры. И что-то мне подсказывало, что схожи они не только чертами лица.

«Кровь не водица», — отстраненно подумала я и поежилась. Кажется, скучно здесь не будет...

— У меня не так много времени, — ректор положил трубку на подставку, — поэтому младшей ступени военной академии я внимания практически не уделяю. Административные обязанности, будь они неладны. Но зато все свои силы я направляю на высшую ступень. Понимаю, многие путаются, ведь другие академии высшим курсам выстроили отдельные здания и дали пафосные названия. Не вижу в этом смысла. Роза пахнет розой, да.

Он вновь взял трубку, выбил ее и растворил в воздухе.

— С навозом та же история, — кивнула Меровиг. — Что ж, девочки, скоро увидимся. Подписывайте бумаги, давайте клятвы и идите устраивайтесь. Я пока соберу вам вещи и к вечеру пришлю сундуки. Ближайшие три недели вы не сможете покинуть территорию Сагертской Военной Академии.

— Да-да, — покивал ректор, и к нам подлетело по стопке бумаги.

Мы с лисонькой переглянулись и под насмешливым взглядом ректора принялись внимательно читать то, что предстояло подписать. Никакого подвоха мы не обнаружили, но зато заслужили похвалу:

— Далеко не все мои студенты читают то, что я даю им на подпись. Впрочем, после второго-третьего промаха это проходит. Никому не нравится трудиться при кухне или в парке.

Ректор подманил к себе бумаги, вытащил из каждой стопки по листку и, оставив на плотной бумаге свой росчерк, протянул их нам обратно.

— С этим к коменданту общежития. Обратите внимание, на обратной стороне схема этажа, так что не заблудитесь. Вы получите по запечатанному чемодану с чарами внутреннего расширения. В нем будет все необходимое. Остальное пришлет Мера. Доброго дня.

Подхватившись со стульев, мы скомканно попрощались и были уже у дверей, когда ректор спохватился:

— Ах да, вы имеете право принять участие в отборочных испытаниях. Турнир начнется через несколько недель, а наша команда до сих пор не укомплектована.

— Почему? — заинтересовалась я.

— Последние шестьдесят лет турнирный кубок забирает Высшая Академия Целительства, — с отвращением произнес ректор Аделмер. — Так что, с одной стороны, стать частью турнирной команды весьма почетно, а с другой стороны, никто не хочет позориться.

— Разве проиграть сильнейшему — позор? — прищурилась я. — Ведь турнирный кубок получает тот, кто лучше подготовлен. Три круга заданий и...

— Вот и примите участие в отборочных испытаниях. — Ректор щелкнул пальцами, и в его руке появилась дымящаяся трубка. — Вы же должны были стать частью команды, верно? Лучшие выпускники обязаны принимать участие в турнире, если он выпадает на их первый год обучения.

Он пыхнул трубкой, а мне на мгновение подурнело. Стевен. Стевен будет принимать участие в турнире. Стевен получит кубок, и маленькая копия крылатой чаши будет принадлежать ему.

«Да ни за что!»

— Вы думаете, что я смогу что-то изменить? — с интересом спросила я.

— Мне интересно посмотреть, на что способна внучка Меровиг, — пожал плечами ректор. — А проиграть турнир я не боюсь — это уже привычно для Военной Академии. Круг дуэлей — мы первые по очкам, но все прочее...

Он развел руками и замолчал.

— Мы не будем обещать, что примем участие в отборочных испытаниях, — осторожно произнесла Нольвен. — Но клятвенно обещаем, что очень крепко над этим подумаем.

Ректор Аделмер пыхнул трубкой и ухмыльнулся сквозь клубы ароматного дыма:

— Подумайте, подумайте. Я вам, как ректор этой Академии, настоятельно рекомендую принять правильное решение.

— Это угроза? — оторопела я, узнав тон бабушки. Примерно таким тоном она задавала нам вопросы, на которые мог быть только один верный ответ.

— Это рекомендация, — ласково улыбнулся ректор, — а теперь идите и займитесь делами.

Выйдя из кабинета, мы с Нольвен синхронно вздохнули. Что-то мне подсказывало, что выбора нам не оставили. Вопрос только в том, как две целительницы могут помочь полностью боевой команде?

— Мэль, — позвала меня Нольвен и протянула маленький фиал с зельем. — Пора пить гадость.

Мы слишком часто использовали заклятье истинного спокойствия, и теперь, чтобы не захлебнуться эмоциями и чувствами, приходилось пить особое зелье. Моя лисонька сварила его сегодня утром, практически на коленке. А ночью... Ночью нас ждет откат. Кошмары, головная боль, сухость во рту и, периодами, потеря ориентации в пространстве.

«И вот стоило оно того?» — мрачно размышляла я, пока мы, ориентируясь по крошечной карте, шли к складу. Или как оно тут называется?

— Перерыв пять минут, — со вздохом прочитала Нольвен, когда мы уперлись в закрытые двери.

— Будем ждать. Ничего другого нам не остается.

Я подошла к окну и оперлась бедром на узкий подоконник. Будь он пошире, можно было бы присесть.

— Мэль, — окликнула меня лисонька, — а ты...

— Моль? — раздался чей-то манерный и неприятный голос. — Кто бы мог подумать, что кто-то назовет своего ребенка так.

Мы с Нольвен резко повернулись и увидели высокую, стервозно-красивую девицу в форме Военной Академии.

— Блеклые глаза, блеклая кожа и черные волосы, — тут же ощетинилась моя лисонька. — Никак у рода Вайрин еще одна девица. Шестая, если я не ошибаюсь. Кто бы мог подумать, что кто-то будет

плодить бесприданниц. В наше-то время, когда наложить печать на свою утробу может любая колдунья.

— Да, я из рода Вайрин, — хищно усмехнулась девица и сверкнула глазами, — рода, который славится своими боевыми магами.

— Теперь перестанет, — хмыкнула Нольвен. — Шестеро девчонок — и только одна в Военной Академии. За мужем пришла?

— Ах ты...

— Приятно видеть новые лица. — По коридору к нам стремительно приближался высокий и ужасно худой мужчина. — Ильяна, сразу говорю: нет, ты не можешь поменять комнату. За все годы учебы ты сменила семь соседок. У всего есть предел! У моего терпения — тоже. Если твоя соседка опять подаст на тебя жалобу — будешь жить в городе. А ты знаешь, что это значит.

Квэнти Вайрин поджала губы, гневно фыркнула и, круто развернувшись, удалилась.

— А вы, значит, новенькие? Ага-ага, — он взял наши листочки, — ага. Хорошо, сейчас все выдам. И вот еще что: совсем свободная комната только одна, но там есть некоторые, мгом, недостатки. Вы можете поселиться в соседних или...

— Мы смиримся с недостатками, — поспешно сказала я.

— Да? — скептически посмотрел на нас комендант. — Хорошо. Тогда ваша комната сто четыре, на третьем этаже. Выйдете из административно-учебного корпуса, повернете налево, потом направо, отсчитаете три левых ответвления и... Я вижу, как стекленеют ваши глаза, девочки.

Мы с Нольвен виновато потупились.

— Ладно, — комендант махнул рукой. — Создам вам путеводный шарик. Но чтобы за первую неделю выучили, где что находится! Если встречу вас — проверю.

Через несколько минут мы почти бежали за путеводным шариком: комендант предупредил, что у него плохо получается это заклятье и оно может развеяться.

Но до здания общежития мы добежать успели.

— Оно одно? — удивилась Нольвен.

— Одно. — Я медленно осмотрелась. — Странно.

Мы подошли к массивным дверям, подле которых стояло несколько девиц.

— Оранжевые цветочки и не знали, что в Военной Академии есть женский этаж, но нет женского общежития, — ехидно пропела одна из студенток.

— Если мы — оранжевые цветочки, — я прищурилась, — то вы — полевые колючки?

— Сорная трава, — хмыкнула Нольвен и опустила свой чемодан на землю. — Для боевых магов слишком самоуничижительно.

— Языкастые, — усмехнулась заводила и зажгла в руках огненный шар. — Будет интересно поиграть.

Прямой стычки я не опасалась: среди листов, которые мы прочли и подписали, были и правила Военной Академии. Правил этих, к слову, было немного. Но они ясно и недвусмысленно запрещали студентам калечить друг друга где-либо на территории трех Академий. Единственное исключение — дуэльные площадки.

Нольвен насмешливо фыркнула и погрозила студентке пальцем:

— Тц-тц-тц, дорогая. Ты же не хочешь влететь на штрафные работы? Первое проклятье с тебя, а дальше...

Рука моей лисоньки на мгновение окуталась черной дымкой.

— А дальше посмотрим. За тобой пять лет отвязных тренировок, а за мной общая подлость характера.

— Тальвин Блант, — девица погасила огонь, — шестой курс Военной Академии.

— Маэлин Конлет, шестой курс Военной Академии, — в тон ей отозвалась я.

— Нольвен Лавант, — с усмешкой произнесла моя лисонька. — И вот странно — тоже шестой курс Военной Академии.

— Сандра Лерсан, — неохотно представилась невысокая светленькая девчонка, стоявшая за спиной Тальвина. — Шестой курс, специалитет — военный лекарь.

— Ирисса Легран, — так же мрачно буркнула третья, темноволосая и темноглазая девушка. — Седьмой курс, специалитет — боевая алхимия.

— И к чему этот теплый прием? — спросила я, видя, что нападать никто не собирается.

— Слухи ходят, — туманно ответила Тальвин. — Что в военку пришла родственница самого ректора и теперь ее будут целовать во все подобающие и неподобающие места. И что для нее уже подготовлено место в турнирной команде.

— Моя бабушка в девичестве Аделмер, — серьезно сказала я. — Вот только я — первая в списках лучших выпускников Сагертской Академии Исцеления.

— А я — четвертая, — так же серьезно ответила Нольвен. — Ректора Аделмера мы сегодня увидели впервые, но он не похож на того, кто будет подсуживать своему родственнику.

— И да, я собираюсь принять участие в отборочных испытаниях, — я посмотрела в серые глаза Тальвин, — потому что для меня не будет большей радости, чем встретиться в дуэльном круге с лучшим выпускником Сагертской Академии Исцеления.

— Ты сказала, что ты — первая в списке, — тут же прищурилась Тальвин.

— А мы не так близки, чтобы я изливала тебе душу, стоя на пороге общежития с тяжелым чемоданом в руках и...

— У тебя грудь шевелится, — оторопело произнесла Сандра. — Ты пронесла на территорию животное?! Это карается исключением.

— Это цветок, — успокоила я ее. — Они разрешены к содержанию в общежитии.

Непоседливый Лилей, который только чудом сдержал свое любопытство во время разговора с ректором, высунул цветок и несколько жгутиков. И все три наши новые знакомые с визгом отпрянули назад:

— Это ложный лилейник!

— В анкете мы написали «герань», — задумчиво произнесла моя лисонька. — Быть может, мы слегка плохо образованны?

Подмигнув, Нольвен подхватила чемодан и пошла вперед. Я, коротко попрощавшись, последовала за ней.

— Не так и плохо, — сказала я, когда мы, следуя за указателем, поднялись на третий этаж. — Я ожидала худшего.

— Оно будет, — утешила меня Нольвен. — Раз кто-то распускает слухи, то нас будут пробовать на зубок. Просто позже и умней. Это ведь даже не боевички, а такие же целительницы, как и мы с тобой.

— Ну-у, я бы так не сказала. Огненный шар — это огненный шар, — с сомнением протянула я.

— Ты тоже можешь его скастовать, — напомнила мне Нольвен.

— Да, — согласилась я. — Только он на ладони не держится, а улетает. И предугадать траекторию его полета не может даже твой дядя.

— И он, между прочим, называет это твоим тактическим козырем, ведь в тебя шар не летит, — хихикнула моя лисонька.

Коридор третьего, женского этажа был выкрашен в самый жизнерадостный цвет — серый. Серые стены, пол и потолок. Да, на эту краску лучше всего укладываются осветительные заклатья, но... Хоть бы какую-нибудь иллюзию бросили! Ну мрак же, как тут жить?

— Комната сто четыре, — прочитала Нольвен, когда мы дошли до конца коридора. — На что ставишь? Я за протекающий потолок и разбитые окна.

— Я ставлю на испорченные стены и пол, потому что выше не крыша, а еще один жилой этаж, — отозвалась я.

— Точно, — скривилась Нольвен. — Ну что, посмотрим, где нам предстоит жить ближайшие два года?

Толкнув дверь, мы вошли и, осмотревшись, ошеломленно замерли.

— Так, — нахмурилась моя лисонька, — и в чем подвох?

Я недоуменно пожала плечами и прошла чуть вперед. Попрыгала, колупнула ногтем гладкую свежеекрашенную стену и задумчиво произнесла:

— Пока не знаю, но уверена: подвох есть, и он должен быть гигантских размеров.

Я была уверена в своих словах, потому что комната объективно была великолепна. Большое окно с узкой дверкой, ведущей на маленький балкон, две постели, вокруг которых переливалось марево защитного полога, два маленьких стола и один огромный общий шкаф. И гроздь осветительных шаров, прилипшая к потолку.

— Может, еще попрыгать? — с сомнением спросила Нольвен. — Почему-то же здесь никто не живет!

Лилей соскользнул на пол, и мы попрыгали втроем — ничего не изменилось. Теплый деревянный пол даже не скрипнул.

— Ничего не понимаю, — вздохнула моя лисонька.

А Лилей, пошуршав по полу, грозно распушился и застрекотал.

— Отец-Хаос, чем конкретно ты издаешь эти жуткие звуки? — спросила у него ошарашенная Нольвен и подошла к сердитому цветку. — Ну, следы на полу. От обуви. Чего ты так разбушевался? Здесь никто не живет, вот пол и не помыт.

Цветок, сердито стрекотнув, вскочил на подоконник. Я, заинтересовавшись, подошла к следам и задумчиво произнесла:

— А ведь это не женский отпечаток. Обувь у всех, конечно, казенная, но размер...

Нольвен поставила свою ногу рядом с отпечатком и согласно кивнула:

— Да, такая лапища не у каждого парня бывает, а про девушек и думать смешно.

Мы начали искать, откуда ведут эти следы. И ожидаемо нашли еще несколько.

— Кто-то прошел от балкона к двери. — Я прищурилась и, осознав весь размах подвоха, коротко ругнулась.

— А подруге объяснить? — Нольвен переводила удивленный взгляд с меня на Лилея. — Что вам не так-то? Ну шорохался по комнате какой-то парень, и что?

— Женский этаж закрыт от посещения парнями, — напомнила я. — Балкон, грязные следы и...

Тут я подошла к окну, выглянула и продолжила:

— И мощный разросшийся плющ. Смекаешь?

— Ажуре-еть, — выдохнула Нольвен. — Это же подстава подстав!

— Недаром тут никто не хотел жить. — Я сердито шлепнула ладонью по подоконнику. — Через эту комнату проходит дорога счастья и любви.

— И мы теперь стоим на пути боевых магов, жаждущих общения со своими не менее боевыми подругами, — поджала губы моя лисонька. — Что делать будем? Вернемся к коменданту и располземся по разным комнатам?

Проведя пальцем по губам, я медленно покачала головой:

— Расходиться по разным комнатам не вариант. Попробуем бороться. Лилей, что думаешь?

Лилей распушился и угрожающе стрекотнул.

— Мне кажется, он за то, чтобы остаться в этой комнате, — улыбнулась я.

Нольвен чуть подвинула цветок и присела на подоконник.

— С одной стороны, боевые маги, которые жаждут любви и ласки, — медленно произнесла она. — С другой стороны, разойтись мы не можем: у нас Лилей. И заложить этих... мх-х, страстолобцев мы не можем — станем изгоями.

— Но и штурмовать балкон они не смогут, — в тон ей сказала я. — Это будет слишком заметно. А значит, в ход пойдут каверзные проклятья, щиты и колдовские отмычки. Так что, зря мы пять лет платья протирали за партами?

Нольвен прищурилась:

— В бою от нас с тобой толку мало. Особенно в настоящем сражении, где все дерутся со всеми и ничего толком не понятно. Да и дуэли не наш конек.

— Но при этом, чтобы лечить каверзные проклятья и убирать последствия неправильно наложенных заклятий, — подхватила я, — все это нужно знать в совершенстве. И, к слову, от тех, кто здесь учится, тоже мало толку в настоящем сражении. Они, конечно, боевые маги, но опыта у них нет и войну они видели только на картинках. По счастью, к Серым Скалам взяли только взрослых магов.

— Что ж, — Нольвен спрыгнула с подоконника, — надеюсь, твоя бабушка вновь знает все наперед и положит нам шторы. Приступим!

Руки моей лисоньки окутались черным дымом, и я поспешила напомнить, что мы не хотим никого убивать. А также безвозвратно уродовать и калечить.

— Жаль, — поджала губы Нольвен. — Мама не только наложила на меня вербальное проклятье, но и показала несколько своих новых разработок.

— Для нас главное — не пустить никого в комнату. И на балкон — чтобы не давили на жалость и не канючили: «Ну пустите нас, а то мы слезть не можем, а там уже обход».

Колдовали мы часа три. А то и четыре — с перерывами на обсуждение и стратегическое планирование.

— Надо стекло затемнить, — устало выдохнула Нольвен и села прямо на холодный балконный камень. — Лилей?

А цветок, не слушая окрика, соскользнул с балкона на плюш и скрылся там. Пошуршав немного, он вернулся назад. И я, сосчитав оставшиеся соцветия, севшим голосом спросила:

— А как размножается ложный лилейник?

Нольвен быстро пересчитала цветки и мрачно произнесла:

— Не знаю и знать не хочу. У нас герань.

Закончив накладывать защиту и прятать под колдовские щиты сюрпризы, мы вернулись в комнату и мрачно посмотрели на неразобранные чемоданы.

— По меньшей мере постельное белье вытащить надо, — уныло произнесла Нольвен.

— Надо спуститься вниз и заколдовать траву. — Я плюхнулась на жесткую постель.

— Зачем?!

— Чтобы никто не переломался, когда у нас все сюрпризы жахнут, — вздохнула я. — Ведь виноватыми окажемся именно мы.

— Да ладно, — усомнилась Нольвен. — Самолевитацию еще никто не отменял.

Но под моим скептическим взглядом она быстро стушеввалась и смирилась.

— Может, просто сверху сбросим пару батутных плетений? Ну третий этаж, Мэль. Вниз-вверх, а кормить нас будут только завтра!

— Ладно, — согласилась я. — Мне тоже не хочется никуда идти.

Мы сбросили вниз с десятков батутных заклятий и на этом успокоились. Никто не погибнет: даже если кто-то сорвется, его спасет заклятье, выдуманное специально для маленьких детей. Хотя Мера с помощью этого заклинания вишню собирает, так что не такое уж оно и детское. Скорее многофункциональное.

На остатках силы воли мы распаковали чемоданы и достали постельное белье. Притащенные комендантом сундуки, переданные от Меры, мы поставили в центре комнаты и твердо решили: все завтра.

— Проверим только на предмет еды, — спохватилась Нольвен.

И действительно, в первом же сундуке обнаружили две фляжки с чаем и сверток с бутербродами. И шторы.

— Я люблю твою бабушку, практически как свою, — сказала Нольвен, жуя бутерброд. — Но иногда я ее боюсь. Вешаем шторы и спать.

— Вечер только начинается. — Я покосилась за окно.

— Я устала, я буду спать. А ты как хочешь.

Крепко подумав, я решила не издеваться над уставшим организмом и тоже лечь. Сразу после того, как повесим шторы.

— А что Лилей делает? — удивилась Нольвен, когда мы при помощи магии, ругани и спешно наколдованной табуретки закрыли окно плотной темной тканью.

— Жилье свое достает. — Я подошла к сундуку и помогла цветку вытащить увесистый, полный жирной земли горшок. — Ты тоже спать?

Лилей склонил соцветия, ловко запустил корешки в землю и превратился в зеленый шар — соцветия спрятались, а узкие листочки скрутились вокруг них.

— Ответ исчерпывающий. — Нольвен зевнула. — Все по коечкам.

Переодевшись и вытянувшись под одеялом, я вспомнила о том, что мы упустили:

— Нольвен.

— М-м-м, — раздалось с кровати Нольвен.

— Мы дверь не заколдовали.

— Угу.

Моя лисонька всегда быстро засыпала, и разбудить ее было крайне сложно. Поэтому запор на дверь мне пришлось изобретать самостоятельно.

— Всем спокойного сна, — шепнула я и закрыла глаза.

И если б я только знала, какое нас ждет пробуждение...

Дрегарт Катуаллон

Здесь, в стенах целительского крыла, привычная боль отступила и ей на смену пришел чужой болезненный интерес. Я ощущал его кожей — взгляд пожилой колдуньи был наполнен смесью страха, отвращения и любопытства. Ее можно понять, перед ней, в конце концов, редкий представитель магического сообщества — живой Круг Истины.

— Вы можете быть свободны, студент Катуаллон, — проронила наконец квэнни Горм. — Хотя я бы предпочла понаблюдать за вами в течение пары дней.

— Благодарю, но не стоит. Иные целители уже наблюдали меня в течение пары месяцев, — с усмешкой ответил я.

На выходе из вотчины целителей меня перехватили близнецы.

— Ты должен поговорить с ректором, — с места в карьер начал Фил.

— Что сказала квэнни Горм? — одновременно с ним спросил Фраган и недовольно добавил: — Остынь, братец. Ректор принял решение, и изменить его не сможет никто.

— То же, что и всегда: можете идти, я бы вас понаблюдала, — усмехнулся я. — О чем я должен поговорить с Аделмером и почему?

— Можно подумать, она найдет что-то, чего не нашли другие целители. — Фраган закатил глаза. — Она все-таки школьная целительница — зарастить порезы, склеить кости. С чем-то сложным — в городской дом исцеления.

— А когда ее внучка тут практиковалась, ты так не говорил, — заржал Фил. — Дала тебе красotka от ворот поворот, а все потому, что не следует боевому магу к приличной девушке в мужья набиваться. Так она, кажется, сказала?

— И кто придумал, что братья должны друг друга поддерживать? — как будто в пустоту спросил я.

— Его подменили в младенчестве, — процедил помрачневший Фраган.

— Какие мы обидчивые. — Филиберта нисколько не тронуло недовольство брата, и он как ни в чем не бывало продолжил: — Ректор ерунду придумал: наша турнирная команда должна иметь в своем составе трех бойцов, одного целителя и одного алхимика. Что за бред? Мы хоть какой-то результат показываем только за счет круга дуэлей, а он...

— А он ректор Сагертской Военной Академии, — прервал я увлекшегося мага. — Отборочные испытания все еще идут, каждый день кто-то новый пробует себя на полосе препятствий и в дуэльном круге. Наша задача — выбрать среди целителей того, кто пусть и не покажет класс в дуэльном круге, но хоть не проиграет вчистую. И алхимика это тоже касается.

— Я должен был догадаться, что ты выступишь на стороне этого глупого решения, — ядовито усмехнулся Фил. — У тебя перед ректором должок, не так ли? Погулял три года и пришел...

— Доказав, что среди студентов нет никого сильнее меня. — Вокруг моих ладоней вспыхнул сиреневый огонь. — И как ты помнишь, Филиберт Гильдас, *любой* студент военки может бросить

мне вызов и, в случае победы, вышвырнуть меня из Академии. Хочешь попробовать?

Фил отшатнулся и поднял вверх обе ладони:

— Я не идиот. Но ты не прав. Мы боевые маги, и мы должны показывать класс именно в боевой магии. С тех пор как у нас появилась кафедра военных лекарей, все пошло куда-то не туда. Зато у девчонок на этаже пополнение. Те красотки, синеглазка и рыженькая лисичка. И заселили их в сто четвертую. Ох и визгу сегодня будет!

Резко повернувшись к Филу, я схватил его за воротник и процедил:

— Только посмей их напугать.

— Ого, — усмехнулся он. — А та белокурая красотка и впрямь тебя зацепила.

— Не злись, — Фраган положил мне на плечо руку, — так вышло, Гарт, что все мозги достались мне. И порой мне за это стыдно. А ты, Фил, поразмыслил бы, о чем подумают девчонки, когда в их спальню ввалится толпа боевых магов? Ты потом замучаешься доказывать, что не хотел ничего нравственно предосудительного.

— Да ну вас, — отмахнулся он. — Напугать куриц, чтоб рысью из сто четвертой слиняли.

— Фил, ты меня плохо понял?

— Нормально я тебя понял, — усмехнулся он. — Вот только ты весь поток собираешься утихомирить?

— Помимо тебя в этой Академии учатся и нормальные люди, — отбрил я. — Фраган, на сегодня есть кто-то из желающих пройти отборочные?

— Трое, — тонко усмехнулся мой друг. — Но знаешь, это будет зверской потерей времени. Волькан Ривелен уже третий раз будет пробоваться.

— Бедолага, — хмыкнул Фил, — надо же такому талантливому алхимику родиться в семье, где ценят только боевые качества. И он все пыжится, пыжится, а толку — ноль.

— Тем не менее мы не можем ему отказать в третьей попытке, — напомнил я.

Сегодня вокруг меня не было лжи. И это заставляло верить, что следующий визит в целительское крыло будет не скоро.

— Давайте на полигон и помолчим. — Фраган всегда хорошо меня понимал. Если бы не он, то пред ясные очи квэнни Горм я бы попадал куда чаще.

Глава 5

Я подскочила на постели с бешено колотящимся сердцем. Ох, Отец-Хаос, Мать-Магия, мне приснилось, что я иллюзорная бабочка и настало мое время принести себя в жертву ради зрелищного фейерверка!

Не успела я отдышаться, как грохнул салют. Что за?!

— Мэль? — хрипло позвала меня Нольвен. — Ты тоже это слышала?

Хлопнув в ладоши, я зажгла свет, и мы с лисонькой, босиком и в ночных рубашках, подбежали к окну. Окну, из которого на нас тарасилась неведомая нежить! Выпученные глаза, оскаленные клыки и вместо волос — тонкие шевелящиеся лианы!

Перепуганная Нольвен выдала свое коронное: «Ажуреть» — и тут же активировала последний щит — подвижный. Мы сделали его просто так и не планировали использовать! Все-таки выталкивать однокурсников с балкона — слишком жестоко, учитывая, что до земли три этажа.

— Что это было? — едва переведя дух, спросила Нольвен.

— Посмотрим? — предложила я и подошла к балконной двери. — Все-таки тут не должно быть опасных тварей.

— То, что считаем опасным мы, и то, что считают опасным боевые маги, — разные вещи, — разумно заметила Нольвен и, отодвинув меня от двери, первой вышла на балкон.

Что ж, кем бы ни были эти существа, порезвились они знатно. Зато наши сокурсники не попали в ловушки, а значит, отношения не будут испорчены.

— Порвали наши платки, — вздохнула моя лисонька. — Вот не надо было их использовать для создания иллюзии!

Вспоминая последний урок Меры, мы оставили несколько сюрпризов на перилах балкона и прикрыли все это тканью с туманным взором и копирующим заклятьем. Но Облака Невесты у нас не было, поэтому мы использовали свои трансформированные платки.

Из зарослей плюща послышался сиплый рык и угрожающий шелест. В руках Нольвен тут же зажглось черное пламя, но я успела

первой!

— Нельзя их сжигать, — одернула я лисоньку. — По плющу пламя перекинется на все общежитие. А кого заставят ремонтировать? Нас. Мера нам спасибо не скажет!

— Ремонтировать? — удивилась Нольвен. — После черного пламени не ремонтируют, а строят заново.

— Тем более.

Замолчав, мы чутко прислушались: кто бы ни сидел в зарослях плюща, после моей анестезии он больше не желал нашей крови. Или чего хочет ночная нежить?

— Наверное, в военке есть свой зверинец, — задумчиво произнесла Нольвен. — Надо уведомить профессоров, что у них животные разбежались. А то ладно мы — наш балкон защищен. А если бы эти зверики вломились к ничего не ожидающим студенткам? Тогда бы точно военка осталась без общежития.

— Надо, — кивнула я.

— Ны-ы на-ад-о-о, — утробно проревело из зарослей плюща.

Моя лисонька со свистом втянула воздух и ударила на звук каким-то хитро вывернутым проклятьем. В этот же момент половина плюща стала прозрачной и нечто крупное, облепленное лианами, с воем рухнуло вниз! И тут же под грохот салюта подлетело вверх!

— А фейерверк один в один как наш, целительский, — задумчиво произнесла Нольвен. — Неужели у нашего Лилея есть своя магия?

— Ну, огонь он точно может производить. — Я пожала плечами. — Многие существа могут копировать чужие заклятья. Те же птицы Антариус. Правда, они под целительство заточены. И путешествия. Как Проглот, спутник жены Хранителя Теней.

А нежить тем временем продолжала подлетать. Слава Отцу-Хаосу, что салют больше не громыхал.

— Погоди-ка, — нахмурилась вдруг моя подруга, — а с каких пор нежить носит форму?

Создав осветительный шар, я максимально увеличила его яркость и послала вперед. Через несколько секунд подле моего творения оказался... незнакомый парень в форме нашей академии! Он весь был облеплен какими-то подозрительно знакомыми жгутиками.

— Лилей, — выдохнула я. — Вот что он делал в плюще.

— Наша герань смиренно сидела в своем горшке, — твердо произнесла Нольвен. — А что уж тут в плюще понавырастало — не имею ни малейшего представления.

Мне стало неловко. В глазах парня, который на пару мгновений был безжалостно высвечен моим шаром, застыла какая-то обреченная безнадежность.

— Ты его еще пожалей. — Нольвен толкнула меня в бок локтем. — Он, вообще-то, планировал пролезть в нашу комнату. И неизвестно, что бы он с нами сделал!

Парень наконец перестал подлетать. Не то наше заклятье выдохлось, не то товарищи спасли. Ведь тот, которого мы подвижным щитом выдавили с балкона, не подлетел ни разу. А значит...

— Нольвен, — я резко охрипла, — почему не подлетел тот, которого мы спихнули с балкона? Может, он разбился?

Моя лисонька побледнела и бросила опасливый взгляд в черноту, расстилающуюся за границей нашего осветительного шара.

— Надо бежать в целительское крыло, — выдохнула она.

— Ты в крыло, а я вниз, стабилизирую его состояние и продержу живым до прибытия старшего целителя, — скорректировала я план Нольвен.

— Не надо, — раздался чей-то мрачный голос. — Я еще не упал.

От позорного визга я удержалась только потому, что прикусила язык и закричать не смогла просто физически!

Медленно выдохнув, я скастовала простенькое заживляющее заклинание и покосилась на Нольвен. Та ответила мне таким же недоуменным взглядом и громко произнесла:

— Может, имеет смысл довершить начатое?

— Хм-м, — я покосилась вниз, в насыщенную черноту, — думаешь, добросим до батута?

Моя лисонька так же скептически посмотрела вниз, перехватила управление над моим осветительным шаром и чуть-чуть приспустила его вниз. После чего задумчиво выдала:

— Надо посчитать. Для уравнивания нужно значение вектора личной силы мага, притяжение и... Не помню.

— Вес объекта, — подсказала я. — Но что из чего вычитают — не представляю.

— Умножают и делят, — важно произнесла Нольвен.

— Не на-адо, — проникновенно произнес парень. — Я сам сброшусь, только, пожалуйста, свет уберите!

— Ха! Стыдно? — тут же ощерилась Нольвен. — А лезть в спальню к двум ни в чем не повинным целительницам не стыдно было?

— А я виноват, что до вас не достучаться?! — возмутился парень. — Я костяшки пальцев об дверь сбил, предупредить хотел. Потом подумал, что успею на балкон влезть и в окно постучать, но...

Он замолчал. А я оценила, что, кто бы это ни был, он не сказал: «Лучше бы не связывался». То есть парень не пожалел о своем решении. И...

— Стучал? — Нольвен дернула меня кружевной край рубашки. — И мы не слышали?

— Ты уже спала, когда я защиту на дверь сооружала, — чуть смутилась я. — Так что могла и перестараться с усталости.

— Ладно, — усмехнулась моя лисонька, — эй, как там тебя? Залезай и давай знакомиться!

— Волькан я, — проворчал парень. — А залезть не могу, только упасть.

— Зацепился? — ахнула я.

— Нет, — мрачно ответил парень, — руки слабые, подтягиваться — не мое.

Переглянувшись, мы с Нольвен тяжело вздохнули:

— Ты, главное, ногами упираться. А так мы тебя вытянем.

Пока я дезактивировала свой осветительный шар, Нольвен сбегала в комнату и связала две наших простыни воедино. Ну и приложила их сверху заклятьем, поскольку надеяться только на узлы... Что ж, тот случай на втором курсе раз и на всегда отучил нас доверять нашему же умению вязать узлы.

Как мы втягивали Волькана на балкон — отдельная история, достойная полусотни недостойных слов. Крайне недостойных слов. Как мы при этом не свалились вниз — не знаю.

Но, втащив парнишку внутрь, мы все вместе зашли в комнату. И тут это тощее, высокое и сутулое чудо ярко заалело и уставилось в пол.

— А, прости. — Только в этот момент мы с Нольвен поняли, что казенные ночные сорочки не слишком длинные.

Закутавшись в одеяла, мы предложили Волькану сотворить себе стул.

— Ну, рассказывай, — велела Нольвен.

А Волькан, засмотревшись на Лилея, задумчиво уточнил:

— А это...

— Герань, — отрезала моя лисонька. — Как ты узнал, что нас собираются, м-м-м, навестить?

Тут Волькан покраснел, что вкупе с его черными волосами и тонкой, почти прозрачной кожей смотрелось просто убийственно.

— Я подслушал. Но я не хотел! Я просто... ну, собирался поговорить с Гартом, чтобы он... ну, обратил внимание на некоторые вещи, которые я покажу на полигоне. А услышал, что ребята собираются устроить веселье девчонкам из сто четвертой комнаты. А Гарт им запретил. И я решил вас предупредить.

— А Гарт — это кто? — осторожно уточнила я.

Нольвен же, поправив одеяло, встала и начала выпутывать из волос Волькана тонкие, подозрительно знакомые зеленые жгутики.

— Он капитан нашей турнирной команды. Он сильно старше и очень серьезный. И он думает, что все такие. А я сразу понял, что Фил не внял его приказу. Ай!

— Терпи, — осадила его моя лисонька. — Ты хороший и пострадал из-за нас. Поэтому мы тебя почистим и выведем, чтобы никто ничего не узнал.

— Спасибо. — Парень расплылся в улыбке.

— Почему он старше? — меня больше волновал именно этот вопрос.

Ну и еще мне было интересно, не тот ли это Гарт, который тушил огонь нашей «герани». Лилей, к слову, продолжал спать.

— Он окончил пятый курс три года назад и ушел. А в этом году вернулся. Он всем доказал, что нет боевого мага сильнее, чем он, — с восторгом произнес Волькан.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Нольвен и вытащила из вихров Волькана последний жгутик.

— Я числюсь на боевом факультете, — парень пожал плечами, — там много говорят о Гарте.

Числюсь. Бабушка учила обращать внимание на слова. И если я правильно поняла, то... Не все в порядке у этого парня с

однокурсниками. Но, вероятно, не стоит при первой встрече бить по больному месту.

— Ясно, — кивнула Нольвен. — Ясно. А на этаж ты как прошел?

— Меня друг за руку провел. Если, ну... — Тут Волькан покраснел как рак. — Если два девственника проходят сквозь барьер, то он не срабатывает.

— А, ну, значит, и наружу влегкую тебя выведем, — улыбнулась я. — Оправляй одежду, с этажа мы тебя выведем. И большое тебе спасибо.

— Да я же ничего не сделал, — уныло отозвался Волькан.

— Ты? Ты оказался честней и благородней всех остальных, — уверенно сказала Нольвен. — Ты замечательный, и мы рады с тобой познакомиться. Ой. Кхм, к вопросу о знакомстве, я — Нольвен Лавант, а это Маэлин Конлет.

— А я Волькан, — повторил парень.

Мне показалось странным, что он не называет родового имени. Неужели бастард?

«Впрочем, не стоит терзать парня. Сами узнаем, или потом расскажет».

— Мы будем рады общаться, — подытожила Нольвен и, скрыв зевок в кулаке, добавила: — Давай-ка выведем тебя и мы досыпать ляжем.

Вывести парня нам удалось легко: никто не патрулировал коридор.

Вернувшись в комнату, мы, бросив на балкон еще по паре заклятий, рухнули в постели. И проспали до самого утра, которое встретило нас «приятным» известием: ректор Аделмер желает видеть квэнти Конлет и квэнти Лавант в своем кабинете.

— Оперативно, — хмыкнула Нольвен. — До завтрака еще час, а ректор уже в курсе.

— Фейерверк гремел на всю Академию, — вздохнула я. — Что будем врать?

— Врать? — отстраненно переспросила моя лисонька, после чего погладила проснувшегося Лилея по узкому листочку и покачала головой. — Врать не будем. Будем осторожно умалчивать и скромно недоговаривать. Помнишь те упорные слухи?

— Про то, что в военке есть несколько амулетов правды? — припомнила я. — Что ж, будем исходить из того, что врать — плохо. К тому же мы не сделали ничего плохого. Единственное, за что нас можно наказать, — мы вывели того парнишку с женского этажа.

— А балкон зачаровали, потому что....

— Потому что тренировались перед тем, как принять участие в отборочных испытаниях!

— В точку, — кивнула Нольвен. — Давай-ка одеваться.

Подойдя к чемоданам, мы вытащили из каждого по два комплекта формы. Мужскую и женскую. Вопрос в том, что надевать?

— Платье, — уверенно произнесла моя лисонька. — Мы все из себя скромные и порядочные целительницы.

Переодевшись, я создала иллюзию зеркала и тяжело вздохнула. Но никто и не обещал, что форменное платье сядет по фигуре... Спасибо простым и незатейливым бытовым заклинаниям, которые быстро и просто исправят этот недостаток!

За пару минут мы серьезно изменили свою одежду — где-то укоротили, где-то удлиннили. Кое-где стянули, а в некоторых местах сделали чуть пышней.

— Не мой цвет, — чуть поморщилась Нольвен, — но не рискну придать форме оттенок морской волны. Не стоит наглеть в первую неделю.

— Тем более что мы будем носить черную брючную форму, — согласилась я. — Потому что платье и боевая магия не сочетаются. Хотя твой дядя так не думает.

— Мой дядя думает о том, что ни ты, ни я не будем щеголять по городу в удобной тренировочной одежде. И если на нас нападут, то бандит не будет ждать, пока мы переобуемся, ослабим корсеты и подоткнем подолы.

— Я слышу не тебя, а алворига Лаванта, — поежилась я и повернулась к Лилею. — Сиди тихо, мы скоро придем.

— Если кто-то войдет — притворись геранью, — добавила Нольвен. — С меня сахар и чистая вода.

Я забрала со своей постели чуть помятое письмо, которое нам утром подсунули под дверь. И которое мы выдирали друг у друга из рук. Из-за чего оно, собственно, и потеряло свой внешний вид.

— Зачем оно тебе? — удивленно спросила моя лисонька и открыла дверь. — Карты там нет, я уже посмотрела. У студентов поспрашиваем. Тем более что дорогу до административно-учебного корпуса я запомн... Ого!

Едва только я вышла в коридор, письмо вырвалось из моих рук и превратилось в тускло-серый мыльный пузырь, который рос, рос и в итоге стал полноценным порталом. Вот уж действительно — ого!

Сквозь рябь портала мы увидели кабинет ректора Аделмера и его самого, сидящего на столе. Он поднял глаза от бумаги, которую внимательно изучал, и нетерпеливо произнес:

— Ну, чего застыли? Вперед, портал стабилен.

Мило улыбнувшись, я решительно шагнула вперед и, чуть качнувшись, тут же отошла в сторону, чтобы Нольвен об меня не споткнулась.

— Присаживайтесь. — Ректор широко улыбнулся и взмахом руки развеял портал.

А я в который раз задумалась над тем, где же скрыт его концентратор. Неужели ректор Аделмер, как и Мера, способен колдовать без «костылей»? Нет, я тоже редко использую свой концентратор, если идет речь о простейших воздействиях, но... Это ведь был полноценный портал! Не мелкие бытовые чары и не слабые, но хитрые защитные чары, а целый, побери его Хаос, портал!

Сев на жесткие, неудобные стулья, мы с лисонькой преданно уставились на ректора. Он только усмехнулся и, взяв с края стола несколько помятых листов, с выражением прочел:

— Объяснительная записка студента шестого курса Сагертской Военной Академии Филиберта Гильдаса. Я, Филиберт Гильдас, вышел ночью на улицу с целью подышать свежим воздухом, поскольку волновался из-за предстоящих мне отборочных испытаний и не мог уснуть. Подняв голову вверх, я увидел, что две студентки затаскивают к себе на балкон упирающегося и пытающегося спастись студента с моего курса. Я не мог узнать, кто именно это был, но я должен был его спасти, ведь неизвестно, что с ним могли сделать.

Я поперхнулась смехом и тут же получила тычок в бок от Нольвен.

— Есть и еще одна объяснительная, — ректор убрал один лист, — где студент утверждает, что плющ сам ухватил его и сам затянул на

третий этаж. А он всего лишь пытался спасти свою жизнь и только поэтому попытался влезть на балкон сто четвертой комнаты.

Ректор Аделмер отложил в сторону все листы и подытожил:

— Всего у меня на руках четыре подобных объяснительных. Что вы на это скажете? И прежде, чем вы заговорите, знайте: я лично оценил и плетение батута на траве под вашими окнами, и ловушки, скрытые в плюще. И даже слоистые защитные чары на балконе. Неплохая поделка, но...

— Но вас наша защита не остановила, — поджала губы Нольвен.

— Хороший бы из меня был ректор Военной Академии, — хмыкнул он, — если бы я вляпался в ваши пакостные заклятья. Так что вы мне расскажете?

Мы с Нольвен переглянулись и тяжело вздохнули. Кажется, осторожно умолчать и скромно недоговорить не выйдет.

Ни один из рода Лавант не страдал излишней стеснительностью. И я знала об этом, но, увы, немного подзабыла.

— А что, — прищурилась моя лисонька, — нам, может, стоило стол накрыть?

Ректор опешил:

— Где накрыть?

Плюнув на конспирацию, я бросила на Нольвен заклятье немоты и покаянно произнесла:

— Мы услышали, что ребята хотят нас напугать. Вроде как проверить на крепость нервов.

— Услышали? — недоверчиво переспросил ректор.

— Мы заблудились в саду, — я развела руками, — и случайно набрали на ребят, обсуждавших, какую бы пакость сделать. Вот мы и решили ответить им тем же. Проверить на крепость нервов.

Не люблю врать. Прямо-таки ненавижу ложь во всех ее проявлениях. Но сейчас сию, вру и пытаюсь не покраснеть.

— А вы знаете, квэнти Конлет, что у меня есть амулет. — Ректор щелкнул пальцами и выхватил из воздуха черную лаковую шкатулку.

Я, не дрогнув, протянула руку и уверенно произнесла:

— Давайте его сюда. Я готова повторить свои слова.

Ректор Аделмер хмыкнул, откинул крышечку и вытащил из шкатулки матово светящийся шар. Я встала, подошла ближе и приняла в руки прохладную тяжесть. После чего уверенно произнесла:

— Вчера я и моя подруга услышали, что некие студенты боевого факультета замыслили забраться на наш балкон.

Шар побледнел. А я продолжила:

— Я и моя подруга нанесли на балкон смесь защитных заклинаний и пакостных чар. Мы также бросили на траву чары, чтобы никто не убился. Мало ли что? Вдруг бы у парней нервишки сдали?

— А фейерверк? — пытливо спросил ректор.

— Ни я, ни моя подруга не владем заклинаниями, способными создать подобное заклятье, — отчеканила я.

Ректор Аделмер вздохнул, забрал из моих рук шар, который вновь налился своим темным цветом, и убрал артефакт в шкатулку. Последняя замерцала и исчезла.

— Вы не солгали. — Он выхватил из воздуха трубку и набил ее табаком. — Но и правды мне не сказали.

— Разве так бывает? — скромно спросила я. — Ваш артефакт...

— Гадательный шар моей пра-пра-прабабки, — усмехнулся ректор Аделмер. — Просто кусок отполированного опала. Бесполезный и драгоценный, но на студентов действует. Знаете, что я понял из ваших слов?

Я только руками развела и решила промолчать. А то мало ли еще что-нибудь поймет?

— Красноречивое молчание. — Он пыхнул трубкой, и по кабинету поплыл грушево-шоколадный запах. — Вас предупредили о готовящемся правонарушении, но ловушки уже были готовы. И тот, кто пришел предупредить, пострадал от них первым. Тот самый человек, которого видели другие студенты. Я прав?

А я молчу. Молчу и ничего не понимаю. Неужели ректор не знает, что сквозь сто четвертую комнату давно протоптана дорожка в девичьи спальни?

«Хотя девичьи ли», — хмыкнула я про себя.

— А еще я очень удивлен тем, что вы решились жить в аварийной комнате, — продолжил ректор. — Раз за разом студентки отказывались жить там, сетуя на сквозняки, полы, потолок и стены. В сто четвертой комнате нет ничего, на что не было бы жалобы. Все это я узнал сегодня утром. Все же я ректор, а не смотритель за общежитием. Вам есть что сказать?

— Мы тряпки в дырки подоткнули, и не дует, — мрачно произнесла Нольвен, сломавшая мое заклятье.

— И все? Мне показалось, что вы хотели сказать что-то еще, когда ваша подруга столь невежливо попросила вас помолчать.

— Я не в обиде, — отмахнулась моя лисонька. — Для нас это нормально. Когда у одной язык с привязи срывается, вторая тут как тут. И наоборот.

Ректор усмехнулся и выпустил огромный клуб дыма, который сложился в жуткую рожу. Рожа эта поднялась под потолок и там растаяла. Как и последующие фигуры высшего курительного пилотажа. Все это время ректор Аделмер молчал и улыбался. Улыбался и молчал. И в нем я видела донельзя довольную Меру, которая в очередной раз подловила нас с лисонькой. Но что не так?

— Что ж, — он выбил трубку, заклятьем убрал грязь и улыбнулся еще шире, — я давал вам шанс сознаться.

Мы с Нольвен переглянулись, после чего перевели взгляды на ректора. Что уж тут, мы все равно при любом раскладе ни в чем не виноваты. Ну, кроме того, что наш фейерверк перебудил всю Академию...

— Каюсь, на общежитие я никогда внимания не обращал. — Он похлопал трубкой по ладони. — Как-то не до этого было. Но сегодняшний салют и мои лучшие студенты, с руганью подлетающие к луне, — все это было интересно. И вот что мне удалось выяснить: в превосходно отремонтированной комнате никто не хочет жить. Одна ночь — и девушки идут жаловаться. А ведь мы не экономим на базовых нуждах студентов. И я точно знаю, что в конце года все комнаты были в порядке: лично принимал работу строителей.

Упс, кажется, ректор и правда не знал, про студенческие развлечения.

«Что ж, теперь знает», — хихикнула я про себя.

— Подойдя к общежитию сегодня на рассвете, я оценил плющ и расположение двух балконов. С балкона восемьдесят четвертой комнаты крайне легко добраться до сто четвертой. А еще можно просто выйти на улицу и подняться по плющу до третьего этажа. Вопрос один: почему вы предпочли промолчать?

— Мы решили справиться своими силами, — спокойно произнесла Нольвен. — К тому же мы не были уверены, что к нам

прибудут гости. Мы, можно сказать, готовились к прохождению отборочных испытаний.

Ректор хлопнул в ладоши.

— Вот и прекрасно. Я ненавижу, когда мне лгут, — это он произнес очень вкрадчиво, проникновенно. — Просто-таки не перевариваю ложь во всех ее проявлениях. А потому...

Тут он замолчал, вытащил из кармана какой-то мелкий артефакт, сжал его в ладони и четко произнес:

— Дрегарт Катуаллон, к ректору.

— А потому сейчас я вас представлю капитану нашей турнирной команды. Моим личным ректорским решением одна из вас будет зачислена в команду. В следующий раз вы трижды подумаете, прежде чем соврать мне. Вас не за что было наказывать. Правила академии не запрещают накладывать чары на комнаты. Но... — Он развел руками. — Врать ректору запрещено и карается очень строго.

«А еще студенты будут думать, что мы их заложили и за это получили место в турнирной команде. Жестокий, очень жестокий урок, ректор Аделмер», — мрачно подумала я.

— Вы хотите что-то сказать? — с интересом осведомился он.

Но прежде, чем я успела высказаться, заклятье немоты склеило мои губы.

— Мы все поняли, алвориг Аделмер, — голосом примерной девочки произнесла Нольвен. — Мы будем хорошо себя вести.

В этот момент раздался стук в дверь. А вот и капитан турнирной команды. Наверное, он еще не знает, что его день безвозвратно испорчен. Но неужели ректору настолько наплевать на турнир, что он решил добавить в команду одну из нас? Или это хитрый план?

Глава 6

Дрегарт Катуаллон

Срочный вызов от ректора не удивил никого: после ночного происшествия это было ожидаемо. Я только выдохнул, потому что получил возможность избавиться от нытья Филадельфии.

— Тебя предупреждали, — рыкнул доведенный до предела Фраган. — Зачем ты туда сунулся?

— Меня больше бесит, что целительница отказалась убрать почесуху, — выплюнул Филиберт. — Для чего ее тут держат?

— Для того, чтобы она сращивала переломы и выводила гематомы после особенно неудачных тренировок, — отрезал Фраган. — Удачи, Гарт.

— Спасибо, — коротко ответил я.

Закрыв за собой дверь, я сотворил портал и переместился к кабинету ректора. Дробный стук в дверь, раскатистое позволение войти и...

Она стояла у окна. Невысокая, худенькая и чрезвычайно встревоженная. В пронзительно голубых глазах притаилась загадка, а уголки пухлых губ были грустно опущены.

— Девушки, вы успели определиться?

Рыжая и златокосая быстро переглянулись, и синеглазая сделала шаг вперед. Ректор удовлетворенно кивнул и громко произнес:

— Гарт, позволь представить тебе квэнти Маэлин Конлет, она будет частью твоей турнирной команды. Рядом с ней — квэнти Нольвен Лавант, дочь Идрис Лавант.

Что?! Ввести в турнирную команду вот это тощее нечто?!

— Ректор, вы...

— Это не обсуждается, — отрезал он.

— А может, обсудим? — с надеждой спросила квэнти Конлет. — Этот алвориг явно разбирается в сортах, мкм, магов. Он видит: я не подхожу. И Нольвен не подходит.

Удивительно, но в словах этой девушки не было ни капли лжи. Она не хочет участвовать?

— Мы все испортим, — кивнула ее подруга. — Дуэли — не наше.
— Дуэльный круг вытянут боевые маги, — отмахнулся ректор. —
Ваша задача — не оплошать в остальном.

— Как они вытянут, если дуэли идут один на один? — спросила
Маэлин.

— Не всегда, — был вынужден сказать я. — В прошлом мы всегда
выбирали один на один, чтобы не так позорно проигрывать. Но если
все согласятся, то можно выступить командой. Все против всех.

— Но тогда целители и стихийники будут против нас, —
фыркнула Маэлин. — Это самый логичный поступок.

Ректор Аделмер пакостливо усмехнулся и вкрадчиво спросил:

— А разве вам, квэнти Конлет, не хочется оказаться в такой
свалке?

Златокосая удивленно посмотрела на ректора и уверенно сказала:

— Нет.

И в ее словах вновь не было лжи.

— А если подумать? У вас ведь есть соперник. Целители и
стихийники уже определились с составом своих турнирных команд.

Ректор щелкнул пальцами, и к квэнти Конлет подлетел листок.
Она, ничуть не испугавшись, перехватила его, вчиталась и... Ого, не
каждый боевик знает такие слова.

— Да, пожалуй, у меня есть причина, — признала она. — Но вам-
то какая выгода? Все уже привыкли, что...

— Что Сагертская Военная Академия плетется в хвосте, —
кивнул ректор. — Вырвите у них хотя бы второе место.

— Вы нас переоцениваете, — вступила Нольвен. — Очень сильно
переоцениваете. Да и парней тоже. Им придется не только бить чужих,
но и нас прикрывать!

— Гарт?

Я скривился:

— Это реально.

— Ты же должен быть на нашей стороне, — возмутилась Маэлин.

Пожав плечами, я спокойно ответил:

— А ты еще не поняла, что все решено?

Аделмер ухмылялся как сытый гырб. Что-то он задумал. Что-то
большее, чем просто разбавить команду боевиков одной
целительницей и одним алхимиком. Но что? Ему удалось повлиять на

комиссию и протащить какие-то свои задачки? Вряд ли, он не сторонник подтасовки.

— Кстати, прошу простить мою забывчивость. Девушки, это Дрегарт Катгуаллон, капитан нашей турнирной команды. Вашей турнирной команды. Гарт, забирай девушек и погоняй их по полосе препятствий.

— Их? — переспросила Нольвен. — Но мы решили, что участвовать будет Мэль.

— Гарт, ты можешь выбрать. — Ректор посмотрел прямо на меня. — Но учти, что у Конлет есть мотив. Рвать жилы, лишь бы победить.

Маэлин только вздохнула:

— Но кто-то другой может решить, что я буду поддаваться.

— А ты будешь? — усмехнулся ректор.

— Нет.

— Вот и все, — развел руками Аделмер.

Девчонка фыркнула и с ехидцей спросила:

— И этого «нет» достаточно?

— Вполне. Гарт, у тебя есть претензии?

— К словам или вообще? — равнодушно спросил я. — Она не врет. Но я по-прежнему не понимаю, для чего вы все это затеяли.

— Повезет — поймешь. Не повезет — что ж, наша Академия займет третье место. Вновь. Все, иди и изучай девчонок.

— Следуйте за мной, — коротко произнес я.

— Нам понадобятся все правила турнира. Есть же где-то свод правил? — Маэлин требовательно посмотрела на ректора.

— Все вопросы — к вашему капитану, — широко улыбнулся Аделмер. — Моя работа окончена.

Маэлин Конлет

«Моя работа окончена», — ворчала я про себя, когда мы с лисонькой пытались не потерять из виду Дрегарта.

— А он ничего так, — задумчиво бросила Нольвен. — Это он, кстати, был в парке. Когда, мгом, мы там гуляли.

В этот же момент Гарт резко обернулся и бросил на мою подругу нечитаемый взгляд. А после едва уловимым движением коснулся левого виска кончиками пальцев. Это было смазанное, как будто

случайное движение. Но я готова поклясться, что это была инстинктивная попытка утишить боль.

— Ты заметила? — настороженно спросила Нольвен.

— Да, — кивнула я и, понизив голос, добавила: — Я думаю, что у него хронические головные боли.

— Согласна, — отозвалась моя лисонька. — И хочу дополнить, что эти боли, скорее всего, носят приливный характер. Будем лечить?

— Думаешь, дастся? — усомнилась я.

— Сначала изучим, — хищно улыбнулась Нольвен. — Он обернулся на нас, могли ли мы стать источником боли? Причиной, так сказать, возникновения симптома?

— Вполне. — Я пожалала плечами. — Во-первых, мы источник стресса: ему в команду впихнули целительницу и, судя по его словам, алхимика. Во-вторых, у нас может быть тот тембр голоса, который провоцирует боль. И помимо этого еще есть столько разных вариаций проклятий!

И мне даже стало немного стыдно, когда до меня дошло, с каким вкусом я произнесла последнюю фразу.

— Полагаю, капитану мы не скажем о том, что начинаем его изучать? Стоит завести журнал. Кто-то из нас должен держать его в поле зрения. Узнаем, отчего возникает болевой симптом, — пойдем, как лечить.

Я согласна кивнула и тут же добавила:

— Но не будем забывать о том, что это только теория. Он, в конце концов, мог вчера злоупотребить.

— Я это проверю, — уверенно произнесла Нольвен.

А я, вспомнив Стевена и его вырванный клочок волос, только посочувствовала Дрегарту. Но, право слово, ходит тут с головной болью, целителей оскорбляет! Нет чтобы принять зелье и не вызывать научный интерес!

«Это как тогда, когда весь наш курс оказался подле Стевена, всем хотелось попробовать себя в исцелении фурункулов», — хмыкнула я про себя. И ускорила шаг.

— Здесь вход полигон, — заговорил Гарт, когда мы подошли к нему, остановившемуся у кирпичной стены. — Провести сюда студентов может профессор или капитан турнирной команды.

Он положил ладонь на шершавый камень, и часть стены истаяла, пропуская нас в святая святых Сагертской Военной Академии.

— Я его себе иначе представляла, — кашлянула я.

Ну правда же! Я думала, тут всякие препятствия, пышущие жаром ямы с угольями и все такое! А мы оказались на крохотном песчаном пятачке, где, помимо нас, находились еще три простые двери.

— Полигон делится на три уровня сложности. — Тут он скептически на нас посмотрел и криво усмехнулся. — Надеюсь, что хотя бы первый уровень вы пройдете.

Эту насмешку я решила проигнорировать, а вот Нольвен подошла к Гарту вплотную и шумно принялась. После чего вернулась ко мне со вздохом произнесла:

— Перегара нет.

— И записать некуда, — посетовала я.

Дрегарт нехорошо прищурился и взмахом руки отворил одну из дверей:

— Добро пожаловать на полигон, шутницы.

Первой в портал прошла Нольвен. А я, проходя мимо Гарта, подумала, что было бы неплохо как-то оправдаться, чтобы не выглядеть совсем уж странными в его глазах. Но не нашла нужных слов. Да и он еще как-то странно дернулся, как будто хотел отскочить в сторону. Решил, что я тоже буду его обнюхивать?

«Или голова болит?» — мелькнула у меня мысль. И, прежде чем портал меня поглотил, я бросила в Дрегарта простенькое обезболивающее.

Вообще-то, наш закон запрещает такие вещи. Нельзя зачаровывать людей без их ярко выраженного согласия. Но нет на свете такого мага, которому могло бы повредить простенькое обезболивающее. Если, конечно, этот гипотетический маг не «сидит» на этом заклятии, обновляя его на себе снова и снова. Тогда да, может случиться всякое.

Портал выплюнул меня рядом с Нольвен, и я тут же спросила:

— Что будем делать? У тебя больше опыта, так что командуй.

На это моя подруга только плечами пожалала:

— Будем идти вперед. Осторожно и медленно. Хорошо, что это не лес и не болото.

Я согласно кивнула. Мы стояли посреди серого коридора. Коридора, который был копией своих безликих сородичей из административно-учебного корпуса.

— Ничего не бойтесь, я наблюдаю за вами, — раздался откуда-то сверху голос Дрегарта. — Правила академии запрещают оставлять студентов без надзора. В случае, если вашим жизням будет угрожать опасность, я вмешаюсь.

— Эти слова должны были меня успокоить? — спросила я у Нольвен.

— Ну, я тоже большее внимание уделила словам «будет угрожать опасность», — хмыкнула моя лисонька. — Начинаем.

В этот же момент я бросила вперед заклятье-диагност. Как показала практика (под руководством Меры), это заклятье можно применить к чему угодно, главное — расшифровать отклик. И этот самый отклик сказал мне о том, что пол коридора надежно зачарован. Что ж, полагаю, это будет весело!

— Что мы имеем? — Нольвен прекрасно поняла, что я использовала диагност.

— Пол пропитан магией, — со вздохом произнесла я. — Ничего больше я различить не смогла.

— Ну, мрамор все-таки не живое существо, — пожалала плечами Нольвен и выплела хитрую колдовскую петлю. — Да, тоже вижу магию. Но! Вижу чистые пятна. Использую особый взор Риграсса-Вальдо.

Ох, а вот это стыдно. И почему я сама до этого не додумалась?

Потому что слишком привыкла во всем полагаться на диагност. Возгордилась и забыла о более простых и менее затратных заклятьях. Диагност хорош тем, что его можно применить ко всему. Абсолютно ко всему! Органика и неорганика, артефакты или проклятые книги — все покоряется диагностическому импульсу. Вопрос лишь в том, достаточно ли тренирован разум мага, выпустившего оный импульс. Ведь вся суть в том, что заряд энергии, направленный на объект, возвращается назад в виде массива информации. И дальнейшее зависит от личных возможностей мага — кто-то принимает все, а кто-то лишь сотую часть. Я принимаю восемьдесят процентов, если импульс направлен на органику, и сорок, если изучаю неорганику.

Отбросив в сторону пустые размышления, я повторила заклятье Нольвен, и коридор в тот же момент расцвечился яркими пятнами.

— Видишь пустые просветы? — свистящим шепотом спросила моя лисонька.

— Будем прыгать, как кролики, — вздохнула я. — Но там потом большой просвет. Я вперед, а ты держи левитацию наготове. Потом наоборот.

Подхватив юбку, я взяла небольшой разбег и прыгнула на первое безмагическое пятно. Чудом удержав равновесие, тут же перескочила на следующее. Прыжок, еще прыжок! И все время вокруг меня кружилась теплая сила Нольвен. Моя лисонька была готова в любой момент подхватить меня.

— Все! — Я махнула рукой. — Теперь ты.

И я, как и Нольвен до этого, окружила подругу левитационными лентами. Но стоит признать, что прыгает моя лисонька не в пример лучше меня. Все-таки дядя ее давно гоняет.

— Знаешь, — сказала я, когда Нольвен оказалась рядом со мной, — теперь я знаю, почему ректор так спокоен. Почему он разбавил команду боевых магов не боевыми единицами.

— Н-да? Ну-ка, удиви меня, — хмыкнула Нольвен.

— Все просто, — фыркнула я. — Настолько просто, что даже обидно: мы могли додуматься до этого сразу.

Выдержав короткую, но эффектную паузу (нетерпеливая лисонька зажгла на кончиках пальцев темное пламя), я с удовольствием произнесла:

— Мы, как боевики, не можем быть сильно хуже тех, кто будет противостоять нам в дуэлях!

Нольвен ошеломленно на меня посмотрела и медленно кивнула:

— Ну да. Погоди... Получается, ректор практически ничем не рискует?

— Он и так ничем не рискует, все же военка и правда сильно сдала за последние годы. Я имею в виду, что они стабильно на третьем месте. Ну а на результат дуэльного круга никто и не смотрит толком. Ладно, дальше нет ни единого просвета. Что будем делать?

— Попробуй диагност?

— Уже, — я покачала головой, — просто зачарованный пол.

— Попробуй разные участки пола, — нетерпеливо предложила Нольвен. — Знаешь же, что у меня с диагностом все плохо!

— Почему? Ты идеально принимаешь отклик от любых жидкостей.

— Пол не жидкость.

Возобновив особый взор Риграсса-Вальдо, я приняла бросать диагност в различные цветочные пятна.

— Еще пять-шесть откликов, и у меня будет перегруз, — предупредила я подругу. — В общем, фиолетовые пятна не несут опасности для организма. Остальные... Сложно сказать, ничего смертельного.

Фиолетовые пятна принесли нам почесуху. Причем такую почесуху, от которой не получалось избавиться!

— И вот перед нами дверь. Глупо надеяться, что за ней выход, да? — с тоской спросила Нольвен. — Мне здесь тошно и скучно.

— Ты бы хотела побегать по бревну, облитому маслом? И чтобы внизу были языки пламени, а по бокам свистели стрелы? — с интересом спросила я и попробовала просто открыть дверь. — Зачарована.

— Хм, знаешь, когда ты ставишь вопрос таким образом, — моя лисонька передернула плечами, — то я сразу понимаю, что меня все устраивает.

Дверь мы взломали легко — спасибо бабушкиной науке. Вот только за дверью оказался еще один безлико-серый коридор с полностью свободным, абсолютно немагическим полом.

— Я предлагаю бежать, — нервно произнесла Нольвен. — Я вижу черные пятна на стенах и потолке. Так что вполне возможно, что в нас что-то полетит.

— Тогда выставим щиты.

Выставив вокруг себя двойную защиту, мы рванули вперед. И в тот же момент вокруг нас начали взрываться огненные шары, а под ногами возникла тонкая пленка льда. Очень скользкого льда!

Нольвен поскользнулась первой, и я, не удержав равновесия, рухнула на нее сверху. В тот же момент пространство вокруг нас расцветилось фиолетовыми искрами и мы оказались на песке. И не просто на песке, а у ног Дрегарта.

Сев, я посмотрела в мрачное лицо нашего капитана и уныло спросила:

— Я так понимаю, это провал?

— Мы хотим попробовать еще раз, — выдохнула Нольвен. — Мы не были готовы!

— Разве враг будет ждать вашей готовности? — хмуро осведомился Гарт и протянул мне руку, помогая встать.

Приняв его помощь, я тут же подала ладонь Нольвен. После чего со сдержанным возмущением произнесла:

— Враг? Я-то, глупая, считала, что это лишь тренировочная полоса, а не враг. Или ваши боевички тоже по полосе прыгают в платьях и туфельках? Мы, так-то, шли на разнос к ректору, а не...

У меня кончились слова, и я просто обвела рукой три сияющих портала. Стоп, что? Они же выглядели как обычные двери! Впрочем, сейчас это неважно.

— Полностью поддерживаю, — кивнула Нольвен. — Дай нам два часа на подготовку, капитан.

Дрегарт несколько минут задумчиво рассматривал нас, затем скупно улыбнулся и бросил:

— У вас час. Но, вообще, я увидел все, что хотел. Что не хотел — тоже увидел.

Эта улыбка преобразила его — яркие синие глаза стали как будто мягче, исчезла горькая насмешка, таившаяся на дне зрачка. Да и...

— Все равно дальше третьего коридора вы не пройдете.

А нет, показалось. Ну, держись, Дрегарт Катуаллон! У нас с собой много чего припасено, так что мы пройдем твой третий коридор. И четвертый, и пятый!

— Раз у нас только час, — произнесла я, вздернув подбородок, — будьте столь любезны открыть нам портал.

Гарт нахмурился:

— Вы не умеете перемещаться?

— У целителей особая программа. — Я поджала губы. — Порталам каждый целитель учится самостоятельно, после диплома. В наш плотный график не впихнуть порталы.

— Вовремя открытый портал спасает жизнь, — хмуро произнес Дрегарт.

— Расскажи это ректору Сагертской Академии Целительства, — буркнула Нольвен.

— Здесь учат открывать порталы еще на первом курсе, — гнул свою линию капитан.

— Я рада, — процедила я, — безгранично рада за Военную Академию. Но сейчас ты откроешь нам портал? Или нет?

Вместо ответа он щелкнул пальцами, и перед нами начала раскручиваться фиолетовая порталная воронка.

— Почему фиолетовая? — не сдержалась Нольвен.

— Потому что у меня все фиолетовое, — пожал плечами Гарт. — Вперед. Портал продержится ровно час. Не успеете — побежите ножками.

Не говоря ни слова, Нольвен шагнула в портал. Я замешкалась лишь на секунду, посмотрела в хмурое лицо Дрегарта и коротко произнесла:

— Спасибо. Мы не безнадежны, правда.

— Иди, — усмехнулся он. — Я видел и слышал все, что происходило на полосе.

Пройдя сквозь портал, я чуть не рухнула, запнувшись о ступеньку. Дрегарт открыл переход на лестничном пролете, за пару метров до площадки третьего этажа.

— Ага, я тоже его тихим незлым словом помянула, — тихонько хмыкнула Нольвен. — Правда, получилась у меня до отвращения велеречивая конструкция. Идем.

Собрались мы очень быстро. Штаны, блузки и жакеты, дуэльные ботинки с высокой шнуровкой. Все то, в чем мы прибыли в военку. Вытащив из так и не разобранных сундуков шкатулки с нашими самодельными амулетами, мы наскоро распихали полезности по карманам.

— Ну что, разнесем дверь третьего коридора? — с усмешкой спросила Нольвен, пока я стоически терпела летающий вокруг меня гребень.

— Разнесем, — кивнула я.

Гребень, справившись с моими волосами, занялся головой моей лисоньки. Бабушка отдала нам только один артефакт, как она сказала: «Все равно не подеретесь, а так и в академии будет чем волосы убрать,

и дома». И от этих слов стало очень тепло. Дома. Раньше меня не очень радовало это слово.

— Ты чего? Перегруз? — Нольвен пихнула меня локтем.

— Точно, — я вытащила из сундука корзиночку с зельями, — мне вот что страшно, лисонька. Откат от заклятья истинного спокойствия вышел так себе. В плане — не сильный.

— Мы пили зелья, — напомнила Нольвен. — Да и я лично успела хлебнуть кошмара, пока нас салют не разбудил.

Я неловко пожалала плечами. Мне снилось, что я бабочка и должна пожертвовать собой ради фейерверка. Во сне это было до боли обидно и досадно, но откат ли это? Не накроет ли в самый неудачный момент?

— Ладно, — выдохнула я. — К Хаосу. Идем?

До портала мы добрались за несколько секунд. И успели в последний момент. Вот только непонятно, отчего он замерцал и начал таять. Час-то не прошел. Капитан Дрегарт не выглядит как кто-то, не умеющий рассчитывать собственную силу.

На песок я шагнула первой.

— Твою мать, — выдохнула я и бросилась к расprostертому на песке Дрегарту. — Нольвен! Держи эту дрянь!

Стоящая у тела капитана смутно знакомая девица возмущенно вскрикнула:

— Я ничего не сде...

Договорить девица не успела: моя лисонька никогда не тратит время на излишние диалоги. Удар черного пламени, повалить соперницу в песок, зафиксировать руки за спиной и сесть сверху.

— Я могу ее вырубить и помочь тебе, — спокойно сказала Нольвен.

— У меня все под контролем.

Я сидела рядом с бессознательным Дрегартом и отчетливо понимала: перед девицей придется извиняться. Хотя... Обойдется.

— Что с ним?

— Перегруз. — Я покачала головой. — Страшный перегруз ментального поля. Не могу понять, что надо делать, чтобы *так* себя измотать.

— Ты приведешь его в сознание? — с интересом спросила моя лисонька и вдавила голову задергавшейся девицы в песок. — Не дергайся, ты все еще под подозрением.

— Да, — кивнула я. — Но чем бы он ни занимался, ему стоит сделать перерыв.

Переместившись чуть выше, я с большим трудом подтянула Дрегарта себе на колени. Не целиком, конечно. Только голову и плечи.

«Вдох-выдох, Маэлин Конлет. Да, твой способ снятия ментального перегруза не зарегистрирован и, соответственно, не одобрен. Зато ты не один раз протестировала его на Нольвен. А она — на тебе», — сказала я себе и запустила пальцы в волосы Дрегарта.

Собиралась ли я когда-нибудь представить свою придумку на суд Совета Магов? Нет. Есть другие, более, м-м-м, научные способы снять перегруз. Комбинация зелий и чар. А я... Я просто перебираю волосы Гарта и пропускаю сквозь пальцы нейтральную, не оформленную силу. Это скорее ласка, чем лечение. Представить такое на суд Вирей Безымянной? Ну уж нет, ни за что. Она размажет меня несколькими острыми фразами.

Волосы капитана были удивительно мягкими. И невероятно светлыми. Не будь я дипломированным целителем, могла бы решить, что это седина. Но нет, это просто настолько светлый оттенок. Белое золото.

Вновь и вновь пропуская между пальцев его волосы, я настолько глубоко задумалась, что не сразу заметила направленный на меня взгляд. Дрегарт пришел в себя и теперь внимательно меня рассматривал. Права была бабушка: я безмозглая гырба! Увлеклась настолько, что не заметила пришедшего в себя пациента!

— Продолжай, — попросил он. — Боль уходит.

— Боль? — Я нахмурилась. — Острая? Пульсирующая или тупая, ноющая?

— Мэль, вы бы другой момент выбрали для воркотни, — мягко произнесла Нольвен. — С этой-то что делать?

Дрегарт, поняв, что мы не одни, резко сел. Едва уловимо скривился и, словно невзначай, коснулся виска. Вот, опять этот жест! Не-ет, капитан, теперь ты от меня не уйдешь. Нам о таких, как ты, на занятиях рассказывали! Есть такая особая категория боевых магов, которые к целителям не обращаются в принципе. Потому что: «На мне все как на собаке заживает» — и потому что: «Пф, по такой ерунде людей беспокоить?!» А потом мрут пачками.

— Вы можете отпустить квэнти Вайрин, — спокойно произнес Гарт и ловко поднялся на ноги. — Квэнти Конлет?

Заслонив собой солнце, он протянул мне ладонь. Приняв его помощь, я, сделав вид, что оступилась, запустила в него диагност. При соприкосновении кожи с кожей это заклятье невозможно ощутить.

Отклик ударил в виски болезненной волной. Так, в сторону, позже разберусь.

— Вы уверены? — светски осведомилась моя лисонька, не спеша вставать со спины поверженной девицы. — Когда мы пришли, картина была грустной: ты лежишь, она стоит.

— Уверен, — коротко ответил Дрегарт.

— Значит, она не причастна к твоему ментальному перегрузу? — напрямую спросила я.

На периферии сознания мешалась ментальная сфера, в которой я заперла отклик от диагноста. Это совсем не добавляло мне хорошего самочувствия, а соответственно, не добавляло и доброго расположения духа.

Но что самое странное, Дрегарт, услышав мой вопрос, замер, внимательно заглянул мне в глаза и коротко улыбнулся:

— Это не имеет значения. Позвольте вам помочь, квэнти Лавант.

Гарт ловко поднял на ноги и мою лисоньку, и ее изрядно помятую противницу. Которая тут же пустила по себе волну очищающей магии, а после подбоченилась:

— С вами я после разберусь. А сейчас хочу поговорить с тобой, Гарт.

— Боюсь, что капитан ангажирован нами на весь день, — промурлыкала Нольвен. — Не слишком ли ты наивна? Я положила тебя лицом в песок, Вайрин. И *после* будет то же самое.

Вайрин. Точно. Это же та самая зараза, что приходила к коменданту искать себе новую соседку! Все-таки память у меня так себе.

— Дрегарт, — Ильяна Вайрин напрочь проигнорировала мою подругу, — что скажут студенты, когда узнают, что наш капитан сомлел на солнышке?

Не знаю, что собирался ответить Гарт. Он успел только нахмуриться, как я с любопытством поинтересовалась:

— А ты, прости, чем докажешь? Если мы с Нольвен скажем, что этого не было, кому поверят?

— Вы здесь никто, — окрысилась Ильяна.

— Мы — да, — охотно согласилась, — а он?

— Тихо, — негромко, но внушительно произнес Дрегарт. — Я не выношу ложь в любом ее проявлении. И для меня не существует понятия «Ложь во благо». Ты, Ильяна, можешь рассказывать кому угодно и что угодно — меня это не заботит. Совсем не заботит. Снимут капитанство? Переживу.

На бледных щеках Ильяны расцвели алые пятна:

— Ну что ты... Я же просто так сказала. Я даже не думала рассказывать об этом.

— Я не выношу ложь. Квэнти Конлет, квэнти Лавант — либо вы идете на полосу препятствий, либо...

Тут капитан резко замолчал, и я поняла, что послать он нас хотел куда-то далеко.

— Спасибо, мы лучше на полосу, — широко улыбнулась Нольвен. Она явно подумала о том, о чем и я, потому что моя лисонька ехидно прибавила: — А *туда* лучше пошлите квэнти Вайрин. И да, капитан, вы можете называть нас по именам. Все эти «квэнти» усложняют жизнь.

— Я бы никогда не послал *туда* девушку, — усмехнулся Дрегарт. — Маэлин и Нольвен, почему вы все еще здесь? Вперед!

И в последнем слове было столько побуждающей силы, что мы с лисонькой в портал нырнули с просто непредставимой скоростью. И, изрядно воодушевленные этим хриплым: «Вперед», ловко доскакали до первой двери.

— Ничего себе, — выдохнула Нольвен. — Он, случайно, не мозголом?

— Не знаю, — фыркнула я, — но впечатляет. Может, отсюда и перегруз? Сам не знает, что в голос повеление вкладывает?

— Ну, положим, для полноценного повеления это было слабовато, — тут же приосанилась моя лисонька. — Я все-таки с дядей всю жизнь живу и знаю, с чем сравнивать.

— Тем не менее, — я выразительно кивнула на оставшийся за нашими спинами коридор, — тем не менее.

«Будем наблюдать», — одними губами произнесла Нольвен, и я вспомнила, что Дрегарт может видеть и слышать все, что тут происходит. Это если его Вайрин не отвлекает.

Вскрыв заклатья на первой двери — в этот раз куда быстрее, — мы решительно шагнули во второй коридор. Все уже знакомо, а потом — мощные щиты и, самый смех, чары терки на подошву ботинок.

— Сказать кому — не поверят, — хихикнула Нольвен. — Заклинание из кулинарного арсенала!

— У бабушки все в ход идет, — улыбнулась я.

Несмотря на чары, по льду мы шли предельно осторожно. В-первых, временами он проламывался под ногой и мы оказывались на незачарованном полу, что могло привести к падению. А во-вторых, этот лед мелко-мелко вибрировал. Так что если бы мы решили использовать заклатье липучести, то вновь оказались бы у ног Дрегарта. Чего совершенно не хотелось.

Наконец вспышки вокруг наших щитов прекратились, лед истаял и мы оказались в относительно безопасном участке коридора. Вот только вокруг нас начали кружиться фиолетовые колдовские всполохи. Это определенно сила Дрегарта. Значит, он готовится нас выдернуть? Впереди какая-то феерическая дрянь.

— Идем медленно, — выдохнула Нольвен. — Если он заранее оплетает нас порталом, значит, это должно быть что-то нереально быстрое.

Укрепив щиты, мы двигались вперед со скоростью сомлевшей на жаре улитки. И тут я вспомнила про расованные по карманам артефакты! Вытащив из кармана низку с мелкими бусинами, я сдернула одну и бросила вперед. В тот же момент сверху рухнула плита! Под которой горестно крякнула моя бусина.

— Это могли быть мы, — выдавила я.

— Понятно, почему боевики такие, — нервно хихикнула Нольвен. — Их по головам бьют.

А плита, рухнувшая на пол, издевательски медленно поднялась. Но, едва мы сделали еще один шаг к ней, вновь молниеносно опустилась.

— Что будем делать? — деловито спросила успокоившаяся лисонька.

Я, подавив малодушное желание сдаться, пожала плечами:

— Надо ее чем-то заклинить. И примерно прикинуть толщину — как быстро бежать и как далеко прыгать.

Фиолетовые всполохи стали ярче, но мы с Нольвен уже не обращали на них внимания. Сделав шаг назад, мы дождались, пока плита поднимется, после чего выставили два своих самых мощных щита.

— Шаг вперед? — спросила я.

— Угу, — сосредоточенно отозвалась Нольвен. — Оценим мощность.

Что ж, мощность хорошая — щиты были раздавлены в мгновение ока.

— Однако, — выдохнула моя лисонька и поежилась, — однако.

— Вы можете сдать, — раздался голос Дрегарта. — Здесь нужно показать свое порталное искусство.

В его голосе не было издевки или насмешки, но... Я закусила губу и упрямо мотнула головой:

— Не может быть, чтобы у задачи был только один путь решения.

Нольвен удивленно на меня посмотрела, но, как и всегда, поддержала:

— С вашего позволения, капитан, мы все же попытаемся.

Заставив плиту еще опуститься-подняться, мы принялись тестировать на ней различные заклятья. Первым делом я бросила еще одну бусину, чтобы понять, что будет, если мы попробуем проскочить сверху.

— Н-да, — вздохнула Нольвен, — обидно, но ожидаемо.

Сверху прохода не было — бусина со звоном ударилась в какую-то преграду.

— Диагност? — вопросительно посмотрела на меня лисонька.

Но я покачала головой:

— Нет, пока — нет. Попробуем справиться без него.

— Я попыталась проклясть, и мое черное пламя соскочило, — вздохнула Нольвен.

А я вдруг вспомнила, как матушка распекала одну из служанок. Та вынесла постельное белье на улицу, а в тот день был сильный мороз. Сильный, даже по нашим меркам. И потом все белье поломалось, или как-то так... Хм, а что, если?..

Обычная заморозка не подойдет, а вот если...

— Облей плиту водой, — отрывисто бросила я.

Нольвен не задала ни единого вопроса, а просто вскинула ладони, и о преграду разбилась мощная струя воды. В ту же секунду я ударила двойным холодом и, не дожидаясь реакции вплетенных в плиту защитных чар, метнула предпоследнюю бусину. Резкий хлопок, и несокрушимая преграда становится просто горкой обломков. Обломков, которые...

— Бежим! — крикнула Нольвен и, схватив меня за руку, рванула вперед.

И вовремя, потому что плита восстановилась меньше, чем за полминуты.

— Надо было догадаться, что среди боевиков достаточно разрушителей, — едва переведя дух, выдавила я. — Это, надо понимать, была вторая дверь.

Скастовав заклятье особого взора Риграсса-Вальдо, я с подозрением уставилась на пол. На полностью черный пол с тонкой ниткой чистого безмагического цвета.

— Ты это видишь? — подозрительно спросила я.

— Вижу, — сосредоточенно кивнула Нольвен. — Ну что, кто идет вперед?

— Я, — отозвалась я и тут же возмущенно спросила: — Если ты сама все решила, то зачем спрашиваешь?

А Нольвен, уже наступившая на эту тонкую свободную нить, полуобернулась и пожала плечами:

— Чтобы не молчать. Не люблю ждать, если честно. Начинаю бояться больше, чем оно того стоит.

Как только моя лисонька перенесла на чистый участок пола и вторую ступню, все зачарованные плиты растворились и она оказалась на тонком-тонком шесте над...

— Лучше бы это была пропасть, — с чувством произнесла Нольвен.

Под растворившимися плитами пола пряталась жирная грязь. Жирная пузырящаяся грязь.

— Только не дергайся, я подстрахую тебя левитацией, — тихо произнесла я.

Вот только левитационное заклятье не сработало.

— Брось на меня заклятье истинного спокойствия, — попросила Нольвен. — Я паникую.

— Принято, — отрывисто ответила я.

Короткий пасс, и моя лисонька, расправив плечи, уверенно идет вперед. Шаг за шагом она преодолевает препятствие так, будто ее в принципе не пугает перспектива окунуться в грязь. Она как будто плывет над этим тонким мраморным шестом, и я, если честно, ей завидую. Потому что мне заклятье истинного спокойствия не светит: она попросту не дотянется им до меня с того конца коридора. А если лисонька повернется сейчас, то упадет: даже кристально-ясный разум спасует перед такими кульбитами над грязью.

— Теперь ты. — Нольвен замерла на той стороне. — Хаос, я не добрасываю до тебя заклятье.

— Ожидаемо, — хмыкнула я.

Поставив одну ногу на этот тонюсенький мостик, я зачарованно уставилась на волнующуюся грязь. Клянусь, пузырьков стало больше, как будто эта субстанция обладала собственным разумом и боялась, что сегодня ей жертв не достанется.

Не удержавшись, я бросила вниз диагност. И через несколько секунд получила отклик — это болотная грязь с небольшой толикой магии и крохотной каплей конского навоза. Какая прелесть. Но зато я знаю, что не утону: глубина там примерно мне по грудь.

«Костюм надежно зачарован, — сказала я себе. — Давай, шевели лапками. Здесь искупалось не одно поколение студентов».

Я не плыла над грязью, нет. Меня шатало из стороны в сторону, и я, чтобы восстановить равновесие, махала руками, как бесноватая мельница. Что с каждым мгновением делало ситуацию хуже и хуже. И в итоге, оказавшись на середине этого дурного коридора, я окончательно потеряла равновесие и едва не упала. Успела ухватиться руками и поджать ноги. Хотя, по-моему, сапогом все равно немного черпанула.

Втащив себя на этот издевательски тонкий, округлый мостик, я замерла. Я сидела на этом шесте на коленях, как курочка на жердочке, и совершенно не представляла, что теперь делать. Ну не яйца же нести, право слово!

— Я добыю до тебя заклятьем истинного спокойствия, — хладнокровно произнесла Нольвен.

— А толку? У меня подошва ботинок в жидкой грязи. Встану и сразу поскользнусь. Хотя, падая, буду спокойна, но...

— Тогда ползи, — прервала подруга мой словесный поток.

И я поползла. Боком. Есть такое понятие, как приставной шаг, у меня был... Я даже не знаю, как это назвать. Вначале я на чуть-чуть передвигала вперед одну руку. Потом одну ногу, а стояла я (или сидела), напомним, на коленях, что усложняло задачу. И так, одну за другой, я передвигала все свои конечности. И вожделенный конец понемногу приближался. Ничто не предвещало беды.

Но, когда я в очередной раз переместила коленку, я приземлила ее на остатки нанизанных на нитку бусин. Одна из бусинок лопнула и... Это была боль с большой буквы Б. Вскрикнув, я дернулась, разжала руки и схватилась за ногу.

И через мгновение я осознала себя сидящей у ног Нольвен. Лисонька, тонко усмехнувшись, поймала одну крошечную фиолетовую искру и, показав ее мне, кивнула на дверь:

— Третья.

А я, едва переведя дух, с отвращением посмотрела на пузырящуюся грязь.

«Спасибо, капитан», — мысленно произнесла я и повернулась к двери.

Нет, на самом деле мне не сложно сказать «спасибо» вслух. Но я почему-то уверена, что не стоит этого делать. Он ведь не должен был мне помогать. Это нечестно по отношению к другим студентам, которые выкупались в грязи.

— Ты спишь, подруженька? — Нольвен толкнула меня локтем. — Смотри, в дверном полотне ни замка, ни ручки.

— Это полоса первого уровня сложности. — Я потеряла переносицу. — Значит, дверь открыть можно.

В четыре руки мы ощупали гладкое дверное полотно и убедились: нет никаких сколов, царапин, подсказок и невидимых замочных скважин. Что ж, не страшно. Разойдясь по две стороны от двери, мы принялись ощупывать стены, и удача улыбнулась нам уже через две минуты! Мы нашли два рычага.

— Мой рычаг находится в середине деления, — сосредоточенно пыхтя, объявила моя лисонька. — Можно дернуть вверх, а можно — вниз.

— У меня так же, — вздохнула я. — Ну что, вверх или вниз?

— Погоди, — усмехнулась Нольвен и принялась что-то выглаживать вокруг рычага.

Потратив пару минут, она уверенно произнесла:

— Мой — вниз. Иди на мое место.

Погладив стену вокруг моего по-прежнему невидимого рычага, Нольвен кивнула сама себе:

— А этот — вверх.

— Как?!

— Потертости, — туманно пояснила лисонька. — Чаще всего этот рычаг дергали вверх. А тот, возле которого стоишь ты, — вниз. Проблема в том, что если студенты чаще всего ошибались, то и мы ошибемся.

— Но выбора у нас нет.

— Есть. Мы можем пойти от противного.

— Бабушка всегда говорила, что не нужно усложнять. — Я поджала губы. — Так что давай так, как ты сказала изначально.

Так как мы с Нольвен поменялись местами, то мне нужно было дернуть рычаг вниз.

— На счет три, — отрывисто произнесла я. — Один. Два. Три!

Несколько секунд ничего не происходило. А затем дверь медленно-медленно отворилась и мы оказались в маленькой темной комнате, в центре которой медленно разгорался фиолетовый портал.

— Поздравляю, — откуда-то сверху раздался голос капитана. — Вы прошли одну треть полосы первого уровня. Сейчас смело шагайте в портал.

Мы с лисонькой переглянулись, и Нольвен едва уловимо улыбнулась:

— Интересно, мы можем хоть чем-нибудь гордиться?

— Ну, — я пожала плечами, — не знаю. Одна треть за сколько? Полчаса или сорок минут. Боюсь, что боевые маги со свистом проскакивают эти унылые коридоры.

В портал я шагнула первой. И через мгновение я с недоумением встретила насмешливый взгляд Дрегарта. Отойдя в сторонку, чтобы не помешать Нольвен, я не сдержала вопрос:

— Почему?

— Потому что у вас осталось полчаса, — он усмехнулся, — чтобы добежать до столовой и получить бутерброды вместо завтрака.

Только в этот момент я ощутила сосущую пустоту в желудке. Надо признать, что полоса препятствий прекрасно отвлекает от чувства голода.

— Мы где-то ошиблись? — это Нольвен, столь же удивленная, сколь была и я пару минут назад.

— Завтрак, — коротко произнесла я. — Мы на него уже опоздали, но дадут бутерброды, если успеем.

— Так что же мы стоим? — тут же встрепенулась моя лисонька. — Капитан, где можно разжиться сахаром?

— Попросите в столовой. — Он пожал плечами. — Но если вас поймают на изготовлении спирта...

— Нет! — Я резко мотнула головой. — Нам чай пить.

Дрегарт вдруг улыбнулся:

— Тогда я поделюсь.

— Спасибо, — я чуть смутилась. — И еще одно спасибо. Ну, ты понимаешь.

Я не стала говорить напрямую, а он сделал вид, что ничего не понял:

— Совершенно не за что. Завтра жду здесь, после завтрака. Занятий пока не будет, так что посвятим все свободное время отработке дуэлей. И группового взаимодействия. Все понятно?

— Да, — кивнула я.

— Тогда свободны, — коротко произнес Гарт.

Нольвен кашлянула и негромко произнесла:

— А куда идти?

Повернувшись к нам, капитан только тяжело вздохнул:

— Правильные студенты первым делом узнают расположение кухни. То есть столовой. Держите. Не потеряйте из виду.

Он создал такой же тусклый шарик, как тот, что для нас сделал комендант. Наскоро попрощавшись, мы с Нольвен вприпрыжку помчались за шустрым заклинанием.

— А он быстрый, — на ходу выдохнула моя лисонька.

— Мне кажется, что мы тоже скоро станем очень быстрыми, — поделилась я своими опасениями. — И грустными.

— Ничего. Это на пару дней, потом начнутся занятия, — неуверенно произнесла Нольвен. — Ну не могут же студенты военки все время проводить на полигоне? Тем более что мы на целительском факультете.

— Говорят, — я уклонилась от ветки, едва не выбившей мне глаз, — что военный лекарь должен быстро бегать, хорошо прыгать и исцелять людей, не прекращая движения.

— Сказки, — фыркнула моя лисонька. — На ходу можно только кровь остановить да кое-как подхватить рваные раны, чтобы шире не открылись. Ну проклятье еще можно подморозить, чтобы пациент чуть подольше прожил.

— Но ведь большего от военных лекарей и не ждут, — напомнила я.

— Поживем — увидим, — отмахнулась Нольвен. — Кажется, мы прибыли.

Получить по свертку с бутербродами оказалось очень просто: надо было приложить ладонь к белому прямоугольнику, который подтвердил, что мы не были на завтраке. Сразу после этого нам выдали по тряпичному свертку с наказом вернуть ткань в обеденное время.

— А вообще, привыкайте к распорядку, — велела нам высокая рябая женщина. — Это сейчас у вас есть время, чтобы перекусить. Но если вас поймают с едой в учебно-административном корпусе... Получите наряд на мытье пола. Руками и без магии.

— Ясно, спасибо, — выдавили мы с Нольвен в унисон.

Крепко подумав, мы не рискнули раскрывать свертки вне комнаты. Мало ли что! Еще получим наряд на, не знаю, подметание дорожек в парке. Лучше уж потерпеть пару минут и спокойно поесть в комнате. Если Лилей нас не съест за отсутствие обещанного сахара и воды. Но воду можно наколдовать, а вот сладкое... Неужели и правда придется просить у Дрегарта?

Глава 7

Дрегарт Катуаллон

— Серьезно? Недо-Ривелен и перебежчица от целителей?!

Фил расплылся уже второй час. Начал он перед завтраком и продолжал даже сейчас, когда мы ждали недостающих членов команды. На мою удачу, он действительно был возмущен, а потому не лгал ни единым словом.

— Что она умеет такого, что ее взяли? — выдал он в итоге и глумливо осклабился.

— Странно это слышать от того, кто под победоносный салют подлетал к луне, — усмехнулся Фраган.

— Решение ректора не подлежит пересмотру, — хмуро произнес я. — И ты кое-что упускаешь, Фил.

— И что же?

— Мы все равно вытянем дуэльный круг, — я усмехнулся. — Просто пересмотрим тактику. Против нас будут целители и стихийники, Фил. Да, Волькан и Маэлин не усилят нашу боевую тройку. Но и не *ослабят*.

— Ты понимаешь, что теперь за ними придется присматривать? — с отвращением спросил Филиберт. — Им не простят такого легкого проникновения в турнирную команду. Когда участие в турнире из привилегии стало наказанием?

— Тогда, когда военка пыталась устроить бунт, — пожал плечами Фраган. — О наборе в турнирную команду объявили еще весной. Но никто, никто не подал заявку. Думаю, ректор оценил.

— Заявок было много, — нахмурился я.

— После того, как пришел ты, — кивнул Фраган. — Ты показал высший класс на вступительных экзаменах. Плюс у тебя есть реальный боевой опыт. У нас появился шанс выгрызть второе место у стихийников, и люди захотели участвовать. До этого заявок не было.

— Вот оно что, — медленно произнес я. — В таком свете многое становится понятным.

— Впрочем, — Фил сально усмехнулся, — зато синеглазка и ее подружка будут в доступности.

— Ты давно перестал чесаться? — с интересом спросил Фраган своего брата-близнеца. — Маэлин Конлет была лучшей ученицей на курсе. Каким ветром ее занесло сюда — неизвестно. Но у нее есть жених, и он тоже в турнирной команде.

— Ей устроят темную, — констатировал Фил. — Откуда ты столько знаешь?

— А мы на что? — резонно возразил Фраган и добавил: — Получил пару писем.

«У Маэлин есть жених. Впрочем, умные и красивые девушки редко остаются в одиночестве», — пронеслось у меня в голове. Осознание, что ласковая синеглазка не свободна, разозлило меня. Взбесило, если быть точным. Но я взрослый человек и способен держать себя в руках. Тем более что Мэль всего лишь часть турнирной команды. Просто студентка и...

— Гарт! Ты горишь!

Мои ладони были объаты фиолетовым пламенем. И я совершенно его не контролировал...

Прикрыв глаза, я начал дышать на счет. Все, как учил тот старик, жрец Отца-Хаоса. Вдох, задержать дыхание, медленно выдохнуть. Вдох-выдох. Не обращать внимания на невнятные звуки — это сейчас неважно.

«Ты часть меня», — повторял я про себя. И пламя, непокорное, бушующее, успокаивалось. Ластилось к рукам, как добрый щенок.

Открыв глаза, я столкнулся взглядом с Фраганом.

— Я узнаю о ней побольше, — медленно произнес мой друг.

— А где Фил?

— Отправил его встречать девчонок. И Ривелена. Хотя он тоже та еще девчонка, — усмехнулся Фраган. — Гарт, у нас проблемы?

— Не сейчас, — покачал я головой. — Это может быть случайностью.

«Фраган сказал о женихе Мэль, и я потерял контроль над пламенем. Это не может быть случайностью», — подумал я. Но признать это вслух... Немыслимо. Просто невысказано.

Все это время Фраган внимательно на меня смотрел, и в итоге я не сдержался:

— Я не влюблен в нее.

— Я молчал, — усмехнулся мой друг.

— Слишком выразительно молчал, — укорил я его. — Я не могу любить. Я умер. Понимаешь? Три года назад меня не стало. Я не способен чувствовать. Это просто какой-то сбой.

— Как скажешь, — кивнул Фраган. — Как скажешь. Может, не стоит их защищать? В стычках с другими студентами девчонки станут сильней. Все же до смерти их не «зашутят».

— Маэлин под моей защитой, — отрезал я. — Но знать ей об этом не нужно.

Фраган только понимающе усмехнулся и едва слышно произнес:

— Ага. Она под твоей защитой, но ты не влюблен. Я понял. — Затем он куда громче добавил: — Оставить их один на один с шутниками я предложил не всерьез. Просто хотел кое-что проверить.

— Проверил?

— Да.

— Вот и помолчи, — приказал я.

По смешливому взгляду друга я понял, что ему еще есть что сказать. Но в этот момент открылся портал, из которого вышел Волькан. Следом на песок спорхнула Маэлин. После нее появилась Нольвен, и замыкающим стал Фил.

— Доброе утро, — мягко улыбнулась Мэль. — Как ты?

Она явно намекала на мое позорное отключение. Хаос, что она теперь обо мне думает?! Не боевой маг, не защитник, а тряпка. *Пациент.*

— В норме, — коротко произнес я. — Сегодня мы посмотрим на вас в бою.

Подруги переглянулись, вздохнули, и Мэль прямо спросила:

— Ты будешь выбирать?

Такая прямота была неприятна, ведь я не мог солгать:

— Да.

— Ясно, — кивнула Маэлин. — Спасибо за честность.

Потянувшись к охранному контуру полигона, я открыл проход к дуэльной площадке. После чего дал девчонкам пару минут — осмотреться. Они так явно восторгались этим, в сущности, обыденным местом, что я и сам посмотрел на площадку иными глазами. Оценил полупрозрачный купол — защиту зрителей от шальных заклятий. Вспомнил, как трудно было привыкнуть к пружинящему покрытию под ногами — чтобы не травмировать упавшего. И как трудно было

привыкнуть к отсутствию этого самого покрытия на дуэльных площадках вне военки.

— А это что? — Мэль подошла к столбу с кристаллом для вызова целителей.

— Ты не знаешь? — удивился Фил и встал рядом с ней. — Ты же целитель. Эта штука вызывает красавиц-лекариц к телам пострадавших бойцов. Если бы я был ранен в сердце, ты бы меня исцелила?

Маэлин тонко усмехнулась:

— Нет, это не мой профиль. Но я бы остановила кровотечение, стабилизировала общий магический фон и передала бы тебя в заботливые руки дежурного по хирургическому отделению.

— Держи себя в руках, — спокойный голос Фрагана взбесил сильнее, чем назойливость его брата.

— Я в норме, — отрывисто бросил я и понял, что повторил свои же слова, сказанные для Мэль.

— Фил не способен на длительные отношения, — так неспешно произнес Фраган. — Ни одна девушка в трезвом уме с ним не свяжется. Если только не захочет приятно провести выходные.

— Оставь эту тему. Маэлин просто часть турнирной команды. Пока ещё часть команды.

— Ты всерьез думаешь заменить ее на её подругу? — нахмурился Фраган. — Не лучшая идея.

— Я исхожу из интересов академии. — Собственная ложь болезненно продрала горло. Во рту появился неприятный кровавый привкус.

Я просто хочу, чтобы эта девушка, чужая, толком незнакомая и непонятная, продолжала улыбаться. Чтобы она была в безопасности. Турнир не место для таких, как она. Да, ее подруге там тоже делать нечего, но...

— У целителей дуэльная площадка выглядит иначе, — со знанием дела произнесла рыжекосая подружка Маэлин. — Вместо этой забавной штуки — камень. У нас считалось, что ты должен страдать, если хочешь изучать дуэлинг сверх необходимого.

— Интересный подход, — разулыбался Фил. — Это ужасно, что вам приходилось падать на жесткие камни. Вы созданы для другого!

— Для чего же? — заинтересовалась Нольвен.

— Как минимум для очистки гнойных ран, — задумчиво произнесла моя синеглазая целительница. — Если кто-то дуэлировал сверх социально одобряемой нормы, то его сразу же отправляли под крыло квэнни Шелрон. Ох уж эти белесые червики! *Magia vermis est specialis*, если использовать Старый Язык.

Филиберт с опаской покосился на Маэлин и отошел в сторонку. Да, с этим видом червей сталкивался каждый боевой маг — они гнездятся в сырых, насыщенных магией местах. И этих тварей ничем нельзя диагностировать! А также невозможно предугадать их нападение — шестеро бойцов пройдут мимо, а седьмой будет атакован.

«Моя целительница хороша», — промелькнула у меня в голове коротенькая мыслишка. Промелькнула и исчезла, а я остался стоять. Ошеломленный и взбешенный. *Моя?!*

Эти глупости необходимо выбросить из головы. Квэнти Маэлин Конлет не свободна. Хоть и странно, что ее помолвка длится так долго. Обычно утром пара решает пожениться, а к вечеру для них разжигают костер. Не в нашей ситуации разбрасываться временем. Да, после битвы у Серых Скал нападения духов получается спрогнозировать. Но есть то, что предсказать нельзя: человеческая дурость не поддается никаким расчетам. Только в прошлом месяце одному из сильных духов удалось добраться до столицы! А все потому, что молодому боевому магу взбрело в голову поймать духа и принести любимой женщине. Чтобы она могла его изучить. Что ж, поймать тварь он смог. Смог и от товарищей по отряду утаить. А вот удержать в ловушке не вышло. Дух завладел его телом и затаился. Спасибо Теням, стоящим на страже вокруг столицы, — вычислили, спровоцировали и уничтожили.

— Осмотрелись, и будет, — громко произнес я, отбрасывая в сторону лишние мысли. — Волькан и Фраган, к бою.

Бледный Ривелен и смиренно-огорченный Гильдас подошли к центру площадки, а после разошлись в противоположные стороны на семь шагов. Плохо, на турнире это будет десятка. Ну ладно, для первой пробы подойдет.

— Использовать низкоуровневые заклятья, — четко произнес я. — Сейчас я хочу видеть вашу скорость и изворотливость.

Фраган посмотрел на меня с отчетливо видимой насмешкой. В его глазах читалось: «Будто ты не знаешь мою скорость и

изворотливость». Да, ему удавалось вырвать у меня две победы из семи, что весьма неплохо.

Первые же минуты боя показали: Волькана не зря считают несчастьем рода Ривелен. В нем не было ничего от его талантливейших братьев. Видно, что его учили. И видно, что наука не пошла впрок. Он знал слишком много и тратил бесценные секунды на подбор *идеально* подходящего заклятья.

— Достаточно. — Я махнул рукой, останавливая бой. — Десять минут отдых, затем Фраган и Маэлин.

— К чему мучить моего братца? Я с удовольствием проверю верткость прекрасной целительницы, — тут же отреагировал Фил. — Или ты боишься, что я безвозвратно покалечу Мэль?

— Меня зовут Маэлин, — отчеканила моя целительница.

— Как скажешь, — широко улыбнулся Фил. — Гарт, я уже давно курирую первачков, в отличие, к слову, от Фрагги.

— Кто повторит это следом за моим полоумным братцем, — тут же вскинулся Фраган, — тот пойдет срачивать кости к целителям.

— Так что, Гарт, — Фил пристально посмотрел мне в глаза, — доверишь мне проверку? Или будем ждать, пока *Фрагги* ошибется и случайно размажет девчонок по защитному куполу?

Маэлин Конлет

«Филиберт Гильдас, для вас просто Красавчик Фил», — именно так представился нам этот боевик. Что, как по мне, не пошло ему в плюс. Во-первых, не такой и красавчик, хотя сочетание чистой светлой кожи, серых глаз и выющихся каштановых волос всегда в выигрыше, а во-вторых, никого не красит чрезмерная самоуверенность! Вот удивительно, но его спокойный брат-близнец пришелся мне по душе куда больше. А от слащавых улыбок и назойливого внимания «Красавчика Фила» хочется сбежать куда подальше. Но некуда.

Бой Волькана и Фрагана закончился. Уставший, помятый и грустный Ривелен вышел с площадки и ушел в сторону, к скамейкам. К нему тут же направилась Нольвен. Она, как и я, отметила пару вывихов и несколько качественных ушибов. Конечно, боевые маги не считают это за травмы, но раз уж мы здесь, то все будет по правилам. А не как обычно!

Я хотела диагностировать Фрагана, но услышала неприятный диалог.

— К чему мучить моего братца? Я с удовольствием проверю верткость прекрасной целительницы, — оживленно произнес «Красавчик Фил». — Или ты боишься, что я безвозвратно покалечу Мэль?

— Меня зовут Маэлин, — взбесилась я и заслужила странный взгляд Дрегарта. От этого взгляда мне стало не по себе и щеки отчего-то загорелись.

— Как скажешь, — широко улыбнулся Фил. — Гарт, я уже давно курирую первачков, в отличие, к слову, от Фрагги.

— Кто повторит это следом за моим полоумным братцем, — тут же вскинулся Фраган, — тот пойдет сращивать кости к целителям.

Я с трудом подавила смешок. *Фрагги*. Не особенно мужественное прозвище. И очень забавное. Но я не рискну так его назвать, хоть и хочется.

— Так что, Гарт, — Фил продолжал занудствовать, — согласишься мне проверку? Или будем ждать, пока *Фрагги* ошибется и случайно размажет девчонок по защитному куполу?

Мне хотелось, чтобы Гарт согласился. Нет, я не рассчитываю перебороть Фила. Во мне нет столько безнадежной дурости. Но есть некоторые нюансы, некоторые приятные мелочи, которые могут осложнить ему жизнь. Мне удалось поймать на это дядю Нольвен. А значит, и Фил купится. Ну же, Дрегарт, дай своему другу то, что он хочет!

— Я сам выйду в круг, — неожиданно произнес Дрегарт. — Так или иначе, а именно мне предстоит решить, заменить ли Маэлин на Нольвен.

А я вдруг отчетливо поняла: он этот выбор уже сделал. Он уже решил, что заменит меня на мою лисоньку. И я... Не то чтобы я настолько хотела участвовать в турнире, нет. Просто как он посмел списать меня заранее?! Что ж, ему предстоит ощутить то, из-за чего дядюшка Нольвен шарахался от меня несколько недель. И пусть мне уже стыдно, но я не отступлю. Я не позволю ему считать себя слабосилком!

Дрегарт направился к центру дуэльной площадки, и я, под встревоженным взглядом Нольвен, последовала за ним.

— Десять шагов, — коротко отрезал наш капитан. — Стандарт для турнира.

— Хорошо, — кивнула я.

Десять шагов — это хуже, чем семь. Сложнее попасть и проще увернуться. Но я постараюсь. Я приложу все усилия, чтобы неприятно поразить Дрегарта. Поразить и остаться в команде. В конце концов, во время круга дуэлей у меня будет законный повод проклясть Стевена так, что уже ничто и никогда ему не поможет!

Защитный купол развернулся вокруг нас с мягким приятным звоном. Развернулся, замерцал и приобрел молочный непрозрачный цвет. Вот как? У нас этот купол был прозрачным.

— Низкоуровневые заклятья, — напомнил мне капитан.

— Поняла, — кивнула я.

У меня все заклятья низкоуровневые. О, и, пожалуй, стоит использовать огненный шар. Это и правда мое «коронное» заклятье.

Вот только он был беспредельно быстр. Мне пришлось выставить щит и полностью за ним скрыться — капитан выпускал заклятья с какой-то нечеловеческой скоростью. Да, проиграть такому бойцу не стыдно. Но... Но я хочу остаться в команде! А значит, придется рискнуть.

И я рискнула. Рискнула не жизнью, что уж там. Даже здоровьем не рискнула: мягкий пол не позволил бы мне переломать кости. Но одно-единственное пропущенное заклятье гарантированно лишит меня сознания. Гарантированно лишит меня возможности остаться в турнирной команде.

Наращивая щит, я истово благодарила бабушку за ее науку. Стандартный низкоуровневый щит давно бы разлетелся, а этот держался. И при этом оставался простейшим заклятьем, что не позволит Гарту обвинить меня в жульничестве.

Так, пока я криво и неловко перемещалась, отвлекая внимание Дрегарта, мои гусенички-проклятья подобралась к нему вплотную. Готова поспорить, что он обнаружит первые два, а вот третье... Третье подберется достаточно близко, чтобы сработать! А все почему? Все потому, что я вижу в его глазах снисхождение. Он слишком сосредоточен на том, чтобы меня не пришибить. Ну и плюсом идет то, что эти гусенички — моя личная разработка. Пришлось постараться, чтобы получить свой кусок именинного торта. Было обидно смотреть,

как бабушка ест, а у нас с лисонькой пустые тарелки. Особенно обидно было оттого, что это был мой день рождения! Возможно, именно поэтому проклятья вышли *такими*.

Да! Две огненные вспышки, и мои гусенички погибли смертью храбрых, одновременно прикрыв третью красавицу. И, как мне показалось, уже только это заставило Дрегарта посмотреть на меня иначе.

Третья гусеничка сработала, капитан неловко дернулся и на мгновение сбился! Так что я успела скастовать несколько огненных шаров и вновь укрыться за своим модернизированным щитом.

Мои шары заставили Гарта выругаться: он не смог просчитать их траекторию. «Не переживай, мой капитан, — хотелось сказать мне. — Никто не может просчитать, куда они полетят». Но я промолчала.

Мне удалось подпалить ему рукав, а после... Я даже не поняла, что произошло, а Гарт уже стоит у меня за спиной и кладет ладонь мне на горло.

— Вы проиграли бой, квэнти Конлет, — хрипло выдохнул он мне на ухо.

Собрав все силы в кулак, я, не поворачиваясь, сдержанно ответила:

— А вы ожидали иного?

Он только неопределенно хмыкнул и исчез, чтобы появиться уже у края площадки.

— Квэнти Лавант, — Гарт церемонно кивнул моей лисоньке, — прошу на дуэльную площадку.

Присоединившись к зрителям, я с легкой грустью наблюдала за тем, как неспешно разворачивается защитный купол. Нольвен всегда была сильнее меня в дуэльном плане. Нет, не думаю, что ей удастся одолеть Дрегарта. Но она по меньшей мере не будет отсиживаться за модифицированным щитом.

— А ты молодец, — задумчиво произнес Фраган.

— Сарказм? — Я повернулась к нему.

— Дрегарт... Никто не знает, с чего он решил вернуться в военку. — Парень задумчиво прищурился. — Его уровень существенно выше нашего. Ты знаешь правила? Он должен был доказать, что он лучше всех. Быстрее, сильнее, опаснее.

— Да, я знаю правила.

Купол замкнулся, по нему пробежала искра, и я невольно вспомнила, как мы учились взламывать такие купола. Потому что зачастую только целитель может остановить вошедших в раж дуэлянтов. На последнем зачете я показала рекордное время — четыре секунды. У Нольвен было восемь, а у Стевена двадцать семь. Он так и не научился быстро ломать чужие щиты.

— Низкоуровневые заклятья, — напомнил Гарт Нольвен.

Та загадочно улыбнулась и кивнула:

— Я помню. Я вообще хорошо запоминаю, особенно с третьего раза.

Моя лисонька подняла перед собой руки и замерла, вытянувшись в струну. Она не вызвала щит, что было бы логично. И что она всегда делала ранее.

— Что-то мне это не нравится. — Я подалась вперед.

Может ли Нольвен подставиться под удар, чтобы меня не выкинули из турнирной команды?

«Может», — ответил внутренний голос. Может. Хотя бы потому, что я бы именно так и поступила, если бы мы вдруг поменялись местами. Если бы именно ей хотелось пройти вперед, чтобы сразиться с предателем и делом доказать, кто тут лучший выпускник, а кто кусок подлого де...

Она это сделала. Даже не ослабив оглушающее проклятье Гарта. Моя лисонька просто приняла удар на себя и сломанной куклой отлетела к барьеру.

А я поставила новый рекорд. Этот защитный купол я разнесла на осколки за две секунды. И за одно мгновение оказалась рядом с подругой.

— Ты ненормальная, — сквозь зубы процедила и, ухватив ее за тонкое запястье, принялась с каждым ударом своего сердца вливать в ее бессознательное тело энергию.

— Упрямая. — Гарт опустился рядом со мной. — Она подставилась.

Мне было не до светских разговоров: если вовремя оказать помощь, то оглушающее заклятье не окажет на пострадавшего особого влияния. Если пропустить момент, то может вылезти что угодно. От недолеченных проклятий до сотрясения головного мозга.

«Если он, конечно, есть», — сердито подумала я.

Ну почему она хотя бы слабенький щит не выставила, чтобы ослабить заклятье? Что за дурость пополам с храбростью?!

— С тебя сахар, Дрегарт, — не открывая глаз, произнесла Нольвен. После чего прибавила: — Ничего, что я так просто? Все-таки двум простым студентам нет смысла разводить политесы.

— Никому нет смысла разводить политесы, — усмехнулся Гарт. — В бою нет времени на излишнюю вежливость.

— Я слышала, — моя лисонька приоткрыла правый глаз, — что в армии отдают приказы матом.

— Возможно, некоторые армейские выражения действительно не подходят для гражданской жизни, — уклончиво ответил капитан и обратился ко мне: — Каково ее состояние?

— По жизни или сейчас? — мрачно пошутила я. — Разрывов ауры нет, очаг не поврежден, помощь оказана вовремя, побочных эффектов не прогнозирую. И настоятельное целительское указание — постельный режим до конца дня. За исключением походов в столовую.

Нольвен скорбно свела брови:

— Никто, кроме тебя, после оглушающего постельный режим не назначает.

— Нет, — Гарт одарил меня донельзя странным взглядом, — я знал человека, который... Неважно. Почему ты это сделала?

Открыв оба глаза, моя лисонька жестко произнесла:

— Я могла бы соврать, но не стану. Мэль не любит, когда я вру. Поэтому я признаю: это было сделано специально. Почему? Потому что я хочу, чтобы моя Мэль участвовала в турнире. Иначе я рискую не сдержаться и совершить убийство. С особой жестокостью. А моя подруга все-таки поспокойней будет.

Гарт хмыкнул и, встав, отрывисто бросил:

— Фраган, проводи Нольвен.

С этими словами Дрегарт сотворил портал. Гильдас, коротко кивнув, подскочил к нам, подхватил охнувшую лисоньку на руки и исчез в портале. После чего капитан повернулся ко мне и задумчиво произнес:

— У тебя хорошие навыки взломщика. И необычный щит. Это можно использовать.

А я не знала, радоваться мне или огорчаться. Судя по всему, я — часть команды. Но какой ценой?

Глава 8

С этого дня для нас с Нольвен начались страшные боевые будни. Нам сочувствовал даже Лилей — он скорбно шелестел листочками и по вечерам тихонечко светился, чтобы нам было легче и приятней уснуть.

Вместе с нами страдал Волькан. Застенчивый неразговорчивый паренек пер вперед так, будто в конце турнира его ждет сундук с сокровищами.

— Одно радует, — задумчиво произнесла мрачная и невыспавшаяся Нольвен. — Завтра уже учеба. Сегодня получим учебники, бумагу и стилусы.

— И бумагу, чтобы обернуть учебники, — кивнула я. — Мне не хочется вставать. Все-таки это слишком жестоко.

— Гарт хочет знать предел нашей выносливости. И наших способностей.

— Мой предел был позавчера. — Я с трудом подавила зевок и выползла из кровати.

Путь мой лежал в ванную комнату. Как выяснилось, на каждую комнату приходилась одно небольшое помещение, в котором было все необходимое. Для того чтобы войти в него, нужно было выйти из комнаты, закрыть дверь, надавить на зачарованный сучок и войти снова.

Все это нам объяснил Волькан. Он не знал точно, как именно это устроено на женском этаже, но про мужской он знал все.

— И что хорошо, — говорил он, — что, когда ты внутри, никто другой туда зайти не сможет. Это же и плохо, поскольку и душевая, и, кхм, не душевая — все в одной комнате.

За то время, что мы мучились на полосе препятствий, наши костюмы изрядно истрепались. И мы с легкой насмешкой вспоминали слова бабушки о том, что одежда не мнется и не пачкается.

Вот и сейчас я смыла с себя сон, скинула в корзину для грязного белья использованные вещи и полотенца, переоделась и вошла в комнату.

— Никогда еще не ждала занятий с такой силой, — моя лисонька все еще страдала. — Мне кажется, Гарт мне мстит за то, что я подставилась под его удар.

— Я бы тоже мстила, — буркнула я. — Мне, знаешь ли, тоже было неприятно остаться в команде такой ценой.

— Ты преувеличиваешь. — Нольвен собрала чистые вещи, вытащила из шкафа полотенца и вышла из комнаты.

Я ей ничего вслед кричать не стала. Мы за прошедшие дни и без того достаточно спорили. Увы, моя лисонька была склонна считать оглушающее заклятье условно-безвредным. А я склонялась к мысли, что оно весьма и весьма вредное, безо всяких условностей.

Когда Нольвен вернулась в комнату, я уже заплелась, так что гребешок атаковал ее. Я же в это время вытащила глиняную баночку с сахаром и принялась подкармливать Лилея. Нахальный цветок делал вид, что ему все равно, но я уже знала: стоит зазеваться — и в баночке окажутся все его корешки и часть цветов.

— Тебе много нельзя — вредно, — наставительно произнесла я, затем плотно закрыла банку и, прикрыв ее сверху заклятьем, убрала в шкаф. — Веди себя хорошо.

— Пока нас нет, он вылезает на балкон и перепрыгивает на плющ, — меланхолично произнесла Нольвен. — Мне кажется, я видела там какие-то шишечки, как у хмеля.

Я, признаться, не очень-то смыслю в ботанике. Но, наверное, у плюща и должны быть какие-то шишечки? Как-то же он должен цвести?

— Думаю, это нормально, — задумчиво сказала я.

Собравшись, мы бодрым шагом направились к библиотеке. Ее местонахождение нам было известно благодаря все тому же Волькану. Как и лучшее время для посещения. Большая часть студентов приедет только вечером, чуть меньшая предпочитает вначале завтракать, а оставшаяся, то есть мы и еще часть хитрых и не ленивых, получит учебники без нудных очередей.

— На форзаце клеены схемы допустимых заклятий, — спешно произнесла немолодая библиотекарь. — Слепок учебников хранится в моем реестре, испортите — будете отрабатывать на благо академии.

— В конце года? — уточнила Нольвен.

— Нет, — покачала головой библиотекарь, — у меня сработает сигналка. Увы, книги очень быстро напитываются магией, а держать при Академии Хранительницу Знаний... Ну знаете, это дважды жестоко.

— Дважды? — удивилась я.

— Жестоко по отношению к несчастной девушке и жестоко по отношению к школьному бюджету. Все, приложите ладонь вот здесь, здесь и здесь и идите, не задерживайте очередь.

Наколдовав вокруг учебников антимагические пузыри, мы подхватили все это богатство левитацией и направились обратно в комнату. Увы, в нашем мире слишком много дикой, хаотичной магии, которая впитывается в артефакты и книги, в которых описаны колдовские дисциплины. Напитавшись такой силой, фолиант становится смертельно опасен, и только Хранительницы Знаний могут соприкоснуться с проклятой магией. Вот только платят они за это несоразмерно страшную цену — боль, шрамы и одиночество. Хранительницей Знаний может стать только та, что с самого детства не знала прикосновений к другим людям. Мамина ласка, папина забота — все мимо.

— Чего молчишь?

— Задумалась. — Я пожала плечами. — О Хранительницах Знаний.

— Я бы удавилась, — честно сказала Нольвен, — но не позволила бы так издеваться над своим ребенком.

Но без них мы утратим очень и очень многие знания. Писари просто не успевают переписывать книги. Оттого все так трясутся над учебниками. Оттого мы оборачиваем книги особой бумагой, которая отталкивает чары. Оттого у нас разделены практические и теоретические уроки, чтобы рядом с книгами было меньше магии.

Вернувшись в комнату, мы тщательно обернули учебники бумагой, проклеили все нужные складки и убрали все это на самую дальнюю полку.

— Опять бутерброды, — вздохнула Нольвен, вызвав проекцию времени.

— Опять, — уныло согласилась я. — Как-то все происходящее и близко не похоже на все слухи, что ходят о военке.

— Зато ты утрешь нос Стевену. — Моя лисонька подпихнула меня локтем в бок. — Ниже третьего места не упасть.

— Не упасть.

— Так что главное для тебя — это во время круга дуэлей вытащить нужный жребий. А с этим я помогу. — Нольвен потеряла ладошки. — Кто, как не дочь Идрис Лавант, сможет проклясть Чашу Выбора?

— Погоди, — я махнула рукой, — я что-то слышала про общий бой.

— Ну а там сам Отец-Хаос велел до предателя добраться, — предвкушающе улыбнулась Нольвен. — Но, вообще, я присмотрела в библиотеке стеллаж со старыми газетами. В смысле, старыми студенческими газетами. Думаю, там должны были осветить и турниры. Надо бы почитать, подготовиться.

— Если у нас будет на это время, — серьезно ответила я и потянула Нольвен к выходу из комнаты. — Дрегарт гоняет нас так, будто верит, что за оставшееся до турнира время он сможет вылепить из нас бойцов.

Моя лисонька тихонечко вздохнула и, сочувственно погладив меня по плечу, объяснила:

— Никто из нас бойцов не делает. Ты заметила, что я чаще всего выступаю в роли нападающей? Тебя и Волькана приучают уворачиваться и прятаться за спинами боевых магов. Чтобы вы в своих ногах не путались.

— Когда ты это сказала, — медленно произнесла я, — это стало таким очевидным. Почему я сама этого не заметила?

— Потому что великие маги, которые одной рукой исцеляют неисцеляемое, а второй побеждают непобеждаемое, существуют только в легендах, — наставительно произнесла Нольвен. — Мы с тобой заточены под одну задачу, ребята — под другую. А наш капитан умный и толковый стратег. Или тактик. Я путаюсь в этих понятиях.

— Тактический стратег? — предложила я.

— Пусть так, — кивнула Нольвен. — Давай прибавим шаг, а то и бутербродов не достанется.

Досталось. За эти дни нам почти ни разу не удалось нормально позавтракать, так что свертки с сухим пайком нам готовили заранее. И что удивительно, к нам все относились довольно равнодушно. Если не

считать того крошечного столкновения, когда мы только заселялись в общежитие. Мы как будто перестали существовать. В принципе, меня это устраивало. Там, в прежней академии, мы примерно так и жили. Я и Нольвен и стайка приятелей-приятельниц, которые появлялись и исчезали сами собой. Ну и, конечно же, Стевен, который всегда крутился неподалеку.

Отвлечшись от раздумий, я последовала за Нольвен, которая уверенно шла к любимившемуся нам местечку в парке. Там не было скамеек, но что мы за маги, если не сможем сообразить пару плотных подушек? Зато там была сочная трава, массивные валуны, поросшие мхом, и раскидистый дуб, под которым мы и уселись.

— О чем задумалась? — спросила меня лисонька.

— Вспоминала нашу академию. — Я осторожно развернула сверток. — Ты заметила, что на нас никто не обращает внимания? Я думала, что нас ждет травля.

— Я бы поставила свою косу на то, что это постарался кто-то из парней, — уверенно произнесла Нольвен. — Потому что буквально на днях кто-то прибил к входным дверям общежития список турнирных команд.

— Я не заметила.

— Я заметила, что ты не заметила, — фыркнула Нольвен. — Ты тогда билась над откликом от диагноста, который ты весьма и весьма незаконно запустила в ничего не подозревавшего капитана.

— Да что толку, — я насупилась, — такую мешанину вместо достойно структурированной информации я получала на первом курсе. Надо будет попробовать еще раз.

— Запиши результат и сравнишь с тем, что получишь. — Нольвен открыла крышку от фляжки с чаем и добавила: — Но лучше бы спросить согласия. А то мало того, что штраф получишь, так еще и Мера засмеет.

Я кивнула и тоже вытщила свою фляжку:

— Не уверена, что мне хочется что-то доказывать Стевену.

— Ты опять остыла? — понимающе спросила Нольвен. — Прошло время, эмоции стихли, и ты простила.

— Не простила, — я покачала головой, — и никогда не прощу. Но сейчас мне хочется, чтобы он был исключен из моей жизни.

— И не хочется утереть ему нос?

— Утереть нос хочется, — призналась я. — Но... Не получится ведь. А сломанные кости он переживет. Их срастить дело пары часов.

— Удивительно, насколько ты светлый человек, — Нольвен покачала головой, — так жить нельзя.

Я смутилась:

— Ну что за глупости. Я обычная.

— Как скажешь.

Доедали мы в молчании. Не знаю, о чем думала моя лисонька, я же размышляла о том, почему же все-таки военка всегда на третьем месте? При том что один круг из трех они гарантированно выигрывают. В чем же дело? Политика? Но за турниром наблюдают практически все жители Кальстора, тут не получится подтасовать результат.

Развевя подушки, мы хитрым заклинанием вернули фляжки и ткань обратно на кухню. После чего направились к полигону. Клянусь, скоро от этого дуба в ту сторону протянется новая тропинка.

— Впереди кто-то есть, — нахмурилась Нольвен и кивнула на куст неприлично разросшейся спиреи.

И, будто только того и ждала, из-за него выскользнула Ильяна. Высокомерно усмехнувшись, она положила ладонь на ствол дерева и с ленцой осведомилась:

— А скажи-ка, моль, Дрегарт знает, что в турнирной команде целителей верховодит твой женишок?

— Достаточно того, что это знает ректор, — холодно произнесла я.

— Ты лучше скажи, — сладко улыбнулась моя лисонька, — ты за нашим капитаном бегаешь из-за того, что матушка тебя старому Феррану продала?

С лица Ильяны пропали все краски. Кора дерева, которой касалась ее ладонь, стремительно обугливалась.

— Я тебя уничтожу, — отмерла Ильяна и убрала ладонь от дерева. — Хочешь стать моим врагом? Ты им стала. Катуаллон встал между вами и остальными студентами, хорошо. Но от меня вас это не спасет.

Через мгновение мы убедились, что она владеет искусством порталов.

— Ферран? — Я повернулась к Нольвен.

— Старый мх-хм... Пожилой мужчина со слишком большим спектром желаний, — выдала моя подруга. — От него уже три жены ушло через обращение к законникам, и две просто умерли. Ему лет сто двадцать — сто тридцать.

— Для мага не такой и большой возраст, — задумчиво произнесла я. — Неприятно, конечно, в том смысле, что разные интересы и разный опыт за спиной, но...

— Он предается пороку с пылом истинно увлеченного исследователя, — вздохнула Нольвен, — и это ясно видно на его лице и фигуре.

Покосившись на помрачневшую подругу, я осторожно спросила:

— Ты-то откуда его знаешь?

— Я... Я думала предложить ему себя. Когда мы думали, что маму можно спасти и вопрос только в деньгах.

Как я не полетела носом в землю — не знаю. Но, услышав эту новость, запнулась я знатно. Нольвен же совершенно спокойно продолжила говорить:

— Но потом мы узнали, что маму не спасти. И я не стала творить глупости. Мне самой, знаешь ли, деньги не особо-то и нужны. Ну, в смысле, не такой ценой.

Я знала, что никакие слова не помогут Нольвен. Поэтому просто взяла ее за руку и крепко сжала ледяные пальцы.

— А про эту человеческую самку я узнала случайно. — Моя лисонька в ответ крепко стиснула мои пальцы. — Правда, я не знаю, кто именно заключил контракт. Но вряд ли бы она крутилась вокруг сильнейшего боевого мага и одновременно планировала выйти за Феррана. Значит, ей нужна защита. Но при этом она не хочет честно и открыто попросить помощи, нет. Она пытается влюбить в себя нашего капитана, чтобы он ради нее влез в конфронтацию с Ферраном. И все это при том, что у злосчастливого Феррана, кроме денег, больше ничего нет. Удивительный случай, когда к человеку пришло богатство, а ум и власть — нет.

— Как тогда богатство пришло? — оторопела я.

— Наследство, — пожалала плечами Нольвен. — Огромное наследство и львиная доля в нескольких предприятиях. Ну и немного ума — он не лезет в управление заводами, довольствуясь исключительно прибылью.

Тут до меня дошло, откуда мне может быть знакомо это имя.

— Он хозяин завода, выпускающего платы?!

— Не хозяин, а полухозяин, — фыркнула Нольвен. — Или как там правильно? Он там главный, но есть и другие, чуть менее главные. Я в этом не разбираюсь.

Летательные платформы прочно и надежно вошли в жизнь Севера. Никто не знает секрет их изготовления, и, соответственно, никто не может их повторить. Где находится завод — тайна, имена тех, кто там работает, — тайна. Все — тайна.

— Если однажды ты задумаешься о чем-то настолько же безумном, — я еще крепче стиснула пальцы Нольвен, — ты поговоришь со мной.

— Не хочу тебя обидеть, но что бы ты сделала? — тихо спросила моя лисонька.

— Поработала бы головой, — так же тихо сказала я. — Есть ведь и другие способы быстро и много заработать. Охотники на нежить, к примеру. Или мы могли бы рвануть в Срединную Империю. Конечно, в столице нам делать нечего, только дети и дуры верят в то, что там их ждут. А вот на границах — ждут. И даже дадут денег в обмен на кабальный контракт. Но лучше уж прозябать в крепости на краю мира, чем... Ну ты поняла.

— Я тебя люблю, ты знаешь? У меня нет сестер, и, если бы были, я не уверена, что чувствовала бы к ним то же, что и к тебе.

Ответить я ничего не успела, мы вышли к полигону, где нас уже ждала наша команда. Гарт коротко кивнул, а братья Гильдас состроили одинаковые гримасы. И даже нелюдимый Волькан, подняв взгляд от книги, приветливо улыбнулся.

— Доброе утро, — хором произнесли мы с Нольвен.

— Даже мы, единоутробные близнецы, не говорим так слаженно, — заулыбался «Красавчик Фил».

— Остынь, — осадил его брат. — Сегодня последний день, когда полигон полностью свободен. Дальше придется подстраиваться под расписание.

— Раньше все подстраивались под турнирную команду, — мечтательно произнес Волькан.

— Значит, мы должны показать класс во время первого испытания, — цокнул Филиберт. — Прекрасная Мэль, ты еще

помнишь, за чьей спиной тебе следует укрываться от вражеских атак?

Я мрачно посмотрела на этого позера и, подавив несколько грубоватый ответ, коротко произнесла:

— Помню.

Фраган бросил острый взгляд на брата и что-то ему бросил. «Красавчик Фил» тут же вскинулся, но быстро сдулся, едва только Дрегарт коротко распорядился:

— Тишина.

Дождавшись, пока наши взгляды скрестятся на нем, капитан объяснил чуть подробнее:

— Сегодня я открою для нас третью полосу препятствий. Страховать нашу группу будет профессор Эдилхард.

Волькан вздрогнул и начал опасливо озираться. Мне невольно передалась его нервозность, и я бросила веерный поисковик. На полигоне не было никого, кроме нас, и я успокоилась.

— Но лучше бы вам не потребовалась моя помощь, — мягко произнес мужчина, стоящий рядом с нами.

Стоп, что?! Стоящий рядом с нами?! Я же только что бросала поисковик!

Мы с Нольвен ошарашенно переглянулись, и лисонька тихо выдала свое коронное:

— Ажуре-еть.

— Хоть кто-то почувствовал мое присутствие? — вкрадчиво осведомился невысокий худощавый мужчина.

— Я — точно нет, — честно сказала я и поспешила уточнить: — Правильно я понимаю, что вы — профессор Эдилхард?

— Абсолютно верно, — кивнул он. — Не тратьте ни мое, ни свое время. На прохождение полосы препятствий у вас есть час. По истечении этого срока я извлеку вас оттуда и отправлюсь заниматься своими делами. И если мне не понравится ваше выступление...

Он сделал паузу, после чего мягко и без малейшей угрозы в голосе продолжил:

— Все свое недовольство я приберегу для наших с вами официальных занятий.

— Страшно спрашивать, но я рискну, — кашлянула Нольвен. — А что вы преподаете?

— О, я преподаю простой и полезный предмет, — тепло улыбнулся профессор Эдилхард, — а именно — боевую магию. Открывайте переход, капитан Каттуаллон, через минуту я начинаю обратный отсчет.

Профессор Эдилхард не выглядел опасным. Но ощущался таковым на каком-то глубинном уровне. Если бы я была зверем, то прижала бы к голове уши. А так как все мы люди, пришлось ограничиться широкой, чуть наигранной улыбкой.

— Он феерически великолепен, — шепнула мне Нольвен, — невероятно впечатляет. Аж в дрожь бросает. Хотя так и не скажешь — просто человек, улыбочивый. Даже морщинки вокруг глаз добрые, а его присутствие все равно нагоняет жути.

Я только кивнула и прошла на свое место — за спиной Филадельфия. Тот не упустил момент и, обернувшись ко мне, скабрено ухмыльнулся, подмигнул и шепнул:

— Ты в безопасности, цветочек.

Вдох-выдох, ссориться с сокомандником — последнее дело, но молчать я уже не в силах:

— Филиберт, пожалуйста, прекрати это. Мне неприятно.

Едва я договорила, как поймала на себе странный взгляд от Дрегарта. В нем мешалось удивление, уважение и что-то еще. Удовлетворение?

«Ты слишком много читаешь, — одернула я себя. — И выдумываешь глупости».

— Эта полоса препятствий изменчива, — начал инструктаж наш капитан. — Я прошел ее больше сотни раз, и не было такого, чтобы что-то повторилось.

Я поежилась и обвела взглядом привычно серые стены. Что нас ждет? Коридоры, объятые пламенем? Неожиданно исчезающий пол? Или...

— Ледяная пустошь?! — вскрикнула Нольвен. — Если температура такая же, то проживем мы не дольше десяти минут.

— Сейчас вокруг вас защитное поле, — сварливо произнес профессор Эдилхард. Голос его раздавался как будто с неба, и его весьма забавно разносило ветром.

— Поэтому мы должны двигаться быстро, — отрывисто произнес Дрегарт и осуждающе посмотрел вверх, — мы имели право

подготовиться.

— У меня много дел, — мягко ответил профессор. — А ректор в очередной раз забраковал план занятий. Слишком опасно.

Последние два слова он произнес отчетливо издевательским тоном, явно передразнивая ректора Аделмера.

«Ничего себе, — промелькнуло у меня в голове. — Ничего себе. Что же там такое, если ректор Аделмер говорит *слишком опасно?!*»

— Волькан, держись рядом с Фраганом, Нольвен за Филом, Маэлин за мной, — быстро распределил нас Дрегарт. — Кто умеет быстро и качественно бросать поисковое заклинание — раскидывайте вокруг себя. Наша задача — добраться до золотого флага.

Золотого флага? Я осмотрела блистающую снегом и льдом пустошь и никакого флага не увидела.

— Этот флаг видит только командир группы. Три, два, один!

Едва мы переступили границы защитного пузыря, как по телу ударил страшнейший мороз! Сразу заиндевели ресницы и волосы, а вырывающееся изо рта дыхание превращалось в белый дымок.

— Не останавливайся, — крикнул мне Дрегарт.

Стиснув зубы, я побежала за ним. Под ногами противно поскрипывал снежный наст, и я, боясь свалиться в замаскированную расщелину, бросила под ноги диагност.

— Мы бежим над чем-то, похожим на туннель, — выдохнула я.

И наш капитан высказался столь витиевато, что я едва не упала, заслушавшись.

— Мэль, вспомни, — рявкнула Нольвен, — снежные черви! Пожиратели Пустоши!

Отец-Хаос! Они же не могут населить свою полосу этими тварями?! Молниеносные слепые монстры, реагирующие на вибрацию и...

— В сторону! — приказал Дрегарт и, ловко перехватив мою руку, отбросил меня в снежный сугроб.

А на том месте, где я была секунду назад, появилось слепое чудовище.

Снежный червь был похож на обычного земляного червяка, вот только размерами эта мерзость превосходила своего мирного товарища во сто крат. Или больше? В любом случае Пожиратель Пустоши

спокойно проглатывал лошадь. Затягивал ее в свою круглую иглозубую пасть.

Секунда — и монстр исчезает.

— Ушел на глубину, — выдохнул Фраган. — Можно ударить огнем по его туннелю.

— И тогда мы все рухнем вниз, на дно, — мрачно ответил Дрегарт. — Продолжаем двигаться, флаг близко.

— А если создать дополнительные вибрации? — предложила я. — Где-нибудь в стороне? Чтобы он отвлекся от нас. Или хотя бы замешкался.

— Полноценного голема я не потяну, — тут же сказал Волькан, — но что-нибудь размером с собаку — вполне.

— Там склон, — махнула рукой Нольвен, — если увеличить любимые бусы Мэль и пустить их вниз, то вибрация будет что надо.

— Что по времени?

— Десять секунд, — отрапортовала я.

— Полминуты, — тут же отчитался Волькан.

— Действуйте, но на бегу, — приказал Дрегарт.

И мы вновь рванули вперед по снежной пустоши. Отправив в полет свои бусы, я проследила взглядом за тем, как они увеличиваются в размерах, и прибавила скорости.

«Вот не помню, среди документов, что мы подписывали, — на ходу подумала я, — не было ли бумажки, что Академия не несет ответственности за смерть своих учеников?»

Я выдыхалась. Сердце колотилось где-то в горле, спина взмокла, а изморозь появилась даже на щеках. Даже не знала, что прикончит меня первым — бег, мороз или снежный червь.

— Есть, — коротко произнес Дрегарт.

Этот... Этот боевой маг даже не запыхался, при том что последние пару минут тащил на себе Волькана.

— Первый этап пройден, расчетное время — семь минут сорок секунд. Средний результат, — проинформировал нас профессор Эдилхард. — Такой средний, что ближе к низкому, но все еще средний.

Вокруг нас взметнулся снег пополам с золотыми искрами, и я зажмурилась. Чтобы через секунду ощутить гнилостно влажное дыхание болота.

— Стоим спокойно, — ровно произнес Дрегарт.

Трое боевых магов сняли с поясов какие-то мелкие катушки, после разобрали «балласт», то есть нас, и привязали к себе. Я все так же составляла пару капитану. Хотя он подчеркнуто не обращал на меня внимания.

Сквозь болото мы прошли легко: всю тяжелую работу на себя взяли братья-близнецы и Гарт. Мы лишь старались не слишком мешать.

— Теперь я доволен, — прогудел над нами профессор Эдилхард. — Хотя еще разумней было бы вырубить балласт и преобразовать в нечто компактное.

— Откат потом, — хмуро бросил Фил, — а завтра на занятия.

— Это единственная причина? — оторопела Нольвен.

— И во время турнира не засчитают, — так же мрачно произнес Филиберт и бросил на меня какой-то обиженный взгляд.

Дальнейшее прохождение полосы препятствий слилось для меня в строгое выполнение приказов Дрегарта. Налево, направо, пригнись. Лежать! Катись. Не туда катись, а сюда!

И когда мы оказались на песке полигона, я, если честно, не прониклась. Просто стояла за правым плечом Дрегарта и ждала очередного короткого приказа.

— Это было достойно, — произнес профессор Эдилхард. — Я рад, что каждый из вас осознал свое место. Боевые маги отвечают за тех, кто не в состоянии ответить сам. Отрабатывайте работу в паре, попробуйте научить подопечных бить проклятьями из-за ваших спин. Дуэльный круг вы не сольете, а остальное... Не так и важно.

Коротко кивнув, профессор круто развернулся и покинул полигон, растворившись в воздухе.

— Устала? — участливо спросил Гарт и осторожно взял меня за руку. — Я открою для вас с Нольвен переход на женский этаж. Отдыхайте. Готовьтесь к завтрашнему дню. К концу недели я составлю расписание для наших тренировок.

Я подняла на него взгляд, слабо улыбнулась и тихо спросила:

— А ты? Не устал?

— Все хорошо, — с нажимом произнес Дрегарт.

— Я бы хотела встретиться с тобой, — так же, как и он, с нажимом сказала я. — Это будет важный и неприятный разговор.

— Хорошо. Сегодня, перед отбоем.

— Только не забирайся на их балкон, — хохотнул Филиберт. — Или ради капитана защита будет отключена?

— Разберемся, — буркнула Нольвен. — Идем.

Дрегарт открыл портал, и мы решительно шагнули вперед. Сейчас в моей голове была только одна мысль — душ и постель.

— Я сразу лягу, — с отвращением произнесла моя лисонька. — Пара очищающих заклятий — и нормально. Вечером в душ схожу.

Согласно кивнув, я пропустила ее в комнату, а сама пошла в ванную. Быстро отмывшись и переодевшись, я, едва держа глаза открытыми, добралась до постели и нырнула под одеяло. Спать.

— Я бы не смогла быть боевым магом, — сказала я и отрубилась.

И едва расслышала короткое:

— Как раз ты бы — смогла.

Глава 9

Я едва не проспала встречу с Гартом. Спасибо Лилею — он не только поймал бумажную птичку, залетевшую на наш балкон, но еще и растолкал меня. Ну, если быть честной, то он не толкал, а щекотал пятки... В любом случае эффект был достигнут.

К сожалению, проснулась не только я, но и Нольвен. И моя лисонька, истинная дочь Идрис Лавант, двумя проклятьями убрала с моего лица все следы сладкого сна и заставила волосы улечься пышной волной. В жизни у меня если и есть кудри, то это нечто мелкое и смешное. А сейчас...

— Зачем? — укоризненно спросила я. — Это неправильно, ведь...

— Ты идешь как целитель к пациенту, — покивала подруга. — Но он, во-первых, еще не пациент, а во-вторых, боевые маги от целителей старательно держатся подальше. Так что твой внешний вид его немного успокоит, а дальше все в твоих руках. Главное — зажать в углу, чтобы не мог ни сбежать, ни портал открыть. Ты же помнишь, что в тесноте портал не раскроется?

— Я даже помню граничные условия, — вздохнула я.

Спустившись вниз и завернув за угол, я сразу увидела Дрегарта. И поняла, что у него тоже есть шебутной друг — форма на капитане была старательно отутюжена. При том что до этого он был одет в чистое, относительно не мятое, но никак не вот так вот нарочито отпаренное.

И было видно, что Дрегарт чувствует себя дурак дураком. А потому я просто сделала вид, что ничего не заметила.

— Давно ждешь? Прости, после этой полосы мы с Нольвен уснули.

— Не похоже. — Он удивленно посмотрел на меня.

— Я не вру, просто...

— Я знаю, что ты не врешь. — Он сложил руки за спиной. — Прогуляемся?

— Да, с удовольствием, — кивнула я.

Так, идя бок о бок, мы неспешно шли по академическому парку. Очень скучному академическому парку — все ровное, как под

линейку. Кусты геометрически правильной формы, исключительно породистый газон, и дорожки пересекаются только под прямым углом. Тоска. И нигде ни радужных цветов, ни иллюзорных фонтанчиков.

— У тебя очень выразительное лицо, — произнес вдруг Дрегарт.

— Но ты же не смотрел на меня? — поразилась я.

И тут же ощутила, как загораются мои щеки. Одной фразой я выдала то, что всю дорогу украдкой рассматривала своего капитана.

«Ну кто ж тебя за язык-то тянул!»

— Как скажешь, — он тонко усмехнулся и покосился на меня, — но я готов поспорить, что тебе не нравится наш парк.

Вздыхнув, я попыталась ответить так, чтобы и не обидеть, и не соврать:

— Сюда вложено много труда, и вся растительность выглядит... Ухоженно.

— И скучно.

— И скучно, — уныло согласилась я.

— И ты рискнешь сойти с надежной, проторенной дорожки? — серьезно спросил Дрегарт. — Рискнешь? Ради того, чтобы не было скучно?

Посмотрев ему в глаза, я тихо сказала:

— Вряд ли из-за скуки... Но почему бы и не пойти следом за надежным человеком?

Капитан коротко кивнул и поманил меня за собой. И я пошла. И отчего-то мне казалось, что говорили мы не только и не столько о настоящем моменте, а о чем-то важном, о чем-то серьезном. Но вот о чем?

«Не формируется абзац? Предложение выглядит коряво, а в голове вместо ровной колдовской формулы одни ошметки? Отложи и выдохни, — говорила Мера. А после добавляла: — И просто по жизни тоже — не знаешь, что делать? Отложи и выдохни. Ты же все равно не знаешь, что делать, а потому нет смысла суетиться».

А потому, помня все эти премудрости, я не стала допытываться до Гарта или гонять в голове бесполезные мысли. Ни к чему это. Все станет ясно со временем. А пока... Я не знаю, что думать, но знаю, что делать — следовать за надежным человеком.

«Быстро ты его в надежные люди записала», — укорила я сама себя, а после улыбнулась. Ну что я могу поделать, если капитан

Катуаллон надежен как мрачная скала? Такая немного потрепанная, выдавшая виды и бури скала.

— Закрой глаза, — попросил вдруг Дрегарт, когда мы подошли к очередным прямоугольным кустам.

Облизнув губы, я кивнула и смежила ресницы. Если уж решила следовать, то и доверять тоже необходимо.

Он взял меня за руку и повел за собой. Вперед. Прямо в густой густ. Ох, кажется, сегодня у меня прибавится царапин и убавится волос.

— Открывай глаза, — шепнул он и не отпустил моей руки.

Это было стыдно и неловко, но я не сразу распахнула веки. Ведь открыть глаза значило отпустить ладонь Гарта. А я не была к этому готова. Сухая, жесткая, даже немного грубоватая кожа — не чета мягким и ухоженным ладошкам Стевена. Но мне нравилось. И это пугало.

— Как красиво, — выдохнула я, когда сдерживать любопытство не осталось сил.

Стемнело еще тогда, когда я только была разбужена Лилеем. Но сейчас... Не то небо померкло окончательно, не то качественная иллюзия убавила миру громкости, но растения, многочисленные цветущие растения освещались от крыльев порхающих меж ними бабочек. И клянусь, эти бабочки не были иллюзорными. Все же иллюзии, особенно множественные, — это грубая штамповка, которая вычисляется на раз. Впрочем, есть люди, которые в принципе не видят подобных вещей и...

— А цветы? Они ведь тоже настоящие, — зачарованно прошептала я. — Этот дивный, удивительно цельный аромат!

— Да, — Гарт криво улыбнулся, — цветы настоящие и подбирались не только по красоте соцветий, но и по запаху. Чтобы дополняли друг друга.

Я присела подле нежно-голубого, как будто дымчатого, цветка, и на мою протянутую ладонь опустилась крупная бабочка. Трепетнула крылышками, осыпала мои пальцы мерцающей пылью и полетела к соседнему растению.

— Это невероятно и потрясающе.

Огладив кончиками пальцев цветок, я остро пожалела, что не взяла с собой Лилея. Мне кажется, ему было бы полезно

познакомиться с другими волшебными растениями. А в том, что в этом спрятанном ото всех закутке собрались лишь бесценные редкоцветы, я уже не сомневалась.

Вот только кто их посадил?

Покосившись на Дрегарта, я едва заметно покачала головой. Он не мог. Ну не мог, и все. Эта поляна похожа на ожившую мечту, но я не думаю, что наш капитан может мечтать о подобном.

— Здесь древесный корень. — Я наткнулась на огромную корягу. — На нем можно сидеть.

— Да, — глуховато отозвался Гарт. — Ты не замерзла?

— Пока нет, — покачала я головой.

Мне бы подманить его к себе поближе, взять за руку и попытаться вывести на разговор о том его приступе, но почему-то кажется, что это будет неправильно. Может, это моя мнительность. А может, во мне проснулась интуиция истинного целителя. Как понять?

— Удивительное место, — шепнула я в итоге. — Иллюзии и рядом не стоят.

Я присела на край того мощного корня, и Гарт устроился рядом. Скинул свою куртку и закутал меня в нее. Теплую и пахнущую чем-то горьковато-свежим. Как будто и запах грозы, и мята, и немного морской соли, и даже капелька перца. Удивительный аромат.

— Моя матушка ненавидела иллюзии. Она считала их лишь слабой заменой реальности, а с женой главы боевого факультета Сагертской Военной Академии никто не спорил. С самим главой спорили, а с ней нет. Потому что отец ненавидел, когда его жена расстроена. И для нее была выделена часть парка. Под сад. Лично ректор Аделмер выписывал из Срединной Империи редкие капризные цветы. Зельевар с алхимиком готовили почву, но держалось все на заклятьях квэнни Катуаллон.

Дрегарт смотрел на цветы так, будто они были для него чем-то большим. Чем-то памятным и бесценным. Я внимательно взгляделась в старательно-равнодушное лицо и не стала задавать лишних вопросов. И говорить о его болезни тоже не стала. Еще успеется. А сейчас мы можем просто посидеть, посмотреть на дивные, необычные цветы и помолчать. И я буду смотреть в сторону, потому что от звериной тоски, что затаилась на дне глаз Гарта, мне хочется плакать.

— Есть общий памятник, для всех, — глухо произнес он. — А от нее остался только вот этот кусочек сада. Я не успел спасти все.

— После смерти мага разрушаются все наложенные им заклятья, — едва слышно произнесла я и, наклонившись, коснулась кончиками пальцев янтарно-алого цветка.

— Да, — рублено произнес Дрегарт и замолчал.

Я не знаю, сколько мы так просидели. Просто не следила за временем. Просто в какой-то момент я оказалась в кольце сильных рук. Просто в какой-то момент Гарт прижал меня к себе и пристроил свой подбородок на мою макушку. И я не возразила. Мы сидели до тех пор, пока бабочки не спрятались. До тех пор, пока цветы не закрылись. А после он легко подхватил меня на руки и вынес в привычный парк.

— Если хочешь, я могу оставить тебе ключ, — глухо и не глядя на меня произнес Дрегарт.

— Нет, я хочу прийти сюда вновь, но... Но не сама. Не самовольно.

Он коротко кивнул и открыл для меня портал. Пара минут, и я в комнате, под жадным, любопытным взглядом Нольвен.

— Мы не будем вспоминать о том, чего я хотела, — тихо сказала я.

А моя лисонька, радостно вскрикнув, хлопнула по протянутому узкому листочку Лилея и радостно возвестила:

— Зато сбылось то, чего хотела я!

Оторопев, я поспешила уточнить:

— А чего ты хотела?

— Хорошего и надежного жениха. Для тебя.

Присев на свою постель, я покачала головой:

— Остынь. Мы просто... Он отвел меня в очень красивое место.

И нет, я туда никого привести не смогу — отказалась от ключа.

— Ключа? — нахмурилась моя лисонька. — Ну не в кладовку же он тебя... Складка пространства?!

— Да, — кивнула я.

— Значит, часть великолепного сада Лирами Катуаллон все-таки сохранилась, — кивнула сама себе Нольвен и тут же фыркнула, увидев мой ошеломленный взгляд. — Дядя рассказывал.

— А что случилось с квэнни Катуаллон? — осторожно спросила я.

— То же, что и со многими другими магами, — криво улыбнулась Нольвен. — Лирами с дочерью отдыхали у моря, в семейном домике. Он стоял в стороне от прибрежных поселений: жене алворига Катуаллона не было нужды искать защиту за крепостными стенами. Там дом был как крепость. Никто не ждал нападения, ты ведь помнишь — газеты трубили о том, что духи Разлома побеждены на веки вечные. И тут массированная атака. Алвориг Катуаллон бросился к своему особняку, один. Порталами он владел великолепно, но не смог спасти ни жену, ни дочь. Да и сам погиб.

— А Дрегарт? — севшим голосом спросила я.

— Никто не знает, — вздохнула подруга. — Он не участвовал в битве у Серых Скал. Но и из Академии он ушел раньше. Там какая-то темная история была.

— И из той истории, вероятно, выползают нынешние приступы. — Я прилегла на постель. — Мне удалось немного проанализировать ту мешанину, что я получила от диагноста. Теперь ясно, что это был не единичный приступ. А вот заговорить с ним о болезни я не смогла. Момент был неправильный.

— Он сказал, что у него к тебе тоже есть разговор, — моя лисонька усмехнулась, — поговорили?

— Нет. Просто помолчали.

— Момент был неправильный, — хихикнула моя лисонька. — Зато нам под дверь оставили подарочек — упаковку сахара и миску.

— Ты...

Нольвен не дала мне договорить:

— Разумеется, я проверила на проклятья! Мэль, ты говоришь с дочерью Идрис Лавант! И учитывая, что произошло в нашей семье... Знаешь, я теперь проявляющую дымку накладываю порой на совершенно безобидные предметы. Мамин пример очень показателен.

Не знаю, нашла бы я слова, чтобы что-то ответить, или нет, но, на мое счастье, в дверь постучали. Я открыла и, не обнаружив никого, хотела уже закрыть, как под ноги откуда-то с потолка спланировало два листочка. Подняв взгляд, я поперхнулась смешком: там, наверху, волновался целый сонм бумажных птичек.

— Расписание. — Я подобрала с пола бумагу и закрыла дверь.

Протянула один лист Нольвен, а второй оставила себе и села изучать. Через пару минут я подняла ошеломленный взгляд на

подругу:

— Ты заметила...

— Ты заметила, — заговорила она одновременно со мной и так же одновременно замолчала.

В общем, мы заметили. Расписание выдали на пять учебных дней плюс один день факультативов, что прекрасно. Вот только боевая магия была в каждом! Каждом учебном дне!

— А нет, смотри-ка, на ходу переобулись, — фыркнула Нольвен.

Под моим настороженным взглядом строчка «Боевая Магия» замерцала и сменилась на «Яды и противоядия».

— Как же так, целая среда — и без боевой магии, — тут же отреагировала Нольвен. — Мэль? С тобой все в порядке? Не переживай из-за боевки, сагертку порой такие, кхм, альтернативно одаренные индивидуумы оканчивают, что мы с тобой на их фоне великие бойцы Эпохи Разрушений.

Но дело было совсем не в этом. Я смотрела в расписание и старалась не запищать от счастья:

— У нас начинается курс «Исцеление ран, нанесенных колдовскими зверьми, а также иными колдовскими формами жизни и не-жизни». Я согласна на любое количество боевой магии! Есть ощущение, что однажды мне придется поблагодарить Стевена.

— Ага, конечно. Благодарить она его будет. Ты бы и так все эти курсы прошла, пусть не сразу, но...

Нольвен передернула плечами и замолчала.

— Да, ты права, прости.

Иногда я забывала о том, что из-за Стевена пострадала и моя лисонька. Сейчас нас ждут еще две недели, во время которых мы заперты здесь. И Нольвен не может созвониться с мамой через артефактное зеркало. А значит, теряет драгоценные моменты общения, ведь смерть стоит за плечом Идрис Лавант. Стоит, а иногда и берет за руку, тянет за собой, тянет. Настойчивая. Но и квэнни Лавант не из простых, она вцепилась в жизнь зубами и держится на плаву. И пока она на плаву, остальные тоже не тонут. Не представляю, что будет с этой дружной семьей, когда... Если Идрис уйдет слишком рано.

— Все будет хорошо, — выдохнула Нольвен. — Может, мы изобретем что-нибудь.

— Мы будем стараться и приложим к этому все усилия, — кивнула я. — Надо только узнать, можем ли мы получить свою лабораторию. Ну, не полностью, но хотя бы стол с минимально необходимыми вещами.

Последняя фраза немного рассмешила Нольвен:

— Твой список «минимально необходимых вещей» располагается на трех листах мелким почерком.

— Я привередлива исключительно в отношении лаборатории, — обиделась я. — Хорошо же работать, когда все под рукой.

— Ты права.

Мы еще немного поболтали, спрятали от Лилея новую порцию сахара — едва успели, между прочим, — и собрались спать.

— Ты настроила будильные чары? — спросила меня Нольвен.

— Да, а ты?

— И я. Надеюсь, не проспим.

— Проспим, но, надеюсь, не в первый учебный день, — улыбнулась я и спряталась под одеялом.

Завтра нас ждет что-то новое. Надеюсь, учеба будет нам по силам.

Глава 10

А нам с Нольвен стоило бы вспомнить, что происходит, если будильные чары настраивают сразу двое... С другой стороны, от этого громогласного воя мы не только подлетели над постелями, но и избавились от желания «поспать еще минуточку».

— Какой кошмар, — нервно выдохнула моя лисонька и сыпанула Лилею лишнюю порцию сахара. — До сих пор поджилки трясутся.

— Зато не проспали, — хмыкнула я и, взяв вещи, выскользнула в ванную. Ну как сказать — выскользнула... Выпала, потому что запнулась о заранее собранную сумку. Но ничего, носом пол не пропахала.

Вернувшись, я чуть посторонилась в дверях, чтобы пропустить лисоньку, и, закрыв за собой дверь, выпустила из шкатулки гребень. Так что, когда Нольвен вернулась, я была уже заплетена и наступила ее очередь. К слову, мы действительно привыкли к этим тугим косам, и голова к вечеру если и болела, то по совершенно иным причинам.

— Итак, нам к профессору Эдилхарду, — торжественно произнесла я, на что лисонька возмущенно ответила:

— Что?! А завтрак? Мы же не проспали!

— Разумеется, — кивнула я, — сначала завтрак. Но это не так волнительно!

— Да? — прищурилась Нольвен. — А разве тебе не хочется увидеть нашего славного капитана? Последние дни, если мы все же успевали к завтраку, ребята приглашали нас за свой стол.

— Не факт, что они сделают так снова, — сдержанно ответила я. — У них есть друзья и все такое.

— И все такое — это ты про Вайрин? — заинтересовалась Нольвен, — мне вот кажется, что Красавчик Фил специально притаскивает эту девицу к Гарту. Прямо-таки спит и видит, как наш капитан сойдется с ней.

Я только плечами пожала. Что я могла сказать? Что тоже это заметила? Так не заметить это может только слепой. Ну а узнать, какие мысли бродят в голове худшего из близнецов Гильдас, я не могу. Во-первых, плохо умею, во-вторых, это незаконно. И я не могу сказать,

какая именно причина меня останавливает. Пожалуй, совокупность — будет крайне глупо так серьезно подставиться и при этом ничего не узнать.

Нольвен оказалась права: едва мы набрали подносы, как Фраган помахал рукой и создал для нас два стула. Хм, странно, раньше всегда были свободные стулья.

— Наверное, с ними хотел сесть кто-то еще, — задумчиво произнесла моя лисонька и ловко увернулась от чужого подноса. — Право слово, квэнти, вы будто не студентка военки, а какая-то неловкая целительница.

Выдав эту полную яда реплику, Нольвен одарила студентку сочувственным взглядом и прошла к столу парней. Хотя теперь правильнее говорить — к столу турнирной команды. К нашему столу.

— Что у вас там случилось? — нахмурился Фраган, он как раз сидел лицом в ту сторону.

— Ничего, — улыбнулась Нольвен. — Девочка чуть не упала, но удержалась. Молодец. Хоть и странно, что такая неловкая студентка учится аж на седьмом курсе военки.

Я ясно видела, что девица нарочно пыталась обдать Нольвен остатками супа, но... Это недоказуемо. И с этим ничего не сделать до первого испытания. Жаль, что дата еще не назначена.

— Назначена дата круга дуэлей, — произнес Дрегарт, будто читая мои мысли. — Шестнадцатого октября нам предстоит доказать, что военка по-прежнему сильна в дуэлях.

— Быстро они. — Я поджала губы.

— Три осенних месяца, три зимних и три весенних, — пожал плечами Волькан, — испытания всегда где-то в центре. В смысле, в середине осени, зимы и весны.

— Мы еще не готовы, — внушительно сказал капитан, — но мы успеем подготовиться.

Я только вздохнула. Кажется, плакали мои субботние факультативы. Впрочем, то же самое сейчас коснется и Стевена с Валикой. Им так же, как и мне, предстоит потратить все свободное время на подготовку к турниру.

— Нормально все будет с твоими факультативами, — шепнула моя лисонька. — Скоро нас выпустят, и тогда я сварю несколько полезных зелий. Чтобы быстрее восстанавливаться после тренировки,

чтобы лучше запоминать, и еще парочку запрещенных зелий. Разработаю график приема, и ты все успеешь. И даже не подсядешь на стимуляторы. Ну и, может быть, не сильно потравишь внутренние органы, но последнее не страшно: летом можно пройти очищающий курс.

— Спасибо, — с чувством произнесла я. — Это очень ценно для меня.

Оставив подносы на столе, мы всей толпой отправились на боевую магию. Мы с Нольвен пока не попали в группу военных лекарей, нам еще только предстоит убедить профессора Бальвине (я сразу разузнала, как ее зовут и как она выглядит), что мы достойны занять место в ее группе.

— Первый урок всегда теория, второй практика, — шепнул Волькан. — Переспрашивать неразумно, лучше оставить место и потом у кого-нибудь переписать. Больше всего профессор не терпит, когда тратят его время.

— Спасибо, — шепнула моя лисонька. — Мэль любит переспрашивать.

Дрегарт бросил на меня насмешливый взгляд, и я ощутила, как загораются мои щеки. Ну да, я люблю, чтобы в конспекте все было точно. Чтобы, повторяя материал, не приходилось гадать, что это за слово или сочетание слов. Эх, это будет трудно.

Пока мы шли к аудитории, я вдруг почувствовала себя первокурсницей: внутри поселилась неприятная мелкая дрожь. С точно такими же чувствами я когда-то вошла в кабинет квэнни Таори, моей первой наставницы в нелегком деле исцеления.

— Нам сюда, — коротко произнес Волькан.

Свободные парты в аудитории были только на задних рядах. Но мы с Нольвен не в обиде: люди учатся здесь уже шестой год, и никто не обязан уступить нам насиженное место. Так, кивнув парням, мы спокойно прошли назад и вытащили учебники, тетради и карандаши. У меня была дурная привычка писать конспекты простым карандашом, чтобы потом можно было его красиво оформить. И моя лисонька подхватила от меня эту привычку, потому что: «На фоне твоих конспектов мои похожи на каракули бездомного, а это меня оскорбляет».

На самом деле задние ряды не так и плохи: кабинет огромен, парты стоят на широких ступенях, так что нам никто не загораживает обзор. Внизу есть кафедра, из-за которой должен вещать профессор. Подобные вещи, как правило, хорошо зачарованы, чтобы разносить голос профессора до самых отдаленных уголков аудитории.

— Полагаю, представляться мне не нужно. — Профессор Эдилхард просто появился за кафедрой. Не открыл портал и перенесся, а просто возник.

— Мнится мне, что профессор — мастер в маскировке и чарах сокрытия. Ведь его даже модифицированный поисковик не видит.

Нольвен прикрыла глаза, а я испуганно замерла: мой голос разнесся по всей аудитории.

— Для новоприбывших уточню: на моих занятиях не болтают, — миролюбиво произнес профессор. — После занятия квэнти Конлет задержится и продемонстрирует мне свою модификацию. Если я такой не знаю, что вряд ли, то наказания не будет. Итак, к уроку. Сегодня мы поговорим о таком понятии, как теневой огненный шар.

Я обратила внимание, что никто не записывает: все студенты зачаровали свои пишущие принадлежности и сидели внимали профессору. Вот ведь! А сейчас колдовать нельзя, наши учебники нам этого не простят!

— Квэнти Конлет, что вы думаете о теневом огненном шаре? — обратился ко мне профессор. — Встаньте.

И, что самое интересное, никто в аудитории этому не удивился. Из чего я сделала простой вывод: так как он посчитал себя задетым, теперь весь урок будет доводить меня. Но! О теневых проклятьях я знаю достаточно. С точки зрения целителя, конечно, но это лучше, чем ничего.

— Мне не доводилось сталкиваться с этим заклинанием напрямую, однако могу сказать, что каждый предмет в реальном мире имеет тень. И в этой тени можно спрятать очень и очень многое. Я думаю, что теневой огненный шар — это сдвоенное заклятье: один огненный шар виден противнику, а второй скрыт в тени.

— Допустим, — кивнул профессор Эдилхард. — В чем опасность?

А в чем опасность? Я-то откуда могу знать?! Режущие проклятья, прошедшие через глубокие слои тени, приносят частички Изнанки, и

рана начинает гнить. И вот хоть умри над пациентом, пока с гноем все изнаночные эманации не выйдут, рана не заживет. Но работает ли это с огнем?

— Теневые режущие проклятья прихватывают с собой частицы Изнанки и впечатывают их в нанесенную рану, из-за чего происходит нагноение. Возможно, с тeneвым огненным шаром происходит то же самое.

— Возможно, — согласился профессор. — А если нет?

— В любом случае, если заклинание касается глубоких слоев тени, оно изменяется.

— Всегда? — тут же прищурился профессор.

А я почувствовала, как по спине потек холодный пот. Я больше никогда не открою рот ни в одной из аудиторий! Есть там профессор Эдилхард или нет!

— Существует ряд исключений. Есть группа исцеляющих заклятий, которым Изнанка не помеха.

— Только исцеляющих?

— Не только, — сквозь зубы ответила я. — Пять стихийных заклятий и группа боевых заклятий, относящаяся к запрещенному классу.

— Что ж, садитесь, квэнти Конлет, — усмехнулся профессор. — Справочниками вы пользоваться умеете.

Справочниками?! Да это в нас вбивали еще на третьем курсе! Если вовремя не понять, отчего именно умирает пациент, то...

Лисонька крепко стиснула мою ладонь, и я медленно выдохнула. Спокойствие, Маэлин Конлет, только спокойствие. Твоя реплика отчего-то зацепила профессора, и он теперь отыгрывается. Или ставит эксперимент?

«Или хочет узнать уровень знаний, — мелькнула в голове разумная мысль. — Вопросы были прямые, без подтекста. Меня не пытались завалить или выставить на посмешище. А уж если вспомнить блиц-опрос от квэнни Таори...»

Я окончательно успокоилась и вслушалась в лекцию. В общем и целом я оказалась права. Единственное, что огненный шар не приносил с собой эманации изнанки, нет. Он просто разогревался до невероятной температуры и прожигал абсолютно любой щит.

— На этом все, завтра приступим к отработке теневого огненного шара. Расходитесь по старой схеме: сначала аудиторию покидает первая ступень, затем вторая, третья — и так до последних рядов. Квэнти Конлет, я жажду узреть ваш модифицированный поисковик.

Повернувшись к Нольвен, я хотела шепнуть подруге, что от ужаса чуть не модифицировала его еще раз. Но вовремя вспомнила про заклятье и промолчала. Это, впрочем, от профессора не укрылось.

Подойдя к столу, я скастовала свое заклятье и тихо пояснила:

— Оно реагирует на окружающий мир, а не на мага. То есть на скрип половиц, шорох шагов, шевеление занавесок или листвы. Звук приминаемой сапогами травы.

— Спасибо, я знаю, — хмыкнул профессор. — Что ж, вы меня не удивили, поэтому наказание все же получите. Однако модификация сложная и в справочнике ее не найти, поэтому зверствовать не буду. Сегодня вечером, после ужина, комендант выдаст вам метлу и вы пойдете мести наши черные дорожки.

— Вопросы задавать можно? — скупно осведомилась я.

— Вам интересно, за что я вас наказываю? — Он кивнул. — В вашем случае — почти ни за что, но правила для всех одинаковы. Вы могли прийти заранее и их прочесть, — профессор указал на стену, где висел лист с каким-то перечнем, — но вы этого не сделали. И не могли сделать, поскольку не знали о наличии у меня особых правил. Однако...

— Незнание закона не освобождает от ответственности, — вздохнула я.

— Именно. И я дал вам шанс, кто ж виноват, что вы им не воспользовались?

— Нельзя изменить заклятье за время занятия. То есть можно, но толку не будет.

Профессор Эдилхард рассмеялся:

— А разве я просил *рабочую* модификацию? Думайте, квэнти Конлет, квэнти Лавант, думайте. Иначе кто-нибудь начнет думать за вас. И хорошо, если хоть какие-то ваши интересы будут учтены. До свидания.

Профессор исчез, а мы с лисонькой вышли из аудитории.

— Я пойду с тобой, — решительно произнесла подруга. — Постою рядом на всякий случай.

— Да что уж там, — фыркнула я. — Если бы нас ловили раньше, то такое времяпровождение мне было бы привычно.

Посмеиваясь, мы подошли к Волькану, который не пошел с общей группой и остался поджидать нас.

— Наказал?

— Не страшно, — улыбнулась я парню.

— Прости, — он опустил взгляд, — я так привык молчать на его занятиях, что даже не вспомнил о правиле.

— К Хаосу, — отмахнулась Нольвен. — Но вот про следующий урок расскажи, пожалуйста, подробней.

— У нас дальше яды и противоядия, — негромко ответил Волькан, — а этот предмет для боевого факультета новый. Он у военных врачей с третьего курса, а у нас только сейчас. Вводная часть, немного практики, и все. Ну, как знакомство с дисциплиной, и чтобы знали, что в природе можно съесть, чтобы замедлить распространение яда по организму.

Мы с Нольвен переглянулись и поняли, что будущее играет новыми, приятными красками. Нам преподавали «Яды и противоядия» в очень усеченном формате. Нечто вроде «да, есть такое, иногда используется, но вам это не нужно». Мы с лисонькой тогда влюбились в эту дисциплину. И, как настоящие подруги, поделили ее пополам: я отдала свое сердце противоядиям, а она — ядам. Нет, мы интересовались и тем, и тем. Но мне больше нравится работать с уже готовым ядом, чтобы вывести к нему антидот. А вот Нольвен любит колдовать над котлом так, чтобы получилась забористая отрава.

Перерыва между занятиями нам как раз хватило, чтобы прийти к нужной аудитории. Что нас весьма порадовало, ведь в этих уныло-серых коридорах заплутал даже Волькан. Он пояснил, что эта часть принадлежит военным врачам и студенты-боевики бывают тут крайне редко.

Войдя в аудиторию, мы с Нольвен поразились: остались свободными все первые и вторые парты. Отчего? Неужели боевым магам настолько неинтересен предмет? Или они что-то знают про преподавателя?

В любом случае нам выбирать было не из чего, и мы сели вперед, практически напротив кафедры профессора. А я, скрестив пальцы, попросила Отца-Хаоса, чтобы он ниспослал нам профессора

Эльраваран. Вообще, Эльраваран — это ее имя, довольно сложное для произношения. К нему в комплекте идет совершенно непроезжимая фамилия, мы с Нольвен тренировались произносить ее — Беортхсийе. Раза с сотого у меня начало получаться, но с заметными паузами между слогами. Профессор родилась на границе Срединной Империи, и мать ее была степной колдуньей. Отсюда и фамилия — там род по матери идет. Про отца нам выяснить ничего не удалось, но, с другой стороны, мы и не пытались. Нам было интересно найти истоки такой фамилии. Да и, чего врать, внешность профессора тоже заинтересовала — миндалевидные глаза, медная кожа, чернящие волосы с одной-единственной седой прядью. Прядью, в которую вплетена низка черных бус. Ходили слухи...

— Ура, — шепотом произнесла Нольвен, и я, вынырнув из своих мыслей, чуть не подскочила на стуле.

В аудиторию, медленно и спокойно, вошла она — профессор Эльраваран Беортхсийе. Императрица ядов и владычица противоядий! Человек, который за свою жизнь изобрел больше сотни новых составов!

— Рада видеть новые... — Тут она посмотрела на нас с лисонькой и, чуть усмехнувшись, продолжила: — И не новые лица. Меня зовут Эльраваран Беортхсийе, обращаться ко мне можно и нужно — профессор Эльраваран. Вас я постепенно запомню по мере прохождения занятий. Маэлин и Нольвен — на задние ряды, я не сомневаюсь в том, что вы не пропустите ни одного моего слова. Весь задний ряд — сюда. Я не буду повторять дважды одно и то же. Точно так же я не буду писать объяснительную ректору из-за вашей преждевременной смерти.

— Смерти? — надменно уточнила Ильяна и медленно направилась от задних парт к передним.

— Смерти, — совершенно ровно повторила профессор. — Быстрее, пожалуйста, здесь не театр, а вы не актриса.

А я, собирая вещи, не удержалась и уточнила:

— Мы вновь будем пить яд и готовить к нему противоядие?

— Вы и ваша подруга — да, остальным нужно будет лишь отличить, в каком стакане безопасный напиток, а в каком — отравка. И выпить то, что они посчитают безопасным. Противоядия у меня будут при себе, и я их, разумеется, выдам. Но, возможно, на всех не хватит,

так что есть смысл подстраховаться и отнестись к моей дисциплине с уважением.

Кажется, студенты немного приуныли. Мы же с Нольвен были счастливы и, я уверена, думали об одном и том же — как застолбить у профессора место на факультативе!

«Если бы я только знала, что она преподает здесь на полную ставку, шел бы этот турнир лесом», — мысленно стонала я и быстро-быстро конспектировала лекцию. Профессор никогда не «лила воду» на своих занятиях. Все было по делу, четко, ясно и понятно.

— На сегодня все, к следующему занятию я жду внятное эссе о грибах. Чтобы понять, что именно вы должны написать в домашнем задании, внимательно перечитайте конспект. Всем спасибо за внимание, свободны.

После занятия у нас был обед, но мы с лисонькой решили пренебречь едой — поесть можно и на ужине — и сразу прояснить вопрос с факультативами.

— Есть, — профессор даже не стала дожидаться нашего вопроса. — Вы замучили меня, в хорошем смысле, еще у целителей, так что для таких пытливых и увлеченных студентов я бы в любом случае нашла места. Но они есть и так.

— Профессор, можно задать вопрос? Почему вашему предмету уделено так мало внимания? У целителей? Ведь это важно, — нахмурившись, спросила я.

— Потому что однажды кто-то придумал, что целители не должны лечить отравления, — криво улыбнулась профессор Эльраваран. — И порой люди умирают просто оттого, что в Кальсторе не находится мастера Ядов. Этой зимой, к примеру, я была в Срединной Империи, а мои ученицы отправились в степь — повышать квалификацию. Те же мастера, что были в Кальсторе, не смогли определить яд, и юная девушка умерла. И хоть это гнусно и цинично, но нам всем повезло в том, что девушка эта из богатого и знатного рода. Ее безутешные родители дали ход моей давней петиции, и в ближайшие годы ситуация должна измениться. А теперь бегом на обед, если не хотите полакомиться моим притравленным печеньем — как раз готовлюсь к занятиям с седьмым курсом военных врачей.

— Одну минуту, профессор. Пожалуйста, подскажите, что нам нужно сделать, чтобы попасть к врачам? — прямо спросила Нольвен.

— Выдержать экзамен профессора Бальвине, не спорить, не говорить «А нас учили иначе» и не выпячивать свою базу.

— К Хаосу, — отмахнулась Нольвен. — Но вот про следующий урок расскажи, пожалуйста, подробней.

— У нас дальше яды и противоядия, — негромко ответил Волькан, — а этот предмет для боевого факультета новый. Он у военных лекарей с третьего курса, а у нас только сейчас. Вводная часть, немного практики, и все. Ну, как знакомство с дисциплиной, и чтобы знали, что в природе можно съесть, чтобы замедлить распространение яда по организму.

Мы с Нольвен переглянулись и поняли, что будущее играет новыми, приятными красками. Нам преподавали «Яды и противоядия» в очень усеченном формате. Нечто вроде «да, есть такое, иногда используется, но вам это не нужно». Мы с лисонькой тогда влюбились в эту дисциплину. И, как настоящие подруги, поделили ее пополам: я отдала свое сердце противоядиям, а она — ядам. Нет, мы интересовались и тем, и тем. Но мне больше нравится работать с уже готовым ядом, чтобы вывести к нему антидот. А вот Нольвен любит колдовать над котлом так, чтобы получилась забористая отравка.

Перерыва между занятиями нам как раз хватило, чтобы прийти к нужной аудитории. Что нас весьма порадовало, ведь в этих уныло-серых коридорах заплутал даже Волькан. Он пояснил, что эта часть принадлежит военным лекарям и студенты-боевики бывают тут крайне редко.

Войдя в аудиторию, мы с Нольвен поразились: остались свободными все первые и вторые парты. Отчего? Неужели боевым магам настолько неинтересен предмет? Или они что-то знают про преподавателя?

В любом случае нам выбирать было не из чего, и мы сели вперед, практически напротив кафедры профессора. А я, скрестив пальцы, попросила Отца-Хаоса, чтобы он ниспослал нам профессора Эльраваран. Вообще, Эльраваран — это ее имя, довольно сложное для произношения. К нему в комплекте идет совершенно произносимая фамилия, мы с Нольвен тренировались произносить ее — Беортхсийе. Раза с сотого у меня начало получаться, но с заметными паузами между слогами. Профессор родилась на границе Срединной Империи, и мать ее была степной колдуньей. Отсюда и фамилия — там род по

матери идет. Про отца нам выяснить ничего не удалось, но, с другой стороны, мы и не пытались. Нам было интересно найти истоки такой фамилии. Да и, чего врать, внешность профессора тоже заинтересовала — миндалевидные глаза, медная кожа, чернящие волосы с одной-единственной седой прядью. Прядью, в которую вплетена низка черных бус. Ходили слухи...

— Ура, — шепотом произнесла Нольвен, и я, вынырнув из своих мыслей, чуть не подскочила на стуле.

В аудиторию, медленно и спокойно, вошла она — профессор Эльраваран Беортхсийе. Императрица ядов и владычица противоядий! Человек, который за свою жизнь изобрел больше сотни новых составов!

— Рада видеть новые... — Тут она посмотрела на нас с лисонькой и, чуть усмехнувшись, продолжила: — И не новые лица. Меня зовут Эльраваран Беортхсийе, обращаться ко мне можно и нужно — профессор Эльраваран. Вас я постепенно запомню по мере прохождения занятий. Маэлин и Нольвен — на задние ряды, я не сомневаюсь в том, что вы не пропустите ни одного моего слова. Весь задний ряд — сюда. Я не буду повторять дважды одно и то же. Точно так же я не буду писать объяснительную ректору из-за вашей преждевременной смерти.

— Смерти? — надменно уточнила Ильяна и медленно направилась от задних парт к передним.

— Смерти, — совершенно ровно повторила профессор. — Быстрее, пожалуйста, здесь не театр, а вы не актриса.

А я, собирая вещи, не удержалась и уточнила:

— Мы вновь будем пить яд и готовить к нему противоядие?

— Вы и ваша подруга — да, остальным нужно будет лишь отличить, в каком стакане безопасный напиток, а в каком — отравка. И выпить то, что они посчитают безопасным. Противоядия у меня будут при себе, и я их, разумеется, выдам. Но, возможно, на всех не хватит, так что есть смысл подстраховаться и отнестись к моей дисциплине с уважением.

Кажется, студенты немного приуныли. Мы же с Нольвен были счастливы и, я уверена, думали об одном и том же — как застолбить у профессора место на факультативе!

«Если бы я только знала, что она преподает здесь на полную ставку, шел бы этот турнир лесом», — мысленно стонала я и быстро-быстро конспектировала лекцию. Профессор никогда не «лила воду» на своих занятиях. Все было по делу, четко, ясно и понятно.

— На сегодня все, к следующему занятию я жду внятное эссе о грибах. Чтобы понять, что именно вы должны написать в домашнем задании, внимательно перечитайте конспект. Всем спасибо за внимание, свободны.

После занятия у нас был обед, но мы с лисонькой решили пренебречь едой — поесть можно и на ужине — и сразу прояснить вопрос с факультативами.

— Есть, — профессор даже не стала дожидаться нашего вопроса. — Вы замучили меня, в хорошем смысле, еще у целителей, так что для таких пытливых и увлеченных студентов я бы в любом случае нашла места. Но они есть и так.

— Профессор, можно задать вопрос? Почему вашему предмету уделено так мало внимания? У целителей? Ведь это важно, — нахмурившись, спросила я.

— Потому что однажды кто-то придумал, что целители не должны лечить отравления, — криво улыбнулась профессор Эльраваран. — И порой люди умирают просто оттого, что в Кальсторе не находится мастера Ядов. Этой зимой, к примеру, я была в Срединной Империи, а мои ученицы отправились в степь — повышать квалификацию. Те же мастера, что были в Кальсторе, не смогли определить яд, и юная девушка умерла. И хоть это гнусно и цинично, но нам всем повезло в том, что девушка эта из богатого и знатного рода. Ее безутешные родители дали ход моей давней петиции, и в ближайшие годы ситуация должна измениться. А теперь бегом на обед, если не хотите полакомиться моим притравленным печеньем — как раз готовлюсь к занятиям с седьмым курсом военных лекарей.

— Одну минуту, профессор. Пожалуйста, подскажите, что нам нужно сделать, чтобы попасть к лекарям? — прямо спросила Нольвен.

— Выдержать экзамен профессора Бальвине, не спорить, не говорить «А нас учили иначе» и не выпячивать свою базу.

Хотя, возможно, мне это только кажется, ведь до коменданта мы добрались совершенно спокойно. Он выдал нам две метлы, пояснил,

как именно подавать на древко силу, чтобы эффект был чистящим, а не наоборот, после чего строго спросил:

— План Академии изучен?

— В процессе, — отрапортовала я. — Точно знаем расположение библиотеки и столовой.

— А, ну и хорошо. Столовая и библиотека — это самое главное.

Так, вооруженные двумя метлами — Нольвен решила не просто рядом постоять, а полностью присоединиться ко мне, — мы отправились к главным воротам. Начинать нам предстояло оттуда.

— Так подметать — чистое удовольствие, — хмыкнула моя лисонька, когда опробовала зачарованную метлу. — Ни пыли, ни грязи не остается. И все с одного маха.

— Рад, что Военная Академия указала вам ваше истинное место, — произнес до боли знакомый голос.

Мы с Нольвен резко развернулись и увидели Стевена. Он стоял в воротах, а за его спиной в воздух поднимался плат.

«Точно, после оглашения составов команд капитаны должны познакомиться друг с другом. Вот о чем я забыла», — пронеслось у меня в голове.

Нольвен поудобнее перехватила метлу, нехорошо прищурилась и с неласковой улыбкой спросила:

— А не боишься, что мы тебе твое место укажем? Гнойники-то с лица свел? Или так и ходишь, пульсируешь?

Усмехнувшись, Стевен чуть подался вперед:

— Даже не стал пытаться, Лавант. Даже не стал пытаться. И скоро вам предстоит узнать почему.

А я, подавив улыбку, делано легкомысленно ответила:

— Ты же не настолько подл, чтобы подать жалобу в Совет Магов?

— Скоро узнаешь, — повторил он и брезгливо добавил: — С дороги. Право слово, раньше ты, Маэлин, хотя бы пыталась прилично выглядеть.

От унижения у меня загорелись щеки. Да, платье на мне, прямо скажем, побитое жизнью. Но как он смеет указывать на это?!

— Знаешь, Стевен, — я склонила голову к плечу, — нельзя быть настолько мерзкой самодовольной скотиной, нельзя. Отец-Хаос все видит, и рано или поздно он вернет тебе все, что ты натворил.

Едва договорив, я чудом расслышала какой-то странный короткий шорох. Как будто что-то пролетело мимо меня.

— Такие слова — утешение слабых, — усмехнулся Стивен и резко дернулся. — Что ты сделала?!

— Я?

А с лица Тенеана медленно сползала иллюзия, обнажая изуродованную щеку. Ох, как же отвратительно выглядит мое модифицированное проклятье!

— Если ты настолько плох, что твои иллюзии рассыпаются на глазах, — Нольвен хмыкнула, — то мы тут абсолютно не виноваты. Надо было лучше учиться.

— Лучше учиться нужно было тебе, — надменно бросил Тенеан и, обозначив издевательски-короткий поклон, прошел дальше.

В тот же момент я уловила еще один короткий шорох.

— Лилей?! Это ты?

— Ага, это он, — хихикнула Нольвен. — Чем-то плюнул в мерзавца. Два раза. Молодец, цветочек!

— Лилей, не подвергай себя опасности, — строго сказала я. — Ты нам слишком дорог!

Ответом мне стало короткое копошение волосах и спланировавшие на плечо ярко-рыжие лепестки.

— О, ингредиенты. — Моя лисонька тут же подхватила их и спрятала в кармане. — Ладно, это все, конечно, выбивает из колеи, но дорожка сама себя не подметет.

Согласно кивнув, я принялась махать метлой. Р-раз, р-раз, р-раз! Все лучше, чем драить белые камни щеткой и мылом! Все же военка заботится о своих студентах. Или о гарантированной чистоте своих дорожек.

Работая руками, я размышляла о том, мог ли Стивен подать жалобу в Совет Магов. Неужели он настолько глуп? Мое проклятье хорошо тем, что невозможно доказать, само ли оно сорвалось или было сотворено специально. За произвольное стихийное проклятье, не приведшее к смерти и серьезным увечьям, штраф от десяти до тридцати золотых сагертов. И что самое главное, по таким мелочам Круг Истины не пробуждают.

— Я вот думаю, — Нольвен остановилась, смахнула со лба выбившийся локон, — а что, если он все же подал жалобу?

Поперхнувшись смешком, я тут же пересказала подруге свои мысли.

— А если он настоит на Круге Истины? Вы, так-то, жених и невеста. Последнее время такие случаи рассматриваются особо.

— Не страшно. Три дня общественных работ я тоже переживу. И мы не жених и невеста. Я против и за это существо замуж не пойду, — разозлилась я.

— Тут я с тобой согласна, но, — моя лисонька тяжело вздохнула, — все наши проклятия бессильны против бюрократии.

В общем, за несколько часов мы центральную дорожку только что не отполировали. Поскольку никто не уточнил, сколько именно нам нужно размахивать метлами, от главных ворот до входа в учебно-академическую часть мы дошли минут за двадцать. Потом обратно и еще раз. И еще. В общем, сейчас черный камень приобрел какой-то особенно глубокий цвет и мерцание.

— А вы молодцы, — хмыкнул комендант. — И в следующий раз тоже не спешите с первого раза метлы возвращать.

— Всюду подвох, — вздохнула моя лисонька. — А что бы произошло?

— Вся собранная вами пыль вернулась бы в тройном размере, — улыбнулся комендант. — У нас тут все построено так, чтобы нести студентам максимум пользы.

— Обесценивание проделанной работы должно было научить нас уточнять задание, да? — спросила я.

— Именно, — кивнул комендант. — Прежде чем браться за какое-либо задание, боевой маг обязан выяснить всю нюансы. А то можно крепко влететь. Все же наши выпускники зачастую берут контракты в Срединную Империю. А это чревато большими штрафами. Тамошние алвориги любят бесплатную рабочую силу, подставят под нарушение какого-нибудь мелкого условия — и все, ты не только денег за работу не получишь, но еще и должен останешься.

— Вы говорите с таким чувством, — задумчиво произнесла я, — как будто сами так попались.

Комендант тяжело вздохнул:

— Попался. Не всегда же я тут сидел. Когда-то был толковым магом, служил на границе. Ладно, кыш отсюда. Расстроили старика.

— Да какой же вы старик, — фыркнула Нольвен. — Даже седины нет.

— Я сказал — кыш, — притворно сурово нахмурился комендант, и мы живенько вымелись из его небольшого кабинета.

— Мне вот интересно, — Нольвен подняла руку и погладила Лилея, — чем именно наш красавец угостил Тенеана. Мы когда в комнату придем, дашь образец? О, кивает. Мэль, давай поторопимся.

— Поторопимся, — согласилась я. — Но прошу зачесть мой голос — я ставлю на почесуху.

— А я бы хотела, чтобы от яда нашего Лилея у Тенеана случился словесный понос. Или не словесный, — мечтательно произнесла Нольвен. — Впрочем, слезшая иллюзия уже делает меня довольной и счастливой.

Дрегарт Катуаллон

Фраган сидел на подоконнике и тасовал наши бумаги. Его брат-близнец в это время изображал смертельно оскорбленную личность. Ведь ему личным ректорским приказом было запрещено соваться в переговорную. А все потому, что, встретив в коридоре капитана команды стихийников, Фил не сдержал длинный язык и едва не обзавелся заковыристым проклятьем.

— Нам пора, — произнес я и встал с кресла. — Нехорошо заставлять людей ждать.

— Скажи это капитану целителей, — хмыкнул Фраган и вышел вслед за мной.

Притворив дверь, мой давний друг серьезно посмотрел на меня и попросил:

— Главное, держи себя в руках.

— Есть причины для беспокойства? — нахмурился я.

— Стивен Тенеан, капитан турнирной команды целителей, еще и жених твоей Мэль.

— Она не моя.

— Потому ты и бесишься, — кивнул Фраган.

А я серьезно задумался, друг ли он мне.

— Откуда информация? — спросил я и на мгновение прикрыл глаза. Усмирить пошедшее вразнос пламя было тяжело, но

необходимо.

— Записка оттуда, записка отсюда, — отмахнулся Фраган. — Перед поступлением девчонок был большой скандал, часть Кальстора радостно гудела: единственная дочь алворига Конлета ушла из дома и поселилась у своей одиозной бабушки.

— Меровиг Конлет хороший человек, к ней неприменимо это слово, — возразил я.

— Только избранные считают Меровиг Конлет хорошим человеком, — хмыкнул Фраган. — В любом случае их предбрачное соглашение, со всеми должными подписями, хранится в магистрате Кальстора. И только родители могут его расторгнуть.

А у меня в голове промелькнула короткая мысль, что щиты на магистрате — из свиста и палок, да и само здание полностью деревянное и спалить его дело нескольких минут...

— Конечно, — продолжал Фраган, — есть и другой способ. Наша Мэль может выйти замуж по старому обычаю. Пройдет через костер Хаоса, и все прежние обеты и обещания растворятся в первородном пламени.

— Довольно, — оборвал я друга. — Хватит.

Толкнув дверь переговорной, я коротко поздоровался с собравшимися.

— Дрегарт Катуаллон, капитан турнирной команды от Сагертской Военной Академии. Мой второй номер — Фраган Гильдас.

— Лиоссия Огненная, капитан турнирной команды от Сагертской Академии Стихий, — мелодичным голосом произнесла высокая и худая девица. — Мой второй номер Торн Земляной. Поясню, что на определенном этапе мы теряем прежние фамилии и получаем новые.

— Мы знаем это, — коротко произнес я и повернулся к последнему не представившемуся капитану.

И надо признать, что это было серьезное испытание на выдержку. Даже бесновавшееся внутри меня пламя замерло и свернулось в крошечную искру. Оно не хотело касаться *этого*.

У окна, заложив руки за спину, стоял темноволосый парень. Средний рост, средняя внешность. Его можно было бы назвать абсолютной посредственностью, если бы не великолепно-омерзительное проклятье во всю щеку. Крупные гнойные нарывы

пульсировали и всячески привлекали к себе внимание. Кого же он так разозлил?

Выпустив ментальный щуп, я с удивлением ощутил знакомую энергию. Мэль? Неужели эту мягкую и добрую колдунью можно довести до вот *такого*?

Пламя внутри меня встрепенулось, возвращая себе былую силу. И мне пришлось усилить внутренние щиты, чтобы не пропустить его наружу.

— Стевен Тенеан, капитан турнирной команды от целительской академии второй ступени. Второй номер мне не нужен.

Последняя его фраза превратилась в болезненный укол. Вот, значит, как? Второй номер тебе *нужен*, но его нет.

— Мы здесь для того, чтобы обсудить несколько стандартных вопросов, — заговорил я, продолжая держать Тенеана в поле зрения. — Во-первых, проголосуем по дуэлям — парные или командами все против всех. Во-вторых, обсудим состав команд и есть ли у кого какие-либо претензии.

— Последний пункт мне непонятен, — нахмурилась Огненная. — Какое вам дело до состава моей команды? И какое мне дело до состава вашей?

— В прошлом были случаи, когда в академию принимались магистры и архимагистры, — усмехнулся я. — И если это становилось известно, то на встрече капитанов можно было проголосовать против такого «студента». Обменяемся бумагами.

Фраган вышел из-за моей спины и отдал капитанам по листку. Огненная пробежалась взглядом по списку, где были не только имена, но и возраст наших сокомандников, и вернула бумагу:

— Возражений нет.

— Маэлин Конлет? С каких пор военная академия берет в команду слабосилков? — с прищуром спросил Стевен Тенеан.

— Слабосилков? — с интересом переспросил я. — Мэль находится на среднем уровне по академии, если говорить о ее боевых навыках.

«На таком среднем уровне, который ближе к низкому», — хмыкнул я про себя, вспомнив идеально подходящую характеристику Эдилхарда.

— И при этом она уже дипломированный целитель младшей ступени. Исключительная находка для команды, — с усмешкой произнес Фраган.

— Я голосую против ее участия, — резко произнес Стевен и смял листок.

На мгновение в переговорной повисла тишина. Кто-то более поэтичный, нежели я, назвал бы ее звенящей. Но всю атмосферу нарушил несдержанный смешок Фрагана:

— Вот так запросто? Целитель, ты хоть что-то о турнире читал? Ладно эти, стихийники. Они давно в своем мире живут, но ты-то!

— Мой второй номер хотел сказать, что просто слов недостаточно. Вы должны обосновать свой голос. Назвать причину, по которой наличие Маэлин Конлет в команде Сагертской Военной Академии дает нам незаконное преимущество. Любые иные причины недопустимы.

Огненная, внимательно осмотрев кабинет, села в свободное кресло и закинула ногу на ногу. Ее второй номер встал за спиной своего капитана и принялся внимательно за нами наблюдать.

— Я запрещаю Маэлин Конлет участвовать в турнире на основании того, что она моя невеста, — свысока бросил Тенеан.

А я поразился тому, что у такого ничтожества может быть такая исключительная невеста. Любит Отец-Хаос, конечно, любит пошутить, но не до такой же степени!

А пламя, уже несколько лет живущее в моих жилах, взревело, заставляя кровь кипеть. Сжечь. Сжечь, невзирая на уродство, — вот требования огня, поселившегося в моем теле. Увы, иглы боли, сопровождавшие каждую услышанную мною ложь, могли бы притушить неугасимую ярость хаотичного пламени, но... Лжи не было. Это существо имело право называть Мэль своей невестой. Отвратительно.

Мой добрый друг заметил, что я не способен вести диалог, и вновь вступил в разговор:

— Вы можете попытаться запретить Мэль участвовать. В частном разговоре двух частных лиц. Но межличностные отношения — это не повод инициировать голосование.

— Однако вопрос о составе команд должен быть решен сейчас, — едко усмехнулся Тенеан. — Я хочу поговорить со своей невестой.

Надеюсь, по этому поводу возражений нет?

— А я еще не хотела идти, — с восхищением произнесла Огненная. — Могу я задать вопрос? Это восхитительное проклятье не дело ли рук вашей невесты? Вижу явную стихийку — как же вы взбесили свою квэнти?

— Вас это не касается, — холодно бросил Тенеан.

— Я приведу девчонок, — коротко произнес Фраган и бросил на меня умоляющий взгляд, — будь в порядке.

— Вы чем-то больны? — тут же заинтересовалась Огненная.

— Я чрезмерно огорчен попытками капитана целителей отнять у меня ценного члена команды, — усмехнулся я.

И вновь в комнате повисла тишина. Не звенящая, но зато шуршащая: Тенеан старательно вытягивал какие-то бумаги из узкого кармана. На одном из листов я рассмотрел гербовую печать целителей. Неужели они одумались и решили переманить девчонок обратно?

«А ведь они могут уйти», — мелькнула в голове непрошенная мысль. Непрошенная, но справедливая. Военка немного может дать подругам, и если они уйдут, это будет правильный, хоть и бесчестный поступок.

Посреди комнаты возник портал, от которого веяло силой Фрагана. Первой на паркет соскочила Нольвен. О Хаос, девчонку что, по полосе препятствий гоняли? Очень уж истрепанное платье!

— И чего? Вот ставлю свою косу, что нас сдернули из-за этого куса, мх-х, лошадиных продуктов жизнедеятельности!

Следом за ней из портала выпорхнула Мэль. Она легко улыбнулась, увидев меня, и, переведя взгляд на Тенеана, тут же помрачнела.

— Всем доброго вечера, — негромко произнесла моя целительница. — Что заставило вас вызвать нас? Это ведь встреча капитанов и... О, Стевен, ты и Валику подставил? Вижу, что наш Дрегарт с Фраганом, стихийников тоже двое, а где же квэнти Тревёр?

— Оставила место для тебя, моя несравненная, — усмехнулся Тенеан и добавил: — Ты все так же тянешь Лавант за собой.

— Она и тебя тянула, — показала зубки Нольвен. — И вытянула, на наши головы.

— Лисонька, — мягко произнесла Мэль, — здесь это никому не интересно. Турнир вскроет все нарывы. Дрегарт, что от нас требуется?

— У капитана Тенеана есть заявление, — коротко произнес я.

— Я, Стевен Тенеан, запрещаю тебе, Маэлин Конлет, участвовать в турнире Академий, — с изрядной долей пафоса произнес недоносок.

— Я вот как-то даже не нахожу что сказать, — оторопело произнесла моя целительница. — Ты кто? В смысле, мне ты кто?

— Маэлин, наши маленькие разногласия не должны влиять на всю нашу жизнь, — улыбнулся он и протянул ей письма. — Читай. Читайте, раз уж ты не жизнеспособна без своей подруги.

Подруги уткнулись в письма, а я поймал себя на непреодолимом желании зайти им за спины и, пользуясь высоким ростом, узнать содержимое посланий.

Маэлин Конлет

Все происходящее до отвращения напоминало дешевую пьесу. Особенно учитывая письмо от матери, где она уведомляла меня, что при соблюдении простых правил и принесении необходимых извинений я могу вернуться домой. *Домой.*

— Какая щедрость, — хмыкнула Нольвен, привалившаяся к моему плечу. — Ты впечатлена?

— Безмерно, — процедила я.

От отца было отдельное письмо. Алвориг Конлет коротко уведомил меня, что его отец прекратил финансирование своей жены. И что если я не хочу привести Меровиг Конлет на грань нищеты, то мне следует, да-да, соблюдать несколько правил и принести извинения.

— А Мера сама-то знает, что ее все это время финансировали? — заинтересовалась моя лисонька.

— Конечно, — я бледно улыбнулась, — только она эти деньги не тратила никогда. Противно ей было.

Последнее письмо было от нашего... От главы двух целительских Академий. Меня официально уведомляли, что если я поручусь за Нольвен Лавант, то мы обе можем вернуться в Академию. Для нас будет выделено два бюджетных места.

Прикрыв глаза, я сжала листок и тут же ощутила неприятный укол: бумага была защищена по высшему разряду.

«Нашли слабое место. Если не вернуть меня на истинный путь, то вбить между нами с лисонькой клин», — промелькнула в голове

мысль. Нольвен хотела обучаться там, в целительской академии. Она спит и видит, как совершает открытие и спасает мать, которая угасает на глазах. Но...

— Дай-ка. — Моя лисонька вытянула из моих рук письма вместе с конвертами. — Знаешь, хорошо, что наша дружба уже настолько крепка, что мы способны принять решение друг за друга. Капитан, явите нам чудеса.

Резко повернувшись, я увидела, как Нольвен протягивает письма Дрегарту и, прищурившись, ехидно его подначивает:

— А что, слабо сжечь эту дрянь, невзирая на академическую защиту?

Гарт поднял на меня взгляд, а я, ничуть не сомневаясь, решительно кивнула. И в ту же секунду фиолетовое пламя превратило зачарованную бумагу в пепел.

— Ты позволяешь Лавант управлять твоей жизнью, — с отвращением произнес Стевен. — Хотя есть более достойные доверия люди.

— Надеюсь, ты сейчас не себя имел в виду? — скептически уточнила и добавила: — Научись держать слово, Тенеан. Ты сказал: «Поступишь в военку — можешь считать, что жениха у тебя нет». Я поступила, а ты как-то не спешишь исчезать. Мы еще нужны здесь?

— Нет, — улыбнулся Фраган, — дальше этот балаган сможет поехать без вас. Умоляю об одном: что было в бумагах?

— Из важного — предложение вернуться в Академию. На внезапно нашедшиеся бюджетные места.

— Ого, — Фраган уважительно посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на Нольвен, — от таких предложений тяжело отказаться.

— Не в нашем случае, — фыркнула моя лисонька и выразительно посмотрела на бледного от ярости Стевена. — Во-первых, здесь, в военке, преподает профессор Эльраваран. Во-вторых, к целительской академии прилагается Тенеан.

— Мы оказались не настолько, м-м-м, меркантильны, чтобы согласиться, — подытожила я слова моей лисонька. — Те, кто готовили для нас это непривлекательное предложение, слишком привыкли судить по себе.

Коротко попрощавшись, мы с Нольвен вышли из переговорной. Следом за нами вышел и Фраган, который быстро открыл портал и коротко бросил:

— Поторопитесь, не хочу оставлять капитана одного. Как бы он еще чего-нибудь не сжег. Или кого-нибудь.

— А ты сможешь его остановить? — заинтересовалась Нольвен.

— Нет, но я всегда смогу предоставить алиби, — усмехнулся Фраган.

— Что-то вроде: огненный шар просто лежал на полу, когда безвременно усопший решил поднять его и рассмотреть? — предположила я, и, получив в ответ кивок, поспешно шагнула в портал.

Только в комнате я позволила себе высказаться честно и без оглядки на окружающих.

— Сейчас мне особенно горько от моего проклятия, — вздохнула моя лисонька. — Ведь ты и половины нужных слов не использовала!

— Как они могли? Нет, ну как? Я ушла, ничего не прошу, ничего не требую и...

Нольвен, сбросив обувь, забралась на заправленную постель и, покачав головой, произнесла:

— Ты — единственная дочь. В вашем браке со Стевенем должно было родиться не меньше двух мальчиков, один из которых унаследовал бы фамилию Конлет. Это раз. Два — наверняка Тенеаны неплохо заплатили бы за тебя, все-таки сильные одаренные магички не торопятся замуж. И детей рожать тоже не торопятся.

— Это все отвратительно. — Я последовала примеру лисоньки и тоже растянулась на кровати.

— И к тому же, так или иначе, но ты их ребенок и они, наверное, хотят тебе добра. Просто понятия о добре у вас с ними разные, — неуверенно добавила Нольвен.

— Или отца просто задевает, что дочь ушла из дома и не попала на помойку, — вздохнула я. — Что нельзя прийти и, милостиво бросив пару монет, небрежно проронить: «Твой дом все еще ждет тебя, хоть ты и оступилась».

— Да, — скривилась Нольвен, — боюсь, что твоя версия ближе к правде. Но в любом случае рычагов давления на нас нет ни у кого. Кроме ректора военки.

Дождавшись, пока Лилей окончательно выпутается из моих волос, я перевернулась на спину и слепо усталилась в потолок. Цветок устроился рядом с моей головой и, тихо потрескивая, гладил меня по щеке узким листочком. Помолчав, я хрипло произнесла:

— Знаешь, я сдохну, но военка обойдет нашу с тобой прежнюю Академию. Любой ценой. Мне плевать, кто будет первым, главное, чтобы Тенеан был позади.

— Вот и славно. Лилеюшка, дай-ка мне иголки, а то мы так и не заметили, чтобы с этим благородным животным было что-то не так.

Цветок приосанился и, встряхнувшись, сбросил в протянутую ладонь пучок тоненьких полупрозрачных иголок.

Рассовав иголки по флаконам, Нольвен залила их разными проявителями и убрала всю эту батарею под кровать.

— Завтра узнаем, — улыбнулась она и начала распускать косу. — Пора готовиться ко сну. Завтра будет хороший день.

Я только кивнула и прикрыла глаза. Переодеваться, расплетать волосы и вообще что-то делать не хотелось. Было... Не больно, нет. Больно было, когда я уходила. Сейчас было просто противно. Как будто в дерьмо вляпалась и оттереть не обо что.

Глава 11

Утро порадовало нас ответом: на иголочках Лилея находилось сразу два вида яда. Один полностью растворял магию — судя по всему, именно из-за этого со Стевена слетела иллюзия. А вот второй... Второй был не столько ядом, сколько своеобразным аналогом энергетического зелья, только в очень высокой концентрации.

— Лилей, — сипло произнесла моя лисонька, — Лилей.

Я, собиравшая сумку, недоуменно посмотрела на подругу, которая медленно опустилась на колени перед испуганным и ошарашенным цветком.

— Лилей, — едва шевеля губами, выдавила Нольвен. — Дай мне еще твоего яда. Того, что уничтожает магию.

От открывшейся перспективы у меня перехватило дыхание. Вряд ли кто-то пробовал исцелять проклятье с помощью яда. Тем более что Лилей относительно редкий вид — я все же заглянула в маго-ботанический справочник и оценила все возможности нашего растительного друга. Правда, разум у ложного лилейника появляется и сам по себе, но спустя двадцать-тридцать лет от прорастания семечка. Наш цветок — вынужденный акселерат. Или принужденный?

— Думаешь, этот яд сможет уничтожить проклятье? — тихо спросила я, глядя, как Нольвен аккуратно собирает выпущенные Лилеем иголки в прозрачный флакон.

— Не знаю, — моя лисонька бледно улыбнулась, — но я надеюсь. Проклятье гнездится в печени, оттуда его никак не выгнать. Но, что гораздо хуже, оно изменяет кровь. И если впрыснуть в кровоток яд Лилея, то...

— То мы рискуем получить труп, — осадила я Нольвен. — Нам нужна серия экспериментов. По крови яд разнесется по всем органам.

Нольвен криво улыбнулась:

— Я знаю. Я просто... Я просто хочу верить.

— И я хочу, — кивнула я. — И мы будем не только верить, но еще и работать в правильном направлении. Сейчас наша главная задача — это попасть в группу военных врачей. Все время, пока пытаемся, будем изучать яд. Затем встанем на очередь к имитатору.

— Имитатор не даст гарантии, что яд безопасен, — покачала головой Нольвен. — Он слишком далек от настоящего человека.

— Но хоть что-то, — упрямо продолжила я. — К тому же, если идти по этой дорожке, можно разработать противоядие от яда Лилея. Вогнать в жилы квэнни Лавант вначале яд, дожидаться уничтожения проклятья и влить противоядие. Это так, в порядке бреда, но... Знаешь, за каждым магнаучным открытием стоит несколько бредовых теорий. Сейчас нам есть с чем работать.

— Может, имеет смысл отослать это старшему целителю городского дома исцеления? — тихо спросила Нольвен.

— Отошли. — Я пожала плечами. — Скажи, что выписала иглы с ядом из Срединной Империи. Отошли, чтобы потом не мучиться совестью. Но я готова поставить свою косу на то, что никто не будет это изучать. Вспомни, что сказала профессор Эльраваран: целители не работают с ядами.

— Значит, я буду работать, — зло выдохнула Нольвен и добавила: — Но образец все же вышлю. Надо же хоть немного верить в людей, верно?

Я только кивнула и помогла подруге разделить тоненькие, хрупкие иголки. И после, пока моя лисонька была в ванной, я наглаживала Лилея и рассказывала ему, что именно произошло с мамой Нольвен.

В итоге наш цветочек прижал к моему виску узкий листочек и я получила что-то вроде телепатического сообщения. К своему стыду, понять я смогла только одно: Лилей хочет крови.

— Моей? — уточнила я.

Вот не знаю как, но ему всем собой удалось выразить одну простую мысль: дура.

— Ну а чью? — И тут до меня дошло. — Кхм, может, и дура. Временами. У Нольвен был флакон крови. Думаешь, ты сможешь переварить ее? И вывести специальный яд?

Цветок встряхнулся так, будто пожимал плечами. И я, пока подруга не услышала этих новостей, поспешно спросила:

— Это не навредит тебе? Может, мы можем как-то обезопасить тебя.

Лилей выразительно указал на тумбочку, в которой был заперт сахар.

— Ха. Что-то мне с трудом в это верится.

Обиженный в лучших чувствах цветок забрался в горшок и изобразил из себя безвременного засохшего.

— Мы будем отслеживать твоё состояние, — строго сказала я. — А Нольвен скажем вечером — она и так сейчас взбудоражена.

Лилей тут же встрепенулся и деловито кивнул. Затем свил из своих корешков подобие человеческой руки и протянул её мне. Скрепив наш договор торжественным рукопожатием, мы занялись каждый своим делом. Я перепроверила сумку с учебниками, а он распушился на подоконнике, чтобы ухватить как можно больше солнечных лучей.

Когда Нольвен вернулась в комнату, мы подхватили сумки и вышли. Всю дорогу до столовой моя подруга была тиха и задумчива. Это даже ребята отметили, но в душу лезть не стали. Ну, за исключением Фила. Иногда мне казалось, что этот человек в принципе ничего за душой не имеет. Пустышка.

— Нет, ну правда, отчего же наши милые квэнты столь задумчивы сегодня? — Фил придвинулся к Нольвен вместе со стулом.

Моя лисонька подняла на него чуть затуманенный взгляд и, нехорошо улыбнувшись, ответила:

— Оттого, что нам есть чем думать. Видишь ли, Филиберт, иногда так бывает. Люди думают, и некоторым это даже доставляет удовольствие. Но ты не поймешь.

Гильдас прищурился, но ответить на колкость не успел: его перебил Дрегарт.

— Сегодня после ужина встречаемся в переговорной, — негромко, но внушительно произнес наш капитан. — Надо пользоваться тем, что Мэль и Нольвен ещё не перешли под крыло Бальвине. Тогда будет сложнее.

— Я понимаю, отчего милая Мэль везде ходит с подружкой, — Фил откинулся на спинку стула, — но отчего ты это поощряешь?

— И это мы тоже обсудим, — кивнул Дрегарт. — Или ты хочешь устроить разборки здесь?

— Выпрямись и веди себя прилично, — зло выдохнул Фраган. — Видит Хаос, ты становишься невыносим!

— Ну мне же нечем думать, — оскалился Фил.

О, Нольвен так сильно его задела? Никогда бы не подумала: от брата Филиберту прилетали и более ядовитые реплики. Или все дело

в том, кто именно его осадил? Так сам виноват, к чему лезть туда, куда не просят?

После завтрака мы всей группой отправились на теорию и практику маскировки. И как-то так вышло, что Нольвен шла чуть быстрее и рядом с ней пристроился Фраган. А я оказалась в паре с Дрегартом. Позади нас шли Фил и Волькан.

— Как так вышло, что ты стала невестой этого человека?

Неожиданный вопрос Дрегарта заставил меня вздрогнуть.

— Почему ты спрашиваешь? Впрочем, неважно. Все решили родители, а я... Спротивлялась, пока могла. Потом смирилась. А потом он показал свое истинное лицо и я ушла из дома. К бабушке.

Произнести все это вслух, да еще и перед чужим, по сути, человеком... Это было трудно и неприятно. И ощущение теплой, сухой ладони, сжавшей мои ледяные пальцы, бесценно. Бросив короткий взгляд на капитана, я позволила себе не думать и просто переплела свои пальцы с его. Удивительно, что никто ничего не заметил. Или не рискнул сказать.

Уже в аудитории мы с Нольвен сдали свои работы профессору и сели за одну парту. Хоть мне и показалось, что Дрегарт хотел позвать меня к себе. Но... Показалось. Да и не хотела я бросать Нольвен в одиночестве.

— Фраган интересный человек, — шепнула подруга за пару минут до сигнала к началу занятия. — Но брат у него — хуже не придумаешь. Как так вышло?

— Может, мы не все знаем? — предположила я. — Жизненные трудности могут сломить человека.

— Какие, например? — скептически уточнила Нольвен. — Про Гильдасов нет ни единой сплетни.

— Уже подозрительно, ты не находишь? — улыбнулась я.

Подруга только фыркнула, но не ответила: началось занятие.

Профессор Милтрит огорошила нас новостью: на следующем занятии нас ожидает практика. У нас будет всего двадцать минут, чтобы спрятаться. А после профессор выйдет на охоту. От этих слов у меня по коже пробежали мурашки.

После занятия моя лисонька шепнула:

— Хорошо, что у нас есть Мера. И плохо, что нет Облака Невесты.

— Зато есть тонкие шелковые платки, — улыбнулась я и тут же погрузилась. — Как думаешь, удастся поговорить с профессором Эдилхардом до занятия?

— Поговорить удастся, — уверенно произнесла Нольвен. — Но вот не выдаст ли он нам еще одно наказание... Это уже вопрос вопросов.

Согласно кивнув, я подхватила подругу под руку, и мы, под ненавидящими взглядами наших однокурсниц, подошли к поджидавшим нас парням. Нольвен уже успела познакомиться с несколькими сплетнями, которые объясняли мое присутствие в команде. Что ж, я узнала много нового о возможностях женского организма. Реально нового — несмотря на мой диплом, мне и в голову не приходило, что в одну женщину может поместиться столько интересного!

Практическое занятие по боевой магии проходило на скрытом полигоне. Не той его части, где находились разнообразные тренировочные полосы.

В свободное время на этот полигон мог пройти любой студент, имеющий разрешение преподавателя. Сам полигон представлял собой огромный гулкий зал, разделенный на узкие полосы. С одной стороны было защищенное рунным кругом место для мага, с другой стороны стояла мишень. Оную мишень можно было придвигать и отодвигать.

— Займите места напротив мишеней, — негромко, но очень четко произнес профессор Эдилхард. — Активируйте защиту, затем, по моей команде, создайте теневой огненный шар. Когда у вас не получится, начнем разбирать самые распространенные ошибки. У кого не получится и после этого... Будет работать индивидуально.

В последнюю фразу профессор вложил так много чувств, что у меня по спине побежали мурашки. Мало того, что я не успела с ним поговорить перед занятием, так еще и индивидуальная работа! Мне страшно...

Нольвен подмигнула мне и заняла соседнюю со мной дорожку. Ох, лисонька, это меня совсем-совсем не утешает. Ты ведь первая страдаешь!

— Профессор Эдилхард, можно задать вопрос? — Нольвен дисциплинированно подняла руку.

— У вас уже не получилось? — с интересом осведомился профессор.

— Мне немного не по себе: вдруг мой шар кому-нибудь повредит? — произнесла моя лисонька и смущенно опустила ресницы.

— Если вам удастся проломить эти щиты, — с непередаваемой интонацией произнес профессор, — то я помогу вам выплатить виру за убитых и искалеченных. Вы должны понимать, что вас прикрывают сильнейшие щиты.

— Спасибо, профессор, — кивнула моя лисонька и подмигнула мне.

Что ж. Теневой огненный шар. Ничего сложного, на самом деле. Если знаком с основами, то, по сути, просто раз-раз, через тень и по спирали обратно.

Или это только кажется простым? Взаимодействовать с глубоким слоем тени тяжело. Увы, я целитель и у меня никогда не получалось его *почувствовать*. Только просчитать. А расчеты... Это просто механика, абсолютно пустая, голая механика. Но боевая магия — это не только искусство, это действие исполненное тщательно контролируемых чувств. Нельзя просто рассчитать рисунок боя, нет. Иначе бы Волькан был первым. Противника нужно ощущать всем телом, всей душой, вести танец, перехватывать управление над общей мелодией, задавать свой тон и побеждать. И это, кстати, не мои слова. Это я просто убрала все непристойные словечки из приветственной речи дяди Нольвен. Правда, в тот раз вместо «танцев» он назвал иное, более интимное действие. Но я стараюсь не использовать настолько ядреные глаголы. Даже мысленно.

— Время пошло, — четко произнес профессор.

Вдох-выдох. Не то чтобы мне так важно было освоить боевую магию, но если я собираюсь растоптать турнирную команду целителей, то мне следует взять всё. Абсолютно всё и еще немного сверх.

Тень. Изменчивая и постоянная, ненадежная подруга и верная защитница, неисчислимая и поддающаяся расчетам. Все эти взаимоисключающие понятия — тень. А что, если нельзя рассчитать, но можно *попросить*?

Пожалуйста. Пожалуйста, отзовись.

Кольцо огня, второе, третье, четвертое. Собираю шар и окунаю его в тень. В густую, удивительно послушную тень. И вот на кончиках пальцев дрожит он — теневой огненный шар. Только на шар он как-то не очень похож, но сумраком тянет. Интересно, из этих исходников могло получиться что-то другое? Вряд ли.

— Маэлин Конлет.

Профессор Эдилхард не был громогласен, нет. Но его вкрадчивый голос заставил меня вздрогнуть, и я, огладив взглядом пышущий темным жаром сгусток, развернулась к нему:

— Да, профессор?

Рядом с профессором я увидела озадаченного Дрегарта. Почему он не у своей дорожки? Хотя, вероятнее всего, наш капитан уже давно владеет этим заклятьем.

— Интересный нынче выпуск у целителей, — с усмешкой произнес он. — На первом же занятии создать полноценный сгусток тени. Маэлин, вы знаете, что если вы его не удержите, то живых на этом полигоне не останется?

Не удержу? Я недоуменно посмотрела на темное подрагивающее марево. Не черное пламя, как Нольвен, нет. Просто... Просто густая, чуть липковатая тень, внутри которой сокрыт могущественный жар. Зачем его удерживать? Он ведь так спокоен. Просто висит над пальцами, чуть подрагивает от легкого сквозняка. На первый взгляд это совершенно безобидная вещь.

— У меня есть скрытый потенциал, — медленно произнесла я и *попросила* тень забрать сгусток.

Ощувив недовольство ненадежной подруги, я чуть сощурилась и пообещала призвать жар при первой же необходимости. В ту же секунду сгусток исчез.

— Кто вас тренировал? — жестко спросил профессор Эдилхард.

— Конкретно это заклинание я узнала от вас, — спокойно сказала я.

И поймала взгляд профессора, направленный на Дрегарта. На удивительно спокойного Дрегарта. Ох, а не он ли мне помог?!

Но я же почувствовала тень. Ощутила ее поверхностное дыхание, ее отстраненный интерес.

— Тем не менее вам придется дать пояснения. Катуаллон, объясните остальным студентам, почему у них ничего не вышло.

Студентка Конлет — за мной.

Когда я уходила, Нольвен показала мне два больших пальца. А я только глаза закатила. Что хорошего-то? Как я объясню свой успех?

— Словами, студентка Конлет. Вы объясните этот феномен словами, — не оборачиваясь, бросил профессор.

— Я сказала это вслух? — осторожно уточнила я.

— Нет, — лаконично ответил он.

Как выяснилось, у этого крытого полигона был небольшой закуток, где поместился крепкий стол и два стула. Ну и массивные шкафы с надежными дверцами и матово-мерцающими замками. Пахло в этой каморке кофе и сладковатым табаком. Хм, ректор заходил?

— Садитесь, квэнти Конлет, и кайтесь, — усмехнулся профессор и занял место за столом.

— А у вас тоже есть амулет правды?

Эдилхард как-то задумчиво хмыкнул и довольно обтекаемо ответил:

— Есть некая возможность отличить правду от лжи. Не всегда, но вот сегодня — есть. Итак, я вас слушаю.

Коротко кивнув, я решила начать издали, чтобы по ходу рассказа сообразить, как умолчать об участии дяди Нольвен в моем образовании. Нет, ну мало ли что? Лучше уточнить в письме, можно ли говорить о нем, и тогда уже каяться по полной. Ведь, по идее, мы с лисонькой очень даже подходим под определение «недо-боевики» — или как там говорил ректор?

— Как вы можете знать, профессор, целители и боевая магия — два почти противоположных направления. Хотя в теории мы пересекаемся, ведь, чтобы достойно исцелять раненых и проклятых, лекарь должен знать всю подноготную проклятья или боевого заклятья.

Через пару минут, углубившись в историю развития целительства, я поняла, что у меня пересохло во рту.

— И таким образом, профессор, вы можете понять, что целителю необходимо изучать боевую магию не только по книгам и справочникам. Вы знаете, что, несмотря на общность, организм двух разных колдунов может дать различную реакцию на одно и то же заклятье. Особенно сильно этот момент иллюстрирует оглушающее заклятье.

Эдилхард, откинувшись на спинку стула и скрестив на груди руки, кивал в такт моим словам.

— Мне нравится ход ваших мыслей, квэнти Конлет, — произнес он наконец и насмешливо добавил: — Полагаю, в вашем становлении принимала участие не только Меровиг Конлет, но и Тирс Лавант.

Округлив глаза, я с легким придыханием произнесла:

— Мне приятна ваша оценка.

— Оценки я выставляю в журнал, — хмыкнул профессор. — И так, у вас должен был не получиться теневой огненный шар.

— Не получиться?

— Не получиться, — кивнул Эдилхард. — Он ни у кого с первого раза не выходит. Кроме Дрегарта, но Катуаллон у нас особый случай. И тут вы, Маэлин, сотворяете теневой сгусток. Ваши оправдания?

— Теневой сгусток? — Потерев кончик носа, я пожала плечами и спокойно сказала: — Боюсь, что это был теневой огненный шар. Я создала огненные кольца, пропустила их сквозь тень и сложила из них сферу. Или сложила сферу, а потом пропустила ее сквозь тень?

Тут я поняла, что толком не помню, как именно действовала. Так, вначале у меня ничего не вышло, а потом... А потом я сделала сферу огня и, не сжимая ее до огненного шара, окунула заклятье в тень.

— Вы поняли свою ошибку? — Профессор все это время внимательно смотрел мне в глаза.

— Свою ошибку я поняла еще до того, как начался урок, — вздохнула я. — У меня с огненным шаром большие проблемы: он летит, куда хочет. У меня нет над ним контроля. Мне нужно было поговорить с вами до занятия, но...

— Но ваша подруга уточнила про щиты, и вы успокоились и решили попробовать, — кивнул Эдилхард. — Кстати, спешу вас первой обрадовать: всю вашу группу ждут бдения в библиотеке.

— Почему?

— Потому что на уроке я сказал: прожигает любые щиты. А перед практикой ни один студент не поправил меня, когда я заверил квэнти Лавант в безопасности.

— А. Но как мы...

— Как вы могли поправить преподавателя? А как вы потом будете обсуждать детали заказа со знатными и влиятельными людьми? Как вы

скажете, например, Хранителю Теней, что его затея — фуфло и люди только зря погибнут?

— Хранитель Теней...

— Боец и тактик, да. Я просто привел его в пример. Выпускники нашей Академии ценятся далеко за пределами Сагерта, — профессор встал, — и если на шестом курсе студенты по-прежнему боятся высказывать свое мнение и не способны отстаивать свое право на безопасность... Что ж, значит, эти студенты не очень хотят получить диплом и право брать официальные заказы. Идемте, квэнти, думаю, с вводной теоретической частью Катуаллон закончил. Надо порадовать ваших сокурсников и отправить вас в бокс. Вместе с вашим капитаном. Думаю, он воспитает ваш огонь.

Бокс? Но я ведь не заразна? Или профессор имеет в виду какой-то другой бокс?

Пока я размышляла, мы вернулись к общей массе студентов, которых наш капитан выстроил в две шеренги. Сам он ходил по центру и что-то вдумчиво втолковывал соученикам.

— Профессор, — он первым заметил нас, — шестой курс ко второй попытке готов.

— Отлично. У меня будет короткое объявление для шестого курса, — с легкой улыбкой произнес профессор, и я увидела, как ближайших к нам студентов отчетливо перекосило. — Все слышали мой разговор с квэнти Лавант?

В ответ раздалось нестройное утвердительное мычание.

— Отлично. Я рад, что к шестому курсу вы отучились врать, — покивал Эдилхард. — Все ли помнят основное свойство теневого огненного шара?

Еще одно утвердительное нестройное мычание, но уже с нотками грусти.

— А почему никто не сделал мне замечание?

А в ответ тишина. Профессор кивнул сам себе и, хлопнув в ладоши, радостно возвестил:

— Жду от каждого из вас по двенадцать эссе. Каждое должно так или иначе касаться боевой магии, и не приведи Хаос вам списать с кого-то. Или воспользоваться студенческим хранилищем. Да-да, я знаю, что каждый выпуск сдает копии своих работ, чтобы они поработали на благо идущих следом. Хорошее дело, но не на моей

территории. Капитан Катуаллон, берите эту чрезмерно одаренную целительницу и ведите в бокс. К концу занятия я хочу видеть, как в ее руках огненный шар перетекает в теневой и обратно.

— Принято, — коротко ответил Дрегарт и открыл портал.

Ого, бокс так далеко?

— Скорее так глубоко, — улыбнулся Гарт. — Прошу. Там безопасно.

«Боксом» оказалась длинная каменная кишка, на одном конце которой стояли мы, а на другом — мишень. По сути, то же самое, что и на полигоне, но без соседей. И Дрегарт слишком близко, поскольку защитный круг не особенно широк.

— Мэль?

— А?

— Ты меня слышишь?

Он чуть наклонился, чтобы заглянуть мне в глаза, и я, нервно хихикнув, честно выдохнула:

— Прости, отвлеклась.

Так, Маэлин Конлет, ты в академию пришла не за симпатичным боевиком, а за знаниями. Сосредоточься и услышь, наконец, что тебе вещает капитан Дрегарт Катуаллон!

«А ничего интересного он не вещает», — мрачно подумала я. Все то же самое говорил инструктор в академии, а после алвориг Тирс Лавант. И я делаю все так, как сказано.

— Ты поняла меня?

— Да, — кивнула я.

— Тогда сотвори огненный шар.

И я сотворила. После чего быстро оказалась на каменном полу, под твердым и теплым телом Дрегарта.

— Я же сказал сотворить, а не отпускать, — укоризненно произнес он.

Его теплое мятное дыхание щекотало мое ухо, и я, не сдержав смехок, ответила:

— Так в этом и проблема, Гарт. Оно всегда так происходит. Просто раньше шар летел куда угодно, только не в меня, и мы с этим как-то смирились.

Капитан поднялся и помог встать мне. После чего недоверчиво посмотрел и осторожно спросил:

— Какой наставник мог смириться с этим безобразием?

— Самый лучший, — искренне ответила я. — Он сделал все, что смог. Инструктор в академии тоже не справился и просто запретил мне тренироваться. А... А другой инструктор сказал, что огненный шар — мой «последний довод».

— Значит, мы сделаем его первым, — уверенно произнес Дрегарт. — Хорошо, что ты в стандартной форме.

— В каком смысле? — напряглась я.

— Мне необходимо коснуться твоего очага. — Капитан зажег на ладони призрачное фиолетовое пламя.

Моего очага... Это он куда — туда руку сунуть хочет?! Нет, конечно, есть и более интимные места, но...

— А можно как-то иначе? — робко пискнула я.

— Мэль, — он чуть смутился, — я не каждому предлагаю. И я не смогу понять, что с тобой не так, если не буду чувствовать, как именно в твоём теле циркулирует энергия.

— Может, хотя бы через ткань? — уныло спросила я.

— А ты можешь почувствовать ток чужой энергии через ткань? — насмешливо осведомился Дрегарт.

— Могу, — я пожала плечами, — и через ткань, и сквозь доспех. И даже, если сильно напрягусь, сквозь каменную плиту, при условии, что человек на ней лежит. Или пылко прижимается.

Дрегарт удивленно посмотрел на меня, после чего хмыкнул и уважительно произнес:

— Хороший контроль. Ты станешь прославленным целителем.

— Угу, — уныло вздохнула я и принялась расстегивать жакет.

Подумать только, какой конфуз!

— А ты знаешь, что раньше после такого женились? — нервно пошутила я.

А он посмотрел мне в глаза и спокойно ответил:

— А ты готова выйти замуж?

Такой прямой вопрос смутил меня. Готова ли я выйти замуж?

— В ближайших планах не было, — спокойно и размерено произнесла я. — Но не все зависит от моих желаний.

Дрегарт склонился ко мне и, пристально глядя в глаза, тихо спросил:

— Ты знаешь, что Север защищает своих женщин? Никто не заставит тебя соблюдать условия родительского сговора.

Ответив ему таким же прямым взглядом, я четко произнесла:

— А я сейчас и не про Стевена.

На несколько мгновений нас укутала густая тишина. Она не была тяжелой или напряженной, нет. Просто каждый из нас вынес из этого разговора что-то свое. И кто знает, возможно, это что-то изменит. А может, так и останется непроизнесенной вслух дымкой, рассветным туманом, что исчезает под солнечными лучами.

— Ты можешь коснуться меня, — коротко сказала я, когда молчание стало тяготить меня.

В тот же момент Дрегарт оказался у меня за спиной. Его горячая сухая ладонь скользнула под мою форменную блузку. Он крепко притиснул меня к себе и негромко приказал:

— Создай огненный шар.

Ага. Да. Одна проблема: я не могу сосредоточиться. За моей спиной чужое горячее тело. Сильное и крепкое, и... Отец-Хаос, я никогда не была так близка ни с кем!

— Мэль?

— Сейчас, — выдохнула я. — Это смущает.

— Что?

— Ты, твоя рука у меня под блузкой. — Я нервно дернула плечом.

— Я касаюсь лишь твоего живота, — недоуменно отозвался Дрегарт.

А во мне вскипело что-то темное, что-то едко-ехидное:

— Может быть, ты и перетрогал всю военку, но для меня такое взаимодействие непривычно!

— Как же ваши наставники проверяли ток энергии? — он был спокоен и явно не планировал реагировать на мои резкие слова.

Это спокойствие отрезвило меня, и я значительно тише и спокойнее ответила:

— Зачем бы им это делать?

— Хотя бы затем, чтобы понимать, отчего у студента не получается то или иное заклинание, — с нажимом произнес Дрегарт.

— Если не получается, значит, не приложено достаточно стараний, — я пыталась ответить равнодушно, но в голосе все равно прозвенели нотки старой обиды.

Я выкладывалась на полную. И дело даже не в этом клятом огненном шаре, нет. Дело в том, что у меня не выходило и куда более важное заклятье — диагност жидкостей. Хоть убивайте, но я не отличу подслащённую воду от подсоленной. Ну только если не попробую. То же самое с зельями — только на запах, цвет и переливы при встряхивании. Это могло стоить мне звания первой ученицы. Но я смогла изобрести свой собственный метод — пропитанные особенными зельями полоски бумаги. Во время экзамена я капала на них выданные составы и именно благодаря этому правильно назвала абсолютно все препараты.

— Если ученик старается, но не может справиться с заклятьем, значит, с его энергетическими каналами что-то не в порядке. Или в порядке, но ему не подходит само заклятье. Рисунок энергокружева у каждого свой. Он неповторим. — Тут Дрегарт хмыкнул и поправился: — Повторим, но это большая редкость. Поэтому успокойся и начни плести заклятье. Считай, что меня нет.

Но он был. И все лишние, непрошенные мыслишки и эмоции начали пробиваться наверх. Я отгоняла от себя даже тень подобных идей. Мне не нужны никакие отношения. Ни-ка-кие. Мне никто не нужен, в моем сердце нет вакантных мест. Точка.

Вдох-выдох, и я, не позволяя себе расслабиться, выплетаю огненный шар. И вновь он слетает с моих подрагивающих от напряжения пальцев. Но далеко отлететь не успевает: Дрегарт гасит его одним движением.

— Еще раз, медленней.

Раз на пятый я забыла и про его руку, бесстыдно прижатую к моему животу, и про тепло сильного тела за спиной. И про свежий аромат мяты, который пять попыток назад кружил мне голову. Я забыла обо всем этом и хотела лишь одного: чтобы этот изверг оставил меня в покое. Клянусь, этой ночью мне будет сниться огненный шар! Во всех своих стадиях.

На десятой попытке я смирилась и ощутила апатию. А после двадцатой пришел азарт. Мне стало до судорог интересно, когда ему надоест!

— Достаточно, — произнес наконец Дрегарт. — У тебя довольно редкий... изъян в кружеве. Есть целый ряд заклятий, которые не будут подчиняться тебе в полной мере.

— Изъян? — дрогнувшим голосом переспросила я.

И голос мой дрогнул не от страха или обиды. О нет. Это была злость. Изъян?!

— Каким концентратором ты пользуешься? — спросил Катуаллон и, развернув меня к себе, принялся приводить в порядок мою одежду.

Эти странные действия привели меня в себя и не позволили закатить великолепный скандал.

— Подвеска, — чуть замедленно произнесла я.

— Сама выбирала?

— На день рождения подарили, — грустно улыбнулась я.

Даже странно, что мама не потребовала оставить концентратор дома. Он ведь тоже куплен не на мои деньги.

— Ты давала артефактору кровь, слезы и волосы? Или иные части себя?

— Н-нет, зачем? — Я отошла на шаг от Дрегарта. — Зачем?

— Я отвечу не сегодня, — он пристально посмотрел на меня и чуть принужденно улыбнулся, — пойдем сдаваться. Ты мой первый провал.

На полигоне нас встретили выразительными взглядами, тихим присвистом и поднятыми большими пальцами. Ну да, кто о чем, а студенты всегда думают об одном и том же.

Дрегарт оставил меня рядом с Нольвен, а сам подошел к профессору и о чем-то тихо с ним переговорил. После чего Эдилхард посмотрел на меня с каким-то зверски нездоровым интересом. И я, развернув аудиальный щуп, успела уловить:

— Это может быть интересно.

— Это не точно, — хмуро произнес Дрегарт. — И если все так, то ей нужна помощь, а не научный интерес.

Остаток дня я провела под впечатлением от боевой магии, и даже великолепнейшие навыки профессора Алхимии не произвели на меня никакого впечатления. Нет, я не ошиблась в преобразованиях и не словила еще одну отработку. Но... Но я была не здесь. Мои мысли кружились вокруг концентратора. Что с ним не так? Зачем для покупки рядового артефакта могла потребоваться моя кровь?

Всю ночь мне снились кошмары, и утром я встала абсолютно разбитой. Такой же разбитой я оставалась до вечера пятницы. Уснула

я, только залившись лисонькиными зельями по самую маковку.
Надеюсь, бабушка сможет хоть что-то прояснить.

Глава 12

С серьезными разговорами мы повременили до возвращения Нольвен. Моя подруга бегала домой, чтобы связаться и вдоволь наболтаться с мамой. Мы же с бабушкой за это время успели подновить заклатья на ограде и крыше дома.

— Не то чтобы я не могла сделать это сама, — глубокомысленно изрекла бабушка и щелчком пальцев вызвала свою трубку. — Но никто не знает, как сложится твоя жизнь. Имея в арсенале пять-десять вариативных заклятий, ты с удобством устроишься даже в жерле вулкана. Главное — вовремя заметить, что началось извержение, м-да.

— Где мы, а где вулканы, — фыркнула я.

Бабушка посмотрела на меня как на дурочку и выразительно произнесла:

— А Тальмелитская сопка?

Ой.

— Свежий воздух, — я неловко пожала плечами, — дурно влияет на мои умственные способности. Но ведь сопка не вулкан?

— Потому что теперь это сопка, а был вулкан, в котором устроил свое логово алвориг Тальмелит, известный своими чудовищными экспериментами над людьми, — сердито произнесла бабушка. — Столько сказок, столько историй о незадачливых искателях сокровищ — и моя внучка! Моя внучка проявляет такую катастрофическую необразованность.

Мне оставалось только покаянно опустить голову. Ну не интересовала меня история Тальмелита. Ничего интересного он не делал, а читать мерзость исключительно ради смакования той самой мерзости... Ну простите.

Мы уже собирались обратно в дом, когда увидели приближающуюся лисоньку.

— Кровью на калитку капни, — проворчала бабушка. — Теперь у нас иная защита, помощнее.

— Я так понимаю, — Нольвен, выполнив требование, подошла к нам, — что новости не только у нас с Мэль.

На что бабушка усмехнулась и кивнула на приоткрытую дверь:

— Давайте-ка в дом. Новости у меня есть, а как же. Я, в конце концов, живу полноценной, насыщенной жизнью. Но начнем с вас. Итак?

Мы с Нольвен переглянулись, и я начала долгий, обстоятельный рассказ. Временами Мера задумчиво хмыкала, а временами многозначительно попыхивала трубкой.

— Как интересно. — Она пристально посмотрела на меня. — Ты всегда была и будешь для меня особенной, Мэль. Но с чего вдруг такие телодвижения от Тенеанов? Заставить академию принять вас обратно... Я бы не смогла, а у меня много друзей. Очень много друзей.

— Возможно, в Стевене говорит обида? — Я пожала плечами. — В любом случае это не особенно важно. Я ведь отказалась. Меня больше пугает то, что сказал Дрегарт. Про мой изъян.

— Возможно, он ошибся? — Нольвен чуть нахмурилась. — Ты ведь владеешь диагностом, разве нет?

— Органика и неорганика, — я кивнула, — но мне очень тяжело это далось.

— Ты что-то не рассказала, — Мера прищурилась, — и я сейчас не о том, как приятно ощущались руки вашего славного капитана на твоём теле.

Нольвен тут же встрепенулась и повернулась ко мне:

— Так-так?

— Он задавал бессмысленные вопросы. Кто делал мой концентратор, отдавала ли я мастеру кровь, слезы и что-то там еще.

— Разумеется, отдавала, — фыркнула Мера. — Как иначе концентратор будет на тебя настроен? Ты все-таки Конлет, а не отребье с окраины Кальстора, чтобы калечить свой очаг универсальным... Мэль?

А меня как будто оглушило. Мера была уверена, что кровь, слезы и все такое требуется для настройки концентратора. В этом был уверен и Дрегарт, а с Нольвен я никогда это не обсуждала, ведь свой первый концентратор я получила задолго до знакомства с ней.

— Мэль?

Расстегнув блузку непослушными пальцами, я вытащила кулон:

— Вот. Мой последний концентратор. Подарили на день рождения перед поступлением в целительскую академию.

— Последний? — севшим голосом переспросила Мера и глубоко затагнулась.

Я повернулась к Нольвен, но та смотрела на меня с таким же ужасом. Да что не так-то?! Ну не принято в нашем обществе обсуждать трусы, срамную болезнь и концентраторы! Это тайна, право на которую охраняется законом! И если в Империи концентраторы превратили в какое-то безумие (они начали делать их из дерева), то мы сохраняем традиции.

— Мэль, об этом не пишут, не говорят и не спрашивают, — осторожно заговорила Нольвен. — Но понимаешь, концентратор — он один на всю жизнь. И если маг его утрачивает, то необходимо провести целую тучу ритуалов, чтобы восстановить энергетический рисунок. Понимаешь? Ты уверена, что у тебя были разные концентраторы?

— Д-да. С белым камнем, потом с зеленым и теперь этот, с голубым. — Я коснулась подвески. — Но я же колдую?

— Колдуешь, — Мера резко встала. — Из дома ни ногой. Мне надо навестить друзей. А вы... если хорошо поищете, то на кухне найдете поднос с пирожными и фруктовым вином. Если не сможете найти, то в кладовке мешок сухарей и бутылка с водой.

Проводив Мэру ошарашенным взглядом, я посмотрела на Нольвен:

— Ты что-нибудь понимаешь?

Она пожала плечами:

— Я никогда не видела смысла в обсуждении наших концентраторов. Это, во-первых, неинтересно, а во-вторых, неприлично. Я знала, что у тебя это подвеска. Ты знаешь, что у меня это колечко.

Она помахала рукой, на которой нашло место неприметное кольцо.

— Еще я знаю, что универсальный концентратор был изобретен примерно сто тридцать лет назад. Он дешевый и, — тут моя лисонька кривовато улыбнулась, — и из доступных материалов. И он калечит, да. Ну, так говорят. Я пыталась найти врачебные случаи в академической библиотеке, но не нашла. Может, если бы у меня был стимул искать... Но это был мимолетный интерес.

А я, коснувшись пальцами своей подвески, тихо выдохнула:

— Может, мне стоит ее снять?

— Мера бы сказала, — с сомнением произнесла Нольвен. — Согласись, что если ты столько лет с ним колдовала, то еще пара дней беды не сделает.

— Логично, — кивнула я.

Немного посидев, мы с лисонькой пошли грабить кухню. Мне хотелось крепкого кофе и бутербродов с колбасой. Но вместо этого мы запнулись о поднос с пирожными и вином. Он стоял на полу и был прикрыт простенькой иллюзией. Если бы мы искали именно его, то не нашли бы. Но нашей целью был кофе, а не эта мешанина из сладостей и заляпанной кремом бутылки.

— Что ж, придется пить вино, — хмыкнула Нольвен.

Тихий скрип, и на пол падает знакомый до боли холщовый мешочек. Кофе!

— Я буду кофе, — решительно сказала я. — Нет настроения для вина. Тем более слабого и фруктового.

— Да, крепленое было бы уместней, — согласилась моя лисонька. — Оставим бутылочку на вечер. Самое то для крепкого сна.

Заварив кофе, мы выбрали из покалеченных пирожных парочку относительно целых — колабаса так и не нашлась — и вернулись в гостиную.

— Попробуй не думать об этом, — выдала моя лисонька гениальную фразу.

И я, скептически посмотрев на подругу, с интересом спросила:

— Как?

— Я ведь смогла, — серьезно сказала Нольвен. — Я *знаю*, что мамы может не стать в любую минуту. Но я не *думаю* об этом. Сосредоточься на сиюминутном. Вот, например, круто Дрегарт осадил Филя, да?

Я на секунду затупила, пытаюсь понять, о чем именно говорит моя лисонька. А после согласно хмыкнула. Да, когда мы после занятий собрались в переговорной, Фил вновь возмутился тем, что Нольвен всюду с нами ходит. На что Гарт спокойно произнес:

— Самое главное, с чем ты должен смириться, так это с моим главенством. Я решаю, что идет на пользу турнирной команде, а что нет. И с моей точки зрения, присутствие Нольвен на наших тренировках идет во благо.

Фил сдулся. Он даже не попытался возразить или как-то обосновать свои претензии. Нет, он замолчал и отвернулся. И молчал все то время, пока мы утрясали наш график тренировок. Кстати, нам с лисонькой предстоит выступить в роли учителей — мы будем преподавать нашим боевым магам целительский взлом щитов. Дрегарт был впечатлен моими умениями и захотел перенять ценный опыт.

— Он не осадил Фила, — ради справедливости возразила я, — а сказал правду. Капитан решает, остальные подчиняются. Не нравится капитан? Иницируй голосование. Но никто не проголосует против Дрегарта. А значит, Филиберту придется держать язык за зубами или уходить.

— Надеюсь, он не подставит команду своим уходом, — глубокомысленно изрекла Нольвен.

А я вдруг подумала, что Гарт может держать это в уме. И, возможно, Нольвен сейчас участвует во всех тренировках как запасной игрок. Стоит ли сказать ей об этом?

— Вряд ли, — улыбнулась моя лисонька, — вряд ли. Не пугайся, у тебя просто очень выразительное лицо. Я сразу подумала о месте на скамейке запасных. Но если Фил сольется, на его место будут искать хорошего боевика. Потому что вдвоем Фраган и Дрегарт круг дуэлей не вытянут.

— Логично, — признала я. — Скорей бы Мера вернулась. Я не могу ни на чем сосредоточиться.

— Значит, идем варить зелья. — Нольвен допила свой кофе. — У нас впереди эпически сложное время: тренировки во имя турнира и дополнительные занятия во имя будущего. Нам нужно очень много стимуляторов, миорелаксантов и еще кой-какой запрещенной дряни!

Наша небольшая зельеварня была расположена в подвале. Нольвен могла приготовить практически любое зелье просто на коленке, я же, не имея к этому таланта, нуждалась в более-менее обустроенном рабочем месте.

За несколько часов мы приготовили достаточное количество стимуляторов разной степени концентрированности и поставили на огонь основу под миорелаксант. Не тот, разумеется, что применяется в магохирургии, а попроще. Чтобы после тренировки мышцы быстрее в норму приходили.

После зельеварни мы по очереди искупались и вновь отправились на кухню. Есть хотелось зверски, и мешок сухарей стал особенно притягательным.

— Мера, — коротко выдохнула Нольвен.

— Нам стоило догадаться, — отозвалась я.

В кладовой, в которую мы даже не стали заглядывать, на самой видной полке стояла массивная чугунная сковорода, полная жаркого, рядом с ней лежал хлеб, а чуть в стороне пристроился кувшин с молоком, из-за которого кокетливо выглядывала головка пряного сыра.

— Ну, будем считать, что мы сознательно пропустили обед ради сытного ужина, — хмыкнула я.

Стол мы сервировали на кухне. Не было желания тащиться в гостиную.

— Интересно, когда она вернется? — в пустоту спросила я.

— И с кем, — согласно кивнула Нольвен. — Что? Готова поспорить, что она пошла за консультацией. Значит, ты такая не одна.

— Не то чтобы меня это радовало. — Я пожала плечами и сосредоточила свое внимание на тарелке.

Жаркое было восхитительным, пряный сыр в паре с хлебом тоже оказался неплох. Правда, мы отрезали всего по кусочку: надо оставить на завтра. Вдруг Мера не вернется? Не голодать же. А покинуть дом при недвусмысленном приказе этого не делать... Не-ет, первое, что сделала Меровиг Конлет, это научила нас выполнять ее приказы. Так что мы из дома ни ногой, даже если он начнет гореть!

По счастью, долго ждать нам не пришлось. Мера вернулась в сопровождении алворига Нортренора. Обеспокоенная, она подталкивала его в спину и ворчала, что он не настолько стар, чтобы столь медленно передвигаться. На что ее терпеливый друг только вздыхал да напоминал, что на шкатулку наложены чары уменьшения объема, а вес остался прежним. Но когда бабушку волновали подобные вещи?

Мы с лисонькой, верно истолковав выразительное движение бабушкиной брови, метнулись на кухню, где приготовили новую порцию кофе. И, крепко подумав, присоединили к нему остатки пирожных. Потом подумали еще раз, посмотрели на это искалеченное нашей неуклюжестью убожество и убрали. И, конечно, первое, что спросила Мера, это все ли пирожные мы слопали.

— В каком-то смысле, — уклончиво ответила я. И со вздохом пояснила: — Я о них запнулась.

— О, кто-то уже не столь хорош в скрыве, — цокнул алвориг Нортренор, за что удостоился взгляда, полного мрачного обещания.

Когда мы с лисонькой накрыли на стол — четыре чашки да кофейник, — в гостиной повисла тишина. Никто не спешил начинать разговор. Мера медленно цедила ароматный напиток и зорким взглядом следила за нами с Нольвен. Давненько нам не устраивали таких «гляделок». Отчего мы с подругой вытянули спины до невозможной прямоты!

Наконец кофе был выпит. Алвориг Нортренор поставил чашку на блюдце и начал с места в карьер. Вот только что в гостиной стояла мертвая тишина, а вот он уже объясняет основы:

— Наши энергетические каналы больше похожи на тончайшую паутину. И не одну, а несколько паутинок, которые ветром слепило между собой. Чем сильнее и опытнее маг, тем больше у него этих паутинок. Рано или поздно основные каналы совпадают и сливаются. Так у магов появляются «коронные» заклатья. Те, на которые маг тратит минимум ментальных усилий. То есть силы уходит столько же, сколько и у другого мага. Но! Но внимания и времени требуется меньше. Это как с любым другим ремеслом. Опытный брадобрей оставляет клиента без волос и денег куда быстрее, чем неопытный. И так далее.

Алвориг Нортренор замолчал, взял пустую чашку, грустно в нее посмотрел и, тяжело вздохнув, продолжил:

— У тебя же, Мэль, эти паутинки прожжены насквозь. Именно этот ожог тактично называют «изъязном». Универсальный концентратор калечит людей тем, что вмешивается в энергетический поток. Он не принимает отданную колдуном силу, а вытягивает. С одной стороны, колдовать с его помощью проще, он сам забирает из очага столько силы, сколько нужно. С другой стороны, при частом использовании появляется ожог на сетке энергетических каналов, и в дальнейшем маг уже не сможет колдовать без концентратора. И чем дальше, тем хуже. Даже для самых простых действий будет необходим артефакт.

В голове шумело. Да, я постоянно использую концентратор, если говорить о сильных, мощных чарах, но... Но я читала, что это

полезно!

— Полезно, — кивнула бабушка. — Если артефакт нормальный и правильно настроенный, то первые лет десять стоит посвятить «раскачиванию» концентратора. Чтобы его изначальные настройки, сотворенные мастером, стали идеальными.

— Но почему? — Нольвен сцепила между собой пальцы. — Зачем? Какой в этом смысл? Ну не для того же, чтобы Мэль вышла замуж и с нее сняли концентратор, оставив ее беззащитной перед мужем?! Ну бред ведь! Тем более что все это началось...

Лисонька принялась подсчитывать, когда именно мы познакомились, и вместо нее заговорила Мера:

— Все это началось после того, как я ушла от мужа. Я искренне надеюсь, что у всего этого есть какая-то иная причина.

В ее голосе звучала такая боль, что мне стало страшно. Несгибаемая Меровиг не может испытывать такие эмоции! Она должна презрительно усмехнуться, призвать трубку, закурить и последовательно объяснить, почему мы все дураки и что, по ее мнению, будет правильно сделать.

Но Мера молчала. Крутила браслет на запястье — хотя нас за такие привычки нещадно проклинала — и не поднимала глаз

— Они его с меня не сняли, — тихо сказала я, когда молчать стало невыносимо. — Выпустили из дома, а могли еще тогда посадить под арест. Без магии... Без магии я ни на что не способна.

— Я не специалист, — задумчиво произнес алвориг Нортренор, — это вы тут целители. Предположим, что беременная женщина не носит концентратор...

— На ребенка это не повлияет, — хором произнесли мы с лисонькой. — Наличие или отсутствие концентратора у матери не влияет на очаг ребенка. Во время беременности имеет значение только общая циркуляция силы в организме.

— Ну не на продажу же ее готовили с детства, — фыркнула Нольвен. — Право слово, Конлеты вроде как не опустились на дно, чтобы пытаться выплыть таким образом.

Мера призвала трубку, глубоко затянулась и, выпустив клуб вишневого дыма, задумчиво протянула:

— А может, и опустились. Я довольно близко знакома с одной милейшей квэнни, и ее история... Хм, а ведь при таком раскладе все,

так или иначе, кажется логичным.

— Мера, — укоризненно произнесла я. — У тебя пазл, может, и сложился, а у нас даже осколков нет!

— Мой муж вывернулся наизнанку, но заполучил в семью сильного боевика, — Мера пыхнула трубкой, — больше всего на свете он хотел детей. И побольше, побольше. Это я, впрочем, уже упоминала. Потом мой сын привел в семью довольно сильную колдунью, которая, как и я, быстро потеряла себя и свою личность. И я точно знаю, что твои родители, Мэль, тоже хотели много детей. Но если я сознательно поставила точку, то твоя мать побывала в руках у всех целителей Сагерта. Итог — здорова. А что детей нет — ну, бывает. Может, плохо стараетесь.

— И к чему ты ведешь? — прищурилась я.

— К тому, что мы живем в мире магии. — Она выбила трубку и убрала куда-то в подпространство. — И кто знает, где и как накосячил мой презренный супруг или, что скорее всего, его отец. Вполне вероятно, что, чуть-чуть копнув, мы встретимся с дурно пахнущим скелетом.

— Скелету нечем пахнуть, — вздохнула я.

— О, он будет отчаянно смердеть родовыми тайнами, — мечтательно произнесла Мероуиг. — Хоть аромат и мерзок, но один из моих любимых. Всегда всплывает какая-нибудь очаровательная дрянь!

— Вечно тебя всякая гадость притягивает, — вздохнул алвориг Нортренор и, наклонившись, коснулся стоящей у его кресла шкатулки.

В тот же момент она превратилась в полноценный сундук, из которого он извлек тряпичный мешок.

— Прошу вас переодеться, Маэлин, — улыбнулся алвориг Нортренор. — На вас должно быть надето только то, что в мешке. Если чего-то в мешке нет, значит, и на вас этого не должно быть.

Поднимаясь в нашу с Нольвен комнату, я никак не могла понять, что он имел в виду. Разгадать этот ребус удалось, только вытряхнув из мешка льняную рубаху. Нет, к самой вещице у меня претензий не было: небеленый лён, длина до самых щиколоток, все хорошо. Вот только белья не было. И не будь я целителем с каким-никаким, а все-таки практическим опытом, я бы была до крайности смущена. Но благодаря практике, которую мы проходили на четвертом и пятом курсах, мне было прекрасно известно, для чего нужна подобная

одежда. Глубокая диагностика. На этой рубахе нет никаких чар, ее пошили без использования магии и хранили в мешке, который отражает силу. Примерно в таких кофрах хранятся колдовские книги, что им, впрочем, не особенно помогает.

Распустив волосы и убедившись, что на мне нет ничего, кроме рубахи и концентратора, я спустилась вниз.

Гостиная претерпела изменения — вся мебель была не то вынесена, не то уменьшена и составлена в старый буфет. Зато в центре комнаты обнаружился ровный песчаный круг. Так вот что было в шкатулке!

— Я отсыпала, — похвасталась Нольвен.

Алвориг Нортренор и Мера, вдвоем, удивительно слаженно, выкладывали на песок камни. Ни я, ни моя подруга не понимали, что именно происходит, но при этом старались не пропустить ни единого движения.

— Высшая ритуалистика, — восторженно прошептала моя лисонька. — Ты знаешь, что ритуалисты так и не согласились присоединиться к Академии? Так и передают свои знания от учителя к ученику.

— Ритуалистика слишком опасная и сложная наука, чтобы преподавать ее так, как мы сейчас преподаем иные предметы, ставшие общедоступными, — серьезно произнес алвориг Нортренор. — При помощи ритуалов можно вытворять страшные вещи.

— И самый смак в том, что откатить обратно, — Мера хмыкнула, — почти невозможно. Так что я рада, что у ритуалистов пока не нашлось мага-рenegата. Мы еще не готовы к этому. Надо разработать новые законы и клятвы, придумать, как сдержать в узде студентов. Ума-то у молодежи немного. Один дурак обидит слабосилка-ритуалиста, а потом весь род за это расплачиваться будет. И ритуалиста на плаху, потому как...

Бабушка выразительно замолчала, а я рискнула возразить:

— Но ведь это необязательно.

— К моему огромному сожалению, — Мера выложила последний камешек и поднялась с колен, — к моему огромному сожалению, с течением жизни я убеждаюсь, что люди остаются людьми. А люди, увы, разные. Нет такой касты магов, про которую можно сказать: они хорошие, добрые и благородные.

— Больше того, — усмехнулся алвориг Нортренор и тоже встал, — нет такой людской категории, про которую так можно сказать. Самый неприятный человек, с которым мне выпала честь общаться, олицетворял собой закон и должен был, по идее, быть самым благородным и порядочным человеком. Но ведь нет, он был до редкого гнусной тварью.

— Самый приятный человек, встреченный мною в этой жизни, — в тон ему ответила бабушка, — маг крови и ритуалист, человек, который просто обязан быть злобной дрянью. Но ведь нет, на редкость добросердечный тип. Даже страшно за него, глупого.

Алвориг Нортренор несколько обиженно посмотрел на Мэру и, кашлянув, попросил меня встать в центр песчаного круга.

— И постарайтесь не задеть маячки, Маэлин, — добавил он.

Неужели Мэра имела в виду именно его? Маг крови и ритуалист?

«Ну, ритуалист однозначно», — решила я, когда вокруг меня начала закручиваться синевато-серая магия. Но маг ли крови? Это все-таки социально не одобряемая часть магической науки, и люди, как правило, скрывают свой неподобающий интерес. Впрочем, от нашей Мэры ничего не скроешь. Ни съеденное печенье, ни выпитое вино. Ни интересные знания. Последнее, кстати, особенно тяжело скрыть. И расплата всегда жестока.

— Стой на месте и медленно поворачивайся по часовой стрелке, — скомандовал алвориг Нортренор. — Да, хорошо, так. Еще чуть медленней, да, молодец.

Крутилась я не долго. Колдовская иллюминация погасла, и меня отправили одеваться. Когда я спустилась вниз, о песчаном круге уже ничего не напоминало, а на столе исходили парком чайные чашки. О, а от бабушки колбаса не спряталась, это хорошо.

— Ну? — требовательно произнесла Мэра, едва только мы расселись по своим местам.

— Я всего лишь хотел перехватить бутерброд, — возмутился алвориг Нортренор. — Это был энергоемкий ритуал. Ладно-ладно, я понял, о несравненной и щедрейшей. Опасности для жизни нет, ожог есть. Глубокий, захвачены все слои. Кстати, мое почтение: у вас очень развитый очаг.

— Я могу участвовать в турнире? — выпалила я.

Этот вопрос мучил меня с того момента, как бабушка стрелой вылетела из дома. Я гнала от себя панические мысли, но... Я хочу участвовать. До очередной встречи со Стевенем я бы, вероятно, порадовалась возможности откосить. Точнее, эта возможность сгладила бы для меня горечь случившегося. Но сегодня я сплю и вижу, как мы обходим команду Стевена. Любой ценой.

«Если для жизни нет опасности, значит, я буду участвовать», — решила я для себя и подняла взгляд на Меру.

— Да, — кивнула квэнни Конлет. — Алвориг Нортренор?

Мужчина укоризненно посмотрел на Меру и, с усилием проглотив все, что успел откусить, ответил:

— Да, разумеется. Ущерб уже нанесен, концентратор выжег для себя место, и сделать с этим мы ничего не можем. Необходимо найти ваши прежние артефакты, а также того мерзавца, что... Впрочем, этим займемся мы с Меровиг.

— Я как раз вчера успела пожаловаться одной доброй знакомой, что жизнь в последнее время стала пресной и скучной, — покивала Мера. — Зато теперь у меня появилась причина вскрыть и прошерстить особняк твоих родителей.

— Твой энтузиазм пугает детей, — укорил ее алвориг Нортренор.

— Ну что вы, — улыбнулась Нольвен, — мы уже привычные. Может, мне имеет смысл взять отпуск в деканате?

Мера на секунду призадумалась, после чего с сожалением покачала головой:

— Нет, это будет слишком подозрительно. Вы, девочки, неразлучны. А ссора... Нет, достойно отыграть вы не сможете. Да и не нужно это. Но мне нравится твой энтузиазм, Нольвен. Так что остаток своих выходных вы проведете в зельеварне. Есть у меня списочек слегка запретных зелий.

— Насколько запретных? — с интересом спросила Нольвен.

— Да так, — отмахнулась Меровиг, — десять лет каторги за изготовление и смертная казнь за использование.

— Как интересно, — восхитилась моя лисонька.

Да и мне, надо признать, стало интересно. Что же должно делать это зелье?

— Мера, — тоскливо вздохнул маг крови и ритуалист, — может, попробуем как-нибудь более законно? Можно же замаскировать наши

поиски под ограбление!

— Ему просто нравится крушить, — доверительно шепнула Меровиг и громче ответила: — А если нам потребуется обыскать другой особняк? Предлагаешь устроить серию ограблений? И потом, чтобы замаскировать под ограбление, нужно, собственно, обнести особняк. И куда ты предлагаешь потом деть кучу безвкусного хлама? Прости, Мэль, но у твоей матери нет вкуса.

— Я тебя понял, — вздохнул алвориг Нортренор. — Надеюсь, в этот раз нас не поймают.

— В этот раз? — переспросила я.

И тут я увидела, как Мера, *Мера*, смутилась! На краткую секунду щеки бабушки порозовели, но она быстро восстановила контроль над своим лицом и делано равнодушно отмахнулась:

— Совершенно неинтересная история. Так что, девочки, хотите десять лет каторги?

— Нет, — сдержанно ответила Нольвен, — мы как-нибудь обойдемся, так что вы уж не попадайтесь.

— О, учитывая, что за использование зелья дают смертную казнь, — фыркнула Мера, — я бы в любом случае сказала, что сама варила.

Попрощавшись с алворигом Нортренором, мы получили рецепт, шкатулку с ингредиентами и вежливое напутствие:

— Вы уж хоть с третьего раза сварите, а то некоторые вещи докупить будет нельзя.

С этими словами бабушка подхватила алворига Нортренора под руку и увела в свой кабинет. Потому что преступные действия должны быть тщательно спланированы!

— Когда моя жизнь превратилась в это? — спросила я, стоя за спиной у лисоньки и читая сложный рецепт.

— Не знаю, но мне нравится, — рассеянно отозвалась Нольвен. — Потрясающе, основа готовится шесть часов из трехсот сорока ингредиентов! Может, есть смысл задействовать сразу два котла?

— Что это хоть за зелье? И название дурацкое — «Жидкий взломщик».

Переглянувшись, мы отправились в библиотеку. Ну очень интересно, что же мы будем готовить. Искать пришлось недолго: книга

ждала нас на нашем любимом трехногом столике, еще и открытая на нужном месте.

— Мера так хорошо нас знает, — протянула Нольвен, — что становится страшно.

Я только плечами пожала. К прозорливости квэнни Конлет я так давно привыкла, что уже даже не испытываю по этому поводу каких-либо эмоций.

Прочитав статью, я только фыркнула. Получается, что сейчас можно очень многих подвести под десять лет каторги и смертную казнь. Жидкий взломщик оказался очень полезным зельем — раньше его использовали для вскрытия дуэльных щитов. А после того, как с помощью этого зелья обнесли сокровищницу Совета Магов, Хранитель Закона взял да и запретил его использование. Тогда-то и пришлось изобретать заклинание-аналог. То самое, которым пользуются сейчас целители.

Суть проста: зелье наносится на энергетические линии охранной системы, и она исчезает до момента, пока состав не испарится. Очень полезное, на самом деле, зелье.

— Интересно, когда у нас появится новый Хранитель Закона? И Хранитель Мудрости? — задумчиво спросила пустоту Нольвен. — Мне кажется, Хранитель Теней скоро пошлет Совет Магов куда подальше. У него, в конце концов, своих дел достаточно.

Я только плечами пожала и, убрав книгу на стеллаж, направилась в нашу зельеварню. Если бы не Хранитель Теней, в Сагерте могло наступить темное время. Все же у нас нет ни короля, ни императора, а только три Хранителя, поделивших сферы влияния. И кто знает, на что решился бы Совет Кальстора, который последнее время называют Советом Магов? Хотя магов там хорошо, если четверть.

В общем, через шесть часов мы с лисонькой выползли из нашего закутка, вяло поклевали какую-то снедь, оставленную для нас на тарелках, и пошли в свою комнату. Где наш оскорбленный друг перевернул свой горшок и горестно лег у пустой чашки с водой.

— Да, нормальный питомец у нас не выдержит, — вздохнула я и вместе с Нольвен принялась убеждать Лилея, что про него никто-никто не забыл.

Цветок с интересом прислушивался к нам, а после, стрекотнув, щелкнул меня по кончику носа. И потянулся листочками к вискам.

Через пару минут я, ощутив всю глубину своего проступка, подробно пересказывала заинтригованному цветку все произошедшее в гостиной.

— Теперь мне нужно следить за концентратором, — вздохнула я, завершая свой рассказ. — Боюсь, что если я его потеряю, то это обернется огромными проблемами.

— На такой случай есть зелья, — улыбнулась Нольвен. — Откат от них ужасающий, но пять-шесть часов они дадут. Так что...

— И сколько лет каторги за них дают? — заинтересовалась я.

— Увы, нисколько. Абсолютно легальные зелья.

— Как странно, — хмыкнула я и погладила Лилея. — Как странно.

Весь следующий день мы с лисонькой провели в зельеварне. И, невероятно гордые собой, предъявили бабушке «Жидкого взломщика». Удивительно, но с двух немаленьких котлов вышло всего два скромных флакона.

— Вот и славно, — покивала Мера. — Я вам в спальню два вещмешка закинула. Там несколько костюмов и блуз и два платка.

— Платка? — переспросила лисонька.

— Платка, — кивнула Мера. — Ворота Академии закрываются в девять вечера, сейчас четыре часа дня. Хотите погулять?

— Вопрос с подвохом? — прищурилась я. — Нам бы по канцелярским лавкам пройтись.

— Денег дать? — спокойно спросила Меровиг.

Я мысленно подсчитала наши финансы и пожалала плечами:

— Дашь — потратим, не дашь — обойдемся.

Квэнни Конлет усмехнулась и щелчком пальцев материализовала небольшой кошелечек.

— Лучшие самописные перья продаются в аптеке номер девять.

— В аптеке? — усомнилась Нольвен.

— В аптеке, — с легким раздражением повторила Меровиг. — Они, разумеется, не на витрине штабелями уложены! Подойдете, скажете, что пришли от Меровиг и вам нужен сушеный набор номер тринадцать. Каждой. Выйдет подороже, чем в лавке артефактора, но и качеством повыше.

— А почему? То есть что мешает артефактору завести свою лавку и продавать артефакты? — нахмурилась я.

— Отсутствие денег, разумеется, — фыркнула Мера. — Жена моего аптекаря держала небольшую лавочку, но ее разорили. Теперь она сидит дома, с детьми. Денег не хватает, вот они и рискуют.

— Подожди, — я мотнула головой, — а почему она не может просто продавать свои артефакты?

— Потому что для продажи нужно разрешение, для разрешения нужна отдельно оборудованная лаборатория, — рассердилась Мера. — Аптека же крошечная, там едва хватает места на зельеварню и зал для покупателей. Хотя какой там зал, три человека вошли — и уже давка. Все, кыш отсюда.

Из гостиной нас как метлой вымело. И, поднимаясь к себе, я не переставала думать о том, как хорошо быть целителем. Нам не нужна ни лаборатория, ни разрешение на работу. Только диплом. Нет, лаборатория — это хорошо. Это замечательно, точно так же, как прекрасен и свой личный кабинет с отдельной смотровой комнатой. Но без всего этого можно обойтись.

— А вот я не обойдусь, — тяжело вздохнула Нольвен. — Я все же больше зельевар, чем целитель.

— У дяди в доме вместо своей комнаты устроишь зельеварню, — утешила я ее.

— Если я хочу иметь право патентовать новые зелья, то у меня должна быть не просто хорошо оборудованная зельеварня, а полноценная лаборатория, удаленная от жилого строения.

Я задумалась, вспоминая планировку особняка Лавантов.

— А та покосившаяся хибара? — припомнила я. — Там, в стороне.

— Там раньше жил садовник, — вздохнула Нольвен. — Пока у нас были деньги ему на зарплату.

— Вот тебе и зельеварня. А что крыша обвалилась, не беда. Мера же говорила, что научит нас, как устроиться в жерле вулкана? Вот и все, на следующих выходных возьмем у нее мастер-класс. И так, за два года, сделаем тебе уютную зельеварню.

Нольвен обняла меня так крепко, что на мгновение перекрыла поток воздуха. Но ничего, я ответила ей тем же, и она преувеличенно громко захрипела.

Переодевшись в приличные платья и туфельки, мы с лисонькой взяли по вместительной торбочке с чарами расширения пространства и

отправились по лавкам. Правда, перед выходом мне пришлось чуть ослабить косу, чтобы наше капризное растение тоже могло отправиться на променады.

Первым делом мы, конечно же, посетили аптеку. До этого сюда ходила только Мера, все же Нольвен может сварить практически все, если не говорить о высших зельях, где нужно не столько мастерство, хотя и оно тоже необходимо, сколько сила магии. А мы все же еще слишком молоды и не обладаем таким запасом, который, например, нужно бухнуть в «Крылья Рассвета». Хотя я бы не отказалась от этого зелья: получить возможность летать не с помощью петли левитации, а с помощью призрачных энергетических крыльев — это... Это восторг. Я была на таком аттракционе однажды. Дорого, но воспоминания не меркнут.

Добравшись до улицы Магнолий, мы не сразу поняли, где именно находится аптека. Поскольку ни вывески, ни какого-либо иного знака видно не было. Только минут через десять мы увидели неприметное, чуть покосившееся крылечко.

— И правда, три человека — уже толпа, — шепнула Нольвен.

На наше счастье, немолодая женщина уже купила все необходимое и выходила. И то мы с трудом разминулись в дверях.

— Здравствуйте, нас Меровиг прислала, — улыбнулась я. — Нам два сушеных набора номер тринадцать.

Мужчина, стоявший за стойкой, чуть вздрогнул, кивнул и, воровато оглядевшись, вытащил два продолговатых свертка, перетянутых дешевой бечевкой.

Открыв потрепанную тетрадь, аптекарь посчитал стоимость и, подняв на меня глаза, замер. После чего тихо-тихо, как-то испуганно произнес:

— У вас что-то из головы лезет.

Нольвен поперхнулась смешком и поспешно сказала:

— Это нормально. М-м-м, не рассчитали с косметическим заклятьем. Хотели волосы покрасить, а получили это. Сколько с нас?

— Восемнадцать золотых сагертов. — Аптекарь не сводил с меня настороженного взгляда.

— Х-хорошо, — кивнула я.

И в первую очередь заглянула в выданный Мерой кошелек. Потому что восемнадцать сагертов — это все, абсолютно все наши с

лисонькой сбережения. Ну, не совсем так. Мы просто разделили наш бюджет по месяцам, и залезать в следующий месяц... А мало ли что еще понадобится?

В кошелечке оказалось ровно восемнадцать золотых. Мера, имя тебе — предусмотрительность.

— Вот, прошу.

К вискам прижались чуть царапучие листочки, и я ощутила, что Лилей страстно желает порошок из листьев Мильтары.

— И можно еще порошок из листьев Мильтары. — Я осторожно смахнула с висков листочки и ощутила, как довольный цветок полностью втянулся в мою косу.

Аптекарь икнул и сполз под стол. Мы с Нольвен ошарашенно переглянулись и хотели уже спасти несчастного, как он вынырнул с небольшой коробочкой, попросил полсеребрушки и:

— Пусть почтенная Меровиг сама приходит, ладно?

— Мы нормальные, — оскорбленно заметила Нольвен. — Не надо нас так бояться!

Тут и Лилей решил высказаться и высунул из моих волос свои любопытные цветоносы. И я, глядя на стремительно сереющего аптекаря, подхватила подругу под локоток и, скороговоркой попрощавшись с мужчиной, вывела лисоньку наружу.

— Он же аптекарь, — шипела я. — Наверняка опознал Лилея!

— Хаос, — ругнулась Нольвен. — Но вроде нашего красавца никто с собаками не ищет?

— Тем не менее не стоит показывать его тем, кто так или иначе работает с растениями, — проворчала я. — Знать бы только, зачем ему эта Мильтара.

— Может, родственники? — рассеянно пожала плечами Нольвен. — Ой, смотри, бублики!

— Родственники? Лисонька, вот ты бы стала покупать высушенный прах своей, ну, скажем, тетки?

И к моему ужасу, перед ответом моя подруга надолго задумалась, а после с явным сомнением ответила:

— Н-нет, но ты знаешь... Может, ситуация бы заставила. Например, если бы ее похитили и...

— Я поняла, — поспешно сказала я. — Поняла.

Купив по бублику, мы прогулялись по лавкам, посмотрели на совершенно прекрасные коралловые бусы, оценили костяные степные амулеты и в унисон произнесли:

— Правила турниров! Необходимо уже прочесть и понять.

Потому что амулеты открывают многие пути. Особенно вот такие, костяные, незаслуженно игнорируемые. Конечно, тонкая птичья косточка не сравнится по красоте и долговечности с золотым артефактом, усиленным парой-тройкой драгоценных камней. Но! Но функциональность у них одинаковая, да и стоят эти костяшки по серебрушке за пучок.

Так что в итоге мы набрали этих амулетиков и, полностью довольные и счастливые, отправились домой. Поужинали, попрощались с Мерой и, забрав вещмешки, отправились в Академию. Да здравствует новая учебная неделя!

Глава 13

Неделя-то здравствовала, особенно первый ее день. А вот мы с Нольвен чувствовали себя не очень. Во-первых, профессор Эльраваран, на чьи факультативы мы записались, четко разъяснила — ей плевать на турнир с высокой башни.

— Поймите правильно, — снисходительно произнесла профессор, — от того, что вы уложите своих врагов кулаками, в мире не станет на один яд больше. Вот если бы в вашу задачу входило перетравить соперников... Тут я бы вас не оставила.

Во-вторых, сразу после факультативов мы с лисонькой бежали на командную тренировку. И это было ужасно сложно. Я путала право и лево, разучивала новые заклинания лишь для того, чтобы минут через семь о них напрочь забыть и применить вместо заданного воздействия нечто из убойного арсенала Меры. Что веселило Филиберта и тревожило его брата, который в итоге отвел меня в сторону.

— Маэлин, — он коснулся моего локтя, бросил взгляд куда-то в сторону и резко убрал руку. — Маэлин, ты подобрала для себя великолепные заклятья. Они вариативны, потребляют мало энергии и применимы практически во всех областях.

— Спасибо, я знаю, — кивнула я.

— Я не похвалить тебя хотел, — кашлянул Фраган. — Беда в том, что это очень узкоспециализированные заклятья. Законопослушные маги их не знают. А если знают, то не применяют, поскольку у этих чар весьма специфическая репутация.

Глядя на Фрагана, который был старше меня на год, я видела саму себя лет семь назад. Тогда я, при поддержке Нольвен, рассказывала бабушке о том, какие чары применять нельзя, потому что фу такое использовать. Надеюсь, у меня сейчас не такое же выражение лица, как было в тот момент у Меры...

— Специфическая репутация, Фраган, у дома номер семь по Красной улице, — сдержанно произнесла я. — Специфическая репутация у людей, которые применяют свою силу для незаконного обогащения. А у заклинаний, Фраган, репутации нет.

Он мотнул головой:

— Я же о тебе беспокоюсь, Маэлин.

— Я оценила. И подумай вот о чем — мой арсенал тщательно подобран и отработан. Чтобы переучить меня на новый лад... Пять лет? Десять? Каждый шаг, каждый поворот, движение рук и дыхание — все заточено под то, что я имею. И я, Фраган, не боевой маг. И не планирую им становиться. Я всего лишь целитель, у которого есть свой маленький арсенал. Чисто ради того, чтобы не прибили по дороге с работы.

Фраган явно хотел возразить, но промолчал — к нам присоединился Дрегарт. Наш капитан бросил острый взгляд на друга и коротко осведомился:

— В чем дело? Фраган? Маэлин?

Я пожала плечами и кивнула на Гильдаса:

— Если он скажет.

Он предпочел объясниться:

— За турниром будет наблюдать все население Сагерта. Маэлин выставит себя не в лучшем свете, если будет пользоваться заклинаниями из арсенала гильдии убийц.

— Ну, допустим гильдии убийц уже лет семьдесят как не существует, — возмутилась я.

— Согласен, — перебил меня Дрегарт. — Но беда в том, что еще хуже Мэль будет выглядеть если начнет использовать новые, не отработанные заклятья. Она покажет себя неумехой, которую взяли в команду из-за... В лучшем случае из-за влиятельных родственников.

— А учитывая, что у меня их нет, — я усмехнулась, — люди будут гадать чья же я возлюбленная.

— Я бы использовал другое слово, — хмыкнул капитан, — но да, в целом все будет именно так. Так что будем считать, что Мэль начала кампанию по обелению этих заклинаний в глазах общественности.

Я вспомнила, для каких целей мы с лисонькой использовали некоторые заклятья и предпочла промолчать.

— Продолжаем тренировку, — приказал Дрегарт. — Мэль, работаешь со мной.

Нервно вздохнув, я коротко кивнула. Каждая тренировка с нашим капитаном вскрывала чудовищные дыры в моей тактике. Хаос, да я уже не могу называть свои жалкие трепыхания тактикой! Все-таки

дядя Нольвен хоть и ругался на меня общественно порицаемыми словами, но был слишком мягок.

С другой стороны, я сама замечаю, что становлюсь быстрее. Не сильней и даже не выносливей, нет. Именно быстрее. Дрегарт подсказывает как делать то или иное движение чуть иначе, совсем слегка меняет или скорее корректирует мои стойки.

— Кто бы ни подбирает для тебя заклятья, — сказал он в конце тренировки, — цени этого человека.

— Я очень ее люблю, — улыбнулась я. — Она просто хочет, чтобы я была в безопасности. Ты же знаешь, на целителей часто нападают. Как родственники, недовольные работой или ценой, так и просто преступники.

— Да, — криво улыбнулся Дрегарт, — я знаю это. Прогоуляешься со мной?

Конечно, очищающие заклятья избавят меня от пленки пота, но...

— Полчаса чтобы привести себя в порядок и встречаемся внизу, у дверей? — предложила я.

— Да, отличный план, — кивнул капитан. — Я возьму печенье и чай, после тренировки надо восстановить силы.

— С-спасибо, — я судорожно соображала, есть ли у нас с Нольвен что-нибудь съестное.

Все же бабушка намертво вбивала в меня простейшие правила приличия. Например, не быть эгоисткой и жадиной.

«Сахар, немного спирта, шкатулка с около законными зельями и подкормка для Лилея. Чем из этого всего я могу угостить Дрегарта?!»

Конец моим метаниям положила Нольвен. Едва мы вошли в комнату, она откуда-то вытащила плитку шоколада и протянула ее мне:

— Чего не лишишься ради личной жизни дорогой подруги.

Вспыхнув, я взяла шоколадку и проворчала:

— Да ну тебя. Я уверена, что капитан хочет поговорить о моем изъяне. Он же первый обнаружил это.

— Кто знает, — моя лисонька пожала плечами, — может он захочет поговорить о твоих достоинствах? Кстати о них, давай-ка умывайся, а я подготовлю платье.

За полчаса я успела не только привести себя в порядок, но и поругаться с подругой. Ну как поругаться, поспорить.

— Я это не надену, — прошипела я, глядя на насыщенно-бордовое платье.

— Тогда так иди, — фыркнула Нольвен и бросила на шкаф проклятье. — Капитана надо добивать! И платье тебе в этом поможет.

Я бы может и смогла переспорить ее, но время поджимало. И я, как и в прошлый раз, в парк вышла при полном параде. Единственное от чего удалось отказаться, это от макияжа.

— Оно и правильно, — согласилась с моим категорическим «нет» Нольвен. — Растекшиеся тени и размазанная помада никого не красит.

— Я сделаю с тобой что-нибудь противозаконное, — буркнула я.

— Пф, на выходных мы сделали достаточно противозаконного, — закатила глаза моя лисонька и примирительно добавила, — я же вижу, что он тебе нравится. Вот и помогаю. Нет, ты останешься со мной!

Я сначала не поняла, к чему был этот вскрик, а после увидела, как Нольвен перехватила прыгнувшего ко мне Лилея. Цветок сердито стрекотнул и, ловко вывернувшись из ее рук, перескочил ко мне. Я едва успела его подхватить, чтобы не рухнул на пол.

— В тебе ни грамма веса, — проворчала я. — Так сильно со мной хочешь?

Полагаю, эта странная смесь стрекота и шелеста была аналогом человеческого раздраженного вздоха. Лилей вытянул узкий листочек, коснулся моих волос, после чего соскочил на пол и с гордым видом поковылял к своему подоконнику.

— Потрясающе, — выдохнула Нольвен. — Ты как будто расцвела.

— Я так понимаю, «расцвела» в прямом смысле? — уточнила я. — Или все же несказанно похорошела?

— В прямом, — кивнула моя лисонька. — И цветы в тон платья. Все, иди, ты прекрасна, как ожившая мечта. Кстати, если что, то цветами ложного лилейника можно защищаться. Вытащишь, сдавишь у основания и в нападающего полетит дурманная пыльца.

— Надеюсь, сами собой они не стреляют, — вздохнула я и вышла из комнаты.

В коридоре мне довелось столкнуться с одной из тех девиц, что встретили нас с Нольвен перед общежитием. Меня одарили долгим, оценивающим взглядом и коротко пожелали удачи.

— С чего вдруг?

— Скоро первый этап, — девица чуть усмехнулась, — тебе лучше показать высший класс. Кое-кто готовит сюрприз, но мне бы не хотелось, чтобы задуманное сбылось.

— Почему?

Она не ответила. Только дернула плечом и захлопнула перед моим носом дверь своей комнаты. Так-так-так. Гадать, кто именно готовит сюрприз не придется. Это Вайрин, определено. Больше я никому на хвост наступить не успела.

«Забавно, что вокруг нас с Нольвен как будто зона отчуждения. Отдельные личности пытаются высказаться, но в целом никто не нападает. Ни словом, ни делом», думала я, пока спускалась вниз.

Дрегарт уже стоял внизу. И, в отличие от меня, в этот раз он был одет просто. В чистую, но слегка мятую академическую форму.

— Это ведь... — Он поднял руку к моим волосам и я поспешно сказала:

— Красивый закат, не правда ли?

Стоило бы соврать, что я собрала эти цветы заранее, но... Не хотелось. Удивительно, но чем дольше я общалась с нашим капитаном, тем больше мне хотелось говорить ему правду. Ну, то есть, не то чтобы я склонна ко лжи, нет. Просто не получается ему соврать, даже в мелочах. Интуиция вопит, что это будет самой большой ошибкой.

«Или мне это просто кажется».

— Очень красивый, — медленно произнес Дрегарт и все же коснулся одного из цветов. — Очень. Идем?

Я приняла его руку и мы неспешно направились вглубь парка. Вокруг сгущались тени, а в небе ярко полыхал закат. Сгустившуюся тишину совершенно не хотелось нарушать. Хоть меня и подмывало попросить капитана вновь открыть проход в сохранившуюся часть великолепного сада.

Он догадался сам. Или планировал это изначально? В любом случае, дойдя до все того же куста, Гарт открыл проход и мы вновь устроились на той же массивной коряге.

На мое счастье, в пышной юбке был потайной карман, так что шоколадку мне удалось донести в целостности и сохранности.

— Будешь? — я протянула ему плитку.

— Спасибо, — он отломил кусочек и закинул его в рот.

Я последовала его примеру и мы вновь замолчали.

Шоколадка кончилась быстро и оставила после себя только сладкие воспоминания. Дрегарт поднялся, отошел в сторону и вернулся назад с небольшим вещмешком. Из которого он извлек сладкие сухари и флягу.

— Чашек нет, — чуть виновато улыбнулся он.

А я не стала напоминать, что мы маги и способны сотворить что-угодно, пусть и на короткое время.

— Я говорила с бабушкой, — задумчиво произнесла я, когда печенье последовало за шоколадкой. — Она была в ужасе.

Дрегарт бросил на меня острый взгляд и осторожно спросил:

— Как я понял, ты не знала, к чему тебя готовили?

Я вздрогнула, услышав его слова. И Гарт тут же придвинулся ближе:

— Прости, не подумал взять с собой что-нибудь.

— Я тоже не подумала, — отмахнулась я. — Что значит «к чему меня готовили»?

То есть, понятно, что это было сделано не просто так. Я осознавала это, но... Но не хотелось верить. Это же могла быть и ошибка, верно? Ужасное стечение обстоятельств, после которых оставалось только смириться и все такое.

— Меровиг Конлет не знает? — нахмурился капитан.

— Я сейчас нападую на тебя, — нервно выдохнула я. — Гарт, нельзя так с людьми. Я уже всю голову себе сломала, а бабушка и вовсе...

Тут я вовремя спохватилась и прикусила язык, чтобы не сдать бабушку и алворига Нортренора.

— В общем, для меня провели один ритуал. И узнали, что концентратор прожег все энергетические слои, — легко вспыхнув, я так же легко погасла и теперь просто и буднично рассказывала, — ничего не исправить.

— Ты выжила, — мягко сказал Дрегарт, — не сошла с ума и не потеряла способность ходить.

Повернувшись к капитану, я с немым изумлением уставилась в его серьезные, чуть грустные глаза. Выжила. Не сошла с ума. Могу ходить. Я раньше не догадывалась, что некоторые слова и фразы могут звучать как гвозди, вбиваемые в крышку гроба.

— Дрегарт, пожалуйста, — против воли в моем голосе появились слезы, — не томи. Не... Не актерствуй!

Капитан на это только кривовато улыбнулся:

— Я не тяну время. Просто пытаюсь правильно сформулировать. Это, знаешь ли, довольно сложная тема. Тяжелая.

— Да уж не то слово, — я бледно улыбнулась.

Кивнув, он взял мои ладони в свои и серьезно произнес:

— Во-первых, я не могу знать, чем руководствовались твои родители. Возможно, все не так, как я предполагаю. Во-вторых, сейчас все в порядке. Тебе не станет хуже. Если ты, конечно, не потеряешь концентратор. Но и это тоже не велика беда, если заранее подстраховаться.

От такого вступления мне стало еще хуже, но я стиснула зубы и выдавила из себя улыбку.

— Ты знаешь, что в колдовских родах время от времени рождаются неодаренные дети.

Я коротко кивнула. Конечно знаю, я же целитель! Но и тут мне тоже удалось заставить себя промолчать.

— Их пытались лечить, ведь внутри этих детей магия была, это показывали все диагносты, — Дрегарт говорил простые, общеизвестные вещи. И отчего-то мне становилось страшно.

— Вскоре эти «попытки» лечения превратились в опыты, полноценные и жестокие опыты над беззащитными детьми. Детьми, которых было некому спасти, ведь в лаборатории их отдавали собственные родители. Так появился один из лучших законов Сагерта, — Гарт усмехнулся, — закон, ограничивший права родителей. И давший несовершеннолетним возможность искать защиту у Хранителей.

— Я знаю это, — тихо выдохнула я. — Знаю. Но к чему ты это ведешь?

— К тому, что опыты не удалось прекратить, — просто и буднично произнес Дрегарт. — Они продолжаются и по сей день. Поэтому случаи детских смертей расследуются особенно тщательно.

Он держал мои руки и смотрел, смотрел не отрываясь. А мне становилось все хуже. Могла ли я быть подопытной?

— Нет, не подопытной, — покачал головой Гарт.

Я видела, что капитан чувствует себя отвратительно. Где-то на дне его зрачков притаилась тень и мне это совсем не нравилось. Казалось, что все сказанное как будто хвостик от морковки — никогда не знаешь, какого размера овощ ты вытащишь из земли.

«Вот бы моя морковочка была недозрелой крошкой», взмолилась я, а Дрегарт, аккуратно сжав мои пальцы, негромко произнес:

— Прежде всего ты должна уяснить, что если на ком и лежит вина, то частью на твоих родителях и большей частью на исполнителе.

— Вина? — эхом откликнулась я и прищурилась, — таким неспешным темпом повествования ты доведешь меня до неконтролируемой истерики!

Он усмехнулся и спокойно сказал:

— А ты умеешь истерить? Как по мне, так твоя выдержка идеальна, Мэль. Редко встретишь настолько уравновешенную колдунью. Тебе не казалось это странным? Когда вокруг других детей кружилась магия, когда взрывались предметы и горело то, что гореть не способно в принципе... Ты никогда не задумывалась, отчего с тобой этого не происходило?

— Потому что все маги разные, — сдержанно ответила я, — и потому что я хорошо воспитана. Так я думала раньше, но сейчас предполагаю, что ты изменишь мое мнение.

И я действительно как будто чуть подмерзла изнутри. Как будто вновь нанесла на себя заклятье истинного спокойствия. Все эмоции, вся горечь и обида будто отошли в тень, оставив вместо себя чистое любопытство и толику научного интереса.

— Изъян в твоём кружеве знаком мне до последней искры, — Дрегарт выпустил мои руки и я тут же положила ладонь на свой концентратор, который даже сквозь ткань платья показался мне слишком тяжелым, чужеродным.

— Ты плавно подводишь к тому, что я все-таки была подопытной? Я не могу в это поверить. Мои родители своеобразные люди, которые больше пекутся о выгоде и о роде. Но, как раз таки...

Дрегарт поднял руку и пальцем коснулся моих губ:

— Нет, Мэль. Все было отработано на других.

— Кто-то другой пострадал из-за меня?

— Не из-за тебя, а из-за желания твоих родителей иметь ребенка-мага, — жестко произнес Дрегарт. — Твоей вины нет. Ты просто

пришла в этот мир с запечатанным даром. Было ли это наказание Матери-Магии для всего твоего рода или просто случайность — я не могу и предположить.

Я вытащила концентратор и, сжав его в ладони, спросила:

— Чтобы подобрать концентратор, нормальный концентратор, требуется кровь, слезы и что там еще? Не важно. Чтобы подобрать концентратор для... Чтобы... Как они это сделали?

— Не они, — Дрегарт серьезно посмотрел на меня, — не они. Твои родители сделали заказ и заказ был исполнен. Скорее всего они не знали. Или не хотели знать.

— Как. Это. Было. Сделано?!

Я дернула концентратор за цепочку и он отозвался едва ощутимой дрожью.

— Как правило такие вещи вначале испытывают на других, — Дрегарт вновь перехватил мою руку. — Твоей вины в этом нет, слышишь? Я... Я бы не стал поднимать эту тему, но мы ищем этих ублюдков, Мэль. Мы их ищем и я решил, что тебе лучше узнать об этом от меня. Узнать до того, как тебя и твоих родителей выдернут на допрос.

Я прикрыла глаза. Получается, что все мои достижения не принадлежат мне...

— А кому? — спокойно спросил Дрегарт. — Это твоя сила, твое упорство, твое желание достигнуть поставленной цели.

— Но ведь ты только что сказал, что я родилась с запечатанным даром, — глухо произнесла я. — И что из-за меня были убиты или покалечены дети. И... И откуда ты об этом знаешь? Не слишком ли круто для студента?!

Мой голос дрогнул на последней фразе и я поспешно прикусила язык. Не хватало еще сорваться на ни в чем не повинном человеке.

— Твои сверстники, а не дети, — поправил меня Дрегарт. — И я не говорю, что они были убиты. Что же касается моей осведомленности... Послушай меня внимательно и не перебивай.

Я коротко кивнула. Дрегарт же подхватился с бревна.

— Ты, я думаю, уже наслышана о том, что я внезапно пропал из Академии.

Он стоял ко мне спиной, но я все равно кивнула. Ну, Гарт же попросил не перебивать? А постановка фразы предполагала ответ.

Наверное. Мне так кажется.

— Наш край стоит на трех столпах, имена у которых Хранитель Теней, Хранитель Закона и Хранитель Мудрости. Три короля Севера, два из которых отсутствуют. И один из этих двух отсутствующих Хранителей предал собственный трон, попытавшись уничтожить Зеркало Теней.

Я вновь кивнула, об этом гудел весь Кальстор. Зеркало Теней это огромный портал между нашим миром и *изнанкой, изнанкой*, на которой живут не только отвратительные духи, но и Тени — воины, добровольно ушедшие туда. Ушедшие, чтобы защищать Сагерт от духов Разлома, что сокрыт на дне моря.

— Хранитель Мудрости единственный из всех, кто может отказаться от Метки.

Дрегарт произнес это с такой интонацией, что все мои переживания отступили на второй план. Постоянная головная боль, ментальный перегруз...

— Ты страдаешь из-за отката? В смысле, ты отказался от Метки и теперь...

— А я просил не перебивать, — он повернулся ко мне и кривовато улыбнулся, — ты почти права. Не могу понять, правда, как догадалась. Мне помогли отказаться от Метки. По замыслу моей недалёковидной тетушки, оная Метка должна была перейти более достойному. Я... Я не хотел, чтобы мать узнала о предательстве сестры и отписал ей, что уезжаю в Срединную Империю. Сам я в это время отлеживался в закрытой палате, в городском доме Исцеления. Если бы я сказал ей правду, то она бы ни за что не уехала к морю.

Встав, я подошла к Дрегарту и крепко его обняла:

— Как они это сделали?

— Неправильный концентратор создает изъян, который, по своей сути, делает то же самое, что и Метки Хранителей. И если одна метка на энергетической паутине уже есть, то вторая не встанет. Или встанет криво. Или обе встанут не так, как должны. Учитывая, что Метка проявляется долго, да еще и то, что я был благодарен мирозданию за оказанную честь...

— Это произошло с тобой, — тихо выдохнула я и прижалась щекой к его спине. — Что же теперь?

— Ждать, — хмыкнул Дрегарт. — Ждать, пока я сдохну, чтобы у Сагерта появился нормальный Хранитель Мудрости.

— Не говори глупостей, — я вспыхнула, — если мироздание выбрало тебя, значит ты должен приложить все силы и оправдать его доверие! Не искать пути избавиться от Метки, а принять ее всей душой! Или ты и правда веришь, что есть более достойные кандидаты? Больше того, ты правда считаешь, что *мироздание* могло ошибиться?

Дрегарт медленно повернулся, но я, вплотную прижимавшаяся к его спине, все равно пошатнулась и чуть не упала. Он поймал меня в объятия и время как будто остановилось.

— Разве я умно поступил, когда солгал? — тихо спросил он. — Моя ложь уничтожила мою семью, Мэль.

— А разве на тебе проявилась Метка самого умного человека Сагерта? — выгнув бровь, осведомилась я. — *Хранитель* Мудрости, как проистекает из названия, оную мудрость сохраняет, а не...

Запрокинув голову, он громко расхохотался. Разве я сказала что-то смешное?

— Ты первая, кто предложил мне попытаться сохранить и выправить Метку. Пока что мы искали способ отпустить ее, — серьезно сказал он, отсмеявшись.

— Сложно отпустить того, кому свобода не нужна, — так же серьезно ответила я.

— Да, — кивнул он. — Да.

Порыв ледяного ветра заставил меня вздрогнуть и поежиться от холода. Поежиться и податься вперед, к теплому и надежному Дрегарту.

Освободив одну руку, он скользнул теплыми пальцами по контуру моего лица, задержался на подбородке, а после коснулся губ. Широко распахнув глаза, я смотрела на него и не могла издать ни звука. Он отвечал мне столь же пристальным взглядом. Таким пристальным, как будто искал что-то на дне моих глаз. Искал и нашел.

Дрегарт склонился чуть ниже и его теплое дыхание согрело мою кожу. А через мгновение я почувствовала, как он мягко смял мои губы своими. Осторожно, медленно и до безумия нежно. Чуть отстранившись, он дал мне перевести дыхание и вновь подарил мне это удивительное, невероятное чувство тепла и защищенности.

Смежив веки, я прижалась к нему тесней и попыталась ответить тем же. Коснуться губами его рта и... И отпрянула, поняв, что ничего у меня не выходит!

— Я оскорбил тебя? — он не выпустил меня из объятий, но позволил чуть отстраниться.

— Нет, — я, чувствуя как горят щеки, опустила голову. — Просто... Не умею. Стыдно.

— Ты... Ты лучшее, что могло случиться в моей жизни, — хрипло выдохнул он. — Прекрасная, смелая, отчаянная и открытая. Ты ни разу не причинила мне боль ложью, Мэль.

Дрегарт Катуаллон

На что я рассчитывал, осмелившись сорвать поцелуй с этих губ? Пожалуй, что на короткую вспышку удовольствия и следующую за ним обжигающую пощечину. Или даже на сдержанное недоумение и просьбу больше так не делать. Клянусь, меня бы не удивил ни тот, ни другой вариант. Но Мэль...

Моя удивительная целительница оказалась слеплена совсем из другого теста. Искренняя и честная, она оттолкнула меня лишь оттого, что испугалась собственной неопытности. И где-то внутри сыто и довольно заурчало пламенное чудовище — тот жалкий недо-маг не смог увлечь мою целительницу. Не смог сорвать с этих губ ни единого поцелуя.

— Причинила боль? — тихо переспросила она.

Я чуть поморщился и тихо вздохнул, ну кто тянул меня за язык? Жаловаться на собственную немощь прекрасной девушке, вместо того, чтобы целовать ее.

«Это твоя судьба, капитан Катуаллон. Не научился головой думать, вот и будешь, как верно подметила Мэль, *Хранителем*, а не пользователем Мудрости».

— После того, как на моей паутине отпечатались два кривых ожога, я стал ощущать чужую ложь вспышками головной боли, — неохотно рассказал я.

— Но ведь... Но ведь люди постоянно врут, Гарт, — прошептала Мэль и покачала головой, — мой бедный.

— Мне не нужна жалость.

— А сочувствие?

Спорить с ней было невозможно. Равно как и противостоять ее упорству. И вот, вместо поцелуев я довольствуюсь ледяной ладошкой на лбу:

— Потерпи, это простой диагност. Ты ничего не почувствуешь.

А я чувствую. Чувствую разочарование в самом себе. Вот, вроде бы, получил надежду на то, что мои безумные, собственнические чувства имеют шанс на взаимность, и сам же все испоганил. Лежу теперь на траве, под затылком колени моей Мэль, на лбу ее ладошка, а перед глазами ехидные звезды. Хр-ранитель Мудр-рости, мать его.

Глава 14

Маэлин Конлет

Дверь в комнату я открывала едва дыша, чтобы, не дай Хаос, не скрипнуть ничем. А то Нольвен спросонья может и приголубить. И хорошо если тихим незлым словом, а учитывая, что квэнни Лавант прикрыла эту лавочку... Кстати, главное не ляпнуть, что у лисоньки и правда речь выправилась. Обидится ведь и будет дуться.

Не скрипнула, фух.

Быстро скинув туфли, я истово помолилась и Судьбе, и Матери-Магии, чтобы мне под ноги ничего не попало — в комнате было жутко темно. Лилей распушился на все окно и не пропускал ни единого лунного отблеска. А если что и пропускал, то эти крохотные искры бдительно перехватывали шторы.

Но мне повезло — под ноги ничего не попало и, через два длинных шага я, на ходу выпутываясь из платья и оставаясь в одной нижней рубашке, падаю в свою постель. Падаю, чтобы через секунду заорать от ужаса! Ведь под одеялом уже кто-то лежал.

— Ах-ха, — сонно зевнула Нольвен, — я так и думала, что ты придешь тихо-тихо и никого не побеспокоишь. А я хочу свежих сплетен. Пришло-ось затаиться.

Уняв бешено бьющееся сердце, я пихнула подругу в бок и устроилась на освободившемся нагретом местечке. После чего скептически поинтересовалась:

— А что, к утру бы они испортились?

— Утром мало времени, да и не так интересно, — завозившись, Нольвен села и резко скомандовала, — Лилей, свет!

Тоже сев, я только успела зажмуриться, как в комнате ярко полыхнуло. Ого, это когда он так научился?!

— Порошок Мильтары творит чудеса, — довольно промурлыкала моя лисонька, а я, открыв глаза, никак не могла узнать в этом чудовище нашего милого Лилея. Ибо это, мгм, растение заняло не только весь оконный проем, но еще и свисало на пол!

— Однако, — выдохнула я. — Однако, гулять вместе мы теперь не сможем.

— Ха, — усмехнулась моя лисонька. — Смотри!

И в тот же момент Лилей изменил свои размеры и спланировал ко мне в руки. Весу в нем совсем не осталось! Он и раньше почти ничего не весил, а сейчас... Будто воздух держу.

— Он же больше магический, чем физический, — глубокомысленно произнесла Нольвен и хитро прищурилась, — итак, источник света в руках у подозреваемой...

— Подозреваемой в чем? — опасливо уточнила я.

— Подозреваемой в разврате! Вижу припухшие от поцелуев губы и... И все?! Ну-ка, повернись. Хм, и правда все. Как так-то?

В голосе лисоньки было столько расстройства, что мне невольно стало стыдно. Встряхнувшись, я сбросила с себя липковатое ощущение вины и прищурилась:

— Нольвен, ну какой разврат? В кустах? На сырой траве? Ради Хаоса, окстись!

— Да, — она кивнула и тяжело вздохнула, — мне стоило догадаться, что ничего веселого ты мне не расскажешь. Нет, ну что, что можно было делать в саду полночи?!

— Я диагностировала Дрегарта, — начала было объяснять я, и моя лисонька люто захохотала:

— Ы-ы-ы, бедный, бедный наш капитан! Сколько раз он успел тебя поцеловать, прежде чем ты завалила его на траву и принялась нещадно диагностировать?! Один или два? Губы немного припухши, но, может я просто принимаю желаемое за действительное? И несчастному даже самого заваливающего поцелуя не перепало?

Огрев поганку подушкой, я все же не сдержала смешок:

— Оно само как-то так вышло. А вообще, новости и правда есть. Но невеселые.

Отняв у меня орудие мести, Нольвен пихнула подушку себе за спину и, скрестив ноги, испытующе уставилась на меня:

— Рассказывай.

Кивнув, я устроила Лилея на сгибе локтя и, почесывая его как котенка, собралась с мыслями и начала короткий, но емкий рассказ. Я не стала вдаваться в излишние подробности и выдерживать глубокомысленные паузы. Все новости уместились в несколько

простых предложений. После чего моя лисонька пару минут молчала, а затем задумчиво произнесла:

— Позволь подытожить — ты родилась с запечатанным даром, твои родители как-то вышли на злокозненного артефактора и за страшно представить какие деньги купили для тебя шанс на обретение силы. Так?

— Получается так, — кивнула я. — Дрегарт странно выразился, как будто меня к чему-то готовили...

— К чему?

— Он не сказал, а потом как-то не до того стало. Но дело не совсем в этом, — я потеряла кончик носа, — понимаешь, я вот тоже подумала... Смотри, вряд ли это, — тут я вытянула свою подвуску, — универсальный концентратор. Ну то есть, вряд ли это *обычный* универсальный концентратор.

Видя, что Нольвен не понимает моих страданий, я попыталась объяснить проще:

— Я не думаю, что все универсальные концентраторы обладают возможностью вытягивать силу из запечатанного энергетического контура. Это не просто пойти купить дешевку, замучить несколько детей и...

У меня сорвался голос и я просто взмахнула рукой, пытаюсь прояснить свою мысль. Лисонька кивнула:

— Да, верно. То есть, не верно. А логично, — Нольвен хмыкнула, — но то, что логично, далеко не всегда верно. Договаривай.

Вздохнув, я негромко сказала:

— Логично, что такие вещи делаются на заказ и не каждый может. Я даже не беру в расчет морально-этическую сторону вопроса. Просто... Довольно специфическая вещь, верно? И вот тут, мне становится странно, откуда у родителей такие связи? Я бы еще смогла понять, если бы у бабушки был такой приятель, который знает другого приятеля, который знает, к кому можно обратиться. Тут я, опять же, не говорю, что Мера бы это сделала. Я говорю, что она могла бы иметь такие знакомства. Но родители?! Уму не постижимо!

— Нормально ты сейчас бабушку приласкала, — фыркнула моя лисонька, — но я согласна. И правда, странненько. Но! Если кто-то знает артефактора, способного сотворить подобную дичь, то вряд ли этот кто-то будет болтать об этом направо и налево. Это раз. Два, твой

отец настолько благонадежный и чопорный, что, знаешь, в тихом омуте гырбы водятся. Лично меня во всем этом больше всего напрягает твоя слишком длительная для нашего Севера помолвка.

Затем лисонька чуть помолчала и добавила:

— И наглость Тенеана. Он ведь совершенно не боялся тебя потерять. У него не зародилось даже тени сомнений, что ты разорвешь помолвку. И после всего он все равно попытался тебя вернуть, пусть и таким странным образом. Смекаешь?

— Стивен Тенеан — злокозненный артефактор? — я поперхнулась смешком, — нет, он не слабак, но и не артефактор.

— Он нет, — она выразительно посмотрела на меня, — а его отец? Или дед? Или Тенеаны знают это чудо-мастера, чтоб ему все аукнулось и откликнулось. Как там у вас по контракту? Старший ребенок берет фамилию Тенеан, а младший — Конлет, верно?

— Конечно верно, мы же вместе контракт изучали. Я единственный ребенок в семье и я должна дать жизнь двум мальчикам, иначе фамилия Конлет исчезнет. Ну или отцу придется сделать ребенка на стороне, а это не особенно поощряется.

— Вот только магически одаренными мальчиками не разбрасываются, — мягко напомнила Нольвен. — Одаренных бастардов принимают в род и дают им право на фамилию. А тут раз и такая щедрость.

— Стоп, — я махнула рукой. — Стоп. Мы сейчас договоримся до какого-нибудь безумия. Надо дождаться выходных и вывалить все это на Меру. Она крепкая, выдюжит и что-нибудь подскажет. К тому же у нее наверняка будут новости. Давай-ка спать.

Кое-как убедив Лилея, что порядочные цветы спят все же на подоконнике, а не на подушке, я пожелала Нольвен доброй ночи и улеглась в постель. Вот только посеянные доброй подругой сомнения все не оставляли меня. Ведь правда, когда род оказывается на грани, единственной наследнице ищут такого мужа, который согласится взять фамилию рода. И все дети достаются исчезающей семье. Или же, если не получилось, то два рода могут слиться в один, Конлет-Тенеан. И еще вариант — если исчезающий род богат, то выкуп за одаренного мальчика будет просто катастрофическим! У нас же в брачном контракте никаких выплат ни в одну из сторон прописано не было. И тогда мне это казалось хоть и странным, но все же нормальным. Ведь

преподнесено это было как: «Потому что мы все одна семья и не стоит измерять родную кровь в золотом эквиваленте». Сейчас это кажется пугающим...

— Пссс, пссс!

— Ты же спала, я слышала, как ты сопишь! — возмутилась я.

— Я обеспокоилась и сон ушел, — отозвалась из темноты подруга.

На подоконнике заинтересованно осветился Лилей. Я же приподнялась на локте и вздохнула:

— Почему мне кажется, что твое беспокойство мне не понравится?

— Я тут подумала, а вы, два, мгм, скромных и приличных человека, — тут Нольвен проворчала в сторону, — вот только откуда скромность у боевого мага?! Ну да не важно. В общем, вы договорились о следующей встрече?

Я только цокнула:

— Тебе и правда пора спать. Ну конечно мы еще встретимся!

— Да ладно?! — в голосе подруги было столько скепсиса, что я поспешила ее успокоить:

— Ну разумеется! Завтра утром, на завтраке, мы все встретимся. Спи уже.

В ответ раздался такой звонкий шлепок, как будто моя лисонька хлопнула себя по лбу. Иногда она так выражала свое отношение к постыдно-глупым ситуациям.

— Мне стоило догадаться, — проворчала она. — Доброй ночи.

Лилей погас, и я, прикрыв глаза, все же уплыла в сон. Чтобы утром встать совершенно не выспавшейся.

— Так, берем платки, — коротко распорядилась Нольвен. — Нам сегодня в парке прятаться.

А мне вдруг пришло в голову, что можно было бы уйти в скрытый сад. Это было бы ужасно подло и не спортивно, зато...

«Вернись на землю», одернула я сама себя. «И не позорься. Мешать чувства со всем остальным — последнее дело».

Собравшись, я, на всякий случай, убрала платок не в сумку, а в скрытый карман. Заволнованный Лилей уменьшился и, сменив окрас, робко стрекотнул.

— Залезай, — вздохнула я. — Но не высовывайся, ясно? Мы будем отстаивать тебя до конца, но, знаешь, если тебя опознают...

Цветок задрожал и Нольвен, укорив меня взглядом, проворковала:

— То мы снова тебя украдем. Только будем умнее и оставим на твоём месте огромное выжженое пятно. Идем?

— Идем, — кивнула я.

Когда мы вошли в столовую — не опоздав, что, кстати, весьма и весьма примечательно — на нас обернулась добрая четверть студентов. Четверть, потому что младшекурсникам все было ровно, они едва успевали дышать, и на завтраке поглощали снесь не проснувшись. А вот остальные... Эти самые остальные смерили нас с Нольвен жадными взглядами и яростно зашущукались. Так-так, и чего же мы не знаем?

— Они шли за едой, а из-за угла за ними подглядывал коварный подвох, — проворчала Нольвен и взяла поднос, — на что ставишь?

— Я забыла тебе кое-что сказать, — виновато отозвалась я.

Моя лисонька только тяжело вздохнула:

— Ты б что ненужное забыла.

И я тут же поспешила оправдаться:

— Для *этого* подвоха рановато.

— М-м-м, а я-то думала, чего мне этим утром не хватает? — Нольвен сцедила зевок в кулак и фыркнула, — всплеска адреналина. Я так понимаю, здесь ты ни о чем говорить не будешь?

А я, оглядевшись и поняв, что кроме нас у раздачи никого нет, негромко шепнула:

— Как я поняла, Вайрин готовит для нас подарок. Вручение приурочено к первому этапу. Мне тонко намекнули, что стоит выложиться на полную, как будто я и без того не собиралась из юбки выпрыгнуть.

— Из юбки лучше не выпрыгивай, — хихикнула Нольвен, — зрителей много будет, да и капитан не оценит.

Забрав свои подносы, мы устроились за столом и моя лисонька спросила прямо:

— Что это сейчас было? Если б я знала, что нам окажут такое внимание, так приделась бы. Или хоть пару пуговичек на блузке расстегнула. Обидно, столько взглядов и все мимо, все мимо.

— Доброе утро, — мягко улыбнулся Дрегарт, когда я села рядом с ним. Засмотревшись, я едва услышала ответ Волькана:

— Сегодня практика скрыта. Все ждут, как вы опозоритесь. И я.

— Если не боишься, то давай прятаться втроем, — широко улыбнулась Нольвен. — Есть у нас кое-какой опыт...

Парнишка задумчиво посмотрел на нас и, вздохнув, покачал головой:

— Нет, не буду мешать. Я в скрыте отвратителен. И дело не только в магии — как только нужно замереть, не шевелиться, не дышать, я сразу начинаю чесаться, как шелудивый, чихать, теряю равновесие... В общем, лучше без меня.

— В таком случае, лучше с тобой, — тут же возразила я. — Представим, что это не урок, а турнир. Мало ли нам доведется использовать скрыт? Все же не меняется только круг дуэлей, а остальное под большим вопросом. Нас может ждать и полоса препятствий, и лабиринт с головоломками. А может и прятаться придется.

— Мы целители, — вступила Нольвен, — и не владеем вашими способами. Но имеем свои придумки.

— Я могу скрыть всех, — спокойно произнес капитан, — но за практику вы получите крайне отрицательную оценку. И, скорее всего, еще и дисциплинарное взыскание.

— В скрыте и я хорош, — усмехнулся Филиберт и его брат тут же рассмеялся:

— Однажды он так хорошо скрылся, что заявленными средствами профессор его найти не смогла. Но свое «отлично» он не получил, потому что уснул и по сигналу не вышел.

— Заявленными средствами? — нахмурилась Нольвен.

— Сейчас мы, если не говорить о некоторых, — Фил кивнул на Дрегарта, — умеем скрываться от пяти поисковых заклинаний. Сегодня профессор будет использовать все пять и, в конце занятия, шестое, которые мы будем разбирать на других парах. Если вдруг кто-то укроется и от шестого, то получит билет на дополнительные занятия.

— Не то чтобы я считала, что наш скрыт достаточно хорош, — нахмурилась Нольвен, — но можно ли отказаться от этой привилегии?

По глазам Филя было ясно, что таких дураков нет. Но его брат понял к чему ведет лисонька и спокойно сказал:

— Можно попросить об отсрочке, чтобы занятия и тренировки во имя турнира не смешивались.

— От занятий с профессором Эльраваран ни одна из вас не отказалась, — прищурился Филиберт.

— Что странно, — ехидно поддел его Гарт, — девочки ведь целительницы, им бы боевку дополнительно, да практикум по атакующим проклятьям. Чтоб не лечили, а добивали.

Гильдас только фыркнул и не менее ехидно спросил:

— Мы рискнем опоздать или поторопимся? А то некоторые за неспешной беседой забыли поесть.

Вот что за человек? Он ведь по делу высказался, а так прозвучало, что хочется проклятьем засветить!

— У нас еще десять минут, — спокойно произнес Дрегарт.

И мы успели не только доест кашу, но и выпить какао. А после, проверив, на месте ли платки, мы направились к выходу. Впереди профессор Милтрит и практика маскировки. И что-то мне подсказывает, что легко не будет!

В парке было людно. Такое ощущение, что здесь собрались все студенты. Ну кроме младшекурсников, им не до того.

— Это ради нас? — недоверчиво спросила Нольвен.

— Нет, — шепнул Волькан, — это всегда так. Практика у профессора Милтрит всегда весело проходит. Эх.

— Шестой курс строится, — раздался зычный крик нашего профессора. — Строится! Шевелитесь, шевелитесь.

Нас с лисонькой подхватил студенческий поток и мы, подхватив Волькана под обе руки, чудом удержались вместе.

— Итак, — профессор Милтрит в принципе не нуждалась ни в каких усилителях голоса, — у вас будет двадцать минут для того, чтобы замаскироваться. Затем я вас найду. Каждого.

Последнее слово прозвучало с каким-то особенным, предвкушающим оттенком.

— Чтобы получить отлично, вы должны удержать маскировку против всех пяти заклинаний, — четко озвучивала условия профессор, — всё остальное — передача. Я доступно объяснила?

У меня были вопросы касательно некоторой несправедливости выставления оценок, но я предпочла промолчать. Учитывая стиль преподавания в военке, ответом будет что-то вроде: «Потому что в реальной жизни только две оценки. Выжил — отлично, нет — неприемлемо и пересдачи не будет».

— Раз у вас нет вопросов, что меня несказанно радует, то... Время пошло!

К своему стыду, я успела только моргнуть, а по лужайке будто ураган прошелся! Студенты открывали порталы и сигналы куда подальше. Мы же, спокойно пошли в сторону, на узкую тропку, что вела к ровно подстриженным кустам. И по дороге начали обсуждать варианты, нисколько не стесняясь профессора.

— Между прочим, отследить направление портала легче легкого, — философски заметила Нольвен. — Что-то я не заметила, чтобы хоть кто-нибудь маскировал шлейф перемещения.

— Это сложно, — я пожала плечами. — Мера говорила, что ей удалось освоить это хитрое воздействие за пару недель до окончания войны.

— Воздействие не сложное, — негромко сказал Волькан, — там просто нужно силу подавать непривычным способом, минуя концентратор. У меня вопрос — далеко ли мы идем?

А мы как раз вышли на небольшую лужайку, со всех сторон окруженную густым кустарником.

— Не особенно, — улыбнулась Нольвен. — Наш способ скрыться очень простой, и не бойся, мы не будем делать за тебя всю работу, ведь иначе профессор не засчитает. Но! Раз тебе неуютно под маскировкой, нужно найти такое место, из которого ты не сможешь выпасть. Вот, посмотри.

Нольвен кивнула на корягу и я, поняв ее мысль, продолжила за подругу:

— Мы сядем на землю, а спиной обопремся о поваленный ствол. Это будет удобно.

Вытащив платки, мы тут же допросили Волькана на предмет наличия у него столь необходимой вещицы. Почесав кончик носа, парень вытащил из рукава кусок довольно плотной ткани:

— Это защита от реактивов. Все заклятья уже выветрились, но можно наложить новые.

— А зачем ты ее с собой носишь? — не удержалась я.

— Чтобы зачаровать заново, сам я не смогу, но есть человек, который может. Только его поймать сложно, — смутился Волькан и обеспокоенно спросил, — а она подойдет?

— Думаю, подойдет, — сказала я и честно добавила, — но будет ли она потом служить тебе как раньше — не обещаю.

— Не болтаем, — мягко произнесла Нольвен и принялась объяснять парню всю суть маскировки по методу Меровиг Конлет.

— Мы не можем гарантировать, что это сработает против пяти заклятий, — моя лисонька развела руками, — поскольку ни я, ни Мэль не представляем, что это за заклятья. Но...

— Но мы можем и должны попробовать, — хмыкнула я. — Попробовать и узнать, насколько хороша наша маскировка. Может, на выходных нужно потрясти Меру на счет чего-нибудь более действенного.

— Значит, пересдачи вы не боитесь? — с непонятным чувством спросил Волькан.

— Нет, — отозвалась Нольвен, а я дополнила:

— Это всего лишь учеба. Мы можем пытаться снова и снова. Да, у нас будут проблемы, но это не убьет нас.

Волькан хотел что-то ответить, но его перебил громкий голос, разнесшийся над парком:

— Осталось пять минут!

Парень занервничал, но был цепко ухвачен за руку и Нольвен, встряхнув худого парня, внушительно произнесла:

— Спокойно! Все заклятья накладываются за пару минут.

Мы успели и усесться на землю, пихнув парня между собой, и скрыться под зачарованными платками. И первые десять минут все это было тревожно, волнительно и увлекательно. А вот потом... Потом стало скучно. Очень скучно — на поляне ничего не происходило, слышно тоже ничего не было. Рискнуть и заговорить? Но звук этот вариант маскировки не скрывает.

Рядом тихонечко вздохнул Волькан. Я скосила на него взгляд и увидела, что парень нервно растирает колено. Неужели у него ноги затекли? Так быстро?!

«Это нервы», поняла я вдруг. «Для него все слишком серьезно. Он принимает этот урок, как настоящее испытание, из которого он должен

выйти победителем. Но почему? Или он прав, а мы нет? Конечно, в жизни я бы, вероятно, волновалась сильнее. Сейчас меня больше беспокоит то, что мы с Нольвен опозоримся. Турнирщицы, которые даже с программой шестого курса не справляются! Или он из-за того же переживает?».

На краю небольшой лужайки появилась профессор Милтрит. Позади нее шло шестеро студентов, трое из которых выглядели довольными до крайности, они перешучивались и обсуждали то, как отражали заклятья профессора. А трое других были весьма и весьма грустны. И среди этих несчастных была и Вайрин.

«Вероятно, одна тройка это те, кто выдержал пять заклятий и не справился с шестым. А вот вторая группа, это те, кто на пересдачу», подумала я и с трудом сдержала злорадную ухмылку.

Все-таки, у нас очень велик шанс попасть в одну группу с Вайрин.

Профессор Милтрит замерла на мгновение, хищно принялась и широко улыбнулась:

- Так-так-так, Конлет, Лавант и Ривелен. Надеюсь, это будет интересно.

Волькан вздрогнул и я тут же вцепилась в его руку. Подозреваю, что Нольвен со своей стороны сделала то же самое.

Сквозь прозрачную кисею зачарованных платков было довольно любопытно наблюдать за Вайрин и ее подружками. Они принялись рыскать взглядами по поляне, а после, поняв, что кроме коряги тут больше ничего нет, уставились практически на нас. В этот момент, мне пришло в голову, что нам, возможно, стоило бы укрыться *за* корягой. Но мы прячемся, а не готовимся отражать нападение!

Профессор скастовала первое заклятье и я с ужасом увидела, как зарябила укрывавшая нас кисея! Неужели даже одно заклятье не удержит?!

Нет, рябь прошла. Фух. Осталось еще четыре. Вдох-выдох, вдох-выдох, не хватало упасть в обморок от переизбытка чувств.

— Хорошо, — кивнула сама себе профессор, — хорошо. Обратите внимание, господа студенты, что это заклятье можно использовать только в том случае, если вы четко понимаете, где именно находится скрытое пространство. Призрачный глаз — простейший поисковик, но зато берет мало силы. И вот, сейчас я убедилась, где именно находятся мои студенты. Так что, начинается самое интересное.

Взмах ладонью, и я ясно различила прошедшую по поляне волну силы. Но в этот раз наши зачарованные платки никак не среагировали.

Волькан едва слышно вздохнул и я тут же ладонью прикрыла ему рот. И спустя краткое мгновение поверх моей руки улеглась рука Нольвен. Сдержатъ смешок было очень тяжело. Все-таки мысли у нас с лисонькой сходятся.

— Неплохо, — кивнула профессор, — я начинаю понимать, что именно вы используете. Если Ривелен укрыт вами, девочки, то я отпущу свою фантазию на волю. И вы будете *серьезно* поражены.

Третье заклятье мы с Нольвен опознали влет — в прошлом Мера просто обожала его использовать. Иллюзорное воздействие вызывало фальшивый огонь, который трещал и чадил как настоящий. Мы с лисонькой велись на это раз десять, а потом ничего, привыкли. И несколько месяцев подряд пили чай в охваченной пламенем комнате.

Склонившись к уху Волькана, я шепнула:

— Это иллюзия.

— Я знаю, — едва слышно ответил парень.

Мы рискнули заговорить просто потому, что потрескивание иллюзорного огня не позволило бы профессору расслышать наши слова.

— А вы, студентка Вайрин, погорели именно на этом, — задумчиво произнесла профессор. — Увидев пламя, вы вскрикнули, потеряли концентрацию и проявились передо мной во всей красе.

— Но вы же все равно знаете где они, — раздраженно произнесла Вайрин. — Разве нельзя подойти и сдернуть маскировку?

— Моя задача — научить, а не самоутвердиться за счет студентов, — фыркнула профессор.

Два быстрых взмаха руки и профессор хлопает в ладоши:

— Молодцы, молодцы. Мне нравится. Чувствую, что кто-то хочет ко мне на дополнительные занятия.

А я подумала, не стоит ли снять чары? Ох, Хаос, почему мы это не обсудили?

А с другой стороны, лишних знаний и умений не бывает. Это сейчас у нас есть возможность учиться, совершенствоваться и постигать новое. После Академии нас ждет работа и кто знает, что из изученного нам пригодится.

Профессор Милтрит облизнулась и на ее пальцах разгорелся зеленый огонь. Тонкие всполохи магии начали закручиваться в воронку, образуя крохотный смерчик. Во только когда профессор небрежно стряхнула его с руки, этот «крохотный смерчик» увеличился в размерах и за несколько секунд изорвал нашу маскировку.

— Да, не судьба тебе перезачаровать свою тряпку, — глубокомысленно изрекла Нольвен, и медленно поднялась.

— Ага, — согласился Волькан. — Ничего, придумаю что-нибудь.

— Что ж, на дополнительные занятия вам рассчитывать не стоит, — хмыкнула профессор, — но и пересдачи не будет. К следующему занятию подготовите эссе о выбранной вами маскировке.

А я тут же принялась судорожно вспоминать расписание. Потому что никаких теоретических знаний в моей голове не было. И что я напишу в эссе?!

— Получившие отлично могут пойти по своим делам или вместе со мной, — профессор усмехнулась, — это дополнительный стимул для студентов. Хочешь чуть больше свободного времени? Учись на отлично.

Мы с лисонькой переглянулись и в унисон произнесла:

— Спасибо, профессор, мы пойдем в библиотеку.

— Я тоже, — кивнул Волькан. — В библиотеку.

Попрощавшись с профессором, мы шустро направились к центральному зданию военки.

— Она с самого начала знала, кто из нас где, — проворчала Нольвен. — Чувствую какую-то недо-радость. Вот вроде мы молодцы, не опозорились. А все равно...

— Она профессор, — вздохнул Волькан. — Лучшая из лучших в своей области.

— А мы мало того, что студенты шестикурсники, так еще и не боевые маги, — кивнула я. — Но да, есть какое-то неудовлетворение от всего этого. И что самое главное, на следующей практике нам наш способ уже не поможет.

— А разве нам не на занятии расскажут о том, как противостоять ему? — оторопела Нольвен.

И Волькан удрученно покачал головой:

— Нет, нас научат его использовать, покажут сильные и слабые стороны. А мы должны будем придумать свой способ

противодействия. И вот когда наш способ не сработает, перед пересдачей мы получим вариант противодействия от профессора.

— Это довольно жесткий способ, — оценила я.

— Профессор Эльраваран поит студентов ядами, — напомнил мне Волькан.

— Это другое, — запротестовала я. — Это совершенно другое.

— Разве? — хитро улыбнулся парень. — Это просто ближе вам. Ближе, проще и понятней. А так разницы нет.

В библиотеке мы надолго не задержались — взяли, наконец-то, все журналы с упоминанием всех турниров — и разошлись по комнатам. До следующего занятия целый час, успеем почитать. И с Лилеем пообщаться, пока он вновь не устроил нам танец оскорбленного цветка.

Поднявшись на свой этаж, мы с лисонькой с искренним недоумением уставились на нескольких девчонок, поджидавших нас у комнаты. Они не выглядели как колдуньи, которые собираются кого-то убивать, нет.

— Квэнти? — с непередаваемой интонацией обратилась к ним Нольвен. — Чем мы можем быть полезны?

А я подумала о том, что нас, возможно, попросят переехать. Ну, вряд ли они знают, что ректор теперь знает про «тропу любви».

Студентки тем временем вытолкнули вперед самую смелую (или самую неудачливую) и она, метнув на подружек сердитый взгляд, выпалила:

— Прекратите заглядывать в наши окна!

Секундная тишина и наше с Нольвен хоровое:

— Что делать?!

— Заглядывать, — упрямо насупилась девчонка. — Вы нас пугаете.

— Это вы нас пугаете, — возмутилась я. — Зачем нам к вам заглядывать?! Что у вас есть такого, чего нет у нас?!

— Тем не менее, — мотнула головой девчонка, — каждую ночь мы видим тень, спускающуюся от вашего балкона на наш. Мы уже переодеваться ходим в ванную, потому что... Ну потому что это невозможно же!

Думаю, что у нас с Нольвен в этот момент в голове промелькнула одна и та же мысль: «Лилей!». И еще с десятков нецензурных эпитетов,

описывающих всю глубину морального падения нашего развратного растения.

— Девочки, это не мы, — вкрадчиво произнесла я. — Но мы узнаем кто и разберемся.

— У нас очень плотные шторы, — покивала Нольвен, — поэтому, если незваные гости приходят с балкона повыше, то мы бы не заметили. Но теперь мы обязательно найдем виновника этой... Этой нелिцеприятной и смущающей ситуации.

Студентки не выглядели довольными, но все же ушли. А Нольвен, хищно оскалившись, одним толчком открыла дверь и громко произнесла:

— А я читала, что некоторые растения необычайно вкусны в кляре!

Я же немного забуксовала, потому что... Потому что! Одним жестом я склеила подруге губы до того, как она успеет до глубины души обидеть наше трепетное растение. Кстати, где, интересно, у растений глубина души? У человека, наверное, где-то в районе желудка, а у цветка... У корней?

Сердитое сопение напомнило мне, что сейчас не лучший момент для раздумий и я, ласково улыбнувшись насторожившемуся Лилею, напомнила Нольвен:

— Женский *этаж*. У Академии нет общежития, но есть женский этаж. Все девушки на одном этаже.

Сразу после этого я сняла свое заклятье и Нольвен, задумчиво потерев губы, недоуменно спросила:

— И что это все значит? Лилей, скажи-ка, ты ночью спишь или...

Растение стало красным. Полностью.

— Ла-адно, — протянула я, видя, что подруга никак не может найти приемлемых для своего проклятья слов. — А что тебя там привлекает?

Соцветия Лилея тут же стали нежно-голубого оттенка и даже попытались принять другую форму, но полностью измениться не вышло.

— Хорошо, хорошо, — я потерла переносицу. — То есть, люди тебя не интересуют?

Лилей спланировал с подоконника и взобрался ко мне на руки. Узкие зеленые листочки коснулись моих висков и я увидела

невероятно красивый цветок в желтом горшке. Шапка мелких голубых цветочков, в которых запутался лунный свет и...

И очень, очень непристойные действия на заднем плане. В мировосприятии Лилея все это было размыто, поскольку он интересовался именно растением, но я, как целитель, вполне могла определить, что именно там происходит.

— Почему он со мной так не общается? — обиделась Нольвен.

И я, прислушавшись к ответу цветка, успокоила подругу:

— Он просто еще молод и не полон сил. У меня две новости, во-первых, наш малыш влюбился в растение этажом ниже. А во-вторых, там теперь новая комната, кхм, любви.

— И нас заподозрили в подглядывании за...

Нольвен крутанула рукой в воздухе и медленно, со свистом выдохнула:

— За актом, выражающим плотскую любовь.

— Именно, — кивнула я. — И если мы хотим, чтобы нас в этом больше не обвиняли, мы должны выкрасть цветок. Хаос, кажется, это войдет у нас в привычку.

— А узнать сорт и купить такой же? — с тоской спросила моя лисонька. — Просто, если нас поймают у окна... Мы в жизни не отмоемся.

Лилей, услышав про «купить» выпустил шипы и оскорбленно застрекотал. Кажется, он влюбился не во внешность. Эх, все могло бы быть так просто.

— Ты хоть кого-нибудь в лицо запомнила? — мрачно спросила Нольвен, тоже понявшая, что наш цветок полюбил душу, а не внешность.

— Д-да, — неуверенно ответила я. — А что?

— Попробуем выкупить горшок.

— Одна проблема, — вздохнула я. — Если мы не подглядывали, то откуда знаем про цветок?

Нольвен начала задыхаться, она явно пыталась выразить всю гамму своих чувств, но мамино проклятье ей этого не давало. Однако моя подруга не зря носит свою фамилию — прежде чем я успела приступить к реанимационным действиям, она взломала мамино проклятье и четко, громко, с анатомическими подробностями высказала все свои мысли по данному вопросу.

— Вот, — подытожила она и хрипло рассмеялась, — оказывается, чтобы сломать мамину печать надо было просто как следует взбеситься. Что делать будем?

— Может, с Дрегартом посоветуемся? — я пожала плечами. — Просто, может он выкупит этот цветок? Воровать и правда не хочется.

— Лилей, — Нольвен строго указала на него пальцем, — никаких ночных свиданий. Хотя бы пару дней!

— Кстати, странно, что парни с боевого факультета не раздернули шторы, — нахмурилась я.

— Ничего не странно, раздернешь шторы, а там староста. Или, — тут Нольвен скривилась, — мы. А так, через ткань, ни лиц, ни, кхм, анатомии толком не рассмотреть.

— Почему в этой академии мы влипаем именно в такие истории? — мрачно спросила я и, пересадив Лилея, плюхнулась на постель. — Что с этой комнатой, что с этими подглядками.

— Ну, знаешь, могло быть хуже. Его могли поймать.

Лилей тут же горделиво приосанился и показал шипы. Которые серьезно выросли за последние дни.

— Он мог начать защищаться, — продолжила я свою мысль.

— И градус веселья начал бы расти в алхимической прогрессии. В конце нас бы ждал большой «Бум!», — покивала Нольвен и, тоже сев на постель, без интереса взяла журнал. — У нас двадцать минут, давай попробуем провести их с толком.

— Попробуем, — кивнула я.

Но, признаюсь честно, прочитанное как-то не очень укладывалось в моей голове. Потому что... Хаос, мне было ужасно стыдно. И Лилей горестно поник — он чувствовал, что подставил нас, хоть и не понял чем. Главное, чтобы ему не пришло в голову как-то исправить эту ситуацию. Может, стоит сказать ему, что мы его любим и не очень сильно сердимся?

— Ты не читаешь, — констатировала Нольвен.

— Думаю.

— Главное, предупреди, когда действовать решишь, — хмыкнула подруга, — а то я тут кое-что интересное нашла. Надо дочитать и после обсудить. Это может нам помочь.

— О, жду с нетерпением.

Нольвен, как и я, не терпела когда кто-то над ней нависает и читает из-за плеча. При этом, во время подготовки к экзаменам и повторения пройденного мы могли спокойно заниматься по одному конспекту. Но если дело касалось какого-нибудь романа или газеты... Слышать над ухом чужое заинтересованное дыхание не было никаких сил! Прямо какая-то животная ярость пробуждалась. Так что я, отложив свой неинтересный выпуск, принялась покорно ждать. И следить за временем, потому что опаздывать нехорошо и весьма чревато.

В итоге, подругу от журнала пришлось отдирать с применением силы, шантажа и прямых недвусмысленных угроз. Потому что, как мне кажется, если мы опоздаем на первое же занятие с профессором Бальвине... В общем, вряд ли мы попадем к ней на факультатив.

— Интересно, как это будет? — Нольвен потирала руки. — Я слышала, что у военки на балансе числятся уникальные имитаторы! Манекены, выполненные с завораживающей точностью, которые истекают кровью, как настоящие.

Выйдя на улицу, мы чуть поежились от неприятного ветра и набросили капюшоны. Ух, на следующих выходных надо запастись теплыми шарфами.

— Вряд ли нам, пока мы числимся на боевом факультете, позволят работать с ними, — вздохнула я.

— Это да, — эхом откликнулась Нольвен. — Вероятнее всего, нам даже дышать в их сторону не дадут.

— Ничего, нам подсказали, как себя вести, — утешила я ее.

На что моя лисонька наморщила нос:

— Можно подумать, будто мы такие чванливые курицы, что начали бы всем в лицо тыкать своим мнимым превосходством.

— А если бы мы вновь оказались во власти страшно заразной болезни: «А давай сделаем как лучше»? — хмыкнула я. — Вспомни, сколько раз нам влетало от Меры, когда мы, исключительно из желания сделать как лучше, что-то портили? Вот, например, если бы ты увидела, что кто-то неправильно пальпирует живот пациента? То есть, имитатора?

— Ты имеешь ввиду не неправильно, а по старому, без подключения тока силы? — Нольвен прикусила губу, — да, я бы исправила. И скорее всего, начала бы со слов...

— А нас не так учили, — это мы произнесли хором.

У самого здания учебно-административного центра, Нольвен резко остановилась:

— Но неужели мы должны будем промолчать? Это ведь тоже нехорошо, скрывать знания о том, как можно сделать работу проще и быстрее.

Я только руками развела. Лисонька была права, но... Но нас предупредили, чего не стоит делать.

— Наверное, — я прикусила губу, — надо начать, а там видно будет.

В этот раз ни с кем из парней мы не встретились и аудиторию пришлось искать самостоятельно. Нольвен не растерялась и спокойно тормознула какую-то девчонку, курса с третьего, не старше. Та, окинув нас мутным, диким взглядом, махнула рукой в сторону и буркнула:

— Два раза налево, один направо. Не за что. О Хаос, мне нужно в библиотеку!

— И мы такими же были, — с ностальгией произнесла Нольвен.

— Причем буквально пару месяцев назад, — кивнула я.

Аудиторию мы нашли успешно и, найдя себе место поближе к кафедре, уселись, чинно сложив руки на коленях. Судя по нервозности наших однокурсников, этот предмет для них нов.

— Или они знают чего ждать и заранее боятся, — шепнула Нольвен, угадав ход моих мыслей.

Прозвучал сигнал к началу урока и, одновременно с ним, в аудиторию шагнула профессор. Невысокая и круглолицая, она была гордой обладательницей каштановой косы, толщиной в руку. На левом виске я заметила грубый шрам. Такие остаются от зачарованного оружия или если его нанесло существо с изнанки нашего мира.

Чуть замедлившись, профессор махнула рукой и двери на мгновение полыхнули синим светом.

— И снова здравствуйте, — скороговоркой произнесла она. — Меня, как вы помните, зовет профессор Бальвине, я буду читать краткий курс дисциплины под названием «Исцеление ран, нанесенных колдовскими зверьми». Для тех, кто меня не знает и для тех у кого плохая память — на мои занятия нельзя опаздывать. Я не буду прерывать занятия из-за тех студентов, кто не способен правильно рассчитать свое время. Единственное оправдание — записка от

другого профессора о том, что вы задержались по важной причине. Приступим.

И мы приступили. Что самое интересное, мы уже изучали этот курс, но это не дало нам почти никакого преимущества. Хотя нашлось несколько моментов, которые я могла бы дополнить. Или ответить на вопрос, заданный аудитории. Но я не решилась. Задавая сложный вопрос, на который изначально ответ мог найтись только у нас, профессор демонстративно не смотрела в нашу сторону. Потому я пихнула Нольвен в бок и она, как и я, опустила глаза вниз. Как будто мы ищем истину в уже написанном конспекте.

— На следующем занятии вы будете наблюдать за практикой наших целителей. Затем разобьетесь на пары боевик-целитель и отработаете заклятье стазиса на имитаторах.

По аудитории разнесся дружный стон. Кажется, наши однокурсники не очень любят практику. Ну, я если честно тоже плохо себе это представляю.

— Сегодня? — шепотом спросила Нольвен.

— Сегодня, — нервно выдохнула я и перехватила профессора до того, как она покинет аудиторию.

Из-за этого пришлось оставить конспект и артефактное перо на столе, но лисонька, махнув рукой, принялась собирать мою сумку, так что я была спокойна.

— Профессор, вы найдете для нас несколько минут? — сдержанно спросила я.

— Факультативы, — усмехнулась Бальвине. — А если я скажу, что мест нет?

— Если мест нет, — я развела руками, — то их нет. Но если у вас есть резервный список на следующее полугодие, то мы будем благодарны, если вы нас туда внесете.

Подошедшая к нам Нольвен согласно кивнула, передала мне сумку и с надеждой посмотрела на профессора.

— Ну-ну, — хмыкнула Бальвине. — Посмотрим-посмотрим.

Она щелкнула пальцами и к ней подлетела кипа листков, которая тут же разделилась на две стопки.

— Перерыв между занятиями пятнадцать минут, — профессор левитировала бумаги на две передние парты. — Удивите меня.

Мы с лисонькой переглянулись и тут же принялись рыться в сумках, в поисках писчих принадлежностей.

— Десять минут на вопросы, пять на путь до аудитории, — четко сказала я, обращаясь к Нольвен и мы погрузились в мир внезапного теста.

И именно этот опросник показал, насколько же у нас разная программа. Военных лекарей действительно натаскивают на стабилизацию, а не на полноценное лечение. Как... Как же там было в статье про платы? *Конвейер*. Все подготовлено к тому, что через руки одного целителя пройдет огромный поток раненых, которых он подготовит к транспортировке и дальнейшему лечению. И мы с Нольвен были практически бесполезны. Мы те, кто должен принять этот поток, разделить его между собой и вылечить.

«Нужны ли нам факультативы с таким направлением?» промелькнула в голове дурная мысль, но я отбросила предательницу в сторону и продолжила отмечать правильные ответы. Ну, не то чтобы я была уверена, что это правильные ответы. Мне так казалось.

— Я изучу это, — когда у нас сработал будильник, профессор тут же собрала листы, — но не скоро. Сейчас у меня мало времени. Вы получите ответ после первой части турнира. Вам в любом случае пока не до факультативов.

— Спасибо, — я склонила голову.

— Бегите, профессор Лефлет, как и я, блокирует двери для опоздавших. А записку я вам не дам, — тут Бальвине усмехнулась, — ведь вы по своему желанию задержались в моей аудитории.

— Да, профессор.

— Выйдете из аудитории и сразу направо, третья дверь, — добавила Бальвине.

И мы, подхватив сумки, выбежали из аудитории.

Нольвен бежала как-то неуверенно, как будто что-то напрочь заполонило ее мысли. И, в итоге, остановившись у необходимой двери, она настороженно произнесла:

— А не это ли имя упоминала Мера, когда мы пришли к ректору и увидели подпалину на двери? Что-то там про урезанный бюджет?

Ох.

— Да, — я облизнула пересохшие губы, — именно это имя.

— Не стоим, проходим, — раздалось за нашими спинами и нас будто вихрем внесло в аудиторию.

«Нет, не в аудиторию», подумала я, оказавшись в затемненном прохладном помещении. «Лаборатория!».

Профессор Лефлет выглядела очень строго — стянутые в пучок волосы, ни грамма косметики, ни единого украшения. Простая темная одежда и удобная обувь. И цепкий, умный взгляд.

«Как военке удалось собрать у себя настолько выдающихся профессоров? Я никого не могу назвать посредственностью», поразила я.

Нет, в Целительской академии тоже есть свои «колдовские звери». Но большая часть преподавательского состава это обычные маги и колдуньи, выпускники прошлых лет. Истинные мастера ведут редкие интересные курсы, а простую теоретическую часть дают их ассистенты.

«И при таких профессорах военка стабильно третья. Неужели политика?»

Но эту глупую мысль я сразу же отбросила в сторону. Мы не Империя, у нас всей политики это свары между тремя Хранителями. А учитывая, что из трех Королей Севера мы сейчас имеем только полтора... Ни о какой политике и речи быть не может.

Делить Академиям тоже нечего — их финансируют все те же Короли Севера. И чтобы никто не оставался без денег, если с Хранителем что-то произойдет, ежегодное перечисление денег полностью автономно и не зависит ни от кого. За Целителей платит Хранитель Закона, за военку Хранитель Теней, а за стихийников Хранитель Мудрости.

«Хотя, до Битвы у Серых Скал у Хранителя Теней была не самая лучшая репутация. Из-за нечистоплотности Хранителя Закона — и как умудрился поперек всех колдовских клятв — про Теней писали отвратительные статьи в газетах, ну а люди радостно верили. У нас вообще, что ни напиши — всему поверят».

Так что, кто его знает, может прошлые турнирные команды просто не рисковали выигрывать?

Сигнал к началу занятия заставил меня вздрогнуть и отбросить лишние мысли в сторону.

— Сейчас вы прослушаете теоретическую часть, — сухо произнесла профессор и ловко прокляла входную дверь. — Затем у вас обед, затем практическая работа. На вашем курсе двое новеньких. Выйдите и представьтесь.

— Маэлин Конлет, — я вскочила из-за стола.

— Нольвен Лавант, — следом за мной отрапортовала подруга.

— Каков был ваш алхимический индекс?

— Семьдесят три, — коротко сказала я.

— Семьдесят четыре, — эхом откликнулась Нольвен.

— При том, что сотню профессор Тайлир выставляет только себе, — покивала Лефлет. — Теория и практика паровой возгонки из растений вам известна?

— Да, профессор, — это мы произнесли хором.

И я, если честно, упала духом. Ну не знаю я более тоскливого и скучного занятия! И при этом отвлечься нельзя — секундная потеря контроля и все насмарку.

— Целительскому крылу нужны масла, — профессор коротко усмехнулась, — и все, что получится после сегодняшних занятий пойдет именно туда. Раз вам не нужна теория, вы приступите сразу к практике.

— Да, профессор, — мы с лисонькой постарались добавить в голос энтузиазм.

Ну его, если эта алхимичка подпалила ректорскую дверь, то что она может сделать с недостаточно почтительными студентами? Проверять не хочется.

— Отлично, — профессор проводила нас к массивному столу со всеми необходимыми механизмами. — Работайте. Обед я прикажу доставить сюда.

И мы работали. Это было нудно, скучно и на какое-то мгновение мне показалось, что ничего не изменилось — мы по-прежнему в целительской академии, пашем как лошади на благо профессора Тайлир. Почему на благо профессора? Потому что масла целительская академия производит в таких количествах, что хватило бы раздать по набору каждому жителю Кальстора. А значит, точка сбыта у профессора где-то в Империи.

После всех занятий, после ужина, мы пришли в свою комнату и с ужасом и отвращением поняли, что сегодня еще и тренировка. Хаос, за

что?

Но чудо-зелья, сваренные на выходных, сделали из нас весьма и весьма активных колдуний, так что мы смогли достойно показать себя и этим вечером, и двумя последующими. А вот на похищение неведомого цветочка у нас сил уже не хватало. Лилей погрузился и зачихал, а я, мучаясь от болей в мышцах, гладила его лепесточкам и просила дать нам еще немного времени. Он явно понимал меня, но... Любовное томление у всех тяжело проходит, вот и мучился наш друг. И мы мучились — от перенапряжения и от кусачей совести. В итоге в пятницу, после ужина, Нольвен хлопнула ладонью по столу, подсыпала Лилею лишнюю горсть сахара и коротко произнесла:

— Надо что-то делать. Он уже листья теряет!

— Надо, — согласилась я. — Мы будем разрабатывать план или понадеемся на импровизацию?

— Импровизация, — уверенно произнесла Нольвен. — И мелкое планирование. Сейчас мы идем в парк и по дороге надеемся встретить тех девиц. Скажем им, что, м-м-м, прошлым вечером видели неясную тень, которая спустилась мимо нашего балкона вниз и спросим, не подглядывал ли за ними кто-нибудь.

— А если не подглядывал? — нахмурилась я.

— Воображение творит чудеса, — отмахнулась Нольвен. — Что-то они вспомнят, что-то додумают и будут свято уверены, что шпион таки был.

— А дальше что? — у меня пазл никак не складывался, и я с надеждой посмотрела на подругу. Но, увы, лисонька тоже дальше не придумала:

— А там видно будет.

— Нет, — я покачала головой, — нет. Настолько сильная надежда на импровизацию приведет нас к краху. О! Лилей!

Цветок встрепенулся и на пол спланировал еще один пожухший листик. Таких опадшей мы утром насобирали около десятка, что, конечно, не могло нас не напугать.

— А ты сможешь сдернуть своего... Свою, — я так и не поняла, как обозвать то растение, и решила опустить этот момент, — в общем, ты сможешь его утащить? Поднять и унести?

Наш друг неопределенно пошевелил листиками и, прямо на наших глазах, лишился еще одного. Кажется, он ничего не сможет.

«Нет, ну у ложного лилейника срок жизни почти как у мага, даже чуть больше», утешила я себя. А после покосилась на пакет с пакетами из-под сахара. Может, это наша вина? Может, люди от сладкого толстеют, а растения вянут?

— А если мы нальем тебе чистый спирт? — прищурилась Нольвен, разгадав мой замысел. — И будем страховать на балконе. Например, ты спустишься сам, а для цветка мы соорудим сумку.

«И, выяснив стоимость растения, подсунем под дверь деньги», мрачно подумала я и, махнув рукой на лисоньку, сказала:

— Этот план оставим на крайний случай. Это, все же, кража со взломом.

— И фейерверком, — кивнула чуть одумавшаяся Нольвен. — А фейерверк укажет на нас. Но, с другой стороны, мы же не наживаемся на этом, верно? Мы просто способствуем воцарению любви?

— Просто представь, как мы будем все это объяснять ректору, — вздохнула я и прикрыла глаза.

На воображение я никогда не жаловалась, а потому картина перед моим внутренним взором развернулась престранная. Я даже ощутила фантомный табачный запах. Передернувшись, я хлопнула в ладоши:

— Нет уж, прямое похищение неизвестного нам красавчика мы оставим на самый крайний случай.

— Согласна, — кивнула Нольвен. — На рассвете откажемся от принципов ради друга, ну а пока попробуем выкрутиться.

— Почему на рассвете? — оторопела я.

Моя лисонька удивленно на меня посмотрела и, выразительно указав глазами вниз, страшным шепотом просвистела:

— Ну когда-то же они должны спать!

— Логично, — признала я. — Ни один организм не рассчитан на функционирование без сна и отдыха. Вот только... Что если они, ну, меняются? То есть, освобождают друг друга...

Под скептическим взглядом подруги я стушевалась и замолчала, а она, укоризненно вздохнув, проговорила:

— Давай верить, что *там* все же студенты, а не... не клиенты специфического заведения.

— Тогда я все же попробую поговорить с Дрегартом, — решительно произнесла я.

— Не боишься за его психику? — фыркнула Нольвен.

Я только вздохнула и, встав с постели, на которой валялась, оправила одежду. Моя ехидная подруга тут же уверила, что я прекрасно выгляжу, но было бы неплохо расстегнуть пару пуговиц на платье.

— Чтобы компенсировать парню психологическую травму, — хихикнула вредина.

Бросив в подругу подушку, я выскользнула из комнаты, краем глаза заметив, что Нольвен посадила Лилея на колени и принялась наглаживать кончиками пальцев его еще зеленые листочки. Из-за закрывающейся двери было слышно, как она рассказывает ему, какой он славный, красивый и как мы его любим-любим. И его друга-подругу тоже полюбим, даже если он будет обычным горшковым растением.

Дверь окончательно закрылась, отрезав меня от воркующей подруги и я, тяжело вздохнув, направилась к лестнице. Старшие курсы живут на верхнем этаже, значит, чтобы найти Дрегарта, мне нужно подняться наверх и... Пойти по всем комнатам? Как-то не очень разумно.

— Гулять по вечерам без охраны не самое разумное, что ты можешь сделать.

Лениво скосив взгляд, я увидела сидящую на подоконнике Вайрин.

— Тебе не надоело? — без интереса спросила я. — Одни слова, и ни единого действия.

— Если бы не Катуаллон с Гильдасами, — с искренней ненавистью выдохнула девица, — ты бы уже рыдала и собирала вещички.

— Я никогда и ни за что не поверю, что Гарт или Фраган будут связываться с девчонками, — фыркнула я. — То, что они посоветовали другим парням не доставать нас с Нольвен — да, верю. И благодарна, очень благодарна. Но что ребята лаялись с девичьей частью академии... Не смеди.

Ильяна криво усмехнулась:

— Полагаешь, у них нет рычагов воздействия на студентов?

Я только плечами пожала:

— Полагаю, что мне это не интересно. И полагаю, что сама по себе ты ни на что не способна. А еще я думаю, что раньше ты сводила

счета с обидчицами при чьей-то активной помощи. Быть может, кто-то из парней соглашался поучаствовать в твоих развлечениях. Ведь так легко напугать какую-нибудь девчонку в темном парке. Ему смешно, ей страшно, тебе приятно. Так?

Не только Нольвен, но и я могу держать ушки на макушке. И, стоя с подносом у раздаточной, я слышала короткий разговор. Две младшекурсницы обсуждали, что их подругу напугали в парке. Охранные чары не сработали и теперь та верит, что ее исключили из списка защищаемых. Сразу после этого подслушанного разговора я зависла в библиотеке часа на три, даже пропустила тренировку. Но зато досконально изучила вопрос.

— Ты слишком много говоришь, — оскалилась Ильяна. — Но ты права. И ты даже не догадываешься, кто готов ради меня на все.

— Ради тебя? Или из-за тебя? Это две разные мотивации. Кто-то дорожит тобой настолько, что сует голову в петлю или ты кого-то чем-то шантажируешь и он вынужден выполнять твои приказы?

На скулах Вайрин выступили красные пятна:

— Скоро ты за все расплатишься. Когда ты сольешь первый этап, а ты его сольешь, никто не заступится. Никто. И вот тогда наступит мое время. А пока ходи, радуйся. Лови момент, Конлет, пока у тебя еще есть поводы для радости.

Вайрин соскочила с подоконника, оправила подол синего форменного платья и, проходя мимо меня, шепнула:

— Когда ты будешь лежать в целительском крыле, я принесу тебе фрукты.

— Ловлю на слове, — усмехнулась я. — Но хаосом прошу, только не яблоки. Они у меня уже поперек горла.

Не дожидаясь ответа, я направилась к лестнице. Слова Вайрин не напугали меня. Во-первых, о планах Ильяны мне было известно, спасибо той девчонке. А во-вторых... То время, что я провела в стенах библиотеки, изучая правила и законы, действующие на территории военки, не прошло даром. Мне точно известны границы, которые не сможет преступить ни один студент. Не потому, что здесь бдят талантливые профессора, хотя и это тоже имеет место быть. Нет, все благодаря сети заклинаний и чар, которые отслеживают каждого студента. И если в одной и той же точке одновременно вспыхнет чье-то возбуждение и чей-то страх, то туда в течение десяти секунд будут

телепортированы все старосты, ректор и дежурный стражник Кальстора.

Но у этого есть и иная сторона — если парень, зажавший в кустах девчонку не возбужден и не преследует преступной цели, то охранная сеть не сработает. Вот о чем говорили те студентки, чей разговор и толкнул меня на библиотечные изыскания.

Так что все, что может Вайрин, это подстроить мне какую-нибудь феерическую гадость. Или вызвать на дуэль, но в этом я сомневаюсь. Если бы она могла, то давно бы уже раскатала меня по площадке. Такой вариант пугает, но не слишком — алвориг Лавант вбил в нас с Нольвен одну простую мысль: «Проигрывать не позорно, главное достойно поучаствовать». Вот и получается, что мне стоит ждать лишь проявлений обычной человеческой подлости — зелья в еде и питье, телепортированное вникуда платье и мелкие проклятья. Все это в совокупности может сделать жизнь невыносимой, вот только...

Вот только по неизвестной мне причине, все это *поощрялось* в целительской академии. Если студенты использовали исключительно медицинские заклятья, зелья и иже с ними, то профессора и их ассистенты закрывали на «шалости» глаза. Вот за боевую магию можно было крупно влететь, да. Вот и вышло, что мы с Нольвен очень и очень опытные в этом плане. Хоть и не хочется повторения первых трех наших курсов.

«Зато, если бы не все эти милые особенности целительской академии, наша дружба могла бы быть совсем другой. Более поверхностной», подумала я и начала вприпрыжку подниматься по лестнице.

Излишняя торопливость сыграла со мной дурную шутку — оступившись, я едва не рухнула. Расшибиться о мрамор мне помешала чья-то сильная рука. Подняв взгляд на своего спасителя, я расплылась в счастливой улыбке:

— Гарт, а я тебя искать иду.

— А я тебя, — он тоже улыбнулся и, отпустив мою руку, спросил, — что-то случилось? Ты пропустила тренировку вчера. Так что, я шел на твои поиски и гадал, каким образом буду выманывать тебя с женского этажа.

— Ты не можешь... Ага, понятно.

Я вспомнила, какая особенность помогала Волькану почти свободно ходить по женскому этажу и смутилась. Дрегарт кажется, тоже ощутил себя весьма неловко:

— Я, кхм, да. Не могу. Так... Что ты хотела?

— А где нас не подслушают? — я осмотрелась по сторонам и ничуть не удивилась, когда капитан кивнул на лестницу и предложил спуститься:

— Безопаснее всего будет поговорить в парке. Я поставлю полог, чтобы нас не подслушали, но при этом мы будем на виду и твоя репутация не пострадает.

— Репутация? — переспросила я.

Дрегарт кивнул и спокойно сказал:

— Ты не та, кого я готов оскорбить приглашением в свою комнату. Что бы мы ни делали там — говорили, читали конспекты или еще что-то столь же невинное — люди подумают о другом.

Его слова согрели меня. Все же мы не поговорили ни о нашем поцелуе, ни о том, значит ли он хоть что-нибудь. Но вместе с тем, на тренировках я теперь занималась только с ним. Гарт не подпускал ко мне ни Фрагана, ни Филиберта.

— Сюда, — мягко сказал он, когда мы вышли в парк.

Не углубляясь, мы подошли к ближайшему свободному пяточку и капитан скинул с плеч форменную куртку. Бросив ее на траву, он усадил меня и создал несколько шариков света. А после раскинул вокруг нас великолепнейший полог тишины! Прозрачный настолько, что его мерцание было еле уловимо. Это высший класс.

Сев рядом, он убрал с моего лица локон и позвал:

— Мэль? Почему ты пропустила тренировку?

— Была в библиотеке, — тихо сказала я.

— Я подумал, что, — он криво улыбнулся, — что стал слишком навязчив и это твой способ намекнуть мне об этом.

Вспыхнув, я покачала головой:

— Ты не навязчив.

Подавшись вперед, он коснулся моих губ своими и, чуть отстранившись, шепнул:

— И что же интересного ты нашла в библиотеке?

— Изучила охранную систему, — легко ответила я, а вот Дрегарт, нахмурившись, процедил:

— Кто-то посмел тебя обидеть?

— Нет...

— Нольвен?

— Да нет же, — досадливо поморщилась я и тут же улыбнулась, — прости. Я случайно подслушала разговор двух девушек и испугалась.

И я подробно пересказала все, что услышала. Дрегатт сердито цокнул и мрачно произнес:

— Разберусь. Ты и Нольвен под защитой нашей команды и если кто-то посмеет...

Я потянулась к нему и вернула целомудренный поцелуй. Поцелуй-касание, поцелуй-дуновение. Едва-едва скользнула губами по его коже и тут же отстранилась.

— Я хотела попросить твоей помощи, — смущенно произнесла я. — Но не знаю...

— Говори, — серьезно произнес Дрегатт. — Я сделаю.

— Не обещай заранее, — проворчала я. — Меровиг Конлет не одобряет.

— Так я ведь не абы кому, — усмехнулся он и коснулся моей щеки. — Говори, Мэль.

Вздохнув, я чуть поерзала, и честно сказала:

— Тебе может не понравиться, да и начать придется издалека. Помнишь нашу первую встречу? В парке?

— Я был неучтив, — Дрегатт хитро улыбнулся, — но помню.

— Зато ты произвел впечатление, правда, больше на Нольвен, — хмыкнула я. — В тот день мы с ней забрали из парка своего друга. Это был ложный лилейник, уже обретший сознание. Это он оплел мою ногу и никак не отпускал — хотел, чтобы его забрали домой. Мы подружились, это он, кстати, помог целителям сжечь тот кабак, но это секрет. Нашего друга зовут Лилей, и он сейчас здесь. Пару недель назад он влюбился в цветок, который растет на подоконнике наших соседей снизу. И я бы хотела узнать, мог бы ты его выкупить? Деньги есть, просто я не знаю этих людей и... Дрегатт, с тобой все хорошо?

А он хохотал. Я бы даже сказала, что он ржал как конь.

— Прости, — выдохнул Дрегатт. — Будет у тебя, то есть, у твоего друга, цветок. И денег не надо.

— Ты знаешь, кто живет там? — с надеждой спросила я.

— Я знаю, что все комнатные цветы это собственность академии, — поправил меня Гарт. — Ну какой боевой маг будет украшать свою комнату растениями? Я еще не ушел из военки, когда пришел приказ от совета Кальстора — прививать детям правильные ценности. Какие именно никто не написал, но среди кучи бессмысленных пунктов было два, которые серьезно изменили наш уклад. Во-первых, все боевые маги с первого по третий курс каждую пятницу занимаются хоровым пением, а во-вторых, в каждую комнату было поставлено по горшку с цветущим растением. Правда, сейчас этих растений выжило совсем немного. В лучшем случае их забывали поливать, в худшем... На нашем этаже есть герань, которую поливают вином и только вином, от всего остального она чахнет.

Зафыркав, я прижалась к Дрегарту и прошептала:

— Спасибо.

— Я принесу тебе горшок утром, до твоего отъезда.

— А ты остаешься?

— Мне некого навещать, — тихо напомнил Дрегарт.

— Я бы хотела познакомить тебя с бабушкой, — еще тише произнесла я.

— Я был бы рад, — серьезно сказал он. — Я был бы рад.

Прикусив губу, я отстранилась и, заглянув ему в глаза, предложила:

— Тогда, может быть, завтра?

— С радостью, — Дрегарт сжал меня в объятиях. — Что возьмем с собой? Негоже приходиться с пустыми руками.

— Вишневое вино, вишневый табак, пирожки с вишней, вишня с вишней, — хихикнула я. — Мера любит вишню.

В парке мы просидели до тех пор, пока холод не погнал нас обратно в общежитие. И только закрыв за собой дверь комнаты я поняла, что куртка Дрегарта так и осталась у меня на плечах. Он набросил ее на меня, когда мы встали. Согрел ярким пламенем и укутал меня так, что наружу только кончик носа и макушка торчали.

— Ну что, — сонная Нольвен посмотрела на меня, — заводим будильник на пораньше?

Лилей с надеждой встрепенулся, но я, аккуратно сложив куртку Гарта, покачала головой:

— Наш капитан все решит. А теперь — спать.

— А подробности? — опешила моя лисонька.

И я, переодеваясь, быстренько рассказала о приобщении боевых магов к прекрасному посредством ухода за растениями и пения. Нольвен захихикала и, устроившись под одеялом, проворчала:

— Хотела бы я посмотреть на этот хор.

— Я бы нет, — честно сказала я и погасила в комнате свет. —
Доброй всем ночи.

Глава 15

Утро для меня началось очень рано. Очень-очень рано — Лилей как-то так хитро расположился на окне, что все первые солнечные лучи достались именно мне. С одной стороны это хорошо, я успела и волосы промыть особым составом, чтобы придать им мерцающий блеск, и маску для лица сделать, чтобы кожа «таинственно мерцала». Надеюсь, что все это мерцание будет друг друга дополнять. Хотя, если честно, в зеркале я особой разницы не увидела, зато запах приятный, цветочный. Так вот, это была положительная сторона демарша Лилея. Но! Нет у меня привычки ухаживать за собой долго. Я все делаю максимально быстро, а потому у меня до завтрака оставалось еще два с половиной часа.

— И вот что мне делать? — вздохнула я и, подтянув к себе стопку с академическими журналами, взялась за чтение.

Нольвен так и не сказала, что она вычитала интересного. Более того, моя лисонька прятала журнал под подушкой и туманно обещала рассказать, «если ничего не изменилось». Спорить с подружкой бесполезно, а потому я взялась за остальные журналы. Так я выяснила одну приятную и одну неприятную вещь. Из хорошего было то, что нам пригодятся купленные амулеты, надо будет только очистить их от магии и перезачаровать. То есть, все что сделано своими руками — можно.

А из плохого — в прошлом студенты-участники очень часто и очень качественно калечились. И многие не были исцелены полностью. Отчего — автору статьи неизвестно.

«Стоит запастись зельями, зачарованными бинтами и малыми накопителями целебной энергии», подумала я и поправила концентратор.

Я почти полностью освоила умение «знать, но не думать». Вот только сегодня мне предстоит встретиться с Мерой, пересказать ей все, что мне сказал Дрегарт и... Хотя, капитан и сам скажет, наверное. Ох, сегодня мне предстоит познакомить бабушку с моим... С моим кем? Она ведь спросит, а что я скажу? Мы с Дрегартом обошлись без слов, а ведь точные определения важны. Или не важны? Я запуталась.

С постели Нольвен раздался сонный голос:

— Ничего себе, такая рань, а ты уже при параде. Готовишься встречать наше новое растение?

— Вроде того, — улыбнулась я. — Дрегарт сегодня идет с нами. Я хочу познакомить его с Мерой.

— Ого, — Нольвен стряхнула с себя сон. — Будет интересно.

— Я надеюсь, что нет, — передернулась я. — Хотелось бы, чтобы это было скучно, чопорно и без искры.

Моя лисонька только захихикала и спросила, давно ли я знаю Меровиг Конлет.

— Я верю в лучшее, — сдержанно произнесла я и добавила, — ну и надеюсь повлиять на ситуацию.

— А, — глубокомысленно отозвалась Нольвен. — Знаешь старую мудрость? Не можешь остановить — возглавь.

И, подмигнув мне, подруга взяла чистую одежду и вышла из комнаты. А я осталась рассеянно листать журналы и старательно *не думать* о том, как пройдет знакомство Меры и Дрегарт. Помимо этого, я еще более старательно *не думала* о том, что так и не знаю, кто же я для капитана. Ведь кто он для меня — кристально ясно.

В итоге, я так глубоко задумалась, что не успела ни волосы заплести — всего лишь выпустить гребень из шкатулки, ни журналы нормально сложить. Да еще и учебники из сумки на пол выпали, но времени уже не оставалось — завтрак дело такое, опоздал и все. Слишком холодно, чтобы бутербродики на улице жевать!

— Не забыть бы учебники собрать, — проворчала я, когда мы с Нольвен подошли к дверям столовой. — Если они не по графику выйдут из строя... Что-то мне не хочется получить взыскание от библиотекаря.

— Да уж, — кивнула Нольвен.

Взяв подносы, мы получили свой завтрак и сели к парням за стол. В этот же момент Дрегарт улыбнулся, пожелал мне доброго утра и, нагнувшись, поднял с пола горшок с... С на редкость невзрачным цветком. Ничего, абсолютно ничего общего с тем, что я видела через призму восприятия Лилея.

— Мэль, это тебе, — капитан явно был смущен внешним видом цветка, да еще и Фил не смолчал:

— Ты бы уж не экономил, дружище.

— Я попросила именно этот цветок, — отрезала я. — Спасибо. Спасибо.

— А вы, — Фраган сделал какой-то неуловимый жест пальцами, — да?

— Мы нашли друг друга, — спокойно ответил Дрегарт. — И к чему бы это ни привело, я счастлив уже сейчас.

— Ага, — кивнул Фраган. — Ладно, понял, вопросов задавать не буду. Сегодня как обычно, потренируемся?

Я опустила глаза вниз, а Нольвен напротив, посмотрела прямо на нашего капитана, который сдержанно ответил:

— Боюсь, что сегодня не выйдет. Днем — точно нет. Сегодня мы с Маэлин и Нольвен пьем чай у квэнни Конлет.

Филиберт уронил вилку, ругнулся и полез ее доставать. А Волькан радостно улыбнулся:

— Поздравляю, а то я вначале не понял, в каком смысле вы нашли друг друга. Ну, в смысле, мало ли, может вы где-то нашли или... Ой, что-то я совсем заговорился, извините.

— Да уж, и мои поздравления прими, — с кривой улыбкой произнес Фил.

Вот только мне его улыбка совсем не понравилась. Не очень-то это было похоже на настоящую радость.

— А что это хоть за цветок? — заинтересовалась Нольвен, — я никак не могу припомнить ничего подобного.

— Это незабудка, — хмыкнул Фраган. — Одно время все боялись, что за сдохшие цветы будет серьезное взыскание. Так в общежитии появилась дежурная лопата, которую прятали от коменданта с большим рвением нежели стратегический запас вина.

Я подозрительно посмотрела на горшок, где росло что угодно, кроме куста незабудок. Нет, голубые цветочки были, но...

«На ложный лилейник точно не похоже», успокоила я себя.

После завтрака Дрегарт проводил нас до дверей на женский этаж и, передав мне увесистый горшок, уточнил:

— Встречаемся внизу, через полчаса?

— Да, — кивнула я.

Приподнявшись на цыпочки, я коснулась губами его щеки и быстро скрылась за дверьми. Посмеивающаяся Нольвен догнала меня уже у дверей и доверительно сообщила:

— Твой капитан пришиблен милотой.

— А?

— Стоял и улыбался, — перевела Нольвен. — Я так за тебя рада! И сейчас порадуюсь еще и за Лилея!

А я только вздохнула. Мне бы хотелось порадоваться за лисоньку, но, кажется, этого еще долго не случится. Нольвен особенная, слишком яркая и свободолюбивая. И я как-то даже не могу представить, кто бы мог ей понравится. Наверное, вначале она должна свести этого кого-то с ума, чтобы у мужчины был стимул добиваться моей подруги.

— Три, два, один, — прошептала Нольвен и резко распахнула дверь.

Стрекот и свист, изданные Лилеем, были оглушительны. Он выскочил из своего горшка и, распушившись до невозможности, рванул к нам. Так что нам пришлось поспешно заскакивать в комнату и закрывать дверь, чтобы не привлечь излишнего внимания.

Лилей окружил горшок всеми своими оставшимися листочками и принялся что-то уверенно стрекотать и посвистывать. К моему стыду, я испытала настоящее облегчение, когда поняла, что эта «незабудка» хоть и не похожа на те мелкие голубые цветы, что растут в саду у Меры, а все ж таки это самое обычное растение. Ну, если бы оно было необычным, то мы бы заметили, верно? Оно бы пошевелилось или как-то отреагировало на Лилея? Ох, надеюсь.

— Ты тоже боялась, что мы заведем еще одного оригинального друга? — со смешком спросила Нольвен. — Просто у тебя на лице такое облегчение написано.

— Как и у тебя, — фыркнула я. — Помочь?

Лилей в этот момент пытался оттащить горшок со своим новым другом (подругой?) к своему подоконнику. Встрепенувшись, он развернул ко мне свои цветоносы и медленно их склонил. Кивнул, что ли?

— Ты кивнул сейчас? — оторопела я и увидела, как он протягивает ко мне длинный узкий листочек.

Присев на колени, я позволила Лилею коснуться моего виска и уловила хоть и простые, но очень четкие мысли: «Спасибо. Расту. Свет и вода. Синему тоже. Друзья. Буду пить кровь».

От последней фразы меня прошибло животным ужасом. Я представила, как мы с Нольвен покупаем для друга кровь, а ему нужно все больше и больше и вот однажды нам приходится выйти на дело и... И только через полминуты я поняла, что Лилей имеет ввиду кровь Идрис Лавант. Выдохнув, я потерла кончик носа и, взяв руки и горшок с Синим и самого Лилея, встала. Устроив друзей на подоконнике, я поставила между двух горшков кувшин с водой.

— Вы с нами или остаетесь? — ко мне подошла Нольвен.

Лилей стрекотнул и запустил корешки в горшок Синего. Пошебуршил землю и тут же запустил другой корешок в кувшин, осушив его в один миг.

— Ну не при нас же, — фыркнула моя лисонька. — Мне кажется, воды им нужно больше оставить.

— Ага, — кивнула я. — И что-то мне подсказывает, что надо везти горшок побольше. Семейного размера, так сказать.

— Интересно, после всего это... Черенкования, у нас будут крестники? Хаос, представь, что нам нужно будет пристроить юных дарований в нежные руки. Или построить оранжерею.

Поперхнувшись смешком, я отошла к шкафу и принялась изучать полки. Что может заменить второй кувшин?

— Я из ванной принесу, — негромко сказала Нольвен и вышла из комнаты.

И через минуту вернулась с тазиком, полным воды. Поставила его на пол, поближе к подоконнику и, взяв опустевший кувшин, вновь вышла, чтобы вернуться и поставить наполненную посуду обратно.

— Может, мне остаться? — засомневалась лисонька.

— Кувшин с водой, таз с водой, — нахмурилась я. — И общая продуманность и хитрость Лилея — не засохнут. Да и не будет нас всего ничего. Сегодня уходим, завтра вечером возвращаемся.

— И то верно. Но что-то не спокойно мне, не спокойно.

Я посмотрела на Лилея, который оплел собой весь горшок и теперь нежно посвистывал, и пожалала плечами:

— Я думаю, что все будет хорошо. Главное, чтобы никто не покидал комнату. Но ребятам явно не до прогулок.

Бросив последний взгляд на подоконник, я вышла из комнаты. Через пару мгновений за мной последовала и Нольвен. Правда, подруга чуть подзадержалась и, догнав меня, объяснила:

— Зачаровала дверь. Мы узнаем, если ее откроют.

— Может, иногда лучше не знать? — спросила я.

— Ну не возвращаться же теперь, — фыркнула Нольвен.

По лестнице мы спускались вприпрыжку — мне хотелось поскорее встретиться с Дрегартом, а моя лисонька спешила домой к дяде, чтобы поговорить с мамой.

— Я когда освобожусь, — сказала моя лисонька перед тем, как выйти из общежития, — пойду по лавкам. Мне хоть и интересно знакомство Меры и нашего капитана, но, думаю, будет правильно дать вам немного времени. Просто ради спокойствия Дрегарта, ему еще турнир выигрывать.

— Знаешь, — задумчиво ответила я, — не думаю, что будет нечто фееричное. Мера никогда никого не эпатировала специально. Она просто... Просто вот такая, а это не удивит Гарта.

Нольвен пожала плечами и толкнула дверь. Там нас уже поджидал капитан.

— Приделся, — страшным шепотом выдохнула Нольвен. — А ничего так.

— Черному цвету все равно не изменил, — фыркнула я в ответ и подошла к Дрегарту, — долго ждал?

— Не особенно. Что с вашим окном?

Я подняла взгляд вверх, посмотрела на матово-черное стекло и пожала плечами:

— Лилей развлекается.

Бросив прощальный взгляд на общежитие, мы пошли к воротам. Вообще, путь от военки до дома довольно долог. А мы еще хотели заскочить за шоколадными конфетами с начинкой из вяленой вишни и... И я вот как-то не ожидала, что все это будет так быстро! Мы ведь только-то попрощались с лисонькой, отправившейся к дяде. А уже и конфеты куплены и калитка приветливо искрит в ответ на мою магию.

— Серьезная охранка, — нахмурился Дрегарт. — Есть причина, или это просто образ жизни?

Я подумала о планах Меры обыскать несколько особняков, потом вспомнила короткие обмолвки и оговорки, и решительно произнесла:

— Пятьдесят на пятьдесят.

Гарт кивнул и, дождавшись пока я открою для нас проход, коротко сказал:

— Спасибо, что продолжаешь избегать лжи.

Я только кивнула. Вообще, последнее время это стало сложнее. Нет, у меня не появилось пристрастия к вранью. Просто, когда знаешь, что твои слова могут причинить боль дорогому человеку, начинаешь осторожнее их выбирать. И, как назло, тут же появляется желание прихвастнуть или слегка преувеличить что-нибудь! Ведь «Если я сейчас не поем, то умру» тоже ложь. Эх.

Садовая дорожка привела нас к террасе и Мере, которая сидела на перилах. Одна нога болтается, одна поставлена на гладкое полированное дерево. Спиной же квэнни Конлет опиралась на деревянную балку.

— Вот и молодец, — хмыкнула Мера, выпустив клуб дыма, — боевой маг есть, можешь теперь дорогие серьги носить. Добро пожаловать, Дрегарт Катуаллон.

— Ты опять все знаешь? — нахмурилась я. — Позволь представить, моя бабушка — Меровиг Конлет.

— Очень приятно, — капитан склонился в поклоне.

— Надеюсь, вы побывали в модной кондитерской ради вишни в шоколаде, — проворчала бабушка и спрыгнула на подмерзшую землю.

Я осторожно посмотрела на себя, потом на Дрегарта и после перевела взгляд на Меру:

— Как ты это поняла? Мы пропахли ванилью? Или ты видишь коробку конфет? Так я ее за спиной держу.

Меровиг хмыкнула, глубоко затянулась и, выпуская слова вместе с дымом, насмешливо ответила:

— А куда еще вы могли пойти, если шли со мной знакомиться? Я просто предположила и попала в точку.

Гостиная ничуть не изменилась, хотя...

— Ты приглашала ректора в гости? — удивилась я.

— А вот теперь моя очередь удивляться, — хмыкнула Мера и несколько раз хлопнула в ладоши.

В этот же миг на кухне что-то загрохотало.

— Его табаком пахнет, — ответила я. — Не чувствуешь?

— Нет, — она принялась. — Нет. А вы, алвориг Катуаллон?

— Груша и шоколад, — медленно произнес Дрегарт. — Ректор ушел недавно. Час назад?

— Полтора, — любезно поправила его Мера. — Ловите чашки, я еще не отработала этот комплекс заклинаний.

Из коридора, ведущего на кухню, вылетела посуда. И, клянусь, чашки пикировали подобно охотящимся соколам! Я, увы, только бестолково взмахнула руками, но зато Гарт поймал три чашки и два блюдца. Третье погибло смертью храбрых.

— За кофейником, Мэль, сходи сама, — Мера нервно потерла красный след на руке. — Давай-давай, не съем я твоего капитана.

«Ого, а бабушка явно хочет поговорить с Гартом наедине», подумала я, когда увидела, что исходящий паром кофейник парит под потолком.

«Вопрос в одном — сбить его метлой или идти подслушивать?», задумалась я.

Вообще-то, подслушивать это плохо. Особенно если в коридоре скрипучие половицы, а магию использовать нельзя — Мера такое враз просекает. Чтобы не быть пойманной, нужно сбросить туфли и идти на кончиках пальцев.

«Я только одним ухом послушаю», решила я, когда до гостиной оставалось всего-ничего. «Надо только причину придумать достойную и... Ох, а соврать-то и не получится!».

Вообще, я не собиралась подслушивать. Правда-правда. Я просто вспоминала, что обычно приходится делать, если хочется узнать что-то *лишнее*.

Вот только сейчас я замерла рядом с дверью и изо всех сил напрягаю слух. Вот только кроме монотонного «жу-жу-жу» ничего больше не слышу.

Подавшись вперед, я неосторожно оперлась о трехногий столик. Столик, который падает только от того, что кто-то проходит мимо без должного уважения.

«Как стыдно», успела подумать я, а через мгновение чья-то сильная рука перехватила меня за талию и дернула назад. Одновременно мне прикрыли рот, чтобы ни звука не вырвалось наружу!

— Доброе утро, квэнти Маэлин, — шепнул мне на ухо алвориг Нортренор. — Я могу вас выпустить?

Я медленно кивнула и, освобожденная, повернулась к мужчине:

— Доброе утро. Вас тоже не позвали?

— Семейные дела, — с легким оттенком горечи отозвался мужчина, — не терпят лишних.

— Вы не лишний, — с жаром возразила я. — Да и потом, я — здесь, как и вы. Может, взломаем их защиту?

— Увы, — смутился алвориг Нортренор, — единственное, в чем Мера меня не превзошла — это ритуалистика. Ну и коньяка я выпить могу больше чем она. Кхм, прошу прощения за лишнюю информацию.

Кашлянув, я тихо спросила:

— А никакой ритуал не сможет нам помочь?

— Человеческое жертвоприношение решает многие проблемы, — задумчиво ответил алвориг, — но мне кажется сейчас не тот случай, когда это уместно.

— Действительно. Тогда, быть может, поймем кофейник и сделаем вид, что у нас тоже сверхсекретный разговор?

— Хорошая мысль, — кивнул алвориг Нортренор, — но, позвольте уточнить, почему мы должны ловить кофейник?

— Мера постаралась.

— О, — глубокомысленно произнес мужчина, — тогда мы можем и не поймать. Хотя, знаю я один ритуальчик...

Но вместо ритуала мы использовали швабру — получилось просто великолепно. Будучи немного обиженной за разведенные на пустом месте тайны, я взяла для нас две большие кружки и полностью опустошила кофейник.

— Как прошло ограбление? — спросила я, когда мы с алворигом Нортренором устроились за кухонным столом.

— О, мы ничего не украли, только скопировали некоторые бумаги и особенно интересные книги, — тут мужчина смущенно пояснил, — пополнение библиотеки моя страсть.

— Вы наткнулись на нечто редкое? — заинтересовалась я.

— Безмерно, — воодушевленно ответил алвориг Нортренор. — Название, конечно, несколько претенциозно: «Истинная магия крови сквозь призму ритуалистики». Но смысл...

Сверкая глазами, мужчина рассказывал о том, что он почерпнул из этого тома и как он хочет найти остальные книги, которые:

— Вероятнее всего скрываются в подвале, куда мы с Мерой зайти не смогли. Моя прекраснейшая не позволила мне просто и безыскусно сломать стену. Сказала, что в этом нет изящества. Было крайне тяжело

покидать особняк Тенеанов, учитывая, что иные части «истинной магии крови» могли ждать меня в подвале.

— А почему вы думаете, что они есть? — нахмурилась я. — Или вам достался не первый том?

— Первый, но с отсылками на другие книги.

Мы допили кофе и, едва только поставили чашки на стол, в кухню вошла Мера:

— Ты так и не победила кофейник?

— Просто не стала мешать конфиденциальному разговору, — с легкой обидой ответила я. — А кофе был вкусный.

— Как жестоко, — восхитилась Мера. — Ладно, новый сварится. Идемте в гостиную.

— Не знаю, могу ли я, — с прохладцей произнес алвориг Нортренор. — Дело-то *семейное*.

— Нейтан, мы не могли сломать стену, — тут же рассердилась Меровиг. — Нас бы поймали. Но мы достанем для тебя эти пакостные фолианты.

— Не представима вся бездна моих страданий, если книги будут уничтожены. Это могут сделать как Тенеаны, так и стражники, если им вдруг придет в голову обыскать особняк, — скорбно произнес Нейтан.

Меровиг только вздохнула и поманила нас за собой.

В гостиной я села рядом Дрегартом, а бабушка и Нейтан заняли одно кресло на двоих. Ого, раньше они никогда не позволяли себе подобного!

— Я разработал один ритуал, — улыбнулся алвориг Нортренор, — он позволит нам сочетаться браком. По бумагам Мера останется женой алворига Конлета, но *реально* она будет моей супругой.

— А на бумаги нам давно плевать, — кивнула бабушка. — О, твоя подружка калитку открыла. Ну, подождем.

— Ее ты тоже отправишь кофейник ловить?

Мелкая обидка, засевшая где-то внутри, никак не хотела уходить.

— Тебе бы не понравилось, — спокойно сказала Меровиг, — присутствовать при этом разговоре.

— А Дрегарту понравилось? — прищурилась я.

— Видишь, в восторге сидит, — фыркнула Мера.

— Это было познавательно, — усмехнулся Гарт. — Многое стало понятным. Я расскажу, Мэль.

А я, зная, что он не может лгать, успокоено выдохнула.

— Так что, — заговорила я, когда в двери вошла Нольвен, — это Тенеаны делают особенные универсальные концентраторы?

Ответом мне стал ошеломленный взгляд бабушки:

— Как?!

Признаться, мне было приятно ее удивление. Но чтобы не заработать фирменное проклятье, я постаралась скрыть улыбку и сдержанно ответила:

— Мое предположение основывалось на рассказе алворига Нортренора. Да еще и ты добавила в копилку, когда сказала, что вы не смогли попасть в подвал.

— Мы бы смогли, — возразил Нейтан, — но мне не дали сломать стену. Одну хлипкую стену. Я бы потом собрал ее и никто бы не заметил.

— Только до возвращения Тенеанов оставалось меньше двух часов, — фыркнула Мера.

— Мне кажется, я очень много пропустила, — задумчиво произнесла Нольвен. — Очень много.

— Мы с алворигом Нортренором шваброй ловили кофейник, — хихикнула я, — пока Мера и Дрегарт секретничали в гостиной.

— А чего не подслушали? — непосредственно спросила лисонька.

— Так не вышло, — развел руками Нейтан.

— Посмеялись и хватит, — проворчала Меровиг. — Распустились совсем.

— От рук отбились, — хихикнула Нольвен и тут же ойкнула, — больно!

— То-то же, — наставительно произнесла Мера и извлекла из воздуха свою трубку. — Слушать будете? Новости изумительные. Мою любимый сорт скелетов, так сказать.

— С большим количеством тухлого мяса, — со вздохом произнес алвориг Нортренор.

Попыхивая трубкой, Меровиг начала рассказ. Довольно будничным тоном она излагала такие чудовищные вещи, что мне становилось дурно.

— В доме твоих родителей, Мэль, мы, за одним исключением, ничего интересного не нашли. Так, пара фривольных книжек, несколько бутылок крепкого алкоголя...

— У отца есть бар, — нахмурилась я.

— Это тайник квэнни Конлет, — отмахнулась Мера. — Не перебивай. Теперь, благодаря найденным бумагам, мы знаем, что по инициативе семьи Конлет твой брачный договор расторгнуть нельзя.

— Мне еще показались странными зелья, которые алвориг Конлет хранит в своем баре, — задумчиво добавил Нейтан. — Вернее, каждое из зелий простое, но в таком составе... Не представляю, что можно лечить сочетанием зелий третьего, восьмого и первого круга.

Озадаченно посмотрев на алворига Нортренора, я подозрительно уточнила:

— Вы уверены? Просто третий и первый круг, как правило, блокируют друг друга в организме человека. А восьмой вступает в реакцию с ингредиентами третьего. Там, конечно, есть исключения, но...

— То, что зелья стоят на одной полке, совершенно не означает, что их употребляют вместе, — отмахнулась Мера. — Не надо усложнять, тем более, что все зелья под стазисом и разной даты выпуска. Гораздо более волнующие вещи ждали нас в особняке Тенеанов.

— Первое, что нас поразило, — согласился Нейтан, — это охранный система. Хорошо, что зелья было с избытком.

— Зато сразу стало ясно, что все старания не зря, — хмыкнула Мера. — И тут мы возвращаемся мысленно к Тальмелиту.

— Культурная отсылка? — удивилась Нольвен. — Ему даже на истории уделяют всего два абзаца.

— Потому что вам дают только общие знания, — отмахнулась Меровиг. — Нет, Тальмелита мы вспоминаем в политическом разрезе. Кто-нибудь из вас знает, отчего Сагерт считается частью Срединной Империи, хоть мы и не подчиняемся имперским законам?

Я почувствовала острое желание стать невидимой. Однажды бабушка уже спрашивала нас об этом, а после строго-настрого приказала изучить период Упадка и подготовить доклад. Остается надеяться, что Мера об этом забудет.

— А ведь я говорила, — сердито произнесла бабушка, — изучите период Упадка! Но нет, им бы ерундой заниматься. А вы, Дрегарт, что-нибудь об этом знаете? Или ваш уровень образования тоже прискорбно низок?

— Не думаю, что у Мэль есть недостаток образования, — спокойно и даже чуть равнодушно ответил Дрегарт. — Период Упадка начался через несколько лет после уничтожения Тальмелита. Перед смертью маг успел проклясть своих убийц — их дети рождались слабыми и не доживали до совершеннолетия. Восемь сильнейших кланов медленно захирело и угасло, два боевых ордена остались в прошлом и Империя заявила права на Север. Они не смогли воевать — слишком холодно, слишком много нежити и не будем забывать о Тенях и Духах. Но унижительный договор все равно был заключен.

Духи. Я поежилась, опасные твари с изнанки, что постоянно вырываются с Разлома на морском дне. И только Тени людей, добровольно ушедших на *изнанку* мира, защищают нас от духов. Со стороны Империи было как-то глупо зариться на Сагерт. От нас больше проблем, чем пользы.

— Грубо, сухо и кратко, — кивнула Мера. — Но все по делу. А кто помнит родовые имена героев?

— Мера, — укоризненно произнес алвориг Нортренор, — ты выбрала неподходящее время для урока истории.

— Тенеаны были среди тех восьмерых, — медленно произнесла Нольвен. — Мы после заключения помолвки все-все про этот род узнали. Ну, из того, что можно было узнать, не вскрывая их особняк.

— И кабинет главы рода, — сказала Мера.

— И кабинет главы рода, — согласилась Нольвен.

— И сейф, — мечтательно улыбнулся Нейтан.

— И сейф, — со вздохом согласилась Нольвен.

А я вдруг поняла, что Мера и Нейтан идеальная пара. Они похожи и не похожи одновременно, имеют схожие, хоть и противозаконные увлечения, и, главное, они любят друг друга.

— Ладно, — усмехнулась Меровиг, — ты слишком мягок, но что поделать. Да, Кастор Тенеан был среди тех героев. Он схлопотал проклятье наравне со всеми и, по началу, картина была такой же, как и с другими — слабые нежизнеспособные дети и магия, утекающая

сквозь пальцы. Но они выжили. От большой семьи остались жалкие крохи и до сих пор у Тенеанов рождается не больше двух детей.

— Я прикидывал и так, и эдак, — вступил Нейтан, — на сегодняшний день ни один известный мне ритуал не смог бы перебить проклятье Тальмелита. Но! Но в особняке Тенеанов мы нашли книги за авторством этого мага. Нашли выписки из его рабочих дневников, так что, вполне вероятно, что Кастору удалось заблокировать проклятье.

— И возникает вопрос, почему он не помог остальным, — тихо сказала Мера. — Почему? Я могу лишь предположить, что способ был настолько отвратительным, что он просто не рискнул никому о нем рассказать. Есть вещи хуже смерти, хуже уничтожения рода. Есть поступки, которые нельзя совершать.

Я поежилась и обхватила себя руками за плечи:

— И что теперь будет?

— Ничего, — Мера пожала плечами. — Это не ваш бой, девочка моя. Ваша задача выиграть турнир и не наделать глупостей. В частности, я приказываю тебе ни в коем случае не оставаться с Тенеаном наедине. И не ходи одна.

— Ты забыла сказать о еще одной странности, — мягко улыбнулся Нейтан. — Тенеаны через поколение отдают детей в другие семьи. Так, как это должно было произойти с Маэлин — один ребенок им, один в семью жены.

После его слов в комнате повисла тишина. По сути, последняя фраза алворига Нортренора расставляла все по местам. Но... Почему же Тенеаны не поделились этой тайной с другими? Почему оставили ее при себе? Я не слышала о загадочных смертях среди квэнни Тенеан. А мы с Нольвен слухи собирали весьма и весьма старательно! Нет, просто кто-то из женщин блистал в магических искусствах, а кто-то нет.

— Ох, девочка моя, все-то у тебя на лице написано, — вздохнула Мера и я вздрогнула, поняв, что говорит она обо мне. — Безопасный способ раскрыть потенциал был найден только недавно. И то, это еще не доказано. Возможно, ты и бабушка Стевена Тенеана просто *счастливицы*.

«Точно», пронеслось у меня в голове. «Как сказал Дрегарт? Тебе повезло — ты не сошла с ума, не утратила возможность ходить».

— На этой чудесной ноте я предлагаю закончить наши веселые посиделки, — Мера усмехнулась, — Нейтан, ты, кажется, хотел отвести меня в ту чудесную кофейню. Они догадались придать зернам оттенок вишневой горечи. Чашечка такого кофе будет весьма и весьма интересным опытом. Хоть и нанесет урон твоему кошельку. Я бы не стала столько платить за простой напиток, но раз ты настаиваешь... Не могу отказаться.

— Безусловно, — согласился алвориг Нотренор и встал, — ты мне только адрес скажи, куда именно я так настойчиво хочу тебя пригласить.

Мы с Нольвен невольно рассмеялись. Отношения Меры и Нейтана были странными и гармоничными одновременно. Возможно, это было от того, что они удивительно подходили друг другу.

— Я в зельеварню. У меня появилась новая великолепная идея, — моя лисонька криво усмехнулась, — конечно, ничего не получится, как и всегда. Но если я не попробую, то не смогу спокойно спать.

— Оставь немного крови для Лилея, — сказала я. — Он хочет попробовать проклятье на вкус.

— Давно? — прищурилась Нольвен.

— Хочет — давно, может — теперь, — ровным тоном произнесла я.

И подруга, коротко кивнув, порывисто поднялась на ноги и исчезла в темноте коридора. Дрегарт, проводивший ее недоуменным взглядом, посмотрел на меня:

— Что-то случилось?

— Ты ведь знаешь о несчастье, постигшем род Лавант? — дождавшись его кивка, я продолжила, — Нольвен хочет спасти мать. И не так давно мы узнали, что Лилей может выработать такой яд, который уничтожает магию. Наш друг уже может делиться своими мыслями и он дал мне понять, что хочет попробовать проклятье на вкус, чтобы попытаться выработать подходящий яд. Но я запретила ему это делать до тех пор, пока это не станет безопасным для него. И я ничего не сказала Нольвен, чтобы ей не пришлось мучиться. Ведь выбор очевиден.

И все это время я жила в некотором страхе, что Идрис Лавант погибнет. Погибнет, а я не смогу промолчать и скажу, что был шанс ее спасти. С другой стороны, времени прошло всего-ничего.

— Я могу лишь надеяться, что это не разрушило нашу дружбу, — только и сказала я и тоже поднялась на ноги. — Хочу пройтись.

Я пошла к дверям и Дрегарт направился следом:

— Давай-ка прогуляемся по лавкам и...

— Надеюсь, что когда ты корпишь над теоретическим составом очередного зелья для моей матери, ты используешь умную часть своего мозга!

Сокрушительные объятия в исполнении Нольвен всегда опасны для легких и ребер. Но в этот раз я была до безумия рада. И, вцепившись в подслушивавшую подругу, прошептала:

— Если бы ее состояние обострилось — я бы сказала. Потому что...

— Потому что выбор отвратителен, но очевиден. Спасибо. Я немного зла, но за эти несколько недель я бы сошла с ума, — шепнула она в ответ. — А теперь идите и делайте, что вы там собирались делать. Хаос, скорее бы вернуться в общежитие.

Нольвен нервно улыбнулась и теперь уже действительно растворилась в темноте коридора. А я, подавив дурацкую улыбку, повернулась к Дрегарту:

— Идем?

— Идем, — кивнул он. — Мне приятно смотреть на вашу дружбу.

— Мы закаленные, — усмехнулась я.

И, пока мы неспешно бродили по улицам и лакомились орешками в меду, рассказала любимому пару историй из нашей учебы. Признаться, Гарт был потрясен тем, что слухи оказались реальностью.

— Это ненормально, когда профессора одобряют травлю и...

— И это подстегивает учебу, — со вздохом произнесла я. — Я бы в жизни не выучила столько сложных, каверзных целительских заклинаний, если бы не ждала подвох.

— Становится понятно, отчего вы с Нольвен так полюбили боевую магию. Она честнее.

— И потерять сознание от воздушного кулака, не так унижительно как получить заклинательскую связку состоящую из сонного и опорожняющего кишечника, — мрачно произнесла я. — Мы с Нольвен присматривали друг за другом и конкретно это нас не коснулось. Но...

Слезаящая лоскутами кожа, выпавшие волосы и многое другой расцветало на нас только так. И мы отвечали тем же, так же, а то и

вдвойне. И после первого полугодия второго курса никого не допускали в свой ближний круг.

Настроение начало портиться, и я постаралась выбросить из головы лишние мысли. Вот только... Вот только своего ребенка в целительскую академию я не отдам. Лучше в военку отправлю, а потом в личные ученики. Ну, в том случае если он или она захочет стать целителем.

— Какао? — Дрегарт положил руку мне на талию и чуть подтолкнул в сторону уличного кафе. — Со сдобной булочкой?

— Отличная мысль, — кивнула я и улыбнулась.

«Кальстор такой огромный город», промелькнула в моей голове мысль, «Отчего же мы не могли разойтись?».

Нам навстречу, со ступенек кафе, сошел Стевен Тенеан. Криво усмехнулся, увидев нас и, посмотрев мне в глаза, провел ладонью по чистой щеке.

— Хвастаешься? — усмехнулась я. — Многовато времени у тебя на это ушло.

— И тебе доброго дня, дорогая, — спокойно произнес он. — Капитан Катгуаллон, выгуливаете личный состав?

Сказав это, Тенеан огляделся, как будто ожидая увидеть остальную команду.

— Нет, — с нехорошим прищуром ответил Дрегарт, — просто наслаждаюсь прогулкой в компании своей возлюбленной невесты.

«А вот и точные формулировки», пронеслось у меня в голове. Но я решительно приказала себе обдумать это потом.

Стевен напрягся, посторонился, чтобы пропустить выходящих из кафе людей и процедил:

— Боюсь, капитан, что вы были введены в заблуждение. Маэлин Конлет принадлежит роду Тенеан.

— Маэлин Конлет принадлежит Маэлин Конлет, — в тон ему отозвалась я и крепче прижалась к Дрегарту.

Мне было страшно. Но пугал меня не Тенеан, нет. Это мерзкий червяк слаб, но его поганый язык... Я боюсь, что он выведет из себя Дрегарта, а после побежит в суд.

«Или поползет», поправила я себя.

Находясь так близко к Дрегарту, я могла чувствовать, как внутри него кипит магия. Могла ли я это с другими? О, не со всеми. Столь же

сильно я чувствую лишь Меру и Нольвен.

— Пока что, — Стевен растянул губы в мерзкой ухмылке, — пока что да. Но в дальнейшем Маэлин Тенеан будет принадлежат роду Тенеан. На законных основаниях. И в твоих интересах не сердить меня, ведь у нас есть кое какое прошлое.

Тут он вновь коснулся своей щеки и с нажимом добавил:

— От зловредной магии пострадало мое тело, моя честь и мое достоинство. Ты, Маэлин, моя невеста и кем бы я был, обвинив тебя? Заплатит лишь виновный. А вот как именно он заплатит, зависит только от тебя.

Я всем телом почувствовала, как внутри Дрегарта вскипает мощная, природная сила. Как сердито гудит пламя в его крови, как оно стремится выплеснуться и поглотить Тенеана.

— Тебе, капитан Тенеан, стоит вернее выбирать слова, — нарочито равнодушно произнес Дрегарт и сделал шаг вперед. — Для глуповатых и непонятливых я повторю — Маэлин моя невеста. Я несу ответственность за ее жизнь и здоровье. Все, что можешь сделать ты, это исчезнуть. В противном случае, нас рассудит Хаос.

Тенеан отступил, побледнел, но не ушел. Поджав шубы, он выплюнул:

— Не все в этом мире решает сила, капитан Катуаллон. Вам ли не знать? Маэлин обязана прийти в магистрат...

— Но не обязана сказать тебе «да», — отрезала я.

— Посмотрим, — высокомерно бросил он. — Посмотрим. Все, что ты имеешь, Маэлин, заслуга моего рода. И кто знает, была бы ты кому-нибудь *интересна*, если бы жизнь сложилась иначе. Если бы наши отцы не заключили взаимовыгодное соглашение.

Дрегарт вскинул руку и я тут же оказалась перед ним. Поднялась на цыпочки и прижалась губами к его щеке. Затем коснулась уголка рта и, наконец, подарила ему короткий, но прочувствованный поцелуй.

— Тебя Мера еще не учила грамотно прятать трупы? — спросила я, отстранившись и даже не пытаясь выровнять сбитое дыхание. — Значение имеет не только глубина вырытой ямы, но еще и место убийства.

Опешивший Дрегарт недоуменно моргнул, а после расхохотался и я ощутила, как режущее внутри него пламя успокоилось.

— Живи, — бросил он Стевену и мы прошли в кафе.

Хотя мне, если честно, какао уже как-то не очень хотелось. Однако возражать я не стала. Да, Тенеан смог испоганить настроение, но я не я, если позволю себе повесить нос!

Устроившись за дальним столиком, мы сделали заказ — какао для меня и черный кофе для Дрегарта — и, получив желаемое, капитан повесил над нами бесшумный полог.

— Вкусно?

— Пока слишком горячо, — улыбнулась я.

— Зачем ты меня остановила? От небольшого проклятья еще никто не умирал, а мозг, после локальной встряски, мог встать на место. Ты... ты что-то к нему чувствуешь?

Хорошо, что какао было слишком горячим и я не спешила его пить. А то оно могло бы пойти носом.

Откинувшись на спинку стула, Дрегарт спокойно пил кофе. Так спокойно, что по его тщательно выверенным движениям, по идеально ровному дыханию и по абсолютно равнодушному взгляду становилось кристально ясно — это действительно его беспокоит.

— Я никогда не испытывала к Стевену романтических чувств, — четко произнесла я. — Знаешь, сначала я не верила, потом злилась, потом пыталась заставить его отказаться от свадьбы — чему весьма и весьма помогали своеобразные традиции целительской академии — а потом просто смирилась. Небо голубое, солнце желтое, мой будущий муж — Стевен Тенеан. Как-то так. Помогло то, что он перестал показывать свое нутро и притворился нормальным человеком.

Сделав несколько глотков какао и не почувствовав вкуса, я продолжила:

— А остановила я тебя потому что Стевен не боец. Он настолько не боец, что даже не смог бы выставить щит. Так что твое «маленькое проклятье» рассчитанное на взаимодействие со стандартным щитом, размазало бы его по мостовой. Но это не то, чего ты хочешь, верно?

Протянув руку, я взяла сахарницу и бросила в безвкусное варево пару белоснежных кусочков. Методично размешивая какао, я ждала, что он скажет. Я заподозрила, что Дрегарт не просто студент еще в тот день, когда он рассказал мне о том, что является Хранителем Мудрости.

— Тенеан нужен живым, — наконец сказал он. — Но это не значит, что я не хочу ничего с ним сделать. Ты важна для меня, Мэль.

Я... Я беспокоюсь о тебе. И если в обмен на твою безопасность мне придется отдать свою свободу — это не самая большая цена. В конце концов, кто-то должен работать в каменоломнях.

От его слов я опешила. Это было так страшно и так приятно! Я важна, важна настолько, что Гарт с легкостью преступит закон. Но...

— Все же, ты действительно *хранитель* Мудрости, — я едва смогла справиться с голосом. — Ты тоже важен для меня. Как бы я жила, зная, что ты медленно загибаешься где-то далеко от меня?

На что Дрегарт только улыбнулся:

— Ну, ты же мне напомнила про глубину ямы и место убийства. Так что, может и без каменоломен обойдемся.

И еще и подмигнул. Вот же м-маг боевой!

— А если без шуток, то Тенеан всего одной последней фразой подтвердил все наши подозрения, — серьезно продолжил Дрегарт. — Я не являюсь частью какой-либо организации, но есть дорогие мне люди, которые попросили держать глаза и уши открытыми. Люди, которые по крупицам собирали информацию о тех, кто продолжает неблагое дело Тальмелита. Это, кстати, то, о чем мы говорили с Меровиг. После смущающего разговора о моих намерениях и финансовых возможностях.

— Финансовых возможностях? — мне показалось, что я ослышалась.

— Она очень тебя любит, — в голосе Дрегарта мне послышалась нежность. — И потому беспокоится о том, на что я буду тебя содержать.

Если бы я могла сгореть от стыда, то мой пепел уже бы осыпался под стол.

— Мать-магия, — выдохнула я. — Какой стыд. Я уже не уверена, но все же спрошу — что еще ее интересовало?

— Мои намерения, — напомнил Дрегарт. — Меровиг переживала, что я играю с тобой. Так же я был предупрежден, что если буду вести себя *неправильно*, то сильно об этом пожалею.

Я закрыла лицо руками. Все-таки, некоторые вопросы лучше не задавать. Я бы жила гораздо спокойнее, если бы не знала подробностей.

— Мэль, — позвал меня Дрегарт, — все хорошо?

— Мне ужасно стыдно, — проворчала я. — Но я рада, что ты не сбежал в ужасе.

— Как бы я мог? — тихо спросил Дрегарт. — Мэль, забота близких это не то, чего следует стесняться.

Я покивала и поспешила перевести тему:

— Расскажи про этих таинственных людей. Я так понимаю, что Тенеаны заигрались и начали оставлять следы? Или книги всплыли?

Он усмехнулся и покачал головой:

— Не совсем так. Совет Магов всегда знал, что часть трудов Тальмелита вышла в мир. Правда, никто и подумать не мог на героев, победивших его. Подозревали тех, кто зачищал его жилище. И самого Тальмелита — он вел активную переписку с магами Срединной Империи. А буквально в прошлом году, Ривер Тенеан принес на суд Совета Магов теоретический способ раскрытия потенциала запечатанного мага.

То, что сорвалось с моих губ было невозможно произнести в приличном обществе. Да и в неприличном — тоже. Боюсь, что даже дядя Нольвен был бы смущен моей образностью и экспрессией. А потому я постаралась перефразировать:

— Они что, совсем обнаглели?! Отработали методику на несчастных детях и, будто этого мало, решили еще и сливочки всеобщей благодарности собрать?!

— Это было подано, как исключительно теоретическое исследование, которое по всем расчетам *должно* дать сто процентный результат. Совет Магов уверили в том, что такие опыты не проводились. И тут же алвориг Тенеан представил совету десятерых взрослых не-магов — пять женщин и пять мужчин — которые хотели принять участие в испытании. Все выглядело очень, м-м-м, благопристойно. По словам Ривера, он подхватил знамя исследований из рук деда, который был женат на девушке с запечатанным даром. Оный дед так сильно любил свою супругу, что хотел сделать ей такой подарок, в виде раскрытого потенциала. Но не смог довести дело до конца. И если бы не это уточнение, то никто бы ничего не заподозрил. К бумагам придраться было невозможно. Лжеца выдало чрезмерное обилие подробностей.

— Подробностей?

— Мать Ривера Тенеана, которую он назвал девушкой с запечатанным даром, есть в списках Академии Стихий. Да, тогда не велся учет выданных дипломов, но! Она была капитаном турнирной команды. И не просто капитаном — они победили и на кубке, стоящем в Академии Стихий, есть ее имя.

— Значит, бабушка могла ее знать, — я прикусила губу. — Мера говорила, что рамках турнира у нее была самая яркая дуэль в жизни.

Я отпила холодное какао и поморщилась — пересластила. Отодвинув от себя чашку, я задумчиво сказала:

— Значит, вот откуда растет это самодовольство. Стевен считает, что в скором времени весь Сагерт и вся Срединная Империя будет рукоплескать Тенеанам. Ведь они нашли способ раскрывать скрытый колдовской потенциал. Но в реальности, Совет Магов готовится к тому, чтобы вывести их на чистую воду.

— Да. Случись все лет пять-десять назад, так никто бы и пальцем не пошевелил. Но сейчас, после Битвы у Серых Скал, каждый член Совета Магов дает клятву не злоумышлять против Сагерта, не воровать, не принимать даров от граждан Сагерта и Срединной Империи... Там такой комплекс клятв, что моральные качества членов Совета взлетели до небес. Так что никто не смог закрыть глаза на оговорку Ривера Тенеана.

— Подумать только, — я покачала головой, — такая мелочь и такие последствия.

Расплатившись, мы вышли на улицу. Говорить ни о чем не хотелось, а потому, взявшись за руки, мы просто бродили по улочкам Кальстора и наслаждались тишиной. Проголодавшись, перекусили купленными пирожками и вышли на центральную площадь, где долго сидели на уютной скамейке.

Когда солнце склонилось к закату, Дрегарт открыл портал к дому Меры и, коснувшись губами моей щеки, попрощался. Это был сложный, напряженный, но очень-очень хороший день. И я бы не променяла его ни на какой другой!

Глава 16

Нольвен, нервно постукивая пальцами по спинке кровати, сверлила меня сердитым взглядом.

— Неужели ты ни капли не волнуешься? — выпалила она.

— Я собрала аптечку, тщательно сверившись со списком разрешенных зелий, — устало произнесла я. — Очистила и пересобрала заново мелкие артефакты, создала новые бусины — вдруг пригодятся. На самый крайний случай в моих волосах спрятались бутоны Лилея. Мы с тобой вместе сшили мантию из купленной имперской фаты. Я сделала все, что могла и даже чуть больше. А потому остается только выспаться и достойно выступить.

— А я что-то психую, — понурилась моя лисонька.

— Поверь, — серьезно сказала я, — если бы мы поменялись местами, я бы, возможно, уже начала грызть ногти. Или истерить. Драться проще, чем смотреть и ждать.

Время первого испытания подобралось совершенно незаметно. Мы, спойв Лилею целый флакон проклятой крови, углубились в изучение выработанного им яда. А из-за тренировок и факультативов... В общем, мы жили и функционировали только благодаря сваренным ранее зельям. Радует только то, что профессор Эльраваран разрешила нам пользоваться лабораторией. Мне, если честно, кажется, что это из-за того, что она не смогла в свое время ничем помочь Идрис Лавант. Не сказать, что профессор сильно в нас верит. Скорее всего она просто успокаивает свою совесть.

Но, как бы то ни было, а дни пролетели с невероятной скоростью и вот, уже завтра, мне предстоит выйти на арену. Нам выдали форму — Нольвен сказала, что ради такой формы можно и убить. Хотя лично меня смущает то, как сильно штаны облегают бедра. Но выглядим мы стильно, ничего не сказать. Темные плотные штаны с нашитыми петельками для колб с зельями и ремнями для ножей, цвет в цвет жилеты с высоким горлом и кипенно-белые рубашки. На жилетах, кстати, тоже достаточное количество петелек для разнообразных метательных орудий. Бабушка передала мне небольшую аптечку, которую я прицепила на бедро, вместо одного из ножей. Во

внутреннем кармане жилета обнаружались кожаные перчатки с обрезанными пальцами.

— Нет, — вздохнула Нольвен и посмотрела на шкаф, в котором пряталось все это великолепие, — я определенно хочу себе такой костюм. В жилет вшиты тонкие металлические пластины. Готова поспорить, их можно зачаровать!

— Но правила не дают четкого ответа на этот вопрос, — напомнила я.

— Но зато можно кое-что иное, — ухмыльнулась Нольвен.

И я, скопировав ее ухмылку, выразительно произнесла:

— Можно.

Это было то самое, что Нольвен вычитала в журнале. Ей пришлось серьезно постараться, чтобы навести меня на мысль. Тем более что я, сосредоточившись на яде Лилея, безбожно тупила и отмахивалась от подруги, которая день ото дня становилась все злей и злей.

В итоге она все-таки подвела меня к мысли пойти в библиотеку и повторно взять журналы. Мы, собственно, из-за этого тоже успели немного повздорить — она взяла и отнесла всю стопку обратно. Но последний выпуск, освещавший предыдущий турнир, расставил все по местам.

Так или иначе, а правила турнира постоянно меняются. Увы, но люди склонны к мошенничеству. А учитывая, что среди зрителей распространены ставки... В общем, мрак, тоска и безнадега. Но! Некоторые вещи запретить невозможно с чисто логической точки зрения. Если студенты соревнуются в магическом искусстве, то как запретить им *дорабатывать* свои костюмы? Никак. Такой запрет убивает смысл турнира. Поэтому организаторы вывернулись, они напустили туман в правила и ограничили модификации. Каждый участник турнира имеет право изменить одну деталь в своем костюме, но! Но только в том случае, если он или она самостоятельно найдут информацию о такой возможности. В общем, я сочувствую Нольвен. Она перестаралась с конспирацией и сдала журналы, после чего я, при ее намеках сходить и взять их снова, послала любимую подругу очень далеко и очень витиевато.

Из раздумий меня вырвал drobный стук в окно и сердито-удивленный стрекот Лилея. Он все так же чах, но зато на его корнях

появились наросты, из которых, как я подозреваю, появятся новые листья. И ждать нам его озеленения еще пару недель. Впрочем, учитывая что он переселился в горшок к Синей (да-да, не Синему, а Синей), выглядел он куда бодрее, чем раньше.

— А чего мы обе сидим и ждем? — спросила Нольвен. — Думаешь, кто-то третий подойдет и за окно посмотрит?

Поперхнувшись смешком, я поднялась на ноги и, подойдя к балконной двери, посмотрела сквозь стекло.

— Там корзинка, — проинформировала я подругу.

— Так давай же ее возьмем, — воодушевилась она. — Я спать не могу, буду исследовать, что нам прислали! Готова поспорить, что с нами должно произойти нечто фееричное, если мы употребим это в пищу.

— И ты думаешь, что я буду спокойно спать, пока ты будешь звенеть пробирками? — возмутилась я и все-таки открыла окно. — Давай по-честному, вместе разложим на составляющие. После первого этапа.

— Тогда тебе придется вырубить меня заклятьем, — вздохнула Нольвен. — Сама я не усну.

— Заклятье — вредно, — наставительно произнесла я и внесла в комнату корзину.

Моя лисонька, сидящая на кровати, только вздохнула:

— А что еще остается? Ты, как настоящий друг, должна мне помочь. И... Ах-ха.

Мою подругу срубило в сон за несколько секунд. Закрыв дверь, я посмотрела на Лилея:

— Это ты?

Он торжественно кивнул одним оставшимся цветком. И, уже без прикосновения, передал мне мысль:

«Лилей — настоящий друг!». И столько было гордости в его мысленной речи, что я не стала возражать. Лилей — настоящий друг.

— Только меня так не усыпляй — мне завтра еще кровь сдавать на проверку, — проворчала я и погасила свет.

Надо признать, что спала я плохо. Не то чтобы мне снились кошмары, нет. Я просто засыпала и просыпалась. Выныривала из сонной одури, лихорадочно вызывала проекцию времени и тут же

засыпала обратно — не проспала. Удивительно ли, что когда мне нужно было вставать, сделать это было особенно сложно.

— А если бы ты была милой и нежной девочкой, то могла бы поджать хвост, метнуться домой и спрятаться там от всего мира, — поддела меня сонная Нольвен.

— А я была милой и нежной девочкой, — буркнула я. — Только было это на первом курсе.

— Да, — кивнула моя лисонька. — Как ты себя чувствуешь?

— Хочу спать, хочу есть и еще меня немного мутит, — вздохнула я.

Откинув одеяло, я решительно поднялась и сразу направилась в ванную комнату. Затем магией просушила волосы, надела турнирную форму и села на постель, ожидая, когда меня атакует гребень.

— У нас проблемы, — со смешком произнесла Нольвен. — Учитывая то, как ты выглядишь, капитан не сможет сражаться!

— Глупости, — фыркнула я.

Дробный стук в дверь и до нас с Нольвен доносится голос Волькана:

— Доброе утро, вы готовы?

Нольвен махнула рукой и дверь распахнулась, пропуская нашего друга. Он, как и я, уже был полностью одет в турнирную форму. Прищурившись, я оценила матово поблескивающие фиалы, распиханные по всем петелькам. Эти занятные вещицы обещали много интересного нашим противникам.

— Она готова, я еще нет, — лисонька подавила зевок. — А что?

— Турнирная команда завтракает отдельно от остальных студентов, — улыбнулся парень. — Пойдешь с нами?

— Это разрешено? — усомнилась Нольвен.

— А кто запретит? — засиял улыбкой Волькан.

Видя его неподдельное счастье, я тоже не сдержала улыбку. Мне почему-то казалось, что он должен переживать, волноваться и вообще, всячески сходить с ума. Но нет, он только что не приплясывает в предвкушении первого этапа.

Нольвен собралась в рекордно короткие сроки, отмахнулась от гребня и бодро выдохнула:

— Ну что, веди же нас скорей!

Коротко кивнув, Волькан первым вышел из комнаты. А я, кивнув Нольвен, чтобы она тоже шла, подошла к Лилею и коснулась его единственного цветка:

— Я вернусь так быстро, как смогу.

«Хочу идти и сражаться с тобой», прилетела мне в ответ отчаянная мысль.

— Это запрещено, — вздохнула я. — Может, нам удастся тебя как-то легализовать, но пока... Прости, тебе придется ждать меня здесь.

«Хочу видеть».

— Ты ослаб и не можешь изменять... Понятно.

Лилей уменьшился вместе с Синей и мне оставалось только подставить им ладонь и искренне понадеяться, что они не натворят дел. Но, с другой стороны, что они могут натворить, сидя на трибуне для зрителей?

«Многое», шепнул мой внутренний голос, но покорно затих, когда я грозно на него шикнула.

Закрыв за собой дверь, я догнала друзей, посадила Лилея и Синюю в волосы Нольвен, и мы вместе пошли к лестнице. Где, опираясь на перила, стоял Дрегарт. Ох, если кому и идет форма турнирной команды, то ему...

— Доброе утро, — Дрегарт улыбнулся, — прости, не пришел лично.

— Доброе утро, — я чуть смутилась, — не страшно.

— Да целуйтесь уже, — фыркнула Нольвен.

Вспыхнув, я приподнялась на цыпочки и оставила на щеке Дрегарта короткий поцелуй:

— Все должно быть по желанию, а не по приказу.

Спустившись вниз, мы вышли в парк, где стоял большой матерчатый шатер. У входа нас поджидали целители.

— Доброе утро, — меланхолично произнесла молодая женщина в форме городского дома исцеления. — Позвольте вашу руку. Клянусь, что изымаю кровь исключительно с целью ее изучения. Клянусь уничтожить образец сразу после завершения работы.

В голосе целительницы звучала откровенная скука. Представляю, сколько раз ей приходится давать эти клятвы. Но по другому в нашем мире нельзя.

Наконец, каждый из нас поделился своей кровью...

— Эй, а меня-то за что?! — возмутилась Нольвен.

— Прошу прощения, — пожала плечами целительница, — вы близко стояли.

Сердитая лисонька подула на палец и вздохнула:

— Давайте мне мою кровь обратно. А то еще попутаете с чьей-нибудь, а я вчера кучу зелий выпила.

Меня кольнуло запоздалой иглой страха — вчера Лилей усыпил Нольвен при помощи своей пылицы.

Но целительница только равнодушно пожала плечами и отдала лисоньке кристалл, впитавший ее кровь. И вот этот момент меня всегда поражал — клятва допускала свободную передачу кристалла с кровью. Что, как по мне...

— Ты здесь? — Нольвен тронула меня за рукав и кивнула на накрытый стол, — завтрак?

— А, да. Задумалась.

Стульев хватило на всех. Как и столовых приборов. Вот только к этому моменту я окончательно потеряла аппетит.

— Хотя бы виноград попробуй, — попросил Дрегарт и левитировал ко мне блюдо с фруктами.

Я благодарно улыбнулась и взяла в руки тяжелую кисть. Все будет хорошо, мы справимся. Обязательно.

— Конечно справитесь, — фыркнула Нольвен и отщипнула от моей грозди виноградинку, — у вас выбора нет.

Мне оставалось только кивнуть. И почесать кончиком пальца любопытный цветок Лилея.

— Не могу понять, — Волькан посмотрел на Нольвен, — у вас одно украшение на двоих?

А я поняла, что не могу ответить — сказать «да» означает соврать. Сказать «нет» — придется объяснять.

— Не совсем, — улыбнулась Нольвен. — Потом расскажу. Что у нас дальше по плану? На Арену турнирные команды прибывают порталом, так?

— Да, можно уже выдвигаться, — кивнул Дрегарт. — До начала турнира полчаса. Пройдем портал, осмотримся. Да и тебе нужно будет занять место на трибуне.

— Я сижу рядом с Мерой, — отмахнулась Нольвен. — Мы это давно обсудили, так что место она мне займет. Кстати, кто-нибудь сделает оттиск? Вы все довольно круто выглядите.

— Его всегда делают у портала, — негромко сказал Фраган.

— Тогда поспешим! — воскликнула Нольвен и принялась всех подгонять.

Портал ждал нас у ворот. И, что самое интересное, никого из студентов мы по дороге не встретили — все уже были там, на трибунах.

— Какой гырб их сюда принес? — неожиданно выплонула Нольвен.

Проследив за ее взглядом, я увидела собственного отца и Тенеана. Последний сжимал в руках кожаную папку.

— Ничем хорошим это не закончится, — выдохнула я.

— Тенеана я узнаю, — негромко произнес Дрегарт, — кто второй?

— Мой отец.

— Полагаю, я должен попросить у него твою руку.

— Нет, — резко произнесла я. — Его мнение не учитывается. Ни его, ни его жены. Я — внучка своей бабушки, а не дочь своих родителей.

Отец явно услышал последнюю фразу и она ему не понравилась. Вот только... Вот только он ничего не сказал. Совсем ничего не сказал. Даже не удостоил нас кивком. Просто отвернулся, как будто нас здесь нет. Ему неловко? Что заставило моего отца превратиться в молчаливую тень?

— Доброе утро, — усмехнулся Стевен, когда мы подошли к нему вплотную. — Маэлин Конлет, капитан Катуаллон.

Дрегарт положил руку мне на талию и коротко сказал:

— И тебе не огорчаться.

— Доброе утро, — спокойно произнесла я. — Зачем ты здесь?

— Сразу к делу, да? Согласен, времени не так и много. Твои слова, Маэлин, глубоко ранили меня. Я говорю про нашу встречу у кофейни. Ты позволяешь себе слишком многое и пришла пора напомнить тебе, кто есть кто. Возьми, ознакомься.

Он открыл папку и протянул мне лист со стандартным, в общем-то, содержанием. Мы с Нольвен несколько раз заполняли подобные штуки — когда брали в аренду артеф...

— Ах ты трусливая погань, — выдохнула Нольвен, читавшая у меня из-за плеча.

— В тебе есть что-то, кроме гнили? — с интересом спросил Дрегарт, видимо, он тоже ознакомился с этой писулькой.

А я молчала, пытаюсь отойти от этого сокрушительного удара. Удара, который я была обязана предусмотреть.

— От чего же? Если Маэлин, будучи моей невестой, позволяет себе гулять с другим, то я имею полное право забрать назад свою собственность.

Кое-как расшнуровав высокий ворот жилетки, я стащила с шеи концентратор и бросила его к ногам Тенеана:

— Ты пожалеешь об этом.

— Кто бы мог подумать, — пропела Нольвен, — кто бы мог подумать, что род Конлет настолько беден, что не может позволить себе купить для дочери концентратор.

Алвориг Конлет дернулся, но ничего не сказал.

— Приятного дня, — Стевен левитировал к себе концентратор. — Надеюсь, Маэлин, что ты поймешь, за кого ты должна болеть, сидя на трибуне. Моя мать придержала для тебя место.

Он крутанул в руках концентратор и добавил:

— Смирись. Будущее предопределено. Капитан Катуаллон, мое почтение.

— До встречи на арене, капитан Тенеан, — с явным намеком произнес Дрегарт.

Стевен чуть побледнел, но нашел в себе силы огрызнуться:

— Не стоит мне угрожать, Катуаллон. Закон на моей стороне. Алвориг Конлет, будьте столь любезны открыть мне портал.

Отец, все так же молча, создал портал и Стевен, подарив нам еще одну издевательскую усмешку, исчез в нем.

— Идем, дочь, — проронил алвориг Конлет и создал еще один портал. — Я провожу тебя до сектора, где тебя ждет квэнни Тенеан.

— Никогда, — коротко произнесла я. — Никогда. И не называй меня дочерью, потому что я отказываюсь принимать тебя как своего отца.

— Ты многого не знаешь, — он скривился, как от зубной боли. — Мы поговорим и ты поймешь. Идем.

— Нет, — отрезала Нольвен. — Дрегарт, открой портал в нашу с Мэль спальню. Пусть моя подруга и верила в лучшее, а я давно сварила все необходимые зелья. Потому что я была уверена, что эти гырбовы дети ударят по слабому месту любого мага.

Мой любимый сотворил портал, не задав ни единого вопроса. И даже не напомнив, что, вообще-то, порталы *напрямую* в комнату запрещены. Просто взял и сделал.

— До свидания, алвориг Конлет, — я постаралась улыбнуться. — Вас не будет на моей свадьбе. Ни вас, ни квэнни Конлет.

— Ты совершаешь ошибку, — в голосе отца мне послышалось раскаяние.

Но мог ли он раскаиваться на самом деле? Ой сомневаюсь.

— Алвориг Конлет, у вас есть основания для нахождения на территории Сагертской Военной Академии? — холодно спросил Дрегарт.

Бросив на меня странный взгляд, отец ушел порталом.

— А это что сейчас было? — ошалело спросил Филиберт.

— Это был мой бывший жених, который никак не может с этим смириться, — я пожала плечами. — А что?

Портал, который продолжал удерживать Дрегарт, замерцал и исторг из себя Нольвен.

— Готовь горло, подруга, — криво усмехнулась моя лисонька. — Это будет очень мерзко. Увы, эти зелья на вкус такие же, как и на состав. И, клянусь своим талантом, ты не хочешь знать, из чего я это варила.

Благодарно улыбнувшись, я приняла первый флакон. Но, несмотря на предупреждение, никакого мерзкого вкуса я не ощутила. Зелья шли как вода, одно за другим. Наверное, эмоциональный удар серьезно повлиял на мое восприятие.

— Он мой, — глухо сказала я, вернув подруге последний опустевший флакон.

— Мэль, — начал было Дрегарт, но я круто развернулась к нему и процедила:

— Он — мой. Я раздавлю его, размажу по арене. А ты мне это обеспечишь, ведь эта гнусная тварюшка будет скрываться за чужими спинам. Будет подставлять вместо себя других.

Дрегарт коротко кивнул.

— Вперед, до начала турнира меньше десяти минут.

— Удачи, — коротко произнесла Нольвен. — Убийство во время турнира карается не столь строго, Мэль. Но все же будь аккуратна. Главное — переломы, а не разорванные артерии.

Доброе напутствие немного снизило накал, но... Я даже не могу сказать, кто мне сделал больнее. Со Стевенем и его моралью все стало ясно в тот день, когда он поднялся на сцену и принял значок лучшего ученика. Алвориг Конлет показал себя во всей красе, когда я покидала дом. И казалось бы, сегодняшнее происшествие не должно было меня удивить. А все равно удивило.

Мы прошли через портал внутри массивной арки. За спиной глухая стена, впереди — залитая ярким светом арена. Абсолютно пустая арена. Только ровный желтый песок и все.

«Кровь будет хорошо на нем смотреться», промелькнула у меня в голове мысль.

— Ты должен был от нее отказаться, — внезапно произнес Филиберт. — С таким количеством зелий — наша победа будет аннулирована.

— То есть теперь ты веришь в нашу победу?

Я ошеломленно посмотрела на Волькана, который, как правило, не лез ни в какие конфликты.

— А тебя вообще...

— Ривелен дело говорит, — усмехнулся Фраган. — А про зелья — не страшно. Мэль без концентратора, о чем мы и заявим.

— И что? — Фил сплунул, — ну заявим и что дальше-то?

— А дальше-то, что тебя никто ни о чем не спрашивает, — осадил его Дрегарт. — Твое дело показать все, на что ты способен. Все остальное тебя не касается.

— А так как я все еще помню, что мы родственники, — с отвращением произнес Фраган, — то я уточню — использование зелий допустимо, если нет концентратора. Или если есть физическое увечье. То есть, правила допускают использование условно-разрешенных составов, если участник от чего-либо отказывается. А тут, как ни крути, лучше с концентратором, чем под зельями.

Усилием воли подавив порыв высказаться в духе: «Давайте не будем ссориться перед боем», я нашла другие слова:

— Твое беспокойство справедливо, Филиберт. Но все будет в порядке.

Ответом мне стал откровенно ненавидящий взгляд. Когда?! Когда я успела наступить ему на хвост?!

— Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один. Одиннадцать часов! Шестнадцатое число! Октябрь! А это значит, что все мы собрались ради Первого Этапа Турнира Трех Академий! Вы слышите? Каждое слово с большой буквы!

Откуда исходил этот грохочущий и откровенно неприятный голос я не видела. Но у меня создавалось впечатление, что он вкручивается мне в мозг, скребет изнутри по черепной коробке и...

«Точно, побочка от зелий», вспомнила я и успокоилась.

— Первой на песок выходит команда Высшей Академии Целительства! Капитан команды — Стевен Тенеан! Молодой и подающий надежды маг!

Я криво усмехнулась и вдруг подумала, что Тенеана можно и поблагодарить. Если бы не он, не его подлость и глупость, сейчас на его месте была бы я. Сосредоточенная, хмурая, ждущая одобрения от отца и матери. И моя лисонька сидела бы где-то на трибуне, не рядом с Мерой, а где-то в стороне — чтобы никто ничего не заподозрил.

«Все к лучшему», хмыкнула я про себя и краем уха отметила, что капитан команды Сагертской Академии Стихий — женщина. Лиоссия Огненная.

— Готовимся выходить, — коротко произнес Гарт.

— На песок выходит турнирная команда Сагертской Военной Академии. Капитан команды — Дрегарт Катуаллон, да-да, тот самый! Его второй номер — Фраган Гильдас, очень, очень правильный выбор. Оставшиеся участники — Филиберт Гильдас, Волькан Ривелен и Маэлин Конлет. Интересный, крайне интересный выбор, алвориг Катуаллон. Посмотрим, к чему он вас приведет.

Мы выстроились клином — впереди Дрегарт, за его правым плечом Фраган, слева Фил. Позади Фрагана я, позади его брата Волькан. Остальные команды стояли так же.

Краем глаза я отметила золото на голубом — когда-то я мечтала примерить на турнире эту форму. Парадную форму военно-полевых целителей. И только сейчас мне пришло в голову, что это несколько

несправедливо — этого факультатива нет в Высшей Академии Целительства.

— Слушайте внимательно, — разнесся по Арене громкий голос. — Правила будут озвучены лишь один раз. Ваши капитаны получают по три флага. И в задачу турнирной команды будет входить следующее: вы должны добраться до центра арены и разместить свои флаги на камне. После этого вы должны удерживать свою позицию в течение часа. Сейчас вы возвращаетесь туда, куда вас перенес телепорт. У вас будет пятнадцать минут, за которые арена сформирует поле битвы.

Мы ошеломленно переглянулись — это первый этап?! Не очень-то похоже ни на классические дуэли, ни на разухабистое «все против всех».

«И как я доберусь до Тенеана?», сердито подумала я. «Он ведь не вылезет из-за спин своих несчастных сокомандников».

— Вернитесь на свои места, — приказал комментатор и мы, круто развернувшись, отправились назад.

А там нас уже ждал... Алвориг Нортренор?!

— Нагрузили общественной работой, — улыбнулся он и подмигнул мне. — Доброе утро, студенты. Это — ваши флаги.

Перед Дрегартом появились три небольших шкатулки.

— Не очень похоже на флаги, — не сдержался Филиберт.

— Разумеется, — кивнул Нейтан, — но если вы, студент, хотите бежать и тащить на плече здоровенный дрын с обмотанным вокруг него полотнищем... Можете вскрыть шкатулки сейчас.

— Фил, захлопнись, — душевно посоветовал брату Фраган.

— Что будет, если мы не удержим позицию? — спросила я.

— О, это довольно интересно. Вам будет необходимо вернуться сюда, получить новые флаги, вернуться, выбить противника и вновь занять позицию.

— И вновь держаться час? — уточнил Дрегарт.

— Разумеется. Так, вопросы? Меня, признаться, крайне неожиданно огорошили этой ответственностью, — Нейтан тонко усмехнулся.

— У нас заявление, — спокойно произнес Дрегарт. — Маэлин Конлет участвует с использованием зелий, повышающих контроль над

даром. Концентратор, переданный ей в прошлом по доверенности, был отозван перед началом турнира.

— Как интересно, — прищурился алвориг Нортренор. — Очень своевременная информация. Я отмечу это в документах вашей команды. Советую подготовиться.

Поблагодарив Нейтана, мы развернулись к выходу. Ну, по крайней мере он должен быть именно в этой стороне. Точнее сказать невозможно, ведь сейчас нас со всех сторон окружает каменная кладка.

— Мы не готовы, — известил нас Фил. — Осада это не то, к чему готовы двое из нас.

— Ты сегодня особенно сильно ненавидишь меня и Волькана, — я прищурилась, — у тебя есть причина или это реакция на стресс?

Он только усмехнулся. Вот только взгляд... Однажды я крайне неудачно оступилась и случайно отдала лапу бродячему псу. Добрейшее существо лишь скорбно заскулило и посмотрело на меня крайне несчастным взглядом. Конечно же я сразу извинилась, залечила лапу (и пару других обнаруженных ран) и накормила пса пирожными. Увы, я шла к Мере и как-то не догадалась прихватить пару сахарных косточек. Так вот, от взгляда Фила повеяло такой же тоскливой обреченностью, какую я видела в глазах бездомной собаки.

«Или мне кажется и все это просто реакция на стресс», подумала я про себя.

— Готовьтесь, — коротко распорядился Дрегарт. — Первое звено щиты на максимум.

Первое звено — это острие нашего клина. Второе звено — мы с Вольканом.

Иллюзия каменной кладки осыпалась искрами и перед нами возник широкий каменный коридор.

«Веет полосой препятствий», промелькнула у меня в голове неприятная мысль.

Стянув с запястья низку бус, я коротко уведомила Дрегарта и запустила вперед три шарика. Увеличенные, они радостно поскакали вперед, чтобы через несколько мгновений разбиться о невидимое препятствие.

Что ж, минус три бусины, но и минус невидимость! Перед нами, в глыбе льда, застыли мы сами. Бледная кожа, синюшные губы и страшные черные глаза — куклы, оживленные ритуалом.

«Ну спасибо, алвориг Нортренор», мрачно подумала я.

— Справа есть проход, — задумчиво произнес Дрегарт.

— Наша задача добраться до камня, — в тон ему отозвался Фраган. — Не касаемся льда. Вижу часть плетения — достаточно одного прикосновения, чтобы пробудить их.

- Я иду первым, за мной Фраган, дальше Мэль, Волькан и Фил замыкающий.

Все четко и понятно. И я, прижимаясь лопатками к каменной стене, осторожно и неторопливо проскальзываю следом за одним из братьев Гильдас. От глыбы льда веет холодом, а у кукол, заключенных в ней, трепещут ресницы. Как будто они вот-вот очнутся.

На другой стороне продолжался все тот коридор. Чистый, как сказал Дрегарт — он запустил несколько мощных поисковиков.

Вот и Волькан перешел к нам. Остался только Фил и мы...

— Ш-шурх!

Лед за секунды осыпался на пол.

— Щиты! — рявкнул Дрегарт и оттеснил меня назад, за спину.

«Как Фил мог задеть их?! Там же танцевать можно было!», промелькнула в голове паническая мысль.

Оживленные кровным ритуалом куклы были невероятно быстры. Но, по счастью, от нас им досталась лишь внешность. Скопируй они нас полностью и это могло бы стать очень быстрым и очень позорным провалом.

Несколько секунд неразберихи и вот мы выстроились как положено. Первое звено — щиты и атака, второе — только атакующие заклятья.

— На тварях все заживает, — выплюнул Фил.

— Сейчас, — коротко и сосредоточенно отозвался Волькан. — Капитан, отбрось кукол щитом и уйди в сторону!

Ривелен выпрыгнул вперед и разбил об пол несколько флаконов. Затем наш алхимик отпрянул назад, одновременно призывая крайне странную модификацию щита. Реактивы, смешавшиеся на полу, сделали крайне не впечатляющее «пф-ф-ф» и превратились в оранжевое марево.

— Алхимик, — успел презрительно бросить Фил.

Все это заняло несколько секунд и куклы, рванувшие назад к нам, прошли как раз по этому мареву.

— Хаос, — сдавленно выдохнула я.

Они растворялись. Мы стояли и смотрели на то, как наши копии растворяются в оранжевом мареве, как пузырится кожа, как...

Решив не трепать себе нервы, я отвернулась и улыбнулась Волькану, который посмотрел на Фила и с достоинством произнес:

— Да, алхимик.

— Идем, мы потеряли несколько минут, — отрывисто бросил Дрегарт. — Фил, что произошло?

— Рука дернулась, — хмуро бросил боец. — Одна из кукол посмотрела на меня и я атаковал.

Дрегарт поморщился и едва уловимым движением погладил висок. Я, поймавшая этой движением, перехватила взгляд Фрагана. Крайне ошеломленного Фрагана. Значит и он заметил, что наш капитан словил очередной укол лжи. Но... Что тогда произошло?

«Он мог просто запнуться», сказала я себе.

— Ты не заметил, как это произошло? — шепотом спросила я у Волькана.

Мы, второе звено, могли немного расслабиться и переброситься парой фраз. Все равно путь разведывало первое звено.

— Не уверен, — шепнул он. — Но мне показалось, что он положил ладонь на лед. Или оперся? Я не рассмотрел.

— Группируемся, — приказал Дрегарт. — Щиты.

Дальше мы шли практически впритирку — вокруг нас дрожало марево мощнейших защитных заклинаний, а за пределами безопасной зоны бесновался Хаос. Ну, по меньшей мере я его себе именно так представляю — взрывы, разноцветные искры, каменная крошка и редкие, но впечатляющие разряды молний. И шум — свист пролетающей мимо щита каменной крошки (такая и убить может), шипение плавящегося камня, впечатляющий треск энергетических молний.

«Я бы продержала щит минуты три, не больше. И то лишь вокруг себя», подумала я. И с невольным страхом посмотрела в спину Фила. Если... Если он не случайно коснулся глыбы льда, то что ему помешает сейчас разрушить общий щит? Могу ответственно заявить, что оказавшись среди этого хаоса без защиты, мы дружно отправимся в целительское крыло. Каменная крошка, со свистом проносящаяся в воздухе, обеспечит осколочные переломы и разрывы мягких тканей.

Но это полбеда — хуже всего разряды энергии. Они не дадут целителям ускорить процесс заживления.

Волькан явно разделял мои опасения — вокруг его рук начал разгораться тот же цвет, что он ставил вокруг своих реактивов, перед тем как куклы столь эффектно в них растворились.

— Как подключиться к твоей защите? — шепнула я.

— Никак, — он мотнул головой, — это алхимический щит. Он не терпит посторонней энергии. Я просто... Я не думаю, что...

Он не договорил и просто пожал худыми плечами. Я кивнула. Волькан правильно сделал, что не стал произносить вслух то, что крутилось в голове. Конечно, вряд ли кто-то услышал наш шепот — щит первого звена не убирал звуки. Но лучше лишний раз промолчать. Это всегда помогает.

— Держим, до выхода из аномалии четыре минуты, — громко проинформировал нас капитан.

Он с легкостью перекрыл шум и скрежет беснующегося хаоса и я, услышав его, немного перевела дух. Все же подозрения разрушают команду.

И тут, будто в ответ на мои мысли, защитный барьер замерцал, в нем начали появляться дыры. Что-то со свистом пронеслось мимо меня, и я лишь краем сознания отметила, как левому виску немного потеплело.

Волькан сдавленно всхлипнул, дернулся и нас окружило белое сияние.

— Кучнее, — сипло выдавил Ривелен, — я не растяну далеко.

«Куда кучнее?!», промелькнуло у меня в мыслях, но у Дрегарта были свои соображения по этому поводу. За доли секунды он перестроил нас так, что Волькан оказался в центре, а мы вокруг него. А после был сумасшедший забег, где все держались друг за друга и старались не вздрагивать, когда истончающийся свет пропускал каменную крошку или энергетический разряд.

— Все. Отдых, — хрипло приказал Дрегарт и я с другом сдержала радостное восклицание.

Не позволяя себе рухнуть на пол, я быстро осмотрелась. И дело даже не в турнире — сейчас за нами следит Мера и все мои просчеты... О, бабушка не забудет. И устроит мне «ускоренное

обучение методом погружения», если просчеты будут слишком глупыми.

«Так, круглое помещение, арка через которую мы вошли — черная, напротив нее — белая арка, перекрытая ледяной решеткой», от раздумий меня отвлек тихий шорох.

Это был Волькан. Он просто стек на пол. И я, отбросив лишние мысли, опустилась рядом с ним на колени. Диагност показал сильное нервно-магическое истощение. Что ж, это лечится длительным отдыхом, чего мы не можем себе позволить. Но зато лекарственные зелья купируют симптомы.

Вытащив свою аптечку, я взяла флакон, громко и четко произнесла его название — для наблюдателей — и влила раствор в Ривелена.

— Через три минуты сможем выдвигаться, — не поднимаясь с колен, я посмотрела на Дрегарта. — Что случилось со щитом?

— Не сейчас, — хмуро произнес капитан.

Он, как и Фраган с Филом, стоял перед ледяной решеткой. Все трое попеременно бросали в прутья проклятья. И, как мне кажется, прутья становились все толще и толще.

— Хорошо, — кивнула я. — Ты не думаешь, что магия питает это препятствие?

— Я заметил, — кивнул Дрегарт и залил преграду фиолетовым огнем.

Очевидно, у капитана есть план.

— Что ты мне дала? — с интересом спросил Волькан. — То есть, я слышал название, но не знаю такого зелья. Смешное название — «Лучший друг».

— Скажи спасибо, — фыркнула я, — что Совет Магов не позволил создателю оставить первичное название. «Лучший друг истерички» звучит не так приятно, как просто «Лучший друг». Это довольно вредный состав, он насильно приводит организм в порядок. Купирует все негативные эмоции.

— Он продается в аптеках? — заинтересовался Волькан и осторожно сел.

— Продается, — я нахмурилась и предупредила его, — но не вздумай его принимать на постоянной основе. Достаточно недели, чтобы организм привык к зелью.

— К хорошему быстро привыкаешь, — хмыкнул парень и с моей помощью поднялся на ноги. — Капитан, я могу идти.

— Мэль? — Дрегарт перевел взгляд на меня.

— Он может ковылять, — усмехнулась я. — Через минуту пойдет и даже побежит.

— Сядь и отдыхай, — приказал капитан Волькану, — в нашей ситуации минута уже ничего не решает. Тем более бежать пока некуда.

И я, согласно кивнув, посмотрела на решетку, которую парни уже безбожно «раскормили» магией. Кажется, я что-то слышала про переполнение силой и разрыв контура заклятья. По крайней мере, в охранную сеть магию нужно вливать осторожно, по капле.

— А оно не разлетится ледяными осколками? — прищурилась я. — Факультатив по выращиванию глаз я прошла на отлично, но... Здесь не очень комфортные условия для такого занятия.

— Все продумано, — улыбнулся Фраган.

Дрегарт коротко кивнул и подошел ближе к препятствию. Сноп фиолетовых искр и лед с тихим шорохом осыпается нам под ноги.

— А теперь бегом, — приказал капитан. — Шкатулки позволяют мне чувствовать направление, так что не заблудимся.

Поворот, еще поворот, еще. Развилка — но Дрегарт уверенно пер вперед. Он не сомневался и мы не сомневались в нем. Хотя я, если честно, все равно краем глаза следила за Филом. Вот не удивлюсь, если он разрушил щит в том безумном коридоре!

Где-то справа мелькнула золотисто-голубая вспышка. Целители?!

— За правым поворотом. Фраган и я — щиты, Мэль и Волькан — любой ценой уничтожьте флаги. Они еще не успели закрепиться на позиции и сейчас идеальный момент, чтобы отправить противника за новыми флагами.

— А я? — коротко спросил Фил.

Но ему Дрегарт ничего не ответил.

— Три, два, один. Пошли!

Вокруг нас с Вольканом разгорелось золотисто-фиолетовое свечение и мы, ни капли не сомневаясь, вылетели вперед. И были до крайности поражены увиденным — никто не охранял флаги! Мои бывшие сокурсники уселись на полу и отдыхали, перебрасываясь короткими фразами.

Все было решено за секунду — не мудрствуя, я просто сотворила мощный щит, и толкнула его от себя, снося флаги с круглого гранитного камня. А Волькан... Вначале я подумала, что он растерялся, но его заклятье, пущенное чуть позднее моего, столкнулось с остаточными искрами моего рассыпавшегося щита и... Скрикошетило в Стевена!

— Спасибо, — шепнула я. — Приятно.

«А еще немного жутко», это я уже оставила при себе. Почему жутко? Да потому что настолько идеальный расчет — это реально жуть. Я бы не смогла. Нет, будь у меня время, то может быть. Но вот так, за пару мгновений — нет.

— Кажется, турнирной команде Высшей Академии Целительства пора идти за новыми флагами, — хмыкнула я, отбрасывая лишние мысли.

И только сейчас они начали подниматься на ноги. Да, мы неожиданно выскочили, да, в эту комнату ведет по меньшей мере восемь проходов. Но Хаос побери, они же просто сидели и ждали, чем все закончится!

— Ты здесь, — задумчиво произнес Стевен и убрал флягу, с которой и сидел, когда мы вылетели к камню. — Дурной выбор, Маэлин. Посмотри, на виске ссадина, лицо залито кровью. Это твоя жизнь?

— Потрясающая жизнь, — усмехнулась я.

Целители уходили быстро. А я думала только о том, что Дрегарт слишком благороден. Мы ведь могли напасть. Потрепать их до того, как они придут нападать на нас.

— Мэль, Волькан, — Дрегарт одну за одной открыл шкатулки, — вы заслужили.

И мы, приняв увесистые флаги, подошли к камню. Фраган помог нам, убрав с камня все лишнее, оставшееся от целителей. Последний, третий флаг, установил капитан.

— У нас мало времени. Мэль, ты брала свои наработки?

— Смогу перекрыть три прохода, — отчиталась я.

— У меня тоже остались реактивы. Не такие эффективные как те, — это он произнес с сожалением, — но и убивать нам вроде никого не нужно.

— Действуйте и не отвлекайтесь, — приказал Дрегарт и развернулся к Филу, — ты сознательно ослабляешь нас?

Хаос, я не могу одновременно расставлять ловушки, подслушивать и подсматривать!

— Нет, — бросил Филиберт.

В его голосе было столько эмоций, что я, не удержавшись, оглянулась. И увидела, как мой капитан, неуловимо поморщившись, мазнул перепачканными кровью пальцами по виску. После чего нарисовал в воздухе заковыристый знак и четко произнес:

— Мы просим замену.

«Работай, Мэль», приказала я сама себе и заставила себя отвернуться.

— Основание?

Я не сразу опознала голос алворига Нортренора. И чуть было не активировала ловушку, потому что слишком сильно отвлеклась.

— Саботаж, — коротко ответил Дрегарт и добавил, — я слышу, когда мне лгут. Соответствующая запись есть в моей целительской карте.

— Вы осознаете, что замену можно произвести только один раз за все время Турнира?

— Да.

— Имя нового участника? — ровно спросил Нейтан.

— Нольвен Лавант

«Как бы лисонька сейчас со скамейки не рухнула», пронеслось у меня в голове.

— Правомерность произведенной замены будет рассмотрена на совете преподавателей Сагертской Военной Академии. Ожидайте прибытия нового бойца, — уведомил нас Нейтан.

И едва он договорил, вокруг Фила взвихрилось облако аварийного портала. Я, заморозив пылающую в моих руках ловушку, посмотрела на него. Но он был равнодушен к чужим взглядам. Бледный, с горящими глазами, он тихо произнес:

— Прости. Я знаю, что для тебя это важно.

Фраган, которому были адресованы эти слова, только сплюнул и отвернулся.

— Мэль? — коротко произнес Дрегарт.

Вспыхнув, я разморозила последнее заклятье и отчиталась:

— Ловушки установлены.

— Ловушки установлены, — повторил за мной Ривелен.

— Займите позицию вокруг камня. Ваша задача — защита флагов.

Мы будем защищать вас и атаковать противника, — спокойно произнес Дрегарт.

Я коротко кивнула и озадаченно посмотрела на камень с флагами. Как?! Мои щиты хоть и сильны, но... И тут мою голову посетила гениальная мысль! Кто придет к нам первыми? Стихийники! А они еще не видели флагов и не знают, куда их устанавливать! А это значит, что пришло время для заклатья Меры!

Свою тонкую мантию из фаты я свернула в колбаску и сунула в один из карманов. Я не рассчитывала использовать ее в этом туре. Но мало ли, что я не рассчитывала? Главное, что это предусмотрели организаторы турнира!

— Помощь нужна? — спросил Волькан, глядя как я балансирую на гладком и покатом камне.

— Справляюсь, — пропыхтела я, и прежде чем рухнуть, окутала все три флага своей полупрозрачной магией.

Приземлилась я очень удачно, как учили. Только ругнулась на то, что ссадина на виске отозвалась всполохом боли. Но сейчас у меня нет лишней энергии, чтобы залечить настолько простое повреждение.

«Хаос, будь я в два раза шире, маскировка вышла бы лучше», подумала я, глядя на то, как из-под мантии торчат три деревка.

— Что у вас происходит? — напряженно спросил Дрегарт.

Поразившись его выдержке — он даже не обернулся — я отчиталась:

— Скрыли флаги.

— Хорошо. Нарастает шум.

Мы с Вольканом переглянулись и встали по разные стороны камня. Если бы нас было трое!

«А лучше четверо», посмеялась я против себя и тут же создала ростовой овалный щит.

— Минута до прибытия противника, — произнес Дрегарт.

Я дернулась и с отвращением почувствовала, как расходятся края моей ссадины и как по щеке вновь начинает течь теплая кровь.

«Даже не хочу представлять, как выглядит настоящий бой», подумала я.

И в этот же миг что-то грохнуло в том коридоре, выход из которого перекрывала я.

— Началось! — выкрикнул Фраган.

— И я с вами!

Нольвен появилась из ниоткуда и тут же стала частью внутреннего защитного круга. Она как-то сама догадалась, что помощь нужна именно нам с Вольканом! В итоге из нас троих получился великолепный треугольник.

Это было быстро. Фраган и Дрегарт перемещались вокруг нас используя малые порталы. Секунда — он здесь, вторая — уже где-то позади. Или слева. Или справа.

Все что я могла делать, это отражать яркие энергетические сполохи — я ловила их на свой ростовой щит. Где-то позади заковыристо ругалась лисонька и, изредка, до меня доносились черные сполохи ее излюбленного заклятья.

— Надо уничтожить их флаги! — яростно выкрикнула Нольвен. — Фраган, прикрой меня.

Фраган на это только сдавленно выругался — он и без того разрывался на части.

Но если моя лисонька что-то втемяшила себе в голову, то единственный путь — это покориться. И судя по проклятьям Фрагана, он это понял. Увы, у меня не было ни единой лишней секунды чтобы оглянуться и посмотреть, что же там происходит — стихийники били мощно и не разменивались на мелочи. Они не целились, а просто массированно атаковали центр нашего треугольника.

— Фраган! — крикнула моя лисонька.

— Да твою же...

Остаток его возгласа поглотил мощный энергетический разряд и мы могли лишь догадываться о том, что хотел сказать один из братьев Гильдас.

— Хватит!

Это был смутно знакомый женский голос.

— Мы уходим, — продолжила она. — Хоть это и подло, уничтожить флаги до того, как они будут установлены.

— Ну прости, — фыркнула в ответ Нольвен.

А я только вздохнула — все прошло мимо моих глаз.

Вокруг замаскированных флагов вспыхнуло фиолетовое защитное пламя и капитан коротко распорядился:

— Мэль, посмотри что с рукой Фрагана. Волькан, Нольвен — отдых.

Коротко кивнув, я обернулась, нашла взглядом раненного и тут же поспешила к нему. Гильдас, неловко прижимая к себе руку, сидел на полу. Рядом, с крайне виноватым видом стояла Нольвен.

Запустив диагност, я перевела дух — переломов нет. А небольшую трещинку я стабилизирую, чтобы не причиняла беспокойств здесь и сейчас.

— Вот и все, после турнира — к целителям, — я закончила колдовать над его рукой.

— Ты про себя или про других? — с улыбкой спросил Фраган.

— Как захочешь, — фыркнула я.

Гильдас поднялся на ноги, поклонился мне и, подхватив Нольвен под локоток, отвел в сторону.

— Ты рискнула и почти проиграла, — донесся до меня его серьезный голос.

— Я не хотела, чтобы ты из-за меня подставлялся, — хмуро буркнула моя лисонька.

— Моя задача — защищать тебя, Мэль и Волькана. Вы — последний рубеж обороны.

— Я поняла, — коротко бросила Нольвен.

— Но в целом ты молодец. Просто поторопилась.

А я в который раз остро пожалела, что все происходило за моей спиной. Увы, мы с Вольканом едва успевали перехватывать остаточные искры от проклятий.

— Дрегарт, не слышно прибытия противника? — обратился Фраган к нашему капитану.

На что тот спокойно ответил:

— Мимо брошенных мною маячков никто не проходил. Здесь хорошо разветвленная сеть коридоров, так что не стоит надеяться только на них. По времени они уже должны быть близки — путь и ловушки известны.

— Ясн...

Ответ Фрагана перебил оглушительный взрыв. Я, Нольвен и Волькан тут же вернулись на свои позиции. И лисонька, пока не

началось сражение, быстро спросила:

— Это тот состав, который кристаллизуется в воздухе? Ну, который осколки взрывной волной разносит?

— Да, — коротко ответил Волькан. — Не убьет, но посечет.

А я не знала, чему удивляться — осведомленности Нольвен или гениальности Ривелена. В итоге решила сосредоточиться на сражении. Меньше всего мне хотелось бежать со всех ног за новыми флагами, атаковать и еще час напряженно ждать.

— Точно не убьет? — напряженно осведомилась моя лисонька, когда устала ждать появления противника.

— Точно, — с сомнением ответил Волькан. — Я ведь не мог ошибиться?

— Меня пугает вопросительная интонация, — хохотнул Фраган.

— Они пошли в другой коридор. Задели мой маячок, — пояснил Дрегарт.

Прибавив энергии своему щиту, я с отвращением поняла, что у меня полный рот крови. Здравствуй, еще одна побочка.

«Кажется, из моего организма зелье выводится быстрее», пронеслось у меня в голове.

Примерно подсчитав, я поняла, что до отката мне осталось около часа.

— Дрегарт, у меня кончается время, — коротко произнесла я.

— Понял.

Он стоял спиной ко мне и тоже не мог обернуться. Но я точно знала, что он беспокоится. Можно сказать, что я чувствовала его волнение.

Несколько вспышек света и громкий свист — а это уже мои сигнальные ловушки. Там еще вплетена парочка приветов из нашего общего целительского прошлого. Так что, если ребята из команды противника расслабились, то сейчас с них начнет слезать кожа.

— Вижу цель, — коротко выдохнул Фраган.

Это было легко. Нет, серьезно. Это было настолько просто, что мне даже стало стыдно. И пусть мне удалось улучшить секунду и заново проклясть Тенеана... Хаос, это было просто избиение младенцев!

В итоге команда целителей сбежала, оставив на поле боя шкатулку с флагами. Причем сбежали они крайне неудачно, вновь напорвшись на ловушки Волькана.

— Так, без шкатулки им флаги либо не дадут, — задумчиво произнес Фраган, — либо они их попросту не дотащат. Остается отбить последнюю атаку стихийников.

— Мэль? — Дрегарт подошел ко мне. — Как ты?

Я только плечами пожала:

— Приемлемо. Кто-нибудь считает время?

— Камень считает, — тихо сказал Волькан и кивнул на призрачные цифры, горящие на граните. — Осталось одиннадцать минут.

Стихийники не успели. Или, как ехидно подметила моя лисонька, *не захотели* успеть. И судя по тому, какой отдохнувшей и опрятной выглядела команда Лиоссии Огненной, моя подруга была как всегда права.

Как мы их увидели? Очень просто — как только вышло время, все декорации исчезли и мы оказались на желтом песке Арены. За нашими спинами красовались флаги — Волькан вовремя успел сдернуть маскировку, а перед нами замерли противники. Стихийники старательно делали вид, что очень огорчены проигрышем, а вот целители... Взмыленные, они сжимали в руках флаги. Они *действительно* надеялись победить на этом этапе?!

— Первый этап приносит победу Сагертской Военной Академии, — разнеслось над нами. — Чествуйте победителей!

Гром аплодисментов, обрушившийся на нас, заставил меня покачнуться. Откуда-то сверху посыпались мелкие конфетти, лепестки каких-то цветов и полупрозрачные ленточки.

— До встречи на втором этапе! А сейчас капитаны проигравших команд поздравят своего более удачливого товарища!

Лиоссия Огненная первой подошла к Дрегарту и, протянув ему руку, сказала:

— Это было быстро и эффективно. Моя академия предпочитает эффективность.

Стивен же просто молча пожал Дрегарту руку и поспешно отошел в сторону. Что не мог не заметить комментатор:

— Кажется, капитан целительской турнирной команды искренне раздосадован своим проигрышем. Что же кроется за этим? Давайте будем откровенны, этот этап всегда остается за Военной Академией. Думаю, здесь скрывается какая-то пикантная тайна!

«Ну спасибо», мрачно подумала я. «Хотя, это не моя проблема. Пусть алвориг Конлет напряжется и спасет свою репутацию».

Торжественная часть завершилась и мы вновь оказались внутри того же самого алькова, из которого вышли на арену. Там нас уже дожидался портал, алвориг Нортренор и целитель. У меня взяли кровь, чтобы проверить, точно ли я приняла именно те зелья, о которых было сказано. После чего целитель коротко поклонилась и ушла своим собственным порталом.

— Этот портал приведет вас в ресторацию, — пояснил Нейтан. — Там собрались ваши родные и близкие люди.

— Фрагану было бы неплохо к целителю, — нахмурилась я.

— И нам бы всем переодеться, — поддакнула лисонька. — Я вообще в драном платье!

Только в этот момент я обратила внимание на одежду Нольвен. И на ее декольте, из которого торчал *любопытный* букет цветов. Синеньких таких, мелких, с одной единственной лилией. Хаос, хорошо хоть Лилей не вмешался!

— Это традиция, — развел руками Нейтан.

Нам оставалось только шагнуть портал. Алвориг Нортренор последовал за нами.

— Надо же, — Нольвен увидела их первой, — и хватило же наглости.

Я проследила за ее взглядом и только усмехнулась, увидев алворига и квэнни Конлет:

— Я не удивлена. Пошли к Меровиг. Меня вот-вот накроет откатом, хотелось бы покинуть это прекрасное заведение до судорог.

Бабушка поняла все с первого взгляда и, сунув мне в руку бокал с вином коротко приказала:

— Пей, потом ешь, — в этот момент мне в пальцы впихнули пирожок, — и прощайся. Это тоже традиция — порой людей прямо отсюда забирали в дом исцеления.

Сделав все, как сказала Мера, я поймала на себе взгляд квэнни Конлет — она явно пыталась подойти ко мне, но не успела. Меня уже поглотила воронка портала, из которого я вышла уже в нашей с лисонькой комнате. Не в общежитии, а в доме Меровиг.

Быстро раздевшись, я распустила волосы и заплела их в простую косу. Затем легла в постель и прикрыла глаза. Это будут очень, очень

тяжелые и муторные часы.

Глава 17

«Когда я смогу говорить, я обязательно спрошу у лисоньки, было ли у нее когда-нибудь желание попробовать звук на вкус», отрешенно подумала я и тут же стиснула зубы — меня вновь скрутило сильнейшей судорогой.

Рядом никого не было — Мера, диагностировав меня, выдворила всех вон. Затем поставила у кровати кувшин с водой и ушла. Оно и правильно, помочь никто не может, а сидеть и смотреть как меня корчит... Нет, спасибо, это я предпочту пережить в одиночестве.

Окончательно меня отпустило под утро — я успела оценить великолепнейший рассвет, прежде чем провалиться в сон. И что самое интересное, открыв глаза, я вновь увидела рассвет.

«Минус сутки», хмыкнула я про себя и села на постели. Голова немного кружилась, но это от голода. Выбравшись из пропитанной потом постели, я взяла чистую одежду и направилась в ванную комнату. Пусть меня и шатает от недостатка пищи, а недостаток чистоты все равно угнетает сильнее.

На выходе из ванны меня перехватила Нольвен:

— Жаль, не с кем было поспорить.

— О чем? — вяло, без интереса спросила я.

— О том, куда ты пойдешь в первую очередь, — фыркнула подруга. — Как ты?

— Как будто меня пожевали и выплюнули, — я криво усмехнулась. — В редкие минуты просветления, мне до безумия хотелось попробовать звук на вкус. Будь прокляты эти цикады!

— Какие цикады, Мэль? — оторопела Нольвен, — октябрь!

— Значит, будь прокляты эти галлюцинации, — не смутилась я. — Идем скорей на кухню, я сейчас умру от острого недоедания.

— Больше тебя ничего не беспокоит? — подозрительно прищурилась Нольвен.

Улыбнувшись, я попросила лисоньку не задерживать голодающих. Какой смысл говорить о жаре в груди? Ясно, что это ожог дает о себе знать. Но...

«Но я не буду сейчас думать о том, как мне учиться и работать без концентратора», сказала я себе.

Удивительно, но внизу, помимо Меры и Нейтана, оказалась вся наша команда, за исключением, разумеется, Филиберта.

— Мы решили отпраздновать победу узким кругом, — хмыкнула Мера и выпустила клуб дыма. — Садись за стол и сегодня я даже прощу тебе отсутствие манер.

Щелчком пальцев испарив трубку, она хитро прищурилась, глядя, как я выбираю место. Рядом с Нольвен или...

— Всем доброе утро, — улыбнулась я и пристроилась на свободное место рядом с Дрегартом.

Несмотря на раннее время, стол был накрыт по обеденному плотно. И пусть Мера разрешила мне отринуть правила этикета, я себе этого позволить не могла. Да и, право слово, не так и долго я голодала.

— Все наелись? — Мера усмехнулась и хлопнула в ладоши, — если кого-то ошпарит кипятком — я не виновата.

В этот же момент со стола исчезли все столовые приборы и блюда, а с кухни к нам полетел кофейный сервиз.

— Вот что я называю идеальным контролем, — удовлетворенно произнесла Меровиг, когда огромный кофейник встал ровно в центре стола.

— Но ты задела меня блюдцем по уху, — недоуменно произнес Нейтан.

— А это статистическая погрешность, — хмыкнула Мера и добавила, — к тому же, откуда тебе знать, случайно ли я это сделала?

— Какая жестокость, — вздохнул алвориг Нортренор и, подхватив взглядом кофейник, заставил его налить кофе всем, кроме бабушки.

Но разве это могло смутить Мэру? Она просто забрала себе чашку Нейтана и, отпив, задумчиво произнесла:

— Изумительный аромат. Оцените всю красоту вишневой горечи.

Как по мне, это был не кофе, а какая-то кисло-горькая бурда. Но спорить с Мерой? Ни за что. Тем более, что никто не просит меня высказать свое экспертное мнение.

— Как тебе, Мэль?

Ан нет, все-таки просит.

— Сложный вкус, — осторожно произнесла я, — оценит лишь гурман.

— Сколько вранья в ее словах? — бабушка тут же посмотрела на Дрегарта.

А тот лишь улыбнулся:

— Нисколько. И я, если вам интересно, полностью присоединяюсь к мнению Мэль. Сложный вкус.

— Да вы прирожденные дипломаты, — восхитилась Меровиг, — я плевалась этим кофе.

— Мне было немного неловко стоять рядом, — шепнул нам Нейтан.

— Как можно так изгадить прекрасный напиток? — бабушка сердито цокнула, — так что я купила побольше, чтобы вы тоже могли им насладиться. Милая, почему ты оглядываешься?

Нольвен, пожав плечами, честно ответила:

— Жду, когда из кухни прилетит кофейник с нормальным кофе. Я не дипломат, так что вкус не сложный, а отвратный. Можно мне воды? Если нет нормальных зерен.

— Все есть, — фыркнула Мера. — Когда это у меня не было хорошего кофе?

— Только когда мы его выпивали, — тонко улыбнулся Нейтан и встал, — во избежание статистических погрешностей, я сам его принесу.

Через пару минут мы все сидели и наслаждались бархатистым вкусом обычного кофе. И, клянусь, он показался в несколько раз вкусней. А все потому что есть с чем сравнить.

— Поздравляю с хорошо завершенным первым этапом, — серьезно произнесла Меровиг. — И одновременно, не поздравляю с тем, что вы прошляпили предателя в собственной команде.

Фраган, который сидел рядом с Вольканом и не решался даже вздохнуть лишний раз, потупился.

— Моя вина, — хмуро произнес он.

— Нет, — возразил Дрегарт. — Моя.

— Верно, — кивнула Меровиг, — это вина капитана. Что было на слушании?

«Хаос, сколько же я всего пропустила!», сердито подумала я.

— Филиберт утверждает, что его подкупили, — Дрегарт откинулся на спинку стула. — Но это ложь. Ректор Аделмер смог запутать его в достаточной мере, чтобы нам удалось понять — его чем-

то шантажируют. Когда Филиберт понял, что проговорился, он замолчал и отказался отвечать даже на самые безобидные вопросы.

— Отец забрал его из Академии, — тихо сказал Фраган. — Алвориг Гильдас в ярости.

— Его можно понять, — со вздохом произнес Нейтан. — С трибун все было видно — и как он приложил ладонь к ледяной глыбе и как прекратил подачу энергии в общий щит.

— Вопрос в том, имеет ли Филиберт отношение к Тенеанам, — глубокомысленно спросила Мера.

— Не имеет, — тут же отреагировал Дрегарт. — Я задал этот вопрос до того, как он замкнулся.

— А что если, — несмело произнес Волькан и замолчал.

И Мера, хищно посмотревшая на него, тут же подбодрила алхимика:

— Здесь не убивают за смелые гипотезы.

— Только стебют, — шепнула Нольвен.

Волькан улыбнулся и чуть смелее произнес:

— Фил постоянно помогает... Помогал квэнти Вайрин. Иногда казалось, что он в нее влюблен — таскал учебники, передвигал мебель. Ну, все такое, что можно просто сделать магией.

— И постоянно сливал информацию о тебе, — Фраган посмотрел на Дрегарта. — Но чем она могла его прижать?

— Это вы узнаете в Академии, — кивнула бабушка. — Надеюсь, справитесь.

— Она сказала, — вспомнила я, — что у нее есть тот, кто из-за нее готов на все. Я тогда еще уточнила, мол, «из-за» или «ради». Она разозлилась.

— Не будь ты такая бледная, я бы тебя прокляла, — душевно произнесла бабушка. — Кто «она»?

— Ильяна Вайрин. Разве есть еще варианты?

— Недомолвки между союзниками — путь к поражению, — пафосно сказала Мера. — Кстати, это тебе.

Меровиг щелкнула пальцами и передо мной зависла черная лакированная шкатулка. Взяв ее в руки, я поблагодарила бабушку и просто положила подарок на стол.

— Что? — недоуменно спросила я, поймав возмущенный взгляд Меры.

— А открыть ты ее не хочешь? — бабушка материализовала трубку и принялась ее сердито раскуривать.

— В таких шкатулках ты хранишь украшения, — я нахмурилась, — потом посмотрю.

Бабушка прищурилась и я тут же передумала, схватила шкатулку и откинула крышку. А там...

— Ты вырезала весь род Тенеанов и в качестве добычи забрала мой концентратор? — ошеломленно спросила я.

— Приятно, — приосанилась бабушка, — но нет. Это копия. Ты же не думаешь, что мы отсыпали вокруг тебя песок и раскладывали камни только ради диагностики?

Я только плечами пожала:

— Ритуалистика — не мое. Спасибо. Это...

Вытащив кулон из шкатулки, я поспешно надела его на себя:

— Спасибо.

— На него есть комплект документов, и тебе придется держать их при себе, — серьезно сказала Меровиг.

— Думаешь, Стевен попытается отобрать и его? Хотя, учитывая его подлость...

Тут бабушка покачала головой:

— Не подлость. Хотя да, он та еще мразь, но кулон он забрал по другой причине. Пошли слухи, что Совет не просто так откладывает рассмотрение заявки Тенеанов. Они принялись подчищать следы и твой кулон был... Он бы очень нам пригодился. Увы, я подумала, что твой отец попробует его у тебя отнять и запереть в сейфе. Но что концентратор в принципе не принадлежит Конлетам... Такого я вообразить не смогла.

И она явно чувствовала себя виноватой.

— Никто бы не смог, — с сочувствием произнес Волькан. — Это такая дикость.

— Какая прелесть, — умилилась ему бабушка.

— Что теперь будет? — спросила я. — Если не останется доказательств, то они выйдут сухими из воды?

— Уже не выйдут, — бабушка покачала головой. — Но тебе, Мэль, ходить одной противопоказано.

— Ты говорила, — кивнула я.

— Мы повторим столько раз, сколько понадобится, — хмуро произнес Нейтан. — Никто не знает, как именно они снимают проклятье. Мы знаем, *что* им нужно для этого. Но *как*... И сейчас, пока проклятье еще на них, есть возможность заставить Ривера Тенеана выйти в Круг Истины. Если следов проклятья на нем обнаружено не будет, то и причин вызвать его тоже не будет.

— А обнаруженные нами книги, — Мера развела руками, — эти свидетельства никто не примет. Дрегарт, следи за ней. Прошу.

— Мэль важна для меня, — серьезно произнес мой капитан. — Я буду защищать ее без лишних просьб.

— Тогда собирайтесь и возвращайтесь в Академию, — бабушка вздохнула.

«Точно, нас же там сюрприз ждет», я усмехнулась и, встав из-за стола, отправилась собираться.

Впрочем, «собираться» это слишком громко сказано. Я просто обдала очищающими чарами свой турнирный костюм и упаковала его в мешок. В Академии оставлю в корзине для грязного белья. Так-то мне больше ничего и не нужно.

В дверь сунулась Нольвен:

— Ты как, сильно нагружена?

— Нет, — я покачала головой. — А что?

— Да надо кое-что из зельеварни взять.

В общем, моя лисонька нагрузила всех. Парням досталось по увесистой коробке в каждую руку, а на нас с ней осталось по кульку.

— Должен ли я уточнить, что нельзя варить зелья в своих комнатах? — смущенно спросил Волькан.

— У нас есть доступ к лаборатории профессора Эльраваран, — улыбнулась я. — Но спасибо, что уточнил.

— Неужели у профессора в лаборатории чего-то не хватает? — оторопел Волькан.

— Некоторые вещи не всегда свободны, — рассеянно отозвалась Нольвен и тяжело вздохнула, — я ситечко забыла.

Посмотрев на огорченную лисоньку, я искренне попыталась вспомнить, для чего оно нам нужно. И не смогла! Вроде бы процеживать нам нечего, а если бы и было, так взяли бы у профессора. Уж на эти-то мелочи очереди нет.

— А тебе для чего? — с интересом спросил Волькан, — у меня есть просеиватель с крупными ячейками.

— А? Да нет, для чая, — отмахнулась лисонька. — В комнате стараемся лишний раз не колдовать — книги же все впитывают.

А у меня сработала странная ассоциативная цепочка: магия — книги — чай — вода — Лилей! И я принялась украдкой рассматривать подругу, выискивая любопытные цветоносы. Но их не было.

— Ты навещала Академию, пока я, кхм, отлеживалась? — с намеком спросила я.

Нольвен на мгновение замерла, а после вновь пошла своим пружинистым, энергичным шагом:

— Ага, ну знаешь, букет в вазу поставить и все такое. Воды долить.

— Точно, у вас же теперь домашнее растение, — усмехнулся Фраган, — ты, кажется, с него букет нарезала? Для, м-м-м, для украшения платья.

— Не нарезала, — аккуратно возразила моя лисонька.

А я только вздохнула — и что мне было не потерпеть? Уж всяко Нольвен бы не забыла Лилея у бабушки!

«А если бы и забыла, так Мера бы нас догнала и напомнила», хмыкнула я про себя.

За негромкой болтовней мы и не заметили, как добрались до главных Академических ворот, от которых идут три дорожки. Прошли по черной — я с некоторым злорадством посмотрела на наказанных студентов-целителей, которые щетками натирали белоснежные плиты — и поднялись по лестнице. Где столкнулись с небольшой проблемой — вещей много, а до комнаты может дойти один только Волькан. И то не факт, что он при парнях в этом сознается.

— Я неплох в левитации, — серьезно сказал Дрегарт и тут же испортил все впечатление, — там есть хрупкие вещи?

— Разумеется, — оскорбилась Нольвен. — Там все хрупкое!

— Ставьте здесь, а мы все перетаскаем, — предложила я.

— Я помогу, — тихо сказал Волькан, чьи уши стали насыщенно-малинового цвета.

Но к чести ребят, они никак это не прокомментировали! Так что приободрившийся Волькан за несколько ходок перенес нам все коробки. И даже помог их расставить. Мы с лисонькой поделились с

ним тремя шоколадками с орехами и договорились встретиться со всеми за обедом.

— Сегодня и завтра мы еще отдыхаем, — напомнил алхимик, — а после учебная неделя.

— Ну, от той недели всего два дня остается, — улыбнулась я. — Спасибо.

И только когда алхимик ушел, до нас с подругой дошло, что мы — балбески! За каким Хаосом мы все потащили в комнату, когда нести нужно было в лабораторию профессора Эльраваран?

— Кто не пользуется головой, тот работает руками сверх необходимого, — вздохнула моя лисонька. — Хотя... Некоторые вещи можно и тут сварить.

Постаравшись скопировать смущенный тон Волькана, я спросила подругу:

— Должна ли я уточнить, что нельзя варить зелья в своих комнатах?

— А как они узнают? — с хитрой улыбкой спросила Нольвен. — Рассказать-то некому.

— И то верно. Мне бы витаминное зелье не помешало.

«И обезболивающее», но это я сама аккуратненько смешаю. В груди так и печет, как будто концентратор заново себе место выжигает. Я бы испугалась, да вспомнила, что уже проходила этот этап. Алвориг Конлет тогда сказал: «Это нормально, так у всех». Я поверила. Сейчас же я знаю, что так — только у меня. Но это, увы, тоже нормально.

До обеда время пролетело незаметно — мы сделали небольшую перестановку и нашли место под самый маленький котел и горелку для него. А так же перераспределили вещи, чтобы было сподручнее их нести в лабораторию. В общем-то, если бы не Лилей, то обед бы мы пропустили.

И только после обеда, когда мы наслаждались чаем с вафельками — комплимент от поваров за пройденный первый этап — я вспомнила:

— Я не увидела Тревёр во время турнира. Нольвен?

Лисонька поспешно прожевала вафельку и ответила:

— Была. Она же, по идее, должна быть капитаном. Но капитанство отдали Тенеану. Ну, собственно, и на сцену его первым не по справедливости позвали. Так вот, Тревёр тогда уперлась и сказала, раз она не капитан, то рядовой. И отказывается нести какую-либо

ответственность. Ты обратила внимание, что несколько целителей были в масках?

Я честно напрягла память и помотала головой — когда мы с Вольканом уничтожали флаги, мне было не до того. Да и после — тоже.

— Я заметил, — сказал Дрегарт.

— И я, — кивнул Фраган.

— Вот, — кивнула Нольвен, — ребята сняли с себя ответственность за турнир. В целительской академии чуть иное отношение к этому всему.

— Если турнирная команда не согласна с решениями своего капитана, то они могут закрыть лица. В случае проигрыша им не будет стыдно, а в случае выигрыша — их имен не будет на доске почета, — припомнила я. — Тревёр молодец. Я бы на ее месте тоже предпочла безвестность.

— А я бы на ее месте отправила Тенеана в целительское крыло на пару месяцев. С каким-нибудь особо хитрым отравлением, — хищно усмехнулась Нольвен. — Тем более что ей есть на кого свалить.

— На кого? — оторопела я.

— На нас с тобой, — пожала плечами Нольвен. — На кого ж еще? Волькан поперхнулся смешком:

— Тогда будем надеяться, что квэнти Тревёр не додумается до этого.

— Это уже бессмысленно, — отмахнулась я. — Раз она вышла на первый этап с закрытым лицом, то обратно уже не отыграешь. Кстати, я правильно понимаю, что следующий этап — шестнадцатое января?

— Абсолютно верно, — улыбнулся Дрегарт. — И завершающий этап — шестнадцатое апреля. Единожды выбранное число остается непреложным на все время проведения турнира. Так что у нас есть время, чтобы подготовиться.

— Последний раз это был лабиринт, — припомнила Нольвен. — Где двери можно было открыть только дав правильный ответ на вопрос.

— То есть, мало того, что нужно было найти выход из лабиринта, — вздохнула я, — так еще и не везде можно было пройти.

— Лабиринт всегда присутствует на втором этапе, — задумчиво произнес Фраган. — Он символизирует наши энергетические каналы.

— А кто-нибудь пробовал взлететь и пойти по стенам лабиринта? — с интересом спросила я.

Дрегарт пожал плечами:

— Я такого не припоминаю, возможно, мы будем первыми.

После обеда капитан проводил нас с Нольвен до лабораторий профессора Эльраваран. Мы собирались поставить настаиваться основу для очередного состава на основе яда Лилея и, одновременно, узнать, что же нам такое прислали в корзине. На это ушло до обидного мало времени — мы всего лишь должны были посинеть.

— И к чему это? — недоуменно спросила Нольвен. — Ну, синяя кожа и волосы, но...

— Традиция военки, — к нашему столу подошла профессор. — Так развлекаются младшие курсы. Посиневший равен слабейшему, глупейшему и жаднейшему, потому что не смог распознать зелье, не смог догадаться, что там зелье и не смог устоять против бесплатного угощения.

— Ого, — мы с Нольвен переглянулись. — Не лишено логики.

— Что с вашим проектом?

— Работаем, — в унисон ответили мы.

И мы работали. До позднего вечера. О том, что ужин прошел мимо нас нам напомнил Дрегарт — он пришел за нами в лабораторию и принес сверток с бутербродами. Мы настолько вымотались, что я даже не уверена, поблагодарили ли мы его.

Впрочем, на следующий день все повторилось. Последний выходной у нас ушел на то, чтобы подготовить кровь Идрис Лавант к внедрению в малый имитационный кристалл. Никто не даст нам угробить имитатор последнего поколения, но кристаллы... Кристаллы мы можем портить хоть каждый день — нам же их потом и выращивать. Как сказала профессор Эльраваран: «Как только у вас хоть что-то получится, я дам вам новейший имит под свою ответственность». И мы серьезно рассчитываем на успех вот этой модификации яда Лилея! Нам удалось снизить токсичность и при этом оставить составу возможность растворять проклятья.

Уже завтра вечером можно будет попробовать наш состав на кристалле. Скорей бы. Все же голый бумажный расчет это не то же самое, что хоть и однобокая, но практика.

Я распустила волосы и села на постель. Скорей бы уже улечься, а то у меня такое ощущение, что от усталости не получится уснуть. Бывает и такое, и тогда только зелье поможет. Или Лилей.

— Как пережить завтрашний день? — стонала лисонька, лежа в кровати. — Я уже хочу опробовать лекарство!

— Технически, это яд, — уточнила я и добавила, — попроси Лилея тебя усыпить.

— Точно. Лилей, будь друго-о-м.

«Я быстр!», гордо передал мне цветок и зашелестел начавшими отрастать лепесточками.

— И неотвратим, — согласилась я.

Чтобы не мешать Нольвен, стоит немного притушить освещение. У меня, как я и боялась, сна ни в одном глазу, но и пользоваться помощью Лилея не хочется. Не потому что я ему не доверяю, просто...

— Это ты? — шепотом спросила я у цветка.

Тот отрицательно качнул цветоносом и шустро распахнул балконную дверь. В которую тут же влетела бумажная птичка. Сделав круг по комнате, она упала передо мной и, окутавшись на мгновение фиолетовым пламенем, превратилась в записку.

«У меня нет никаких важных известий, я просто хочу тебя увидеть. Жду у дверей женского этажа. Дрегарт».

Даже не пытаюсь удержать улыбку, я подхватила на ноги и, аккуратно убрав письмо, создала зеркало. Нет, в ночной рубашке все же не стоит идти.

Вытащив из шкафа шелковое голубое платье, я оттуда же достала синий шерстяной палантин. Не лучшая замена плащу или меховой накидке, но иных вариантов у меня нет.

«Может, на лбу написать: «Возьми в Академию теплые вещи»?» задалась я вопросом, пока собирала распущенные волосы в хвост. Хвост не получился — шелковая лента не то, что может удержать в узде мои локоны. Что всегда поражало Нольвен, ведь если со стороны посмотреть, то волосы выглядят послушными.

Впрыгнув в туфельки, я послала Лилею и Синей воздушный поцелуй и выскользнула в коридор. Чтобы тут же с руганью подпрыгнуть — у дверей комнаты стояла корзина, полная сочных яблок. Ха, неужели это привет от Вайрин?

Отодвинув презент ногой, я поспешила к выходу на лестницу. Спасибо, дорогая Академия, что ты по ночам подсвечиваешь студентам путь. Пусть даже и таким жутковато-багровым светом.

«Это, наверное, чтобы особо впечатлительные по комнатам сидели. Днем-то свет меняется на желтый, как будто солнце светит», подумала я. И тут же задалась вопросом — а есть ли вообще в военке особо впечатлительные студенты?

«Первачки, наверное», решила я и толкнула двери, ведущие на лестницу.

Дрегарт уже ждал меня там. И не только он — в руках боевого мага был намертво зажат букет мелких белых розочек. Ох, не только белых — в центре букета красовался плотный, насыщенно алый бутон. Правда, распустился он не до конца.

— Я тут с ужасом осознал, что не попросил твоей руки должным образом, — сосредоточенно сообщил мне Гарт. — Идем?

Букет он мне, к слову, не отдал. Хм, мне остается только взять его за руку и улыбнуться:

— Идем.

Я не стала задавать глупых вопросов, вроде «куда?» или «зачем?». Сейчас мне как никогда остро вспомнились мои же слова, что за надежным человеком можно последовать куда угодно.

Мы прошли сквозь всю Академию и не встретили по пути ни единой живой души.

— Студентам ведь запрещено выходить ночью в парк? — уточнила я.

— Запрещено, — согласился Дрегарт и добавил, — но тут есть нюанс: кому-то очень сильно запрещено, а кому-то слегка не рекомендовано.

Массивные двери чуть скрипнули и выпустили нас на улицу. Прохладный воздух закружился вокруг нас, попытался проникнуть под мой палантин и, не преуспевший, отступил.

Серебряный лунный свет играл на черных плитах дорожки, таинственно подмигивал с узловатых веток кустов и... И я вдруг поняла, что сегодня — третья фаза луны.

«Благоприятное время для перевода любовных отношений на новый уровень», вспомнила я единожды прочитанную статью в газете.

После чего с подозрением покосилась на Дрегарта — он специально день выбирал?

И вот мы подошли к тому самому кустарнику, откуда открывался переход в тайный сад квэнни Катуаллон. Точнее, в его остатки.

Пройдя следом за Дрегартом, я едва сдержала грустный вздох — осень коснулась и этого чудного местечка. Вот только...

— Здесь же не было столько хвойных? — я недоуменно огляделась, — ну да, вот тут и вот там были потрясающие светящиеся цветы.

— Это они и есть, — с грустной улыбкой произнес Дрегарт. — Тонкая работа, повторить которую не смог никто. Потому что никто так не любил растения, как она.

Гарт сделал замысловатый жест рукой и вокруг нас закружился хоровод разноцветных огоньков. Мой любимый опустился передо мной на одно колено и, глядя мне в глаза, спросил:

— Маэлин Конлет, моя талантливая целительница, окажешь ли ты мне честь и станешь ли моей женой? Войдешь ли в мой род, приняв мое имя?

— Да, — коротко выдохнула я.

Дрегарт поднял букет цветов чуть выше и алый бутон медленно распустился, а из него вылетела яркая искра. Искра, которая превратилась в браслет из лунного серебра.

— Ты позволишь? — Дрегарт требовательно посмотрел мне в глаза.

— Я уже сказала тебе «да», — напомнила я.

Мне хотелось спросить, уверен ли он? Что если магия покинет меня? Буду ли я ему нужна?

Но я знала, что все эти сомнения лишь ростки от тех злых слов, что бросил Тенеан. Гарт не тот человек, который что-либо делает наспех. Он принял решение и он не отступит.

Браслет оказался точно впору и я с улыбкой спросила:

— Ты хорошо подготовился.

— Разумеется, — с достоинством кивнул Дрегарт. — Обернись.

— Как?! — ахнула я.

Позади нас стоял стол, накрытый белоснежной скатертью, и два стула. Над столом парили свечи. Но я не могла его не заметить!

— Магия, — тонко усмехнулся Дрегарт. — Когда ты хочешь разжечь наш костер?

— Он уже горит в моем сердце, — серьезно ответила я. — Может, после турнира?

— Хорошо, — кивнул он. — Вина?

— Вначале я бы хотела поцелуй, — сдержанно ответила я.

И вспыхнула от собственной смелости. Но... Но мне правда очень-очень хотелось.

— Все мои поцелуи только для тебя. И в любое время, — хрипловато произнес Дрегарт и привлек меня к себе, — как и я. Весь твой. Полностью.

Этот поцелуй был другим. В нем было больше силы, больше эмоций. Гарт держал меня в руках крепко, но бережно. И целовал так умопомрачительно сладко! И при этом сильно — я как будто задыхалась от глубины его чувств, от шторма своих собственных эмоций. В этом сражении не было ни намека на робость.

Дрегарт прервал поцелуй, чуть отстранился и шепнул:

— Прости, я увлекся. Я не хотел тебя напугать.

Но я не была настроена принимать извинения:

— Глупости. Если хочешь, я могу рассказать тебе об *этом* с целительской точки зрения.

Ответом мне стал искренний смех и тихое:

— Спасибо, я подумаю над твоим предложением. Вина?

— Вина, — кивнула я и коснулась кончиком пальца чуть припухших губ.

В тайном саду мы засиделись до самого рассвета. А еще мне удалось подначить Дрегарта и он на спор взял штурмом наш балкон — ни одна ловушка не сработала! После этот боевой маг спрыгнул вниз, чем перепугал меня до полусмерти. И прежде чем я успела подумать, он уже подхватил меня на руки и левитировал нас на балкон.

— Теперь я точно знаю, что ты добралась до комнаты, — улыбнулся он.

— Завтрак через два часа, — фыркнула я. — Угостить тебя качественным стимулятором?

— Не вижу причин отказываться, — Дрегарт коснулся губами моего виска, — пропускать занятия в нашей Академии чревато большими проблемами.

— Кто бы сомневался, — фыркнула я.

Проскользнув в комнату, я быстро нашла нашу с Нольвен аптечку и вынесла Гарту флакон.

— Хватит на восемь часов. Дальше — крепкий и здоровый сон, — наставительно произнесла я.

— Фрагги будет поражен, — хмыкнул мой капитан и тут же пояснил, — мы в одной комнате.

— Он не с братом живет? — удивилась я.

— Фил уже давно дома, — Дрегарт чуть помрачнел. — А вообще, Фраган и Филиберт пример того, что далеко не все близнецы обладают особой связью и запредельной привязанностью друг к другу.

Сорвав с моих губ последний поцелуй, мой капитан запрыгнул на перила и, рисуясь, раскинул руки и упал с балкона спиной вперед.

— Вот ведь, — ругнулась я, тревожно всматриваясь в рассветный сумрак.

Убедившись, что Дрегарт цел и вполне себе уверенно движется к дверям в общежитие, я зашла в комнату. Полубовалась на безмятежно спящую лисоньку и, вздохнув, отправилась в ванную. Устрою себе внеочередные косметические процедуры — спать хочется безбожно, а стимулятор принимать рано. Мне нужно больше, чем восемь часов, ведь сегодня мы с лисонькой будем испытывать наше противоядие. Надо быть в сознании.

До пробуждения Нольвен я успела обмазаться всеми мыслимыми и немыслимыми кремами, и даже вспомнила заклинание для изменения цвета ногтевой пластины. Правда, этот момент несколько вышел из-под контроля и теперь ногти у меня постоянно переливались от синего к зеленому. Честно сказать, долго на них смотреть было нельзя — укачивало, как в самых первых моделях платов.

Зато Нольвен вдоволь посмеялась и погрозила пальцем:

— Вот, усыпила подругу и на свиданку сбежала!

Тут обиженно стрекотнул Лилей — это же он настоящий друг, который помог настоящему другу уснуть! Тонкостей друг-подруга он пока не улавливал, и когда я попыталась объяснить, то получила в ответ: «Ты — моя подруга? Нольвен — моя подруга? А маг с белыми волосами — твоя подруга? А маг может быть моей подругой?». Где-то в этом месте я решила, что рановато Лилею пока такие нюансы

объяснять. Хотя вот про Синюю он уточнил, что цветок — девочка. Ладно, не так и важно.

Стимулятор я выпила после завтрака и за пару минут до начала занятий. Но все равно день для меня слился в череду отрывистых картинок. Где я даже местами блистала — блиц-опрос на зельеварении, к примеру. Даже профессор устала задавать вопросы.

— Это как? — шепотом спросила Нольвен.

— Инстинкты, — отозвалась я. — Я не думала, просто отвечала.

Но если серьезно, то к последнему занятию я была просто никакая. Стимулятор переставал действовать и я серьезно призадумалась над тем, чтобы выпить еще одну порцию. Вот только откат... Не хотелось мне повторять этот «восхитительный» опыт. Конечно, тут все будет не так плохо, но не стоит, не стоит.

После занятия мы, не тратя время на возвращение в комнату, отправились к профессору Эльраваран. Там, на нашем лабораторном столе, уже мерцал радужными гранями кристалл, в котором по искусственно созданным каналам циркулировала проклятая кровь Идрис Лавант.

— Мне страшно, — призналась Нольвен. — Давай ты?

Коротко кивнув, я взяла флакон с подготовленным составом и осторожно капнула на одну из граней кристалла. Секунда, другая, третья — ничего.

— Провал, — криво усмехнулась моя лисонька. — Мы сделали цветную водичку.

— Ш-шур-х-х, — не согласился кристалл, рассыпаясь на осколки. Осколки, измазанные в чем-то прозрачном.

— Сильный яд.

Голос профессора Эльраваран заставил нас вздрогнуть.

— Вы обратили внимание? — профессор подвинула нас и склонилась над осколками, — интересно. Вначале ваш яд уничтожил проклятье, затем все энергетические следы, содержащиеся в крови, а потом и саму кровь.

— Иначе говоря, проклятье с квэнни Лавант будет снято посмертно, — произнесла я.

— Работайте дальше, — профессор повернулась к нам и скупой улыбнулась, — только такие юные колдуньи как вы, могли решить, что

что-то получится с первого раза. Идите, так и быть, сегодня я сама приберу ваше рабочее место.

Я честно пыталась бороться со сном и поддержать подругу. Но, увы, у Нольвен было свое мнение на этот счет. Мне удалось только расслышать:

— Лилей, будь другом...

А дальше подушка бросилась мне в лицо и сознание поглотила приятная, бархатная тьма. Я сплю. Хаос, как же хорошо!

Проснувшись, я четко осознала — Лилей не только друг, но еще и мотиватор! А его яд это настоящая находка. Все дело в том, что утро после сонных зелий довольно сложное. Даже не сложное, а ленивое. Все кажется не нужным, не обязательным и излишним.

Сегодня же я проснулась с ясным сознанием, полная сил и энергии. Нольвен даже бросила в меня подушкой:

— Ты слишком сияешь. А я так до сих пор и не знаю, откуда у тебя на руке новый браслет.

— Это не просто браслет, — тихо сказала.

Моя лисонька встрепенулась и подскочила на постели:

— И когда?

— После турнира.

— Что за дурная страсть к нарушению традиций Севера? — возмутилась моя подруга. — Все должно быть четко, утром надел браслет, вечером разжег костер. Знаешь, риск не дожить до свадьбы по-прежнему велик, хоть Хранителю Теней и удалось серьезно переломить ход нашей извечной войны с духами.

Я только отмахнулась. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь мог обвинить Дрегарта в том, что он протащил жену в турнирную команду. А так, за время турнира сблизилась, поняли, что не можем жить друг без друга и после третьего этапа — костер.

Взяв вещи, я направилась в ванную комнату. И только в этот момент вспомнила про корзину яблок. Наверняка ведь презент от Вайрин. Вот только... Куда же они делись?

Оглядев пустой коридор, я пожалала плечами и толкнула дверь комнаты, чтобы попасть в ванную. Надеюсь, никто не потравится.

Вернувшись в комнату, я попала в цепкие лапки Нольвен — подруга решила, что сегодня я должна блистать. Ради этого дела Лилей

и Синяя вырастили несколько мелких синих соцветий, которые лисонька и закрепила в моей свободной прическе.

— Вот так, — удовлетворенно произнесла Нольвен и выпустила на свободу гребень, чтобы он привел ее волосы в порядок.

Поблагодарив подругу, я начала собирать вещи. И замерла, с учебником в руках. Мне кажется, или страницы стали светлее? У проклятых книг страницы становятся янтарного оттенка. Это, собственно, то, что позволяет нам вовремя сдавать учебники на уничтожение.

— Ты чего? — нахмурилась Нольвен, которая за это время успела добраться до ванной и вернуться назад.

— Страницы, — я повернула к ней учебник, — светлые слишком.

— Не приглядывалась, — честно сказала моя лисонька и взяла свою сумку с учебниками. — Идем?

Кивнув, я бросила учебник в сумку и, закинув ремень на плечо, вышла из комнаты.

За завтраком я заметила, что Фраган выглядит как-то совсем уж кисло. И заметила это не только я:

— Рассказывай, — требовательно произнесла Нольвен.

— Да все то же, — отмахнулся Гильдас. — Отец в ярости, мать в панике, Фил замкнулся и молчит. На все вопросы один ответ — валите гырбу на, кхм, прошу прощения. В общем, на вопросы он не отвечает.

Я потеряла кончик носа и осторожно спросила:

— Как ты думаешь, твой брат мог совершить преступление? Просто, его поступок во время турнира, на глазах у практически всего Кальстора... Такое не купить за деньги.

— Ну, мы кажется уже пришли к мысли, что во всем виновата Вайрин, — мягко напомнила Нольвен.

— Которая перестала выходить из своей комнаты, — оживился молчавший до этого Волькан. — Моя подруга сказала, что Ильяна сидит у себя в комнате и даже в библиотеку не ходит.

— Но занятия она посещает, — задумчиво произнес Дрегарт. — Вероятно, квэнти Вайрин чем-то напугана.

— Или кем-то, — выразительно произнесла лисонька. — Она обещала устроить Мэль неприятный сюрприз, угрожала, а в итоге прячется в своей комнате. Мы могли бы навестить ее.

Нольвен нехорошо усмехнулась и утянула из вазочки вафельку. Кажется, теперь нас будут подкармливать каждый день.

— Ребята не могут пройти к нам, — я вздохнула, — предлагаешь вломиться в ее комнату? Она ведь там не одна.

— Ну, на нашей стороне будет элемент неожиданности, — Нольвен пожала плечами и взяла в руки чашку с чаем, — выбиваем дверь и заливаем комнату оглушающими. А там уж разберемся. Кстати, после такого перфоманса она и говорить будет с *большой* охотой.

— Перфоманса? — переспросил Волькан.

— А, в столице Срединной Империи людям перестали нравится нормальные слова, — проворчала моя лисонька. — Поэтому представление теперь перфоманс.

Я в красках представила себе это действо и, пожившись, проворчала:

— Давай подумаем еще немного.

За столом повисла тишина. Все думали.

— Она постоянно терлась около Дрегарта, — Нольвен допила чай и отставила чашку в сторону, — может, наш капитан позовет ее на разговор?

— Не выйдет, — покачал головой Гарт. — Она не так глупа, как кажется.

— А если написать ей письмо от имени Фила? — предложил Волькан. — С просьбой о встрече?

— С чего бы ей идти? — фыркнула Нольвен. — Она свое дело сделала, парню жизнь испортила. Прижать ее можно только в том случае, если Филиберт совершил реальное преступление, которому она стала свидетельницей. Тогда можно будет упираться на то, что она покрывала преступника.

— Кстати да, — встрепенулась я. — Вы понимаете, что мы не сможем промолчать? Если там что-то серьезное...

— А из-за не серьезного Фил бы не слил турнир, — скривился Дрегарт.

— Отец может переступить грань, — тихо сказал Фраган. — Сейчас закон запрещает убивать неугодных членов рода, но кто докажет, что Фил не сам это сделал? Мол, так и так, раскаиваюсь и не могу жить с таким грузом и все. Даже если и будут какие-либо

подозрения, обязать отца выдать тело не сможет никто. А если там преступление, то его будут судить. Вряд ли он сделал что-то достойное смертной казни.

Поежившись, я отставила в сторону опустевшую чашку с чаем и тихо подытожила:

— Тогда нам остается только одно. Вайрин надо ловить после последнего занятия.

— Если мы заломаем ее на глазах у всех, то далеко не утащим, — с сожалением произнес Волькан. — Кто-нибудь обязательно уведомит профессуру.

— А если я обниму ее и предложу подружиться? — улыбнулась я.

— То мы все выпадем в осадок, — со смешком произнес чуть повеселевший Фраган. — Хочешь упереть ей в бок кинжал?

— Что-то вроде того, — прищурилась я, — но не столь заметное. Я просто предложу ей выбор — приватный разговор или ее платье, телепортированное в парк.

— Да ты монстр, — восхитилась Нольвен, — я уже и забыла об этом милом проклятии.

— То есть, — Фраган оторопело посмотрел на нас, — вы не умеете открывать порталы, но можете телепортировать чужую одежду.

— Да, — кивнула Нольвен, — а что?

— А то, что сделать это и не убить подопытного, — боевой маг покачал головой, — запредельно сложно.

— Вопрос концентрации, — пожала плечами Нольвен. — Так что, ловим ее после занятия?

— И с завтрашнего дня возобновляем тренировки, — внушительно произнес Дрегарт. — Хотите или нет, а порталы вы открывать научитесь.

Подхватив сумки, мы покинули столовую. По дороге я немного отстала и меня тут же перехватила тоненькая девчонка с впечатляющими кругами под глазами. Младшекурсница, если судить по зажатому подмышкой учебнику.

— Спасибо за первый этап, — сверкнув глазами, выпалила она.

— Это не моя заслуга, — смутилась я.

— Да, — кивнула студентка, — но ты показала, что турнирная команда не обязана состоять из одних только боевых магов. А значит, в следующий раз шанс будет и у других.

— Следующего раза ждать долго.

— Все равно, — она пожала плечами, — спасибо.

Я только кивнула и нагнала ребят. Кажется, мне стало чуть понятней решение ректора Аделмера. Если мы выиграем — он молодец и дальновидный маг. И все последующие команды будут иметь в своем составе не только боевых магов. Если проиграем, то он только руками разведет — ну а что вы хотели? Все как всегда, больше так экспериментировать не будем.

В аудиторию профессора Милтрит мы вошли за минуту до сигнала. Впрочем, главное, что мы успели сесть и достать из сумок все необходимое. А через мгновение появилась и профессор. Похоже, это ее излюбленный метод — резко сбросить маскировку, чтобы особо впечатлительные вздрогнули. Впечатлительных, к слову, было достаточно.

— Сначала организационный момент, — громогласно произнесла она. — Лавант, Конлет, Вайрин, Клери, Ривелен и Нарра — принести все учебники в библиотеку на проверку. Остальные ждут. Вопросы?

— Мы что-то нарушили? — тут же спросил Волькан.

Я не видела, где он сидел, и оборачиваться искать не стала. Вместо этого подалась чуть вперед, чтобы не пропустить ответ профессора.

— Нет, — фыркнула Милтрит, — все проще — по каждой книге есть свои расчеты. Сейчас подходит время выданных вам книг. В любую минуту они могут превратиться в проклятые, перенасыщенные магией фолианты. А проклятые книги, как вы несомненно знаете, убивают одним прикосновением. Итак, к занятию! Сегодня мы рассмотрим изумительнейшее заклятье. Одно из моих любимых! Покровный Вихрь, драгоценная жемчужина среди моего курса. Каждый из вас уже видел его в действии.

Ага, тот зеленый смерч, что изорвал нашу маскировку. Помню-помню.

— Цвет заклятья может быть любым, — профессор тонко усмехнулась, — но на самом деле, стремиться вам следует к совершенству, а именно — к отсутствию цвета. Предвосхищая глупые вопросы — я достигла совершенства и мой покровный смерч не имеет цвета и его нельзя увидеть. В прошлый раз я придала заклятью цвет с

учетом вашей неподготовленности, но на следующей практике все будет иначе.

Профессор мечтательно улыбнулась, и от ее улыбки многих в аудитории прохватила нервная дрожь. Но, в любом случае, выбора нам не предоставили. Так что к концу занятия мы уже могли создать свои покровные вихри — очень миниатюрного вида. Мой умещался на ладони, но зато у Нольвен вихрь был побольше — почти по колено.

— Еще одно занятие мы будем отрабатывать заклятье. Потому что то, что вы мне сейчас демонстрируете, — профессор поджала губы, — позор. Мне, как профессору, и вам как ученикам. Я не люблю это ощущение, и потому...

Она сделала выразительную паузу и продолжила:

— Вам лучше потренироваться. Никому не спасибо, но все свободны.

Единственное, что мне было интересно — неужели у Дрегарта тоже не получился покровный вихрь? Я как-то привыкла считать, что он на голову выше всех студентов. Хотя, может Гарт решил не выделяться?

После обеда у нас были занятия у профессора Лефлет, где нам с Нольвен вновь пришлось страдать за свои слишком глубокие для этого курса познания. Пока ребята только изучали тему изъятия растительной сути, нас поставили к столу и озадачили вытягиванием сути белолистницы.

— Не забывайте, что изъятие сути это очень тонкое воздействие, — вещала профессор, пока мы с Нольвен вытягивали из тонких листиков зеленовато-белые облачка истинной сути. — Нет, студент Нарра, не надо выдавливать сок. Истинная суть это совокупность признаков...

— Слишком сложно, — шепнула Нольвен. — Мы же не алхимики. Я вот до сих пор теорию путаю.

— Зато практика хороша, — я ловко отделила зеленое облачко от растения и отбросила мертвые, бесполезные листки в корзину для мусора. — Для себя я вывела такое определение — мы вытягиваем из растения все полезные свойства, переводя их в газообразное состояние. А философские изыски это не ко мне.

— Третий стол, — профессор повысила голос, — тишина.

Мы с Нольвен покосились на медную тройку, красующуюся в центре нашего стола и вздохнули. Опять привлекаем к себе ненужное внимание.

Сегодня у нас было три алхимии подряд и я клянусь, эти пузырьки с растительной сутью будут мне сегодня сниться.

— Я убираю, ты ловишь Вайрин, — шепнула Нольвен за пять минут до окончания занятия.

— Есть идея.

Профессор Лефлет в это время ходила между столов и смотрела на то, как наши сокурсники пытаются вникнуть в алхимическую философию. Улучив момент, я подошла к ней и шепотом попросилась выйти на минуту раньше.

— Нольвен уберет стол, — добавила я.

— Я хочу знать, зачем вам это понадобилось? — прищурилась профессор.

А я честно ответила:

— Нет, профессор.

— Хорошо, идите.

Выскользнув за дверь, я вытащила из кармана чистый хлопковый платок. До сигнала к окончанию занятия, мне удалось не только превратить его в подобие имперской фаты, но и зачаровать. Так что сейчас я, пусть и не идеально, но замаскирована.

Едва отзвучал сигнал, как дверь аудитории открылась и в коридор выскользнула Вайрин. Она шла быстро, не оглядываясь.

Догнав ее у лестницы, я ухватила неприятную девицу под локоть и ласково выдохнула:

— Поговорим, красавица?

Вайрин дернулась в сторону и я тут же окатила ее волной своей магии. Хитрый целительский трюк по усмирению буйных пациентов. Ощущение прошедшей по коже энергии заставляет людей испытать иррациональный страх. Что, к слову, до сих пор никак не объяснено.

— Ч-что это? — выдавила Вайрин.

— Узнаешь, если не будешь слушаться, — процедила я. — Давай-ка в парк, красавица.

— Там и закопать, если что, сподручней будет, — пропела выскользнувшая наружу Нольвен и ухватила Вайрин за другую руку. После чего громко произнесла, — а что мы все ссоримся, Ильяна? Что

нам делить? Пошли с нами парк, нам тут конфет отсыпали — на всех хватит и останется!

Как по мне, так лисонька переигрывала. С другой стороны, мы не на театральных подмостках.

— Я могу извиниться, — процедила Вайрин. — За яблоки.

— Извинишься, — хмыкнула Нольвен, — но не перед нами. Давай, двигай в парк.

Выведя Вайрин в парк, мы призадумались — что, допрашивать ее прямо посреди облетевших кустов?

— Я открою портал.

О, а вот и ребята нас догнали.

— Я буду кричать, — обреченно произнесла Ильяна.

— Так тебе страшно? — с интересом спросила я. — А как ты думаешь, чувствовали себя девчонки, с которых сдирали одежду посреди ночного парка? М? Это ведь вы с Филом развлекались.

Она вздрогнула, дернулась и попыталась вывернуться из нашего с Нольвен захвата.

— Рискни, — прошипела моя лисонька и разожгла черное пламя на пальцах свободной руки, — дай мне повод, Вайрин.

Перед нами разгорелся портал.

— Фраган, ты идешь вперед и встречаешь посылку, — распорядился Дрегарт.

— Понял.

Фраган исчез в портале, а следом за ним полетела Вайрин. За ней отправилась Нольвен:

— Хаос, она запнулась! Я поймаю!

«Если решила преступить закон, веди себя так, как будто за тобой наблюдают. Никогда не угадаешь, кто сидит в кустах», проворчала как-то Меровиг. Нам с Нольвен это запало в память. Особенно учитывая, что у Меровиг тогда была разбита губа. Правда, подробностей мы так и не узнали.

— Волькан, ты следующий, — голос Дрегарта заставил меня собраться и отбросить воспоминания в сторону. — За ним ты, Мэль.

Пройдя сквозь портал, я оказалась в небольшой и довольно уютной комнате. Темно-бордовая обивка стен, обилие мягкой мебели и иллюзия большого камина. И едва уловимый запах пыли и специй. Так пахнет в бабушкином пустующем гостевом домике, зачарованные

мешочки с семечками листарры — лучшие борцы с сыростью и затхлостью.

— Где мы? — спросила Нольвен, оглядываясь по сторонам.

— В моем доме, — коротко ответил Дрегат. — Я не живу здесь, но и продавать не стал.

— Три года каторги, — выдала вдруг Вайрин. — За похищение человека.

Бледная, она изо всех сил пыталась держать себя в руках. Не будь она настолько мерзким человеком, я бы ее заважала.

— Похищение? — удивилась я. — Тебя пригласили в гости, Ильяна. Присаживайся.

— Нет, ну неужели тебе так не понравились мои яблочки? — сощурилась она и сложила руки на груди.

— Яблочки достались кому-то другому, — усмехнулась я. — Так что не расслабляйся, может тебе и с той стороны прилетит.

— Сядь, Ильяна, — приказал Дрегат и сам тоже опустился в одно из кресел.

Мы с Нольвен заняли соседнее — кресла были огромными, так что нам было вполне удобно. Фраган сел по другую сторону от Дрегата, а Волькан пристроился рядом с нами.

Помявшись, Вайрин разместилась на небольшом диванчике, аккуратно напротив нас всех.

— Ты и мой брат, — жестко произнес Фраган. — Чем ты его шантажируешь?

— Я? — удивилась Вайрин.

— Ты-ты, — усмехнулась Нольвен. — В этом сомнений нет.

Вайрин, сидевшая напротив нас, откинулась на спинку дивана и сложила на груди руки:

— Не понимаю, о чем вы.

— Ты правда думаешь, что отец не смог развязать язык своему сыну? — с интересом спросила я. — Ты можешь отправиться на свидание с главой рода Гильдас.

За одно мгновение краска отхлынула от лица Вайрин, а я удовлетворенно усмехнулась. Жизненное правило: «Врешь? Ври уверенно» сработало, как всегда, идеально. И пусть я могла причинить боль Дрегарту... Сейчас это вынужденная мера. Хотя я все же

надеюсь, что смогла правильно сформулировать и мои слова не прозвучали *утверждением*.

— Вы не посмеете, — прошипела Ильяна.

— Отчего же? — с ленцой спросил Фраган. — Приглашение в гости будет передано от алворига Гильдаса алворигу Вайрину. Сможешь пойти поперек воли отца?

Глубоко вдохнув, Вайрин медленно выдохнула и процедила:

— Не смогу. И для чего же мне сейчас рассказывать вам о своих делах? Если меня все равно ждет приглашение в гости?

— Потренируешься, — усмехнулась Нольвен.

— Мы хотим помочь Филиберту, — прямо сказала я. — И мы готовы пойти ради этого на многое.

— После того, как он слил турнир? — вскинула брови Вайрин.

— Турнир слила ты, — спокойно сказал Волькан. — Разве кто-то винит нож за кровь? Нет, вся вина лежит на руке, что держит его.

Криво улыбнувшись, Вайрин заговорила:

— Я могла бы послать вас в Разлом, но не вижу смысла. Так или иначе, а Фил расколется. Год назад алвориг Вайрин приказал мне провести выходные дома, хотя обычно я остаюсь в Академии. Он решил показать меня жениху. Будучи несколько расстроенной, я ночью выбралась в парк. Пить вино и жалеть себя. А там Фил, труп закапывает.

Я опешила, Нольвен крепко выругалась, а Фраган, со свистом втянув воздух, спросил:

— Вот к чему были те твои разговоры о ночном парке и лопатах. Ты не могла понять, кого из нас ты видела.

— Да, — кивнула она. — Потом поняла и мы заключили договор. Я хотела, чтобы Фил помог мне выйти замуж за Катуаллона. Через костер, чтобы никто не придрался. Чтобы никто не оспорил.

Где-то глубоко внутри меня очнулось что-то темное, злое. Что-то такое, что начало припоминать быстро распадающиеся яды. Такие, чтобы потом никто не догадался, что удушье вызвано сторонним вмешательством.

— Почему именно за меня? — нахмурился Дрегарт.

— Ты сильный, обеспеченный, привлекательный и без семьи, — спокойно перечислила Вайрин. — Тебя отец не рискнул бы вызвать на дуэль. А если бы и рискнул, то не вышел бы победителем.

— Цинично, — цокнула Нольвен.

— Я была бы хорошей женой, — уверенно сказала Вайрин. — Послушной и верной. Что? Я привлекательна, у меня сильный дар. Я родила бы столько детей, сколько ты захотел.

— Это не то, что я хочу, — спокойно произнес Дрегарт. — Вы слишком много лжете, квэнти Вайрин.

— У нашего капитана нечто вроде аллергии на ложь, — мило улыбнулась Нольвен.

Вайрин только криво усмехнулась:

— Мне уже все равно. Я могу идти?

— Ты понимаешь, что тебя будут судить? — сощурился Фраган.

— Не-а, — усмехнулась Вайрин. — На самом деле...

Она смахнула в рукава невидимую пылинку:

— На самом деле, вы не первые кому я рассказала о том, что совершил Филиберт. Я поклялась молчать, а он пообещал помочь мне выйти за Катуаллона, что я, впрочем, уже сказала. Но он не смог, а время моего молчания закончилось. Я написала три письма — одно уже лежит на столе у ректора Аделмера, второе отправлено моему отцу, ну а третье... Третье, разумеется, доставлено капитану городской стражи.

Вайрин усмехнулась:

— Я не получила то, чего хотела и он — тоже.

— Но перед этим ты уничтожила его репутацию, — с горечью произнесла я.

— Но ты пошла на сделку, — процедил Фраган. — Думаю, у стражи будут к тебе вопросы.

— Не будет, — покачала головой Вайрин. — Свидетеля, а я именно свидетель, никто не имеет права засунуть в Круг Истины. Особенно, если факты — правдивы. Я, как хорошая девочка, пыталась узнать, кого именно из двух братьев видела в парке. А после Филиберт выследил меня и затащил в пустующую аудиторию. Я испугалась, сказала, что хочу его шантажировать и мы заключили сделку. Сделку, которая априори не могла быть для меня выгодной — ведь я уже просватанная невеста. Затем я целый год заставляла Филиберта творить всякие гадости, лишь бы он пошел и признался. Но он этого не сделал. А потому, как только время моего молчания вышло, я сразу же всех уведомила.

Выдав все это, она добавила:

— Хорошо звучит, да?

— Я понимаю, почему он таскал тебя к нам, — прищурился Дрегарт. — Но почему он выполнял остальные твои прихоти?

— Ах, — округлила глаза Вайрин, — даже не представляю. Но мне было та-ак страшно.

Фраган выругался, подхватился на ноги и вылетел из комнаты.

— Скорее всего Фил неправильно задал условия клятвы, — задумчиво произнесла я. — Так что, Вайрин, у клятвы вышло время или ты просто решила слить сообщника?

— Вышло, — окрысилась она.

— Это ложь, — тут же произнес Дрегарт и усмехнулся, — вот ты и попалась. Любой ритуалист сможет проявить нить клятвы на твоём запястье. И возникнет вопрос — а что ж ты раньше-то молчала?

— Думаю, мы должны доставить квэнти Свидетельницу к стражникам, — прищурилась Нольвен.

— Нет, — покачал головой Дрегарт. — Мы доставим квэнти к ректору Аделмеру. Он не позволит ей соскочить. Мэль, Нольвен, я оставляю работающий телепорт, он приведет вас в парк. Присмотрите за Фраганом, а мы с Вольканом и *свидетельницей* отправимся к ректору.

— Хорошо, — кивнула я и встала.

Нольвен последовала за мной. Ворча, лисонька перебирала вытащенную из кармана горстку флаконов:

— Ну ничего с успокоительным эффектом. Ничегошеньки! Для бородавок, дымное зелье, зелье длинного языка. Хм, в принципе, если смешать...

— Не надо, — поспешно произнесла я. — Не время для экспериментов.

Выйдя из комнаты, мы оказались в затененном коридоре. По счастью, пол был достаточно пыльный и цепочка следов подсказала нам, куда идти.

— Это малая гостиная, — негромко произнес Гильдас, когда мы подошли к нему, сидящему на нижней ступеньке. — Тут все осталось как было. Даже корзинка с рукоделием квэнни Катуаллон так и стоит около ее любимого кресла.

Здесь, в этой темной комнате, запах семян листарры был сильнее. Освещения практически не было — окна плотно занавешены, а светлячок, созданный Фраганом, освещает лишь его самого и часть лестницы. И да, кресло со стоящей подле него корзинкой.

— Она была очень доброй, — так же негромко и отстраненно произнес боевой маг. — Любила гостей и всегда радовалась, когда приходили друзья сына.

Я присела рядом с Фраганом, а Нольвен, убрав зелья, устроилась позади.

— Я могу наложить на тебя заклятье истинного спокойствия, — предложила я.

— Не надо, — Гильдас покачал головой. — Я ушел, чтобы не проклясть дрянь. Вот ведь...

Он даже не выругался, а просто махнул рукой и замолчал.

— Она не выйдет сухой из воды, — тихо сказала Нольвен и принялась разминать плечи Фрагана. — Клятва по-прежнему на ней. Дрегарт спросил ее, точно ли у клятвы вышло время или она просто решила избавиться от Филадельфа. И услышал, что она лжет.

— Может, он и до этого слышал, — ради справедливости уточнила я, — но озвучил именно после прямого вопроса. Сейчас он и Волькан потащили ее к ректору Аделмеру.

— Хороший выбор, — Фраган опустил голову, — я просто... Какой я брат? Он ведь тогда как с ума сошел. А я... А я послушался отца и остался просто *наблюдать*.

— О чем ты? — тихо спросила я.

— У Филадельфа была невеста, Ольра. Чудеснейшая девушка, — с нежностью произнес Гильдас. — Ее убили. Единственный подозреваемый был оправдан — у него обнаружилось алиби. Других причин для убийства у Филадельфа не было. Получается, что он нашел доказательства вины того мага и...

Фраган не договорил, только рукой махнул и сгорбился. Нольвен убрала руки с его плеч и тяжело вздохнула. Она не знала, что сказать.

— Может, они были незаконны? — тихо спросила я. — Чтение мыслей, проникновение в человеческий разум, стоит вне закона. Доказательства, добытые таким путем, ни один суд не примет.

Фраган коротко ругнулся, растер ладонями лицо и встал.

— Надо возвращаться в Академию, — он не смотрел на нас, но я заметила, что уголки глаз у Гильдаса покраснели. Видимо, до нашего прихода он все же дал волю чувствам.

Как Дрегарт и обещал, портал перенес нас в парк. Мы с Нольвен не хотели оставлять Фрагана одного, но он избавился от нашей опеки. Хоть и согласился подождать у дверей на женский этаж, пока мы не вынесем ему одно полезное зелье.

Вернее, не мы, а Нольвен. Она ухватила всю аптечку и задержалась минут на сорок. Я в это время стояла у подоконника и наглаживала Лилея с Синею. Фил оказался не мразью, а просто... А просто одиноким дураком.

— О чем задумалась? — спросила вернувшаяся Нольвен.

— Я бы сдалась Мере. Если бы нашла доказательства незаконным путем, — отозвалась я, не отрывая взгляда от раскинувшегося за окном парка.

— Я бы тоже. Я бы посоветовалась с тобой, Мерой, дядей. Дернула отца с матерью, в самом крайнем случае, — согласилась Нольвен. — Но все семьи разные, Мэль. Могла бы ты прийти с таким к алворигу Конлету?

Я фыркнула:

— Хорошая шутка.

— То-то и оно. Фраган и Фил не похожи на близнецов, хоть и имеют идентичную внешность, — тихо проговорила моя лисонька. — Их отношения даже на просто братские не похожи.

— Про алворига Гильдаса мы ничего не знаем, — подхватила я, — но раз вышло так, как вышло...

— Значит и к нему нет доверия, — подытожила Нольвен и невпопад добавила, — я на выходные останусь здесь. Поработаю над составом.

— Ну да, в доме Меры ничего не осталось, ты же все вынесла, — фыркнула я. — Но знаешь, я тоже останусь. Есть у меня одна идея. Неоформленная, но есть.

Два выходных дня мы провели в лаборатории профессора Эльраваран. Завтракали, обедали и ужинали тоже там. Если бы профессор разрешила, то мы бы и ночевали у котлов. Но она, отчего-то, была против.

Нольвен мучила яд, пытаясь сделать его еще менее токсичным. А я... Меня зацепили слова профессора. Она ясно сказала (а я после проверила) — вначале яд уничтожил проклятье, а уже после взялся за все остальное. Значит, мы просто должны создать противоядие к яду Лилея и высчитать момент, когда будет пора ввести это самое противоядие в кровь. Чтобы свести ущерб для здоровья к минимуму.

К вечеру воскресенья у меня все было готово, оставалось лишь остудить состав. Разделив зелье на три части, я принялась колдовать. Первую часть я так и оставила в котле, остужаться естественным путем. Жаропрочный флакон со второй частью был поставлен на спешно наколдованный лед. А третий я вовсе заморозила и оставила оттаивать.

— Уже утром можно будет пробовать, — уверенно сказала я и накрыла свою работу щитом. На всякий случай.

— Да, — кивнула замученная Нольвен, — у меня тоже. Только утром уже занятия.

— Значит, на обеде забежим, — уверенно произнесла я. — У тебя яд на три части делится?

— Делится, — кивнула подруга. — И еще остается. Если задаться целью, то хватит на всю Академию.

— Думаю, столько нам не понадобится, — фыркнула я.

Убрав за собой, мы, сдерживая душераздирающую зевоту, добрались до комнаты. Нольвен отправилась в ванную, а я вытащила конспекты. Повторить бы. Но нет, строчки расплывались перед глазами, а смысл ускользал. Ну и гырб с ним, утром повторю.

Глава 18

У нас получилось. У нас — получилось!

Все оказалось донельзя просто — Нольвен рассчитала новые пропорции для яда, уменьшив его токсичность всего на три процента. Я же подготовила весьма качественное противоядие, которое уничтожало яд быстрее, чем он растворял кровь. Испытание на кристалле прошло более чем успешно, и в тот же понедельник профессор Эльраваран позволила нам поработать с имитом. Там результат был чуть хуже — оба состава повреждали сосуды.

Но, Хаос, это уже был прорыв! После испытания на имите, Нольвен разрыдалась и сбежала из лаборатории. Я бросилась было за ней, но была перехвачена профессором.

— Иногда человеку необходимо немного одиночества, — мягко произнесла профессор Эльраваран.

Я была с ней категорически не согласна, но обосновать свою точку зрения не успела — лисонька вернулась в лабораторию и стиснула меня в таких крепких объятиях, что я едва не попрощалась с жизнью.

— Теперь все будет хорошо, — насморочным голосом выдавила Нольвен и отпустила меня.

— Теперь вам нужно подготовить все бумаги, ингредиенты и передать это в исследовательскую лабораторию при Совете Магов, — поправила ее профессор.

— Но...

Профессор не стала слушать возражения Нольвен:

— Никто не отнимет ваше открытие. Я зарегистрирую патенты на ваши имена в течение недели. И да, вы можете схватить свои зелья и отправиться врачевать квэнни Лавант. Она выживет, безусловно. Но, поймите, имиты в той лаборатории куда лучше, чем здесь. И я лично возглавлю исследовательскую группу. Мы не полезем в рецепт, мы рассчитаем дозировку.

— Вы правы, — кивнула я. — Завтра мы принесем все бумаги.

Расхохотавшись, профессор сказала:

— Завтра? Побойся Мать-Магию, Маэлин. Хорошо, если вы за неделю уложите!

И она оказалась права. Мы с лисонькой записывали свои выкладки как попало и на чем попало, а после складывали все это одну большую коробку, чтоб не потерялось.

— Это была самая отвратительная неделя в моей жизни, — искренне сказала Нольвен, когда мы все-таки закончили приводить бумаги в порядок.

После чего оставалось только приложить к документам ингредиенты и отдать все это профессору Эльраваран. Взамен она дала нам по пергаментному свитку. Патенты. Мы не знали, что с ними теперь делать, а потому отослали их Мере. Ответное письмо состояло из клякс, вымаранных ругательств и каллиграфической приписки от Нейтана: «Мы гордимся вами». Это было ужасно приятно.

— Такое ощущение, — поделилась со мной Нольвен, — что жизнь как-то резко потеряла смысл.

— Отчего же? — хмыкнула я. — Впереди второй этап. Мы можем начать готовиться к нему.

— Можем, — согласилась Нольвен, вытащила из сумки свежую газету и завалилась на постель, — и не только можем, а даже будем. Потом.

Я с ней была полностью согласна. И еще две недели мы спокойно отдыхали. Ну, совсем уж расслабиться нам не дали — Дрегарт, как и обещал, каждый вечер вкладывал в наши голову теорию и практику порталной магии. И поражался тому, что там, в наших головах, ничего не задерживается.

Нам же было очень стыдно, но мы действительно не могли взять себя в руки. У нас едва получалось не скатиться по учебе, а еще и порталы... Сложно поверить, что совершенные открытия так тяжело нам дались.

Но! Но вчера мне удалось создать устойчивый портал, Дрегарт даже нашел несколько добрых мотивирующих слов. Фраган, правда, тоже нашел пару слов, но я сделала вид, что не слышала его выстраданного: «Хаос, наконец-то!».

И вот, сегодня, в субботу, я буду сдавать маленький экзамен. Не профессорам Академии, а Дрегарту — мне предстоит выйти за ворота Академии и открыть портал до дома Меры. Из парка я его открыть не

смогу — у меня не хватит сил и умения, чтобы обойти академические щиты. Ну, по меньшей мере так думает Гарт, а проверять мне что-то не хочется.

— Знаешь, — я выпустила из шкатулки гребень, — меня терзает смутная мысль, что мы что-то забыли.

— Меня вообще никакие мысли не терзают, — фыркнула Нольвен. — Дядя написал, что маму и папу вызвали в лабораторию. Так что на этих выходных я у дяди буду — пообщаемся вживую. Придешь к нам на обед?

— А я точно там нужна? — с улыбкой спросила я. — Вы так редко видите, а мы с квэнни Лавант еще успеем пообщаться. Теперь — вся жизнь впереди.

— Ты же не обидишься? — уточнила лисонька.

— Нет, — фыркнула я. — Не обижусь. Но и, не обессудь, открывать тебе портал не буду. Как-то мне страшновато.

— Мне тоже, — честно сказала Нольвен, — но я в тебя верю. А вот в себя не очень — у нас, Лавантов, с порталами сложные отношения. Без пинка не летим.

Так, посмеиваясь и перешучиваясь, мы лениво собирались на выходные. До завтрака все равно еще почти час, а раньше завтрака нас никто никуда не отпустит. Что странно, можно подумать, что дома нас оставят голодными!

Застелив постели и приготовив для Лилея и Синея стратегический запас воды и сахарно-милитарной смеси, мы устроились на полу, чтобы перекинуться в картишки.

И в этот же момент, когда я была как никогда близка к победе, кто-то начал истерично долбиться в дверь.

Пол, это не постель, быстро не подскочишь. И пока мы с лисонькой поднимались на ноги, а это заняло не больше двух секунд, дверь нам просто-напросто высадили.

— Спасибо, что не накрыли с головой, — выдавила Нольвен, глядя на дверное полотно, разлегшееся на полу.

В дверях стоял взбешенный ректор, а за его спиной маячила бледная до зелени женщина. Кажется, это наш библиотекарь.

— Живы, — облегченно выдохнула она и совершенно нелогично добавила, — убую!

Подвинув ректора в сторону, она вошла в комнату, чуть подбоченилась и с чувством спросила:

— Для кого было сделано объявление, о необходимости сдать книги в библиотеку?!

— Так вот что мы забыли!

Ректор высказался негромко, но емко. После чего скорбно добавил, что он главенствует над Академией, в которой учатся боевые маги, а не безголовые самоубийцы.

— Неужели вы сами не заметили, что страницы желтеют? — всплеснула руками библиотекарь. — Девочки, ну смертельно опасно же.

— И смерть не мгновенная, — напомнил ректор. — Где ваши учебники? И руками не трогайте, я их сам в печь левитирую. А вы, две красавицы, в понедельник сметете поземку с наших черных дорожек. Справедливо?

— Справедливо, — в унисон вздохнули мы. — Но хочу вставить пару слов.

— Только кратко, — усмехнулся ректор.

— У нас страницы белые, — пройдя по печально скрипнувшей двери, я открыла шкаф, где на специально отведенной полке лежали наши книги.

Ректор Аделмер левитировал к себе верхний учебник и заставил его открыться. После чего присвистнул и спросил:

— Квэнни Тара, что это значит?

— Не представляю, — ошеломленно выдохнула квэнни и добавила, — откройте на странице с датой и номером. Может, путаница вышла? Хм, нет, все верно.

Ректор щелчком пальцев заставил наши учебники выпорхнуть из шкафа и вылететь в коридор. После чего прямо спросил:

— Экспериментировали?

— Нет, — опять же в унисон выдохнули мы.

«Там была такая вкусная сила», ментальный голос Лилея был полон раскаяния. «Я держался сколько мог, но искушение было велико».

— Девочки, милые, — квэнни Тара заломила руки, — мы не будем вас ругать. И наказание ректор отменит.

— Отменю? — оторопел ректор Аделмер.

— Если эти талантливые, умные, красивые студентки вспомнят, как именно им удалось избавиться книги от дикой магии, — с нажимом произнесла библиотекарь, — то наш ректор придумает, как премировать таких одаренных студенток!

— А выбора мне, как всегда, не предоставили, — насмешливо улыбнулся ректор. — Что ж, пусть все будет так, хочет квэнни Тара. В конце концов, я хоть и хороший боец, но это проигрышный бой.

— Если вы боитесь, то можете сказать мне по секрету, — улыбнулась квэнни Тара. — Или ректору по секрету. А если там что-то не очень законное, то мы что-нибудь придумаем.

Она ласково нам улыбнулась, повернулась к ректору и с укоризной произнесла:

— Ну что же вы стоите, ректор? Чините скорее дверь, а то вдруг наши девочки простудятся.

— А магов-хозяйственников Академия для чего кормит? — возмутился он.

— Ректор, вы же сильный мужчина, — покачала головой квэнни Тара. — Выбили? Вставляйте. Приятных вам выходных, девочки.

Квэнни Тара, следом за ней комнату покинул ректор Аделмер, а после и наша дверь взлетела в воздух и вросла в проем так, как будто никто ее и не выбивал.

— Ущипни меня, — попросила Нольвен. — Ай!

— Сама попросила.

— Что это было?

— Помнишь, мы так торопились, что оставили книги на полу валяться? — я как сейчас вспомнила свою мантру «не забыть убрать учебники». — Лилей не смог устоять перед искушением и выпил «вкусную магию».

— С одной стороны, это прекрасно, — задумчиво произнесла Нольвен. — С другой стороны, повернуть все это надо грамотно. Хаос, и в такой момент я не могу, не могу пойти с тобой к Мере!

Я видела, как лисоньку раздирает на две части. На одной чаше весов общение с мамой, которую она видит крайне редко. А на другой мы с Лилеем и Синей.

— Хэй, — я приобняла подругу за плечи, — хочешь, помогу выбрать?

— Ну?

— У тебя есть идеи?

— Нет.

— Вот и все, — фыркнула я. — А я обо всем тебе расскажу.

— Я приду на ужин, — решила Нольвен. — Ну что, побежали на завтрак? Со всеми этими перипетиями, времени у нас осталось мало.

А на завтраке нам вновь выдали вазочку с вафельками и шоколадными конфетами. Не утерпев, я спросила на раздаточной, отчего нам так благоволят?

— Так это не только мы, — улыбнулась милая женщина в кипенно-белой форме, — это все студенты собрали деньги и сделали заказ. Так-то никто не примет сладости, а вот если мы сами их закупим, то да, передадим адресатам.

— Но почему? — оторопела я.

— Стыд, он такой, — хмыкнула женщина. — Иногда проще откупиться шоколадом, чем признать, что был неправ. Никто не хотел участвовать в турнире, но все были против того, что пришлые стали частью команды. Первый этап все расставил на свои места.

Сев за стол, лисонька вытащила блокнот и начала что-то подсчитывать.

— Что делаешь? — заинтересовалась я.

— Прикидываю, сколько нам нужно золотых сагертов, чтобы угостить пироженкой каждого учащегося военки, — проворчала Нольвен.

Точно, моя подруга и ее болезненная гордость, не приемлющая подачек.

— Хорошая идея, — поддержал ее Фраган, когда мы ему пересказали слова той женщины. — Мы как бы покажем, что приняли извинения. Что там выходит?

— Дорого, но терпимо, — отозвалась Нольвен.

— Давай мне, я все сделаю, — Гильдас протянул руку. — Ага, ну, в принципе, по пять сагертов с носа. А профессоров ты посчитала?

— Тогда уж большой шоколадный торт в учительскую, — вмешалась я.

— Угу, значит, по пять с половиной сагертов. Вот и чудно, — Фраган встретил наши оторопелые взгляды и добавил, — нельзя купить торт только для профессоров, чем плохи маги-хозяйственники?

Либо всем, либо никому. Все согласны? Тогда я все закажу, а рассчитаемся в понедельник.

Допив чай, мы покинули столовую. И чем ближе мы подходили к главным воротам Сагертской Военной Академии, тем страшнее мне становилось. Дрегарт, заметивший это, ободрительно мне улыбнулся и негромко произнес:

— У тебя все получится.

— Конечно, — поддержал его Фраган, — а если нет, то это тоже не страшно. Помню, я свой первый портал открыл туда, куда и хотел, но на два метра выше уровня земли. Так неудачно рухнул, что сломал обе ноги. Зато с тех пор, я всегда готов к левитации.

— М-м-м, спасибо, — сдавленно отозвалась я.

— Это я к тому, что мы не разобьемся, — уточнил Гильдас.

— Я думала, ты через свой портал пройдешь.

— И не поддержи товарища? — удивился Фраган.

Моя лисонька помрачнела и отвела взгляд. А я только вздохнула — при всех своих достоинствах, иногда Фраган был слишком прямолинеен.

— Ты мог бы помочь Нольвен, — мягко намекнул Дрегарт. — И не нервировать Мэль. Сам знаешь, чем меньше сочувствующих лезет под руку целителю, тем здоровее пациент.

Коротко кивнув, Фраган уточнил у лисоньки, на какой улице находится дом ее дяди и открыл портал. Через минуту мы с Дрегартом остались одни.

— Готова?

— Готова, — уныло вздохнула я.

Первая попытка оказалась провальной, а вот после второй перед нами завис полный золотых искр овал, сквозь который легко просматривался бабушкин дом.

— Вот и славно, — Дрегарт послал в портал фиолетовый сгусток силы и добавил, — портал стабилен. Я иду вперед, ты — замыкающая. После тебя портал закроется. Если вдруг утратишь контроль, не бойся, я сразу вернусь за тобой.

— Угу, — сосредоточенно отозвалась я.

Ого! Оказывается, когда кто-то проходит сквозь портал, из заклинателя вытягивается приличная такая порция силы. Фух, я бы не перетащила всю нашу компанию. Ну, по крайней мере мне бы

понадобилась серьезная мотивация для этого. Угроза жизни или что-то вроде.

Шагнуть в свой же портал было тяжело. Нет, я уверена в себе как в целителе. Хаос, да у меня даже патент есть, так что я еще и зельевар неплохой! Но портал...

— Вдох-выдох, Маэлин, — приказала я себе и шагнула вперед.

И ничего. В смысле, просто и буднично вышла из портала.

— Ну как, появилась уверенность? — с интересом спросил Дрегарт.

— Немного, — лукаво улыбнулась я и толкнула калитку. — Идешь?

А в доме Меры нас ждал зареванный сюрприз...

Первое, что меня удивило — нас никто не встретил. Меровиг очень любит проводить время сидя на перилах, покуривая трубочку и попивая кофе. И то, что на улице уже не лето, ничуть не уменьшает ее любовь — согревающие чары не дают осечки.

И вот, мы входим в дом и слышим сдавленные женские всхлипы. Если честно, то меня прошибло ужасом от макушки до пяток. Я не могла представить Меру плачущей, но точно так же мне было известно, что бабушка не бесчувственная. Что могло вызвать ее слезы? Только чудовищная потеря.

— Слава Хаосу, — выдохнула я, когда ворвавшись в гостиную, увидела спокойную бабушку и какую-то неизвестную женщину в бесформенном коричневом платье и капоре, прикрывающем лицо. — Я думала, это ты рыдаешь, Нейтана хоронишь.

— За что? — оторопел незамеченный мною алвориг Нортренор, — я не болею.

— Просто не смогла придумать другую причину для слез Меры, — пояснила я и запоздало поздоровалась.

Дрегарт, вошедший следом за мной, так же со всеми поздоровался и левитировал два кресла поближе к происходящему. И только усевшись, я сообразила спросить:

— Мы не помешали?

— Нисколько, — бабушка выдохнула клуб дыма. — Вот, матушка твоя сидит, просит повлиять на правосудие.

Матушка?! Ни за что бы не опознала ее в этой сутулой незнакомке.

— Правосудие? — заинтересовался Дрегарт, — мое почтение, квэнни Конлет.

— Меровиг, он ведь твой сын, — с надрывом произнесла квэнни, напрочь игнорируя меня.

— Интересно, — Мера очистила трубку и растворила ее в пространстве, — ты ищешь во мне то, что отсутствует в тебе самой. Я про любовь к детям, если что. Ты не просто вышвырнула дочь на улицу, ты встала на одну сторону с человеком, который ее предал. А теперь ты сидишь здесь и утверждаешь, что я должна спасти своего сына от справедливой и заслуженной кары.

— Вероятно, квэнни Конлет считает тебя лучшим человеком, нежели она сама, — не сдержалась я.

Потому что я помню. Помню, как она велела мне оставить вещи на своих местах. Если бы не Мера, то мне пришлось бы ой как несладко.

— Когда у тебя будет супруг, — сухо произнесла квэнни Конлет, — ты поймешь.

— Я не могу и мысли допустить, что мой муж вышвырнет из дома нашего ребенка, — покачала я головой.

— Никогда, — внушительно произнес Дрегарт и протянул мне руку.

Квэнни Конлет подняла голову и недоуменно на нас посмотрела:

— Ты еще помнишь, что по бумагам...

— Мне это безразлично, — уверенно произнесла я. — Старые традиции и обряды спешат на выручку любящим людям.

— Ты ничего не понимаешь, — прошипела квэнни, — если бы не отец, если бы он не нашел... Не нашел *способ*, ты бы осталась без магии на всю жизнь! Ты в ноги ему поклониться должна! Мы хотели как лучше, а...

— А получилось как всегда, — осадил ее Меровиг. — Один вопрос — зачем вы дочь-то им отдали? Неужели нельзя было просто заплатить?

— Мой муж был проклят, — скупно проронила квэнни Конлет. — От него не может родиться мальчик. А значит, на нем бы род и закончился. Маэлин должна была уйти в другой род и все. Мой муж хотел как лучше.

Меровиг покачала головой:

— Как лучше? Как я понимаю, это одаренный внук, способный передать фамилию дальше. Что при этом станет с дочерью — наплевать? После всего этого у меня только один вопрос — зачем? Я понимаю, когда Ривелены стремятся сохранить фамилию — целый клан боевых магов, где каждый первый рождается с мощнейшим даром. Гильдасы — чуть слабее, но все равно непревзойденные бойцы, скорость их реакций непредставима. Нарры — врожденное умение чують полезные ископаемые. Но Конлеты-то для чего нужны этому миру? Обычный дар, без каких-либо особенностей, средний достаток, средняя власть. Серость, из которой выбивается только Мэль.

— А ты? — улыбнулась я, глядя на сердитую бабушку.

— Я, слава Хаосу, Конлет по мужу, — скривилась Меровиг.

— Ты вывела из-под удара внучку, но сына не пожалела, — квэнни Конлет встала. — Я вижу, что это бесполезный разговор. Надеюсь, однажды тебе станет стыдно и больно.

— Мне уже было и стыдно, и больно, — усмехнулась Меровиг, — в тот момент, когда я поняла, что мой славный пухлощекий малыш вырос вот в такое вот жестокое создание. Что не осталось любознательного подростка, готового постигать тайны магии, а есть лишь обленившийся алвориг, без сердца и чести. Уходи. Я тебе не помощник. Да и не казнят его.

— Тень позора отца ляжет и на Маэлин, — предприняла квэнни Конлет последнюю попытку.

Бабушка посмотрела на меня, перевела взгляд на Дрегарта, после чего пожала плечами:

— Переживет.

Квэнни Конлет поправила капор и покинула комнату, а через минуту мы услышали хлопок входной двери.

— И что это было? — осторожно поинтересовалась я.

— Сейчас я сделаю кофе и расскажу, — кривовато улыбнулась Мера и встала.

Когда она вышла, я перевела взгляд на алворига Нортренора:

— Что случилось? Мера варит кофе вручную только в исключительных ситуациях.

— Она любит сына, — тихо сказал Нейтан. — Каким бы он ни был, но она его любит. Злится, осуждает, презирает... И любит. И ей

было страшно раскапывать всю эту историю, еще страшнее было передавать дело на суд Совета Магов. Вот только по другому никак.

Прошло несколько минут и в комнату вернулась Мера. Следом за ней влетел внушительный кофейник, вычурная стеклянная бутылка, чашки и стайка пирожных.

— Празднуем, — с натянутой улыбкой произнесла бабушка. — Завтра последнее заседание Совета Магов.

— Я догадываюсь, по какому поводу они заседают, — осторожно произнес Дрегарт, — но хотелось бы подробностей.

Накапав в каждую чашку по паре капель крепкого ликера, Мера разлила кофе и взяла чашку:

— За нашу победу. Тенеаны опозорены, их дом опечатан...

— Книги скопированы, — воздел палец Нейтан.

— Книги скопированы, — кивнула бабушка, — жертвы найдены и по-человечески захоронены. Все тихо, никаких публичных слушаний. Старший Тенеан уже казнен, завтра будет решаться судьба Стевена и алворига Конлета.

— Ого, — оторопела я. — Ничего себе. А почему тихо?

— Общественное мнение, — мягко произнес Нейтан. — Сейчас в Кальсторе живет четырнадцать юношей и девушек, которым Тенеан «помог» обрести магию. Все они куда младше тебя.

— И если у тебя есть и друзья, и надежная семья, и жених, за которым как за каменной стеной, — добавила Мера, — то у тех детей есть лишь надежда все это обрести. Я даже не хочу представлять, какие чудовищные могут пойти слухи, если все всплывет. Особенно учитывая, что Тенеан не только проводил опыты на детях, но еще и делал это все по книгам Тальмелита. Так что на всех участниках процесса лежит заклятье молчания.

— На какой срок? — заинтересовался Дрегарт.

— До самой смерти и еще девять дней после нее, — серьезно ответил Нейтан.

— Я жажду подробностей, — сказала я и отставила в сторону опустевшую чашку.

— Что ж, подробности это можно, — кивнула Меровиг. — Мы собрали много косвенных свидетельств того, что Тенеаны не чисты на руку, но нам не хватало чего-то убойного, чего-то такого, что позволит вломиться в их дом и пройти до самого подвала.

— На наше счастье, в их семье закончились сильные и волевые маги, — хмыкнул Нейтан и, поймав укоризненный взгляд Меры, добавил, — больше не перебиваю.

— Знаешь, что выдает глупцов? — Меровиг мечтательно улынулась, — векселя. Совет Магов надавил на кальсторский банк и мы узнали имена людей, переводивших Тенеанам заоблачные суммы. Затем мы с Нейтаном навестили этих самых людей. Никто из них, к слову, особо и не скрывался. Они все прямо говорили, что ритуал безопасен, что с детьми все в порядке и что есть стопроцентная гарантия. И что имя исполнителя мы узнаем из газет, потому что сейчас идет процесс легализации ритуала.

— Вы же уже знали имя исполнителя? — нахмурилась я.

— Мэль, детка, — Мера всплеснула руками, — мы же были в образе! Я говорила о том, что на старости лет родила себе бастарда, да вот беда, у мальчика нет дара. И плавно подводила к тому, что один знакомый шепнул мне по секрету... Дальше я выразительно замолкала и мне тут же все выкладывали. Правда, никто из клиентов Тенеана не назвал его имени. Но все упирали на то, что он почти легализовался.

— Они так тесно общались? — спросил Дрегарт.

— Мне меняли концентратор трижды, видимо, и остальным так же, — напомнила я. — Видимо, Тенеан готовил почву для своего дальнейшего восхождения.

— Он собирался стать единственным королем Севера, — фыркнула Меровиг.

— А Хранителей куда? — поперхнулась я.

— А Хранители заменили бы Совет Магов. Да что взять с умалишенного, — бабушка махнула рукой. — Это хорошо еще, что они решились деньги зарабатывать, а то если бы так и сидели в тени, то мы бы их никогда не нашли.

Меровиг налила себе еще кофе и продолжила рассказ:

— В общем, сразу после всего этого мы решились на провокацию. Я пришла в гости к Тенеанам и принялась рассказывать, что замечательно проводила время с чудесными людьми. И перечислила их всех по именам. А на следующий день Стевен изъял у тебя концентратор и передал его отцу.

— Его взяли тепленьким, — ухмыльнулся алвориг Нортренор. — Упаковали по окончанию первого этапа. Концентратор позволил

Совету Магов активировать Круг Истины.

— Почему? Он же мог сказать, что просто поторопился и использовал свои наработки раньше времени. Исключительно ради подлой девицы, в которую влюблен его единственный сын, — сказала я и Меровиг кивнула:

— А он так и сказал. Но все дело в том, что в бумагах и артефактах, который Тенеан подготовил для Совета Магов, совсем другие заклинания, совсем другие металлы и камни. И совсем другая пропитка. Твой концентратор сделан по книгам Тальмелита, от и до. Старший Тенеан не смог отовратиться, а после его разум и вовсе был выпотрошен. Так что во время собственной казни он, можно сказать, не присутствовал — от него осталась лишь пускающая слюни оболочка. Зато теперь мы однозначно вычистили Кальстор от зловредной информации.

— Я успел снять копии с книг за час до того, как они превратились в проклятые фолианты, — вздохнул Нейтан. — Впрочем, эти копии я уничтожу. Прочту, изучу, переработаю во что-то полезное и уничтожу.

Я поежилась и честно сказала:

— Все так спокойно закончилось. Мне думалось, что все это выльется в силовой конфликт. Боялась, что кто-нибудь погибнет.

— Силовой конфликт в Кальсторе, когда Хранитель Теней силен как никогда? — улыбнулся Дрегарт, — это невозможно. Да и кто бы сражался? Стевен в полной мере показал нам свою боевую подготовку.

— Именно, — согласилась Мера. — Сражаться там было некому. Чего пирожные не едите? Вкусные, сама пекла.

Я взяла угощение и тут же поймала за хвост промелькнувшую мысль:

— Нейтан, а ты скопировал книги с оригинала или тоже с копий? Просто... Времени прошло очень много, и они давно должны были питаться дикой магией.

— Там был очень хороший сейф, — покачал головой маг. — И книги были переложены опустошенными накопителями. Никогда бы до этого не додумался, но теперь надо будет переоборудовать библиотеку. А то сил никаких нет постоянно копии заказывать.

И тут я поняла, кто мне поможет легализовать Лилея.

— А если я скажу, что есть один прекрасный представитель растительного мира, для которого дикая магия это непредставимо вкусное лакомство? — прищурилась я и отправила в рот ложечку крема.

— Так-так, — заинтересовался Нейтан. — В чем подвох?

— Наш друг, ложный лилейник, выпил из наших учебников всю магию, — улыбнулась я. — Он и его собраты могли бы помочь библиотекам Кальстора. Но подвох и правда есть — Лилея мы украли из парка. По бумагам он был передан в дар, ну а так как разумные растения не обладают никакими правами...

Я выразительно замолчала, позволив слушателям додумать самостоятельно.

— Кстати да, — вскинулась Меровиг. — Мне прислали чек и сопроводительные документы на куст ложного лилейника, так что теперь ваш друг легализован. Дата в бумагах не стоит, но все равно, чем позже о Лилее узнают, тем лучше.

— Не лучше, — встрепнулся Нейтан. — Это сколько же книг погибнет, пока мы молчим?

— Так, дети, идите погуляйте, — Меровиг кивнула нам на дверь.

— Есть идти погулять, — хихикнула я и мы с Дрегартом выскользнули из комнаты.

— Какова будет наша гулятельная программа? — спросила я, едва мы вышли на улицу.

Дрегарт покосился на меня, тяжело вздохнул и открыл портал:

— Это будет скучно, но полезно. Иди.

Пожав плечами, я уверенно шагнула в портал и вышла в... Лавке?

«Или это чей-то дом», ошарашенно подумала я, наткнувшись взглядом на крайне удивленного мужчину, сидевшего в кресле с газетой.

— Здравствуйте, юная квэнти, — поприветствовал он меня.

— Здравствуйте, — я сердито обернулась на портал, но Дрегарт все не появлялся.

— Вы Маэлин Конлет?

— А? Да, а как вы меня узнали?

— Я Грегор, для вас дядюшка Грегор. Дрегарт несколько раз упомянул вас, а тут еще и эта статья. Не коситесь на портал, все в порядке. Вряд ли с ним могло что-то случиться.

И в этот момент мой жених наконец-то соизволил появиться. Боюсь, что я подарила ему не самый добрый взгляд. На что он развел руками:

— Меровиг окликнула. Велела купить не только теплые вещи, но и приличное платье. Завтра мы должны будем явиться в здание магистрата. Здравствуй, Грегор.

Грегор только кивнул и направился вглубь комнаты, на ходу разжигая колдовские светильники.

— Что удивительно, ведь в случае со старшим Тенеаном обошлись без меня, — хмыкнула я.

— А зачем ты там? — удивился Дрегарт. — Когда задействован Круг Истины, необходимость в свидетелях и их показаниях отпадает. Да и привлекать внимание к происходящему никто не хотел. Одно дело, что в воскресенье студенты решили посетить магистрат и совсем другое, когда оных студентов срывают посреди учебной недели.

Это я все прекрасно понимала, просто было чисто по-человечески обидно, что такое событие прошло мимо меня. И не особенно хотелось наблюдать за тем, как будут судить алворига Конлета.

— А вот посмотрите сюда, — позвал нас дядюшка Грегор.

И показал нечто серебристо-текучее, мерцающее, удивительно красивое.

— Что это?

— Накидка из меха сагертской скальной кошки, — с гордостью произнес дядюшка Грегор.

А я отдернула руку.

— Да не бойтесь, квэнти, — захохотал мужчина, — никто не умер. Это секрет моей семьи, как сделать меховое манто из настоящего меха, и не убить ни одной живой твари.

Он вывернул накидку наизнанку и показал мне гладкий атлас:

— Кошка рассталась только с шерстью, а должным образом обработанный атлас заменил кожу. И нет, зверь не замерз. Примерьте же скорей!

Дрегарт взял из рук дядюшки Грегора меховую накидку и закута мои плечи.

— Она невесомая, — выдохнула я.

— Она теплая, — проворчал Дрегарт, — и прикрывает тебя до пят.

— Есть капюшон, — добавил дядюшка Грегор.

— Берем, — кивнул Гарт. — Упаковывать не нужно, у Мэль нет теплых вещей.

Я хотела запротестовать, но вовремя прикрыла рот. Все мои вещи остались в особняке Конлетов и никто не спешит мне их возвращать. Вопрос только в стоимости этой вещи. Что-то мне подсказывает, что мне может не хватить.

— Пальто по твоему заказу тоже готово, — вещал тем временем дядюшка Грегор.

— А вот его упакуй пожалуйста. Скажи, где бы нам приобрести хорошее платье?

Поймав себя на том, что безостановочно поглаживаю мех, я попробовала вмешаться:

— Но я знаю, где продают одежду.

— Никто не спорит, — улыбнулся дядюшка Грегор. — Никто не спорит.

Никто не спорил, но и слушать меня они тоже не стали. Дрегарт просто открыл портал и попросил меня идти вперед.

— А...

Дрегарт выразительно посмотрел на меня и я молча шагнула в портал. Надеюсь, в этот раз это будет не внутреннее помещение лавки.

Оказавшись среди богато одетых квэнни, я на мгновение растерялась. Хорошо, что успела взять себя в руки и пошире раскрыть глаза прежде, чем Дрегарт пройдет через портал. Ведь вокруг стояли не живые люди, а манекены.

— С Меровиг сам разговаривать будешь, — шепотом предупредила я жениха. — И держи щит, я не хочу потерять тебя до свадьбы.

— Не понял?

— Мера разругалась с квэнни Татрией, — пояснила я.

А это был именно салон квэнни Татрии. Мы с лисонькой очень страдали из-за принципиальности Меры, но спорить не смели. И дело даже не в том, что бабушка запретила нам сюда ходить. Она потом остыла и сняла свой запрет. Просто по ней было видно, что каждый наш визит в этот салон это прям удар по ее гордости.

— Я написала вашей бабушке около сорока писем, — раздался глубокий грудной голос откуда-то из-за манекенов. — Так что намекайте ей, что пора бы сменить гнев на милость. Я была неправа,

но и хранить обиду столько лет... Немыслимо! О, а вы выросли. И у меня есть для вас платье! Даже два, а я все думала, для кого же я это сшила?

Последнее она пробормотала себе под нос.

Дрегарт чуть нахмурился:

— Разве не Мэль должна выбрать?

— Не в этом салоне, — отмахнулась квэнни. — За мной.

— Для квэнни это не работа, а, — я пожала плечами, — просто удовольствие. Блажь, как говорит Меровиг. Квэнни шьет платья, наряжает манекены и накладывает сверху стазис. Нельзя просто прийти, выбрать и купить, только она решает кому и что подходит. Поэтому сюда редко приходят.

Чуть ускорившись, мы нагнали квэнни Татрию и получили в руки две коробки.

— Примерка? — осторожно спросил Дрегарт.

На что получил высокомерный взгляд и прохладное замечание:

— Если не подойдет, я сожгу эту лавку. На чье имя прислать счет?

— Дрегарт Катуаллон.

— О? Хороший выбор, — квэнни Татрия подмигнула мне. — Все, идите. Да, в розовой коробке платье для официального повода, а в фиолетовой... Ты поймешь.

Дома Мера похвалила мою накидку и подозрительно посмотрела на коробки:

— Что за хлам втюхала тебе эта слепая курица?

— Мера, — я поперхнулась смешком, — она написала тебе сорок писем! И сказала, что была неправа.

— Ха! Да, она прислала мне сорок писем, — бабушка гневно пыхнула трубкой. — Каждое из которых содержало такие слова и словосочетания, как: «Дура», «Не ценишь своего счастья», и фееричное «Я никогда не ошибаюсь»!

— То есть, квэнни Татрия подобрала тебе платье, а оно тебе не понравилось?

— Она *подарила* мне его. Свадебное платье, — Меровиг фыркнула. — Возмутительно. Насмешка над нами с Нейтаном.

— Но ведь в итоге вы нашли ритуал...

— Ничего не хочу слышать, — отрезала Мера. — Пойду, отвечу на корреспонденцию.

Мы с Дрегартом только переглянулись и вздохнули. Да, у моей насквозь идеальной бабушки есть крохотный недостаток. Она очень тяжело признает свою неправоту. Вот прям очень тяжело.

— Чай или кофе? — спросила я.

Но Дрегарт покачал головой:

— У меня еще есть дела. Я зайду за тобой перед судом.

— Ты тоже там будешь? — удивилась я.

— Я никогда тебя не оставлю, — серьезно сказал он и добавил, — плюс, я же тоже работал над этим делом.

Поцеловав Дрегарта, я подняла коробки и отправилась в нашу с Нольвен комнату. Надо развесить платья и спуститься в библиотеку. Кто знает, может у бабушки есть журналы других академий? Я бы не удивилась.

Вернее, я бы удивилась, если бы их не оказалось.

— Ха! Я так и думала, — не сдержалась я, войдя в библиотеку.

А все потому что на столике стояла стопка журналов, отпечатанных на самой дешевой бумаге. Кажется, типография у нас одна на все Академии.

Зачитавшись, я пропустила появление лисоньки и только аппетитные запахи выманили меня из библиотеки. Впрочем, выманили они меня только телесно. Так что я, не особенно участвуя в диалоге, быстро поела и вернулась обратно. Вскоре ко мне присоединилась и Нольвен.

А потом мы обе с недоумением смотрели на красивую бабушку, которая недоуменно спросила:

— Вы что, всю ночь читали?!

— Ой, — мы с Нольвен переглянулись.

— Идите, собирайтесь, — Меровиг вздохнула. — Я пока смешаю вам свой фирменный тоник.

На сборы не ушло много времени — все было подготовлено заранее. От новых гребней, которые заплели нас с лисонькой, до платьев. Вот только спать хотелось все сильнее.

— Зато мы имеем представление о втором и третьем этапе, — зевнула Нольвен. — И знаем, что обязаны выиграть второй. Третий нам не пройти, как никто иной, кроме нас, не мог пройти первый.

— Да, третий этап выглядит так, будто создан для стихийников, — согласилась я. — Хотя... Учитывая, огонь Дрегарта, мы можем

побороться за второе место на третьем этапе.

— Чтобы сделать нашу победу неоспоримой? — спросила Нольвен.

— Или чтобы испытать себя. Сейчас турнирная таблица выглядит весьма приятно — военка на первом месте, стихийники на втором и целители на последнем. Стихийников вывели на второе место, потому что они смогли принять бой, хоть и проиграли. А вот целители, невзирая на то, что добрались до камня первыми, бой принять не смогли.

— Хотя Тенеан, прежде чем его взяли под стражу, успел подать иск о том, чтобы именно целителей поставили на второе место, — фыркнула Нольвен. — Он упирал на то, что они пришли первыми.

Я вдела серьги, застегнула замочки и, поправив выбившийся локон, пожала плечами:

— В любом случае, если мы победим во втором этапе, то кто бы ни победил в третьем, кубок будет наш. Идем?

Внизу Мера выдала нам по флакону с черной, густой жидкостью.

— Залпом, не нюхая, — велела бабушка.

— Ай! — не удержалась я, выпив зелье.

Эффект был такой, будто мне в макушку ударила ледяная молния, которая волной холода прошла сквозь все тело, после чего пошла обратно и кольцом льда охватила голову.

— Спать хочется? — спросила Меровиг.

— Такое чувство, что еще неделю не захочется, — честно сказала я.

— Не то чтобы прям неделю, — усмехнулась Мера, — но близко. Идем.

Выйдя из бабушкиного дома, я увидела Дрегарта. Он выглядел... Потрясающе. Высокий, широкоплечий, в черном пальто — он казался чем-то большим, чем просто студент Военной Академии.

«Но он и есть «нечто большее»», напомнила я себе. И подошла к любимому, чтобы поправить его серый шарф и запечатлеть поцелуй на гладко выбритой щеке.

— Прекрасно выглядишь, — шепнул Дрегарт, — но я никак не могу понять, какого цвета твое платье.

— Синее настолько, что кажется черным, с вышивкой в тон, — улыбнулась я. — Иногда мне кажется, что квэнни Татрия обладает

даром предвидения. Наряд идеально подходит для сегодняшнего дня.

— А второе платье? — с интересом спросил Гарт.

— Пригодится после турнира, — чуть смутилась я.

— Все готовы? — громкий голос Меры заставил меня вздрогнуть. — Идем порталом. Сегодняшнее заседание чуть менее секретное чем прошлое, но мы все равно должны быть осторожны.

Портал открывал алвориг Нортренор — у него было особое разрешение от Совета Магов. Первой в портал шагнула Меровиг, затем Дрегарт, за ним я и после меня Нольвен. Сам Нейтан шел последним.

Первое, что я заметила — тонкий лимонный запах. Значит, недавно здесь все зачистили от посторонних магических следов. Надо же, значит, есть и иные секретные дела, что рассматриваются Советом Магов.

Затем я рассмотрела сам зал. Зал, который одновременно был похож и на арену, и на судилище, — небольшое пустое пространство, окруженное барьером, и ряды кресел, поднимающиеся едва ли не до потолка. Это место могло бы вместить многих, но сейчас, глядя на постепенно рассаживающихся людей, я могла точно сказать, что нас здесь не больше тридцати. Это при том, что только наша группа состоит из пятерых человек.

— За мной, — коротко произнесла Меровиг.

Наши места оказались наверху. Практически последний ряд, что, по мнению недалеких людей, говорило о низком статусе сидящих там магов.

— Они будут вместе или по отдельности? — тихо спросила я.

— По отдельности, — отозвалась Меровиг. — Начнется с алворига Конлета.

Я вздохнула и заставила себя разжать стиснутые кулаки. Зал был полупустым и мы были видны, как на ладони. Но я не боюсь, вовсе нет. Никто не заставлял алворига Конлета влезать во все это. Нет моей вины в том, что все его недальновидные интриги пошли прахом!

Внизу, в центре пустого пространства разгорелся портал, из которого вышел алвориг Конлет. Он выглядел устало, его одежда была несвежа. Откуда-то с нижних рядов раздался отчаянный женских всхлип:

— Муж мой!

Алвориг Конлет поклонился своей жене и спокойно произнес:

— Все хорошо. Я попытался и проиграл, так случается.

А у меня спине пробежал озноб. Он не раскаялся, он просто смирился с проигрышем.

— Он глуп, — выдохнула Меровиг. — Как же он глуп.

— Не скажи, — покачал головой Нейтан. — Он решил сохранить достоинство. Нет смысла лгать о раскаянии, если есть вероятность, что Круг Истины будет активирован. Ложь только усугубит его положение.

Тихий треск и я, переведя взгляд, увидела еще один портал. Он раскрылся в центре широкого прохода, ведущего от верхнего ряда кресел вниз, к Кругу Истины. Из портала вышел высокий широкоплечий мужчина. Я не видела его лица, только спину. Он, не оглядываясь спустился вниз и звучно произнес:

— Алвориг Конлет, Малый Совет Кальстора собрался здесь ради вас. Знаете ли вы, из-за чего это произошло?

— Да, алвориг Алсой, — поклонился алвориг Конлет.

«Алсой, Алсой... Хранитель Теней?!», я подалась вперед, жадно рассматривая практически легендарную личность.

— Хорошо. Поведайте Совету, как и когда вы приняли решение раскрыть магический потенциал вашей дочери?

В этот момент алвориг Конлет поднял голову и посмотрел прямо на меня.

— Я знал, что Маэлин не будет иметь магической силы еще до того, как она родилась, — спокойно произнес он. — Так случилось, что я совершил неблагоприятный поступок, от которого пострадала юная квэнти. Ее мать, один из талантливых ритуалистов, отомстила мне. Я скован обетом молчания и не могу назвать имя проклявшей меня женщины. Так же я не могу назвать ее примет и я обязан уточнить, что, говоря, что она женщина, я, возможно, солгал.

Последняя фраза поставила меня в тупик, но бабушка пояснила:

— Я тоже таким пользуюсь. Это чтобы никто не мог вычислить пол ритуалиста. Он говорит, что это была женщина, а потом намекает, что мог быть и мужчина.

— И получается, что нам даже не известен пол мага, — выдохнула Нольвен. — Красиво.

— Что вы можете рассказать о проклятии? — спросил Хранитель Теней.

— Все мои дети будут рождены с запечатанным даром, все мои дети будут женского пола, — отчеканил алвориг Конлет.

— И вы решили не обращаться к Совету Магов.

— Я не мог!

— Вы не захотели смочь, — произнес кто-то из немногочисленных зрителей.

Алвориг Конлет промолчал.

— Вы решили бороться с проклятьем самостоятельно. Как?

Но прежде чем алвориг Конлет заговорил, пол под его ногами стал молочно-белым. Круг Истины активирован.

— Я знал, что есть кудесник, который помогает детям открыть магический потенциал, — он смотрел в пол. — Знал тех, кто воспользовался его услугами. Не был уверен, ибо никто не подтверждал. Но осторожные расспросы привели меня к алворигу Тенеану. И мы заключили взаимовыгодную сделку.

— Вы знали, что род Тенеанов проклят?

— Да, — скупое бросил алвориг Конлет.

— Вы знали, как именно будет снято проклятие с рода Тенеан?

— Нет, — скупое бросил он.

И пол под его ногами стал розоватым. Не красный, но и не белый, это значит...

— Вы имели некоторые подозрения? — уточнил Хранитель Теней.

— Да.

— Теперь вы знаете суть ритуала?

— Да.

— Расскажите, — приказал Хранитель Теней.

— Девушка, чей дар распечатан при помощи усовершенствованного концентратора, должна родить близнецов, чему способствует особый ритуал. Мальчики рождаются болезненными, им не пережить порог трехлетия. Женщина, ведомая любовью к своим детям, должна обратиться к Матери-Магии и попросить о милости. В обмен она добровольно отказывается от своей пробужденной магии, чтобы доказать, что ее намерения чисты.

Я прикрыла глаза. Как... Как больно. Как подло.

— Повторять через поколение, потому что проклятье Тальмелита неискоренимо, — закончил алвориг Конлет.

— Вы знали, что алвориг Тенеан проводит эксперименты на детях и что дети умирают?

— Нет.

Приоткрыв глаза, я увидела, что пол под ногами алворига Конлета светел. Что ж, это немного утешает.

— Вы предполагали это?

— Нет. Я был уверен, что все давно отработано.

Хранитель Теней задал еще несколько вопросов, после чего озвучил свое решение:

— Спорим, что с него просто возьмут кучу клятв? — шепнула Нольвен. — Никакого наказания не будет.

Я хотела возразить, а потом сникла. Если ритуал не запрещен, значит он разрешен. Если использование артефакта не запрещено, значит оно разрешено. А то, что он решил мою судьбу до моего рождения... Имел право, как глава рода. Он мог бы быть осужден только в том случае, если бы знал о жертвах и экспериментах над детьми.

И так оно и оказалось. Хранитель Теней опутал алворига Конлета десятком клятв и приказал ему в трехдневный срок покинуть Сагерт. Без права возвращения.

— Приведите Стевена Тенеана, — приказал Хранитель Теней.

Воспользовавшись заминкой, я перегнулась через Нольвен и спросила Меру:

— Почему для алворига Конлета был активирован Круг Истины?

— По его личному ходатайству, — тонко улыбнулась Меровиг. — Круг Истины к предполагаемому преступнику может быть применен в двух случаях — по решению Совета Магов, если есть достаточно веские причины, и по просьбе самого предполагаемого преступника.

В центре пустого пространства разгорелся портал, из которого вышагнул Стевен. Наглец выглядел так, будто его никто не задерживал — опрятная одежда, никакой бледности и кругов под глазами. Удивительное самообладание.

— Стевен Тенеан, Малый Совет Магов собрался здесь ради вас, — произнес Хранитель Теней ритуальную фразу.

Мой бывший жених поклонился, прижав руку к груди:

— Я готов отвечать.

— Знаете ли вы, по какой причине вы вызваны сюда?

— Нет, алвориг Алсой, мне это неизвестно.

Нольвен, сидевшая рядом со мной, гневно прошипела:

— Вот гырбова отрыжка. Неужели он сможет выкрутиться?

— Нет, — скупно произнесла я. — Мы здесь для того и находимся, чтобы он не ушел без подарков.

Хранитель Теней продолжил задавать Стевену вопросы:

— Знали ли вы, что именно ваши предки были среди тех, кто атаковал Тальмелита?

— Да.

— Знали ли вы, что на вас лежит проклятье?

— Нет, алвориг Алсой.

— Знали ли вы, что ваш отец проводил неодобренные Советом Магов ритуалы над чужими детьми?

— Нет, алвориг Алсой. Хочу заметить, что меня крайне возмущает этот момент. Если бы я только знал, — Тенеан скорбно вздохнул и покачал головой.

На ладони сидевшего рядом со мной Дрегарта вспыхнуло пламя. Кончиками пальцев я коснулась его запястья и магия, спрятавшись под кожей, притихла.

— Знали ли вы, по какой причине был заключен брачный договор между вами и Маэлин Конлет?

— Я не интересовался этим. Послушание — основа взаимоотношений в нашей семье. Отец указал на девушку, которая должна была стать моей женой, и я принял это.

Я остро поняла, что наступил переломный момент.

— Сейчас или никогда, — проронила бабушка.

У меня из головы вылетели все ритуальные фразы. А потому я просто встала и, выйдя в проход, пошла вниз. Я смотрела прямо перед собой и не позволяла себе отвлекаться на едва слышный шепоток, сопровождающий меня.

— Хранитель Теней, — я встала рядом с ним. — Позволено ли мне войти в активированный Круг Истины?

— Кто вы, юная квэнти?

— Маэлин Конлет.

Взгляд Стевена был полон ненависти. О, если бы взглядом можно было убивать...

— Алвориг Тенеан, сойдите с Круга Истины.

Я вышла в центр и камень под моими ногами стал молочно-белым. Хаос, я затеяла страшную авантюру, но она может сработать!

— Я, Маэлин Конлет, обвиняю Стевена Тенеана в том, что он действовал заодно со своим отцом.

Пол под моими ногами остался белым, ведь в моем обвинении не было ни капли лжи. Я сказала лишь то, в чем была уверена.

— Бред, — не сдержался Стевен. — Маэлин не может свидетельствовать против меня.

— Стевен Тенеан, — я смотрела только на Хранителя Теней, — встретив меня и моего жениха, Дрегарта Катуаллона, сказал следующие слова: «Все, что ты имеешь, Маэлин Конлет, заслуга моего рода. И кто знает, была бы ты кому-нибудь интересна, если бы жизнь сложилась иначе. Если бы наши отцы не заключили взаимовыгодное соглашение». Это — прямая цитата.

Хранитель Теней выразительно посмотрел на молочно-белый камень:

— Вы говорите правду.

— Я не склонна ко лжи, — с достоинством произнесла я. — Так же хочу особо отметить, что Стевен называл меня «Собственностью рода Тенеан». На этом у меня все.

Я коротко поклонилась и, пройдя мимо Хранителя Теней, начала подниматься наверх.

— Алвориг Тенеан, вернитесь в Круг Истины.

— Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы, при активированном артефакте, — высокомерно бросил Тенеан.

— Вы обязаны прокомментировать обвинения квэнти Конлет, — спокойно произнес Хранитель Теней. — Она обвинила вас и доказала, что ее слова — правдивы. Сейчас вы должны либо принять обвинения, а вместе с ними и заслуженное наказание, либо доказать, что квэнти Конлет не права.

Сев на свое место, я сложила руки на коленях. Пальцы подрагивали и Дрегарт, перехватив мои ладони, принялся греть и гладить их. Одновременно он делился со мной силой, которая шла от наших соединенных рук прямо к сердцу.

Стевен шагнул в Круг, который тут же осветился белым светом. Тишина в зале стала абсолютной. Но Тенеан молчал. Молчал и Хранитель Теней.

— Маэлин Конлет моя невеста, согласно договору, заключенному между нашими отцами, — заговорил наконец Стевен. — Разумеется, она принадлежит роду Тенеан. Говоря, что все, что она имеет это заслуга моего рода, я... Я имел ввиду, что ее концентратор принадлежит нам. А без концентратора она бы не добилась таких высот.

По белому камню пробежали розоватые всполохи. Тенеан не лгал, но очень, очень сильно недоговаривал.

— И что? Сейчас у меня другой концентратор, — уверенно и громко произнесла я.

— Невозм...

Он вовремя оборвал сам себя, но все присутствующие поняли, что он хотел сказать.

— Что вы хотели сказать, алвориг Тенеан? Договорите, — властно произнес Хранитель Теней.

— Нет.

Алвориг Алсой повернулся к нему спиной и обратился к сидящим в зал людям:

— На основании обвинений Маэлин Конлет, а так же на основании ответа на эти обвинения, я прошу Малый Совет проголосовать за повторный допрос Стевена Тенеана. Но в этот раз он будет отвечать при активированном Круге Правды.

— Не имеете права, — выдохнул Тенеан.

— Кто за? — алвориг Алсой полностью проигнорировал Стевена.

Я бросила взгляд на Меровиг и увидела, как та вскинула руку и зажгла на пальцах яркий белый огонь. Следом за ней поднимали руки остальные. Неужели Мера часть Малого Совета? Повернувшись к Дрегарту, чтобы спросить, знал ли он об этом, я увидела, что и он тоже голосует.

«Хранитель Мудрости, ну конечно. Как бы он мог не быть частью Малого Совета?». Мне было обидно, что я сама не догадалась об этом.

— Единогласно. Стевен Тенеан, знали ли вы о том, что на вашем роду лежит проклятье?

— Я отказываюсь отвечать.

— В этом случае, Совет прочитает ваш разум, — спокойно произнес Хранитель Теней. — Что, как вы знаете, может нанести вам непоправимый вред.

— Знал! Да, я знал! Это вы хотели услышать?!

С ним случилась полноценная истерика. На нас полились такие откровения, от которых к горлу подкатывал тошнотворный ком. Мне хотелось зажать руками уши и спрятаться на груди Дрегарта, но я держалась. Я не позволю себе быть слабой в столь людном месте.

— Знал ли я, об экспериментах над детьми? — хрипло выдохнул он и рванул ворот своей рубашки, — знал. И участвовал. И как жертва, и как мучитель. Потому что только послушание позволит роду выжить. И я ни о чем не жалею. Я выполнял приказы главы своего рода. От и до, как и положено достойному наследнику.

Камень под его ногами был молочно-белым.

Когда он замолчал, слово взял Хранитель Теней:

— Я не могу вынести приговор. Я прошу Малый Совет покинуть зал. Пусть решает тот, кто видит больше.

Меровиг коротко выругалась, и приказала:

— Нейтан, портал!

И через минуту мы уже находились в нашей гостиной.

— А что это сейчас было? — спросила я, оглядываясь по сторонам.

— Хранитель Теней довольно близко общается с одним из жрецов Хаоса, — тихо сказал алвориг Нортренор. — Точнее, с одним из сильнейших жрецов. Не один раз он впускал в свое тело Отца-Хаоса. Думаю, сегодня именно он станет судьей.

А я, коснувшись ключиц, тихо сказала:

— Должна ли я отказаться от силы? Ведь получается, что я не имею права идти против воли Матери-Магии и...

— Глупости, — фыркнула Нольвен. — Чем ты слушала? Да, если бы ты просто родилась с запечатанным даром, то может и стоило бы отказаться. Но! Но твой запечатанный дар результат стараний другого человека. Не Мать-Магия наказала род Конлет, а неизвестная ритуалистка прокляла твоего отца. Так что, я считаю, что с точки зрения Матери-Магии все приемлемо.

— Ты всегда можешь воззвать к ней, — сказала Меровиг, — но это бессмысленно. Нольвен полностью права. И ты, если бы успела подумать, прежде чем заговорить, тоже бы это поняла.

Рядом с Мерой появилась бумажная птичка. Она цапнула ее, развернула и с прочитала:

— Стивен Тенеан стал ребенком. На первый взгляд не старше пяти лет. Жрец Хаоса забрал его с собой.

— Не самый плохой вариант, — задумчиво произнес Нейтан. — Сменить ему имя и фамилию, воспитать заново и будет у Отца-Хаоса новый служитель.

— Можно ли давать ему в руки такую силу? — нахмурилась Нольвен.

— Жрецы Хаоса всеильны, — кивнул Дрегарт, — но при этом они не могут действовать в чьих-либо интересах.

— Что ж, значит, все закончилось? — неуверенно спросила я.

— У Совета Магов еще есть работа, — улыбнулась Меровиг. — Тенеаны все же довели ритуал до ума и теперь нужно решить, что со всем этим делать. А для этого нам придется обратиться к квэнни Алсой. У нее особые отношения с Матерью-Магией.

— Ты хочешь знать, даст ли Мать-Магия свое позволение на вмешательство в ее дела? — спросила я. — Мне кажется, ответ будет ни да, ни нет. Как и сказала Нольвен, есть рода наказанные Матерью, а есть семьи проклятые другими людьми.

— Не спросим — не узнаем, — пожала плечами Меровиг. — Но это, опять же, наша забота. А вы должны готовиться к турниру.

Остаток дня мы, я, Нольвен и Дрегарт, провели в библиотеке. Журналы были проштудированы от и до, и у нас даже начал проклевываться план подготовки ко второму этапу. Оставалось только обсудить это с остальными членами команды.

Глава 19

Шестнадцатое января подкралось незаметно. Вот мы, гордые собой и миром, устраиваем презентацию, посвященную ложным лилейникам. Вот сидим в библиотеке, обложившись редчайшими фолиантами (Лилей в это время лакомился дикой магией), а после мы вышли на улицу, где слепили Отца-Хаоса, Мать-Магию и нечто странное, что постеснялись обозвать Судьбой.

А вот мы уже дрожим в шатре, потому что «особенный завтрак — это традиция турнира».

— Как-то доработать бы эту традицию, — проворчала Нольвен. — Еда холодная, чай с пленочкой, уши мерзнут. Безобразие.

Я только согласно вздохнула. Зимняя турнирная форма была куда менее привлекательна, чем та, в которой мы выступали на первом этапе. Зато не мерзло ничего, кроме ушей и кончика носа. Да и как могло замерзнуть, учитывая, что выдали нам плотные теплые штаны, зимние сапоги и плащи с меховым подбоем. Все радикально черного цвета. Нольвен только тяжело вздохнула и понадеялась, что у нее все будет шанс получить «ту красивую форму».

— Выдвигаемся, — коротко произнес Дрегарт и вытащил из кармана перчатки.

Капитан покинул шатер и мы потянулись следом. У меня под плащом пряталась аптечка, и целая куча самодельных амулетов. Кто его знает, что нам понадобится?

— Морозно, — выдохнула Нольвен.

— Сейчас бы строить снежную крепость, а не вот это вот все, — в тон ей отозвался Фраган.

Последние дни Гильдас особенно сильно нервничал — назначили дату суда над Филибертом. Алвориг Гильдас, отец близнецов, нанял с десяток магов, чтобы прояснить все произошедшее той ночью. Вайрин, к слову, явно не удалась ее попытка свалить все на клятву молчать — за ней пришли еще две недели назад и забрали прямо с занятий. А после ректор собрал в главном зале всех студентов и долго, нудно и наглядно объяснял, как именно работает академическая защита. Он вскидывал руки, устало прикрывал глаза и явно сглатывал

ругательства, ведь ректору, увы, не по чину использовать грязные выражения.

Мы подошли к порталу, который ждал нас там же, где и в прошлый раз. И вновь, как и в прошлый раз у портала нас ждал сюрприз. Два сюрприза.

Во-первых, первокурсники решили нас подбодрить и слепили из снега нашу команду. Трех снеговиков и двух снежных баб. Бабы от снеговиков отличались исключительно наличием огромных молочных желез. Таких огромных, что я даже ощутила некоторый дискомфорт. У меня не наберется и на четверть от заданного объема.

А во-вторых, рядом со скульптурной композицией попыхивал трубкой ректор. Грушево-шоколадный запах окутывал пространство перед порталом и настраивал на деловой лад. Подозреваю, что сейчас нас будут подбадривать со страшной силой.

— Вы должны победить, — глубокомысленно произнес ректор Аделмер. — Это ваш единственный шанс. Третий этап не пройти никому, кроме...

Тут он глубоко затянулся, выпустил особенно огромный клуб дыма и добавил:

— Надо бы ввести в академическую программу еще один предмет. Родную речь.

Мы проследили за взглядом ректора и увидели, что над снежными скульптурами колыхается слабая, едва видимая иллюзия: «Ваенка вперед!».

— Может, случайность? — я усомнилась, что кто-то может *так* ошибиться.

— Я отнял у них огромный плакат, с которым они собирались идти на трибуну, — ректор вздрогнул и поежился, — мне было больно читать.

— Зато от души, — хихикнула Нольвен. — Вы же сохраните его? Плакат, в смысле.

— Конечно, — кивнул он. — Мне ж никто не поверит, если я начну рассказывать. Идите и победите.

— Приказ понят, — хмыкнул Дрегарт. — Фраган, вперед.

За Гильдасом в портал проскочила Нольвен, следом я. За мной Волькан и, замыкающим, шел Дрегарт.

На выходе нас встретила снежная пурга и, когда мы проморгались, то с искренним недоумением уставились на огромные снежные ворота. Перед воротами стоял высокий стол, на котором что-то было разложено.

— Добро пожаловать на второй этап турнира, — прошепестел чей-то тихий, бесплотный голос.

И перед воротами появился... Появился Тень! Настоящий! Закутанный в черное воин изнанки, боец из личного отряда Хранителя Теней.

Мы в разноречии поздоровались и Тень вновь заговорил:

— Ваша задача пройти сквозь все врата и прибыть к центру Арены первыми. Здесь, — он указал на стол, — есть все необходимое.

Миг и Тень исчез. А мы, озираясь по сторонам, поспешили к столу. Подхватив пергамент, Нольвен прочитала вслух стихотворение:

— «Нет единственно верного пути,
Любой дорогой ты можешь к цели прийти.

Наш лабиринт ты обязан пройти,
Не свернуть, не сбежать, не уйти».

— Что мы можем понять из этого? — Фраган потер подбородок.

— Что стихоплет схалтурил, — задумчиво произнесла Нольвен.

Я пожала плечами:

— А по-моему все просто. Нам прямо говорят, что там, за дверьми, скрыт лабиринт. Это раз. Два, мы обязаны его пройти. И три — нет единственно верного пути. Значит, мы можем решать загадки или пробиваться силой. Или вообще придумать что-то еще.

— В теории, я могу открыть портал, — Дрегарт прищурился. — Но я не знаю, что за этими воротами.

— Можно попробовать растопить снег, — предложил Фраган.

— Или добыть ключ, — сказала Нольвен и кивнула на замочную скважину, — для чего-то же она нужна, верно?

На столе мы нашли деревянную палочку и три шкатулки с засушенными листиками. Мильтарра, снежноцвет и гарь-трава. Хм.

— Волькан, из этого ведь можно приготовить сильное взрывное зелье, — я кивнула на шкатулки.

— Да, — согласился алхимик. — А можно просто использовать свежие листики. Но высушенные они теряют большую часть своих свойств.

— Не высушенные, — покачала головой Нольвен.

Она как раз аккуратно извлекла листья, под которыми оказались флаконы с *сутью* растений.

— Ну конечно, — прошептал Волькан. — Ну конечно!

Он взял деревянную палочку, лежавшую перед шкатулками, и принялся колдовать. Накрутил вокруг деревяшки сухие листья, затем добавил принялся внедрять в получившийся рулетик разноцветную суть. Когда дерево заискрило, алхимик подскочил к воротам и засунул деревяшку в замочную скважину. С минуту ничего не происходило, а после...

— Хорошо, что у тебя такая реакция, — сказала Нольвен Дрегарту, когда утих звон в ушах.

Снежных ворот больше не было. Их разнесло на куски. И только благодаря молниеносной реакции нашего капитана, никого из нас не приголубило ледяной глыбой.

— Ну, это быстрее чем на чистой силе растапливать, — смутился Волькан. — И безопаснее, чем портал.

— Но при этом, глупее, чем просто открыть ключом, — вздохнула моя лисонька и кивнула на перевернувшийся стол, — они приклеили его к крышке.

Почесав кончик носа, я забрала ключ. А вдруг? Вот не удивлюсь, если все-таки найдется куда его засунуть. А если нет, то будет сувениром.

Снежный лабиринт начинался сразу за разрушенными воротами. Нам на выбор предоставили три прохода, один из которых был перекрыт огромной снежинкой.

— Попробуем сначала туда? — предложил Волькан и подошел к закрытому проходу.

За преградой тут же появился полупрозрачный силуэт скрытого под иллюзией мага, который несколько заунывно произнес:

— Отвечай на вопрос или выбирай другой проход. Правильный ответ сокращает путь, неправильный — удлиняет!

— Какой вопрос? — спросил Волькан.

— В зверинце Хранителя Закона было пятеро редчайших птиц, — тихим голосом произнес скрытый в иллюзии маг. — Одна из них улетела, одна подавилась зернышком и умерла, и одну подали к столу в кляре. Сколько осталось птиц?

— Две, — уверенно произнес Волькан, прежде чем мы успели посоветоваться.

— Это не правильный ответ, у вас последняя попытка. Десять. Девять. Восемь.

Алхимик принялся считать на пальцах — отнял от пяти три и у него по-прежнему вышло два. Но если два, это не верный ответ, то... Что-то такое я припоминаю, Мера загадывала. Только тогда это было про печенье и...

— Три, — выпалила я, когда Тень произнес «Четыре».

— Это — правильный ответ. Если вы сможете аргументировать свой выбор, то получите дополнительный балл. Если мне не понравится ваш аргумент, то я аннулирую ответ.

Снежинка, преграждавшая нам путь, замерцала и исчезла.

— Мэль, молчи, — выпалила Нольвен.

Но я только усмехнулась и обратилась к магу:

— Все в пределах формальной логики. Было пять птиц — одна улетела. Так?

— Так.

— Значит, убираем одну, — я демонстративно загнула палец. — Еще одну подали к столу в кляре и, я полагаю, что ее съели. Так?

— Так, — судя по звуку, Тень усмехнулся.

— И одна подавилась зернышком и умерла. Но труп-то остался в пределах владений Хранителя Закона. Вот и получается, что правильный ответ — три.

— Верно.

Он исчез, а мы шагнули вперед.

— Это какая-то очень странная логика, — проворчал Волькан. — Она мне не нравится.

— Получается, что птицу бросили гнить там, где она умерла? — недоуменно нахмурилась Нольвен.

— Может и нет, но нам-то об этом не сказали, — я пожала плечами.

— Ты молодец, — улыбнулся мне Дрегарт. — Я иду вперед, девочки и Волькан по центру, Фраган замыкает.

И я тут же почувствовала, как у меня потеплели щеки. Не чувствую за собой большой заслуги, все же тип загадки мне был давно знаком, но ужасно, ужасно приятно. Даже немного стыдно.

— Гарт, я попробую взлететь, — сказал Фраган.

Наш капитан подумал, снял перчатку и коснулся рукой снежной стены, после чего отрицательно покачал головой:

— Не стоит. В лучшем случае ничего не получится, в худшем с нас снимут баллы. Одно непонятно, что это за баллы?

— Система оценок должна быть прозрачной, — вздохнула Нольвен, — но, видимо, не сегодня.

Мы подошли к развилке. Дрегарт поднял руку и с его пальцев сорвались фиолетовые искры. Через полминуты он сообщил:

— Слева тупик, справа магическое препятствие.

И мы, разумеется, свернули направо. Где шагов через двадцать увидели длинный алхимический стол, за которым продолжался лабиринт. Вот только все пространство было заполнено каким-то дымом.

— Меня пугает эта пакость, — честно сказала Нольвен. — Я сразу вспоминаю, как таяли изображавшие вас куклы. Волькан, кажется это опять для тебя задание.

Наш сосредоточенный алхимик изучил все лежащие на столе ингредиенты, потом подошел к границе с туманом и бросил диагност. Хмыкнул, вернулся к столу. Затем, наученный опытом с воротами, присел на корточки и заглянул под стол. Выпрямился и повернулся к нам:

— Даже не представляю, что тут нужно делать.

— Осматриваться, — предложила Нольвен.

Мы ощупали все снежные стены, простучали ножки стола и даже попытались снять с него крышку. Ни-че-го.

— А пройти сквозь туман? — спросил Фраган.

— Уснем, — покачал головой Волькан. — Гарантировано и очень, очень быстро.

— Левитация? — предположил Фраган и снял с руки перчатку.

— Попробуй, — кивнул Дрегарт.

Плавнo покачивающаяся перчатка поплыла над клубящимся дымком. Все дальше, дальше и...

— На нас дети смотрят, — укоризненно произнесла Нольвен, услышав комментарий Фрагана.

— Я потерял контроль над заклинанием, — мрачно «перевел» он свою фразу.

— Мы заметили, — вздохнул Волькан.

— Дрегарт? — позвала я застывшего изваянием любимого.

— Контроль, да... Но уровень дыма при этом не изменился, — медленно произнес наш капитан.

— Этот алхимический элемент не нужно вдыхать, — покачал головой Волькан, — достаточно просто коснуться.

— Я понял, — кивнул Дрегарт и улыбнулся. — Выйдите отсюда.

Мы тут же выскочили в коридор и с недоумением пронаблюдали, как наш капитан разворачивает этот длинный стол.

— Я понял! — воскликнул Фраган и бросился на помощь другу.

Вместе они втокнули стол в заполненный дымом коридор. И да! Крышка стола полностью перекрыла эту сонную пакость.

— Мне бы это в голову не пришло, — честно сказала я.

— Тише ты, — шикнула на меня Нольвен. — За нами наблюдают не только дети, но и Мера!

Так, по крышке стола мы перебрались на другую сторону. Правда, этого импровизированного мостика хватило не весь коридор, но проблемой это не стало. Дрегарт подхватил меня на руки и одним прыжком преодолел оставшееся расстояние. Фраган сделал то же самое для Нольвен, а Волькан и сам по себе неплохо прыгал.

— Ты такой молодец, — восхитилась я, глядя на Гарта.

— Ну, должен же я начать оправдывать свое почти имеющееся звание, — фыркнул он. — Пора перестать *хранить* и начать *использовать*.

Поперхнувшись смешком, я мимолетно коснулась его ладони. Хотя больше всего мне хотелось прижаться губами к его щеке. Или к уголку рта. Или...

«Турнир, Маэлин. Тур-нир», сказала я себе.

И мы поспешили вперед. Поворот, еще поворот и вновь три варианта пути, один из которых закрыт снежинкой.

— Отвечай на вопрос или выбирай другой проход, — звучно произнес скрытый иллюзией маг. — Тот, кто дал правильный ответ моему собрату участвовать не может!

Мы переглянулись и Дрегарт решительно произнес:

— Какой вопрос?

— Что выглядит одинаково с открытыми и закрытыми глазами?

Я начала перебирать в уме всевозможные виды химер. Потом вспомнила, что вроде как у рыб нет век. Но как же мне подсказать ребятам? Изобразить из себя рыбу?

— Темнота, — подумав, произнес Дрегарт.

— Правильно. Если аргументируете...

— Нет, — коротко произнес капитан.

— Путь свободен, — с ясно слышимой улыбкой произнес маг и исчез.

Снежинка, преграждавшая нам путь, тоже растаяла.

— Кажется, тут нужны не наши знания, а умение нестандартно мыслить, — задумчиво произнес Фраган.

— Косность мышления — один из злейших врагов науки, — в тон ему отозвалась Нольвен. — Впрочем, чрезмерная фантазия тоже не полезна.

Прямой снежный коридор привел нас к развилке. Дрегарт вновь вызвал искры, но, увы, отклика они не дали.

— Как интересно, — я вытащила свои любимые бусины. — Попробую я.

Через минуту стало ясно, что нам налево. Поворот, поворот и новая развилка! И мои бусы тоже потеряли свои свойства.

— Ага! Тут не получится взять в команду кого-то толкового и за его счет выйти в лидеры, — воскликнула Нольвен. — Один маг — один диагност! Ну, то есть...

— Мы поняли, — перебил ее Фраган. — Как и в случае с вопросами, тот, у кого получилось, отходит в сторону и не мешает другим. Что ж, попробую я.

Гильдас вскинул руки и от кончиков его пальцев начали расходиться круги. Один, другой, третий. Стоял так он почти пять минут, после чего, тяжело отдуваясь, сообщил:

— Направо.

Я тут же вытащила аптечку и протянула ему стимулятор.

— Благодарю.

Правый коридор привел нас в круглый тупичок, где посреди глухой снежной стены находилась замочная скважина. А на полу лежал свиток, который мгновенно подхватила Нольвен:

— Иди и проверни. Ха, это же про тот ключ, что был приклеен к крышке стола! Мэль?

Я вытащила ключ и передала его Дрегарту. Капитан вставил его в замок и на стене тут же появилась надпись:

— Налево — вопрос, направо — ответ.

— Ну, налево, наверное? Нам же задают вопросы, а мы отвечаем, — неуверенно произнес Волькан.

— Голосуем, — коротко распорядился Дрегарт. — Кто за вариант Волькана? Единогласно.

Он повернул ключ и стена исчезла, а перед нами появился все тот же укутанный в иллюзию маг.

— Задайте мне такой вопрос, на который я никогда не смогу ответить «да».

Волькан побледнел:

— Простите меня.

— Это ваш вопрос? — скупое уточнил маг.

— Нет, — поспешно произнесла Нольвен. — Это мысли вслух.

Наш алхимик явно погрузился в пучину самобичевания из которой его выдернул уверенный голос Дрегарта:

— Ты сможешь сам это сделать.

Ривелен вскинулся, посмотрел на капитана дикими глазами, затем перевел взгляд на вопрошающего, который, словно издеваясь, начал обратный отсчет:

— Десять. Девять. Восемь.

— Всем молчать, отвечает Волькан, — жестко произнес Дрегарт.

— Пять. Четыре. Три.

— Ты спишь? — выпалил Ривелен и прикрыл глаза.

— Нет, — с достоинством ответил маг и исчез.

— Молодец, — Гарт положил руку на плечо Волькана. — Больше верь в себя.

— А-ага, — кивнул Ривелен и глупо улынулся. — Буду.

И мы вновь пошли вперед. Потирая замерзающие носы, мы уверенно продвигались к центру, когда перед нами вновь возникла развилка.

— У меня тот же принцип, что и у Мэль, — моя лисонька вытащила из кармана горстку мелких бусин.

— Попробуй, — сказал Дрегарт. — По идее, оно должно реагировать на силу, а не заклинание.

Но нет, барьер не пропустил бусины Нольвен. Она сердито прищурилась, гневно фыркнула и принялась отковыривать от стены снег. Слепив два снежка, она левитацией подняла их в воздух и в центр каждого поместила по неактивированному диагносту.

— А так? — сердито спросила она и отправила снежки в два коридора.

Барьер пропустил ее поделку. И уже через минуту мы знали, что справа просто снег, а слева скопление магии.

— Значит, нам налево, — кивнул Дрегат.

— А мне все-таки интересно, могли бы мы прожечь себе путь к центру лабиринта? — словно бы в пустоту спросил Фраган.

— Может и попробуем, мы здесь уже час сорок, — скупое произнес капитан.

— Час сорок?! — ахнула я.

И тут же устыдилась. Могла бы и сама за временем следить. Все-таки я не самый подготовленный человек.

Но, оглядываясь на друзей, я поняла, что и для них слова Дрегарта стали неожиданностью.

— Вы заметили, что коридор сужается? — обеспокоенно спросил Волькан.

И, будто стены только этого и ждали, коридор начал сужаться с удвоенной скоростью.

— Бегом! — скомандовал Дрегат и мы рванули вперед.

В очередную комнату с заданием мы влетели со скоростью гоночного платана. И Нольвен, отдуваясь, проворчала:

— Одно радует — потолка нет.

Я посмотрела на ясное небо и кивнула:

— А то, чего нет, опуститься и раздавить не может.

— Девочки, это, кажется, по вашей части, — позвал нас Фраган.

В центре комнаты находился постамент, на котором лежало сердце. Не то, плюшевое, которое продают на ярмарке. А нормальное такое, сердце, вены и сосуды которого уходили куда-то в постамент.

Больше в комнате не было ничего. Закрылся даже тот проход, из которого мы сюда пришли. Прибежали, если быть точной.

— Та-ак, — протянула Нольвен. — И что с ним делать?

— Для начала, надо выяснить, что с ним не так, — я запустила в сердце диагноста.

— С ним? — оторопел Волькан. — По-моему, с ним все не так.

— Хм, здоровое сердце, — я прислушалась к отклику диагноста. — Наполнено тем же, чем и сосуды в кристалле-имитаторе. Вообще, это, получается, почти полноценный имитатор человеческого сердца. Единственный минус, нет биения.

— Так может это ответ? — предположила Нольвен.

В четыре руки мы заставили сердце биться.

— Если бы я знал хоть какую-нибудь молитву, — выразительно произнес Фраган, — я бы начал молиться.

От сердца по постаменту и по всей поверхности стен и пола пошли тонкие красно-фиолетовые нити-сосуды.

— Оно вытягивает из меня силу, — с отвращением произнесла Нольвен.

— Из меня тоже, — я поморщилась. — Продолжаем. Чем-то же это должно закончиться?

Сосуды становились все толще и толще и, наконец, когда мы с Нольвен уже почти отчаялись, на одной из стен появились контуры арки-прохода.

— Еще немного, — подбодрил нас Дрегат. — В арке постепенно тает снег.

Сил почти не оставалось, гырбово сердце втягивало магию с ужасающей скоростью.

— Гарт, мне кажется, что как только девчонки перестанут качать эту жуть, проход закроется, — тихо сказал Фраган.

— Ускоримся и внесем их на себе, — отозвался Дрегат. — Волькан, вперед.

— Подожди, — хриловато выдохнула я, и тут же поправилась, — то есть да, Волькан вперед. Где арка?

— Точно у тебя за спиной, — сосредоточенно ответила Нольвен, стоявшая напротив меня.

— Тогда идите вперед. Все.

— А ты?

— И я.

Нас хорошо учили. И я не просто так была лучшей ученицей Сагертской Целительской Академии. Я могла поддерживать сердечный ритм, не прикасаясь к телу пациента. И сейчас, оставшись с этим

чудовищным подобием кристалла-имитатора наедине, я планировала сделать тоже самое.

Не отрывая взгляда от багрового, переполненного силой сердца, я осторожно подняла руки. Так, контакт сохраняется. Шаг назад. Еще один. Еще. Ах ты ж, связь начала пульсировать, дергаться. Вот-вот порвется!

«Ну уж нет», я прикусила губу и осторожно увеличила поток силы.

Еще шаг, еще. Хаос, комната казалась такой маленькой! Но связь еще сохраняется, хоть сила и расходуетя неравномерно. Я смогу. Я справлюсь. Я... Что это?! Проход закрыт? Я во что-то уперлась спиной!

— Ты молодец, — выдохнул мне на ухо Дрегарт. — Ты молодец.

Я прикрыла глаза и разорвала связь с сердцем. Все. Я — молодец. Сознание на мгновение померкло и тут же прояснилось — спасибо какому-то вонючему алхимическому ингредиенту и Волькану.

— По стимулятору и вперед, — криво улыбнулась белая Нольвен. — И дай сюда свое лицо, я тебе губу залечу.

— Губу? — я подняла руку к лицу и, потрогав рот, посмотрела на пальцы. — Ого, когда это я так?

— Не знаю, ты же спиной вперед шла, — моя лисонька пожала плечами.

Несколько пассов и Нольвен кивает:

— Вот и все.

После комнаты с имитатором сердца на меня навалилась какая-то отупляющая усталость. Я просто шла туда же куда и все, замирала, когда Дрегарт отдавал приказ остановиться и совсем не разобралась, что же сделал Волькан, чтобы определить, в какую сторону нам идти. И только нервно хмыкнула, когда перед нами вновь появился перекрытый снежинкой проход.

— Отвечай на вопрос или выбирай другой проход.

— И каков же будет ваш вопрос? — с прищуром спросил Фраган.

— Что в огне не горит и в воде не тонет?

— Ну, что не тонет в воде я знаю... — задумчиво протянул Гильдас, но его перебила Нольвен:

— Лёд. Детская загадка.

— Хотите посложней? — заинтересовался маг и лисонька тут же:

— Нет-нет. Это было запредельно сложно!

Маг исчез с невнятным смешком и мы вновь шагнули вперед. Хотя меня больше всего интересовал вопрос, когда все это законч... Ого? Коридор стал куда шире. Я обернулась назад и увидела, что этот коридор такой широкий потому что он, как полноводная река, вмещающая в себя три впадающих ручья, состоял из трех слившихся воедино проходов.

— Здесь соединяются три коридора, — ахнула я. — Финишная прямая!

А Нольвен, чутко прислушавшись, махнула направо:

— Там голоса!

— Бегом! — рявкнул Дрегарт.

И мы понеслись вперед. Оскользываясь и успевая вовремя подхватить друг друга, мы летели так, как будто от этого зависели наши жизни!

Но вместо свободного прохода к центру, нас встретил все тот же вопрошающий маг. А когда я обернулась, то увидела команду стихийников, несущихся к нам на всех парах.

— На каком дереве могут быть яйца? — в этот раз он обошелся без привычной уже фразы.

— На любом! — рявкнул Фраган и разжег на кончиках пальцев пламя. Кажется, он собирался прорываться боем.

— Верно, — спокойно произнес маг. — Желаете аргу...

— Нет! — это мы выдали хором.

И шагнули вперед, сквозь истаявшую преграду. Вокруг нас взметнулся снег, и я еще успела услышать начало загадки для команды стихийников. Что-то там про шестерых сестер.

Снежный вихрь стих и мы оказались в заполненном пуфами шатре.

— Здесь никого нет, — тихо сказала Нольвен и села на ближайший пуф. — Значит ли это, что пора радостно кричать?

Я тоже опустилась на мягкий пуф и привалилась к плечу Дрегарта, который подтащил к моему пуфику еще один и сел рядом. Он притянул меня в свои объятия и разумно произнес:

— Скоро узнаем. Команда стихийников дышала нам в спину. Так то они будут здесь с минуты на минуту.

— И только у меня все еще остается один глупый вопрос, — вздохнул Волькан. — На деревьях ведь не растут яйца?

— Гнезда, — зевнула лисонька.

— Ох, — наш алхимик прикрыл глаза, — я устал настолько, что отупел.

В этот момент в центре шатра взметнулась снежная взвесь и... Команда целителей?

— Стихийники еще не ответили на вопрос, — хмыкнула Тревёр и сняла с лица маску. — В этом году кубок достается Военной Академии. А все из-за придурка Тенеана, который еще и слился с турнира.

— Ты прошла весь снежный путь, — возразила я, — неужели ты не заметила, что никто не смог остаться в стороне.

Валика только пожала плечами и опустила на пуф:

— Я мечтала об этом турнире, а все в итоге обернулось пшиком. И сейчас нам предстоит бороться за второе место.

— Но разве тебя это беспокоит? — с интересом спросила Нольвен.

— Как Валику Тревёр — да, как часть команды — нет, — спокойно ответила она и прикрыла глаза.

Через пять минут снежный вихрь перенес к нам команду стихийников. Очень, очень злую команду стихийников. А я, глядя на взбешенную Лиоссию, невольно поставила себя на их место. Если бы Фраган ответил неправильно или если бы крепко задумался... И мы, стоящие перед финишной чертой, посмотрели бы как вперед уходят другие.

Поежившись, я отбросила в сторону глупые мысли. Все. Мы — победили. Теперь можно осаждать профессора Бальвине. Конечно, мы не будем саботировать третий этап. Но организаторам уже пора гравировать кубок, а значит мы можем посвятить свое время учебе!

— Мэль, — зашипела Нольвен.

И я, вынырнув из своих мыслей, перевела взгляд на мага, который что-то нам вещал:

— ...и в заключение хочу сказать, что сейчас для вас будут открыты порталы. Второй этап турнира, как и первый, завершается праздником в кругу родных!

«Что ж, надеюсь, мне потом расскажут, о чем он там говорил. И кто это вообще был», подумала я и поднялась на ноги.

Выйдя из портала, я быстро осмотрелась. Но нет, в этот раз никакие неприятные сюрпризы нас не подж...

— Мама!

Тонкий, полный недоверчивого счастья голос Нольвен разнесся на весь зал. Я резко повернулась и увидела квэнни Лавант. Бледную, опирающуюся на трость, но — живую. Рядом с ней стоял алвориг Лавант. А через половину мгновения там оказалась и Нольвен. Нет, она не бросилась маме на шею, что вы. Она просто подскочила и очень осторожно, очень трепетно обняла своего самого родного на свете человека.

— Идрис запретила что-либо говорить дочери, — ко мне незаметно подкралась Мера. — Позавчера ей ввели первую дозу вашего забористого яда и не менее забористого противоядия.

— Первую дозу? — переспросила я.

— Все лечение растянется на несколько месяцев. Тогда не пострадают сосуды и внутренние органы, — вместо Меры ответил Нейтан. — Проклятие вьелось слишком глубоко, стало частью организма квэнни Лавант. Поэтому выводить его придется постепенно.

— Ничего, — улыбнулась я. — Главное, что выведется.

— Это верно, — согласилась Меровиг.

Со спины ко мне подошел Дрегарт и протянул бокал с игристым вином. Меровиг улыбнулась, и, подмигнув нам, растворилась среди гостей.

— Обрати внимание на Волькана, — прошептал Гарт. — Уже не отверженное дитя, а «перспективный сын».

Я осторожно скосила взгляд в сторону и увидела счастливого до одурения алхимика. Что ж, он мечтал заслужить одобрение главы рода. Надеюсь, он не будет огорчен.

— Грустно, когда детей любят за что-то, а не просто так, — тихо сказала я.

— Грустно, — согласился Дрегарт и добавил, — но, зато, мы с тобой уже знаем как не надо делать.

Отойдя к накрытым столам, мы воздали должное угощению. А через пару минут к нам подошла Нольвен.

— Мама вернулась в дом исцеления, — пояснила она. — Ей велено находиться под присмотром профессора Эльраваран. Ой, ректор. Здравствуйте.

Обернувшись, я увидела подошедшего к нам алворига Аделмера.

— Академия гордится вами, — усмехнулся он. — А я горжусь таким дальновидным собой. Одно меня печалит — сегодня про дисциплину забудут даже самые ответственные студенты.

— Зато завтра будет кому расчищать снег в академическом парке, — хмыкнула я.

— Жестоко, — оценил ректор, — но действительно. Никогда не думали заняться преподаванием?

— Я все же рассчитываю стать целителем, — улыбнулась я.

— Разумеется, — кивнул ректор. — Мы приглашаем к сотрудничеству только исключительных специалистов. Так что, кто знает, может, лет через десять вы войдете в аудиторию уже как профессор Катуаллон. Развлекайтесь, а мне еще кое-кого надо поймать.

— Целитель Катуаллон тоже хорошо звучит, — задумчиво произнесла я.

— Очень хорошо, — согласился Дрегарт. — О, наш угол весьма популярен.

Как-то так вышло, что наша команда, разошедшаяся по углам, вновь собралась воедино. Стоя чуть в стороне, мы наблюдали за праздником и тихо переговаривались.

— Отец в гневе, — негромко сказал Волькан. — Он решил смилостивиться и позволить мне заниматься алхимией. Сказал, что к окончанию военки отстроит на своей земле лабораторию. А я отказался.

А я как раз в этот момент сделала глоток шампанского и в итоге чуть не подавилась:

— Почему?

— Я понял, что не хочу *производить* уже известные составы в промышленных масштабах, — скупно бросил Волькан. — Я хочу заниматься исследованиями, двигать науку, делать открытия. Да, мне придется делать что-то на продажу, но... Я ждал и верил долгих пять лет. Сейчас мне уже ничего не нужно, я всего добыю сам. Уже добился.

— Ты молодец, — уверенно сказала Нольвен. — Алвориг Ривелен наверняка одумается.

— Да, — кивнул Волькан. — Это я тоже понял. Просто у него на это уходит много времени.

— А вы заметили, как все хорошо сошлось? — Нольвен качнула бокалом, — мы выиграла турнир, создали лекарство для моей мамы, у Волькана все, опять же, где-то как-то образовалось.

— Лилей теперь официально под патронатом алворига Нортренора, — напомнила я. — С сильнейшим ритуалистом Кальстора никто не рискнет связываться.

— Да, — кивнула Нольвен и повернулась к Фрагану, — но, вообще, я веду к тому, что теперь мы ждем хороших вестей от тебя. Про Вайрин я уже знаю — все обвинения с нее соскользнули, но и в Академию она не вернется, престарелый муж не позволил.

Гильдас криво улыбнулся, допил свое шампанское и покачал головой:

— Тут их не будет. Отец, конечно, сменил гнев на милость, но Филу светит десять лет в каменоломнях. Тут и убийство, и менталистика.

— Десять лет это не много, — серьезно сказала Нольвен. — Зелья, артефакты, хорошее питание. А после переезд в Срединную Империю.

— Тоже верно, — согласился Фраган. — тоже верно. Я за шампанским, кому-нибудь принести?

— Я с тобой, — улыбнулась Нольвен, — а то тебе рук не хватит.

— А может попросим кого-нибудь собрать нам корзинку с едой и рванем куда-нибудь, где посидеть можно? — предложила я. — Тяжело стоять.

— Я все устрою, — сказал Дрегарт.

И минут через пятнадцать мы уже накрывали стол в гостиной Меры. Сама она предпочла остаться на празднике.

— Так, всем полчаса на переодеться, — объявила Нольвен. — Форма хороша для снежного лабиринта, но не для теплой гостиной.

Разбежавшись по углам, через некоторое время мы собрались заново. Волькан, наш добрый алхимик, не поленился забрать Лилея с Синей из Академии. Мы с Нольвен дали ему зачарованный ключ, чтобы он смог пройти в нашу в комнату.

— Я тут это, — Фраган, чуть смутившись, поставил на стол плетеную корзину, — матушка моя передала. Пирог с мясом и шесть бутылок крепленого вина.

В общем, стоит ли удивляться тому, что поздним вечером над Кальстором грохнул роскошный фейерверк? Особенно учитывая, что моя добрая и жалостливая лисонька смешала сахар, порошок Мильтарры и крепленое вино?

Мы стояли на улице, жмурились, смотрели на залитое огнями небо и неспешно потягивали вино. И пусть мы все были в легкой нарядной одежде, мороз нас совсем не беспокоил.

— За наши мечты и их исполнение, — Нольвен подняла бокал.

— Нет ничего невозможного, — согласилась я.

Зазвенел тонкий хрусталь, а Лилей, взлетев на мое плечо, запустил в вино прозрачный корешок. Что ж, с друзьями надо делиться. Интересно, Синяя не выставит его из горшка?

Эпилог

Я ждала этого дня все последние месяцы. Думала об этом дне, когда готовилась к третьему этапу. Мечтала об этом дне, когда наша заняла команда третье место на третьем этапе. Предвкушала этот день, когда нам вручили кубок с нашими именами, который мы передали ректору Аделмеру.

И вот этот день настал, а я... Напугана?

Квэнни Татрия сделала мне роскошный подарок — изумительное свадебное платье, цвета свежеснеженного снега. Тончайший многослойный шелк, нежная вышивка и крохотные капельки жемчуга.

Но, что гораздо приятней, сейчас мою голову украшал венец, с закрепленным на нем Облаком Невесты. Имперская фата была лишь жалким подобием этой удивительной ткани, что была легче воздуха!

Все, что меня смущало, это отсутствие точной информации.

Мне предстоит взойти на костер. И эта мысль несколько пугает, если честно. Увы, но одна из традиций Сагерта — не обсуждать свадебные ритуалы. Мы не говорим о концентраторах, мы не говорим о свадебных ритуалах. Я знаю, что Дрегарт сам, лично, сколотил невысокий помост и сложил под ним огромную поленницу дров. Дров, пропитанных горючей смесью — я сама ее варила! Но что дальше? Неужели на нашей свадьбе нам придется показать всю мощь своих заклинаний? Неизвестно...

Как сказала бабушка: «Полностью еще никто не сгорал». И я не могу сказать, что меня утешили эти слова. Ожоги это грустно.

Подумав об ожогах, я с трудом подавила тяжелый вздох. Перед третьим этапом Дрегарт слег. Просто однажды утром он не пришел на завтрак, потом не появился на занятиях. Мы забили тревогу и узнали, что он в целительском крыле.

Меня даже пытались не пустить к нему, но ха! Их жалкий защитный контур не устоял перед усилиями турнирной команды и Лилея с Синей. Мы прорвались в палату и, пока ребята держали оборону, я сняла с любимого ментальный перегруз. После чего выслушала от целительницы много новых, грязных слов. По ее мнению, Дрегарт должен был справиться с этим сам. Конец прениям

положил сам Гарт. Он поцеловал кончики моих пальцев и напомнил целительнице, что в его документах ясно написано — доверенное лицо Маэлин Конлет. И если он, Дрегарт Катуаллон, находится без сознания, то что делать с трупом решает именно указанная Маэлин Конлет. От такого доверия хотелось плакать, но я сдержалась.

Увы, никто не нашел способа снять ожог с ауры Дрегарта. Тут поможет только прямое вмешательство высших сил. И сегодня я собираюсь просить Отца-Хаоса о милости. Вернее, я просила его об этом все время, начиная с завершения второго этапа, но именно сегодня я смогу увидеть жреца Хаоса. Собственно, я еще и поэтому нервничаю. У меня заготовлена речь, аргументы и убойное проклятье. Мне плевать, будет ли мой муж Хранителем Мудрости, но мне не плевать будет ли мой муж здоров! И нет, другого мужа не предлагать.

— Пора, — в комнату вошла Нольвен.

Моя лисонька была в тяжелом бархатном платье, чей изумрудно-зеленый цвет идеально подходил к ее рыжим локонам. И она тоже была бледна.

— Я пыталась продавить защиту, чтобы посмотреть что там будет происходить, — она наморщила нос. — Но не смогла. Меровиг постаралась с контуром. Так что, помни о друзьях и гори быстрее, ладно?

Я поперхнулась смешком и клятвенно пообещала, что сделаю все, от меня зависящее.

После того приступа, Хранитель Теней убедил Дрегарта съехать из общежития в замок Хранителя Мудрости. И я, как целитель, могу с уверенностью сказать, что это было правильное решение. От диагноста к диагносту состояние моего будущего мужа выравнивалось, хоть ожог и оставался на прежнем месте.

А веду я это все к тому, что наш костер сложен на замковом дворе, а не в пригороде Кальстора. И сейчас мне предстоит пройти через ползамка и не заблудиться! И пусть вся наша турнирная команда проводит здесь все выходные, я все еще плохо ориентируюсь в этих каменных хитросплетениях.

— Дальше сама, — шепнула Нольвен, когда носок моей туфельки коснулся золотой ковровой дорожки.

Подруга открыла портал и исчезла. Я же, стиснув кулаки, направилась вперед. День свадьбы — один из самых счастливых дней

в жизни женщины. И я прокляну любого, кто будет стоять между мной и приятными воспоминаниями!

«Главное, чтобы не пришлось проклинать саму себя», подумала я.

Глубоко задумавшись, я едва не врезалась в высокого и массивного мужчину. На мгновение я перепутала его с бойцом Хранителя Теней! Но нет, он был не в их форме, а в текучей черной мантии с глубоким капюшоном.

Жрец Хаоса! Мои руки сделали непровольное хватательное движение, но он ловко уклонился.

— Квэнти Маэлин Конлет, — прогудел жрец. — За последние несколько месяцев от тебя столько шума.

— Каждый имеет право возвать к Отцу-Хаосу, — я порядком струхнула, но постаралась этого не показывать.

— Но не каждый умудряется докричаться, — хмыкнул жрец Хаоса. — Ты зря беспокоила Отца.

— Зря? Но...

Кто как не Дрегарт достоин исцеления?!

— По доброй ли воле ты, Маэлин Конлет, вступаешь в брак с Дрегартом Катуаллоном, Хранителем Мудрости, третьим королем Сагерта и Повелителем Огня?

— Да, — уверенно сказала я. — Но я хочу чтобы...

— Доверяешь ли ты мужчине, что станет твоим мужем? — гнул свою линию жрец.

— Абсолютно, — кивнула я. — Послушайте, я готова отдать...

— Хочешь ли ты провести с ним всю жизнь и стать той, кто не позволит душе Хранителя Мудрости потеряться на равнине Хаоса?

— Да.

Жреца никак не получалось втянуть в разговор. Он делал вид, что не слышит меня. Но я же не для себя!

— Высшие силы ждали его рождения тридцать лет, — хмыкнул жрец Хаоса, явно подслушав мои панические мысли. — Думаешь, ему позволят соскочить?

Он растаял в воздухе, не оставив после себя и следа. А я, успокоенная и немного пристыженная, распахнула двустворчатые двери. И остолбенела.

Золотая дорожка вела меня прямо в огромный, ревущий костер! И пламя его вздымалось до самых небес. Нет, я знала, что у меня

получилась хорошая горючая смесь, но...

«Что-то я не подумала, надо было меньше гарь-травы класть», промелькнуло у меня в голове.

Порыв ветра заставил Облако Невесты взметнуться вокруг. И это придало решимости. Я — Маэлин Конлет, практически Маэлин Катуаллон! И никакое пламя не испугает меня.

— И сколько шагов ты сделаешь, Маэлин практически Катуаллон?

Рядом со мной вновь оказался жрец Хаоса. Он слегка улыбался, перебирал в пальцах агатовые четки и был абсолютно расслаблен.

— Столько, сколько нужно, — уверенно ответила я.

— В этом столетии Хранителям как-то особенно везет, — задумчиво произнес жрец. — Помните, Отец-Хаос везде и нигде. Он слышит и не слышит, Маэлин практически Катуаллон.

А я, оставив жреца за спиной, уверенно направилась к границе, за которой бесновалось пламя. И в голове сами собой всплыли давно сказанные слова. Я обещала следовать за Дрегартом. И я не отступлюсь от своих слов.

— Следую за тобой, — четко произнесла я и шагнула в пламя.

Первым вспыхнуло Облако Невесты. По нему огонь перекинулся на мои волосы, плечи, а после пламя стекло по корсету вниз, к подолу.

Я вдыхала жаркий, сухой воздух и шла вперед, не позволяя себе оглядываться, не позволяя себе медлить и размышлять. Мне не страшно. Не страшно.

«И не больно», вдруг осознала я.

Опустив взгляд вниз, я увидела, что пламя, охватившее меня, все еще на месте, оно никуда не исчезло, но... Но оно скорее ластится ко мне. Жметесь ближе, алчет моего внимания.

Я так засмотрелась на танцующее пламя, что оступилась. Но сильные, надежные руки не позволили мне упасть.

— А вот и ты, любовь моя, — шепнул Дрегарт. — Мы ровно в центре костра.

Я подняла на него глаза и, рассмотрев его лицо, вскрикнула:

— Что с тобой?

— А что со мной? — оторопел он. — Приоделся по случаю праздника. Грегор обещал, что тебе понравится. Так плохо?

Я подняла руку и коснулась насыщенно фиолетового узора, вольготно разместившегося на его виске:

— У тебя проявился узор.

— К костру меня сопровождал жрец Хаоса, — Дрегарт притиснул меня к себе. — И сказал, что я обязан вскружить своей жене голову так, чтобы она на ближайшие годы забыла о том, как правильно возносить мольбы Отцу-Хаосу.

Смутившись, я прижалась лицом к груди любимого и проворчала:

— Не так часто я его и тревожила. Просто составила график и...

Дрегарт захохотал:

— Я люблю тебя. Больше всего на свете, Мэль. Ты и только ты навсегда в моей жизни. Я — для тебя.

Порыв ветра и рядом с нами, в центре ревущего пламени, вновь появляется жрец Хаоса.

— Вы доказали Отцу-Хаосу, что достойны его внимания. Маэлин Конлет, здесь и сейчас ты еще можешь отказаться от связи душ, что станет неразрывной.

Пламя избегало прикасаться к жрецу. И я могла понять почему — от него веяло морозом, полынной горечью и легким безумием. И сейчас, в центре ритуального костра, это ощущалось особенно сильно.

— Нет, — я крепче прижалась к Дрегарту и, для надежности, обхватила его руками.

— Дрегарт Катуаллон, Повелитель Огня, Великий Лорд Северных Земель, Хранитель мудрости. Ты не можешь отступить, но ты можешь просить об этом свою невесту.

А я, услышав полный титул Дрегарта, впала в проstration. Как-то я не соотносила Дрегарта с этими жуткими пафосными словами.

— Нет, — уверенно отказался Дрегарт и добавил, — она же меня закопает.

Поперхнувшись смешком, я ущипнула его за бок:

— Не превращай нашу свадьбу в балаган.

Жрец Хаоса фыркнул и, проглотив смешок, произнес:

— Соедините руки. Правую и левую.

Он даже не успел положить ладони на наши сплетенные пальцы, как я ощутила слабое колдовское покалывание.

— Отец-Хаос благословил ваш союз, — без удивления констатировал жрец.

На наших с Дрегартом руках появился золотистый растительный узор. Растительный узор, подозрительно напоминающий хаотическое

плетение разросшихся на дикой магии Лилея и Синей.

— Символично, — улыбнулся Дрегарт.

— Лилей будет горд, — кивнула я.

— Эта красота пропадет, — кашлянул мой теперь уже муж. —
Когда мы подтвердим брак.

— Хм, — я задумчиво посмотрела на рисунок, — с этим можно и
повременить. Ну, просто чтобы успеть зарисовать узор и...

Рокочущий хохот жреца Хаоса заставил меня замолчать и даже
немного смутиться. Но мягкая улыбка на губах любимого вернула
уверенность в мою душу. Ну и пусть иногда я говорю глупости. Есть
человек, который любит меня любой!

— Целуйтесь, — отсмеявшись велел он. — Отец-Хаоса любит
веселье. Я чувствую, что сегодня вы его особенно порадовали.

Целоваться в центре яростного пламени? Нет, это не про нас. Мы
слились в поцелуе в центре мягкого, ласкового и любопытного огня.
Впереди у нас взлеты и мягкие приземления, чудесные открытия и
мелкие неудачи. Впереди у нас целая жизнь! Жизнь, которую мы
проведем в гармонии и счастье.

Конец

Многие другие книги вы найдете в телеграм-канале «**Цокольный
этаж**»:

<https://t.me/groundfloor>

Нравится книга?

Давайте кинем автору награду на АТ. Хотя бы 10–20 рублей...